★ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР ★

Вадим КОЖИНОВ

Великая война России

ПОЧЕМУ НЕПОБЕДИМ РУССКИЙ НАРОД?

★ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР ★

ВАДИМ КОЖИНОВ

Великая ★ война России

ПОЧЕМУ НЕПОБЕДИМ РУССКИЙ НАРОД?

★

ЭКСМО
МОСКВА
2010

ДУЭЛЬ

УДК 94(47)
ББК 63.3(0)62
К 58

Оформление серии *С. Курбатова*

Кожинов В.
К 58 Великая война России. Почему непобедим русский народ? / Вадим Кожинов. — М. : Эксмо, 2010. — 544 с. — (Военно-исторический бестселлер).

ISBN 978-5-699-41237-2

Великая Отечественная война не закончилась в 1945 году. Война продолжается до сих пор — не в окопах, а на «идеологическом фронте», за умы и сердца людей. Враги и ненавистники России (как внешние, так и внутренние) хотят переиграть итоги Второй Мировой, взяв реванш хотя бы задним числом. У нас пытаются отнять Великую Победу. За этим стоит очевидный геополитический заказ — лишив русский народ гордости за свое прошлое, опорочив или вовсе вычеркнув из памяти самую славную страницу отечественной истории, духовные наследники гитлеровцев убирают последние препятствия на пути нового мирового порядка. И если мы хотим сохраниться как страна и нация — мы обязаны вступиться за дедовскую славу, отстоять память о Победе. Потому что восстановить Россию как великую державу можно, лишь вернув себе национальную гордость и веру в героическое прошлое нашей Родины. А лучшим противоядием от «ревизионистской» лжи станет эта книга, в которой собраны все работы ведущего историка и публициста патриотических сил, посвященные Великой Отечественной войне.

УДК 94(47)
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-699-41237-2

© Кожинов В. В. Наследники, 2010
© ООО «Издательство «Яуза», 2010
© ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ОТКРЫТИЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Тут русские дрались как звери,
Как ангелы!..

Ф. Глинка, 1839

Книга, которую вы держите в руках, достаточно полно представляет оригинальный взгляд выдающегося русского мыслителя, историософа и литературоведа Вадима Валерьяновича Кожинова (1930—2001) на ту войну, 60-летие Победы в которой мы собираемся отмечать через полгода — на Вторую мировую войну — и на духовные основания всего тысячелетия русских войн.

Сегодня в мире идет схватка, настоящая новая война за Победу в той, казалось бы, далекой и навсегда ушедшей в прошлое Второй мировой войне.

Война ныне идет прежде всего за смысл и значение войны.

Именно поэтому в сознание населения всего мира в последние годы вбрасывается множество самых разных интерпретаций ее итогов. Основные усилия при этом направлены на развенчивание нашей российско-советской Победы в той Великой войне. За этим стоит очевидный геополитический заказ, поскольку дискредитация нашей Победы ведет к дискредитации Ялтинского мирового порядка и убирает последние препятствия на пути организации нового мирового порядка без России.

К сожалению, население СССР в конце 80-х годов оказалось неготовым к атаке на священную для нас войну. Огромный вред здесь нанесла и историческая наука СССР. Наиболее сильные ее представители были либо идеологизированы, либо посчитали недостойным для себя активно участвовать в публицистике. И, главное, в советской исторической науке к перестройке не было сделано ни одного серьезного открытия. И мы проиграли, поскольку, как оказалось, уже почти забыли свою войну и еще не стали ее по-настоящему знать.

Именно поэтому неоценимое значение имели и имеют работы В.В. Кожинова.

Не являясь историком по профессии и по должности, Вадим Валерьянович Кожинов сумел достичь высочайшего профессионального уровня исторического мышления и познания и, более того, совершить не одно, несколько исторических открытий в той многократно описанной и, казалось бы, насквозь известной войне.

Какие же это открытия?

Во-первых, он установил, что Вторая мировая война 1939—1945 гг. не может рассматриваться независимо, как бы отдельно от Великой Отечественной войны, поскольку СССР—Россия не просто внес решающий вклад в победу во Второй мировой войне «своей» Великой Отечественной войной, но и поскольку СССР задолго до 22 июня 1941 года полноценно вступил в мировую войну и стал в итоге главным победителем в ней.

Рассматривая отечественную историю конца 30-х и первой половины 40-х годов прошлого века в самом широком — всемирном — контексте, Вадим Валерьянович фактически вводит новое понятие и имя нашей мировой войне — Великая война.

Во-вторых, В.В. Кожинов показал, что Вторая мировая война была в своей основе войной между всей континентальной Европой, которую возглавляла Германия, и СССР—Россией. Европа при этом не просто «работала» на Германию, но выступила в той войне единой новой европейской империей, осуществлявшей через агрессию германского нацизма единый геополитический «Натиск на Восток» объединенной Европы.

В-третьих, из работ В.В. Кожинова однозначно следует, что любые идеологические трактовки Великой войны являются поверхностными, что на деле та война в первую очередь была войной не «коммунизма» с «фашизмом», не «большевизма» с «нацизмом», не двух неразличимых в сущности «тоталитарных государств», а священной войной «называемого Россией мира» за спасение уникальной российской цивилизации и, в ее лице, высших ценностей Всемирной Истории. И именно поэтому та Великая война, как показывает В.В. Кожинов, была для

русских не предметом идеологии и политологии, а вопросом жизни и смерти.

В-четвертых, В.В. Кожинов показывает, что возникший после победы России во Второй мировой войне «Ялтинский мир» стал возможен исключительно благодаря победоносной мощи СССР—России и вопреки желаниям «союзников» в лице прежде всего США и Великобритании.

В-пятых, В.В. Кожинов вскрывает несерьезность любых рассуждений о том, что успешный натиск немецких войск первые два года после 22 июня 1941 года определялся «внезапностью», «неожиданностью» их нападения на нашу страну или «злой волей» и «бездарностью» тогдашнего политического и военного руководства СССР. В 1941—1942 гг. враг действительно был сильней, и сила его определялась, с одной стороны, наличием мощной геополитической воли Германии—Европы и, с другой стороны, колебаниями Сталина, руководства СССР и по существу всего населения страны между двумя взаимоисключающими «линиями»: революционно-партийной, классовой — и собственно государственнической и геополитической.

В-шестых, В.В. Кожинов обнаруживает, что истинными творцами военной победы России в Великой войне стали не известные герои Гражданской войны, а профессиональные русские военные: по линии теории — выдающиеся военачальники Первой мировой войны, а по линии практики — офицеры, успевшие поучаствовать в Первой мировой войне и начавшие в ней свой боевой путь с рядовых.

В-седьмых, В.В. Кожинов восстанавливает великий смысл противоборства советских и германских войск подо Ржевом, которое нередко представляется в качестве бессмысленного противостояния. Подробным анализом реальных обстоятельств тяжелейших боев 1942-го и начала 1943 года подо Ржевом он раскрывает нам их смысл, а также истинный ход всей Великой войны: немцы здесь дрались под лозунгом «Ржев — ворота Берлина», и, когда они наконец приняли решение отступать, то это стало сознанием безнадежности сопротивления, неизбежности своего поражения, что означало одно: они сдались и открыли нам дорогу на Берлин.

Наконец, Вадим Валерьянович Кожинов убедительно показал, что Победа СССР в Великой войне над лучшей в

истории (по определению Г.К. Жукова) армией была предопределена, поскольку со стороны СССР воевал «называющийся Россией мир», который не захотел идти под власть чуждого ему европейско-германского мира.

В основе этого мира «России» лежит христианский принцип уникальности и незаменимости личности каждого человека, каждого народа, каждой цивилизации. Реализация именно этого принципа позволяет русско-российско-советскому миру побеждать, не унижая никого на земле, даже злейшего врага.

Этот мир с полным основанием можно считать русским, поскольку, по мнению В.В. Кожинова, та война доказала, что русские — это понятие не этническое, а мирополитическое и континентальное, евразийское, и что оно объединяет в себе русских, казахов, евреев, украинцев, белорусов — все без исключения евразийские народы России.

Центром этого мира стала Москва, и поэтому для русских в широком смысле, для русских как сверхэтноса была абсолютно очевидной невозможность, немыслимость сдачи Москвы врагу, поскольку, цитирует В.В. Кожинов Елену Ржевскую, «падение Москвы — это конец света, а не факт войны».

Здесь, под Москвой, русские обрели, как пишет В.В. Кожинов, сверхсилу, когда каждый стал драться и принимать решения «не спросясь, на свой страх и риск, как Бог на душу положит» (Е. Ржевская), и именно эта сверхсила и сделала для нас ту геополитическую войну войной за недопущение конца света, религиозной священной войной, что и позволило в итоге русским стать истинными и главными победителями во Второй мировой войне.

Основой победы явилось наше превосходство над врагом, которое не было собственно военным, а «превосходством самого мира, в который вторгся враг».

Нет сегодня ничего более важного, чем подлинные знания про нашу Победу в Великой войне. Только осознав реальный смысл той войны, мы сможем восстановить Россию как мировую державу.

Перед вами книга открытий. Счастливого пути!

Юрий Крупнов,
председатель общественного движения «Партия России»

ИСТИННЫЙ СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1939-1945 Г.

ВОЙНА И ГЕОПОЛИТИКА

Датировка войны в названии этой части моего сочинения может несколько смутить, ибо в сознании большинства людей война датируется 1941—1945 годами. Вполне естественно, что Великая Отечественная война как бы заслонила собой предшествующий период. Тем не менее участие СССР в войне началось уже в 1939 году на тогдашних территориях Польши и — в гораздо больших масштабах — Финляндии. Александр Твардовский в написанном в 1943 году стихотворении назовет финскую войну «незнаменитой», но она все же, увы, имела место. И нельзя полноценно понять войну 1941—1945 годов без понимания того, что происходило начиная с 1939 года и называется в целом Второй мировой войной.

Не умаляя достоинств многих книг и статей об этой войне, приходится все же сказать, что господствующие представления о ней страдают поверхностностью, то есть, в конечном счете, не являются истинными. Делу мешает в особенности *идеологизированность* сочинений о Великой войне, притом даже не столь уж важно, какая именно идеология перед нами — коммунистическая или, напротив, антикоммунистическая, широко внедрившаяся в сочинения об этой войне, публикуемые в последние годы. Толкование столь грандиозного события в свете какой-либо идеологической тенденции заведомо не дает возможности понять ее действительный смысл во всей его полноте и глубине.

Надеюсь, не вызовет спора утверждение, что эта война — одно из наиболее значительных событий Истории во всей ее целостности, кардинально изменившее само состояние мира. Так, например, едва ли можно усомниться, что последствием этой войны явилось потрясение и затем быстрое отмирание существовавшей уже более *четырех* столетий *колониальной системы,* во многом определявшей бытие Азии, Африки и Латинской Америки — хоть и не была вообще ликвидирована зависимость этих континентов от стран Западной Европы и США.

И есть все основания утверждать, что в этой войне решались именно судьбы *континентов,* а не только отдельных государств и народов, — притом судьбы в многовековом, даже тысячелетнем плане, а не в рамках отдельного исторического периода; уместно определить эту войну как событие самого глубокого и масштабного *геополитического значения.*

Понятие о геополитике получило у нас права гражданства совсем недавно. В последнем издании Большой советской энциклопедии было безоговорочно объявлено: «Геополитика — буржуазная реакционная концепция» и т. д. (т. 6, с. 316; 1917 год). Сам термин «геополитика», соединяющий древнегреческие слова «земля» и «управление государством», толкуют весьма различно. Я считаю возможным употреблять его в достаточно простом и ясном значении; речь идет о единстве определенного земного *пространства,* определенной «территории» и сложившегося на ней (существовавшего, так сказать, извечно) *государства* либо взаимосвязанной совокупности государств. Предмет геополитического мышления — это обладающие более или менее органичным единством «земли-государства», закономерно стремящиеся, в частности, к сохранению своих границ.

Наиболее крупный геополитический феномен — континент-государство, или, вернее, континент-империя. С внешней точки зрения Европа, например, представляется суммой отдельных земель-государств, однако в тысячелетней европейской истории не единожды создавалась так или иначе, в той или иной мере объединявшая континент *империя,* которая как бы существует *подспудно* и тогда, когда ее нет налицо. Об этом проникновенно писал еще полтора века назад великий поэт и мыслитель Федор Тютчев.

Кстати сказать, геополитическое мышление обычно считают чисто «западным» изобретением. Сам термин «геополитика» действительно предложил в 1916 году шведский социолог Рудольф Челлен (1864—1922), но образцы подлинно геополитического мышления содержатся в сочинениях и Тютчева, и других крупнейших русских мыслителей прошлого столетия — Петра Чаадаева (1794—1856), Николая Данилевского (1822—1885), Константина Леонтьева (1831—1891). Однако, как ни прискорбно, русская мысль в ее самых глубоких и масштабных воплощениях была фактически «отвергнута» господствующими идеологами еще задолго до революции и тем более после нее. А между тем, скажем, понимание соотношения Европы и России, выразившееся в сочинениях только что названных русских мыслителей, способно дать для постижения истинной сущности Второй мировой войны много больше, чем теоретические рассуждения о ней ее современников...

Не исключено такое опасение; стремясь к геополитическому мышлению о войне, не колеблю ли я тем самым столь дорогое миллионам русских людей понятие «Великая Отечественная война»? Не растворится ли в «глобальных» перспективах смысл самоотверженной защиты Отечества? Но на эти ве-

роятные вопросы ответит эта часть моего сочинения в ее целостности.

Поскольку война была грандиозным мировым событием, а СССР—Россия играл в этой войне существеннейшую и во многом просто главнейшую роль (превосходя в этом отношении даже свою роль в войне 1812—1814 годов), необходимо рассматривать отечественную историю данного периода в самом широком — всемирном — контексте, ибо без этого и невозможно понять ее истинный смысл. И, значит, не следует видеть нечто излишнее в характеристиках тогдашнего положения в целом ряде стран мира; в данном случае это не уход от собственно отечественной истории, а стремление осмыслить ее во всей ее полноте и глубине.

К тому же ход войны непосредственно в отечественных пределах, начиная с 22 июня 1941 года, достаточно хорошо известен многим людям, но гораздо менее ясен тот ее всемирный контекст, о котором прежде всего пойдет речь.

Наконец, положение той или иной страны — в данном случае России — в мире, ее взаимоотношения с миром наиболее глубоко и остро выявляются, обнаруживаются именно в ситуации грандиозной войны, и, осмысляя тему «Россия и мир во время Второй мировой войны», можно полнее и истиннее понять это положение и эти взаимоотношения вообще, — то есть в прошлом, настоящем и будущем. Наше, нынешнее время — это уже значительно отдаленное от войны будущее, но, как представляется, верное понимание того, что имело место более полувека назад, дает возможность вернее понять многие *сегодняшние* явления и события, — вернее, чем при, так сказать, прямом взгляде на них. Правда, для этого необходимо именно верное понимание Великой войны.

Господствующее понимание периода 1941—1945 годов как противоборства СССР и Германии и тем

более как схватки большевизма с нацизмом — по сути своей узко и поверхностно. Несостоятельность последнего толкования убедительно показана, например, в недавнем основательном исследовании О.Ю. Пленкова «Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм» (СПб., 1997). При всех своих «особенностях» нацистская Германия прямо и непосредственно продолжала то мощное устремление к *первенству* в Европе и, в известной степени, в мире вообще, которое в продолжение веков определяло путь германской нации. Основная тема книги О.Ю. Пленкова — «теория» и «практика» Германии в период с 1871 года, когда заново свершилось *объединение* этой страны, которая в течение долгого времени являла собой конгломерат разнородных государственных образований (и, следовательно, 1941 год реально готовился семь десятилетий). Даже сугубо «либеральный» германский социолог Макс Вебер писал во время Первой мировой войны: «...мы, 70 млн. немцев... обязаны быть империей. Мы должны это делать, даже если боимся потерпеть поражение»[1] (!).

Корни этого германского устремления к имперскому «первенству» уходят очень далеко в глубь истории. Апелляцию нацистов к средневековой Германии чаще всего истолковывают как чисто идеологическое предприятие, как конструирование мобилизующего нацию *мифа*. Но с точки зрения геополитики проблема гораздо более существенна, чем может показаться. Ведь именно *германские* племена создали объединившую основное пространство Европы империю Карла Великого (800—814 гг.), на фундаменте которой позже, в X—XI веках, сложи-

[1] Цит. по кн.: *Пленков О.Ю.* Мифы нации против мифов демократии. Немецкая политическая традиция и нацизм. — СПб., 1997. С. 141.

лась Священная Римская империя германской нации (правда, последние два слова были добавлены в это название еще позже, в XV столетии). И именно «империя германской нации» в прямом смысле слова *создала* тысячелетие назад то, что называется *«Европой», «Западом»;* — и начала «Drang nach Osten» — геополитический «натиск на Восток». Поэтому присвоение 21 июля 1940 года плану войны против СССР—России названия «План Барбаросса» — по прозвищу императора в 1155—1190 гг. Фридриха I (Краснобородого) — не являлось чисто риторической акцией.

Главное здесь в том, что «империя германской нации» объединила Европу в определенную целостность и так или иначе правила ею в течение нескольких столетий. Могут возразить, что дело идет о слишком давнем времени, с которым Германию XX века можно связывать только теоретически. Ведь к концу Средневековья Священная Римская империя утратила свое верховное значение, и Европа предстала как совокупность отдельных более или менее замкнутых в себе земель-государств.

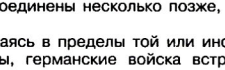
Однако, как уже сказано, историческое бытие Европы время от времени порождало *новую* империю, которая так или иначе объединяла континент. После потери «германской нацией» ее верховной имперской роли (позволительно высказать мнение, что это объяснялось «перенапряжением» национальных сил) первенство постепенно перешло к Испании, и в 1519 году ее король Карл I становится императором Священной Римской империи Карлом V и в той или иной мере заново объединяет Европу, — уже не как представитель «германской нации» (хотя он и принадлежал к имевшей германское происхождение династии Габсбургов). В «испанский» период европейская империя осуществляет мощную колониальную экспансию на другие континенты, а с конца XVI века первенство в «колонизации» мира переходит к Великобритании (она сохраняла эту свою роль до XX века, что во многом определило расстановку сил во Второй мировой войне).

Далее, на рубеже XVIII—XIX веков Европа (кроме опять-таки Великобритании) превращается в Наполеоновскую империю, также устремленную и на другие континенты. Но затем начинается упорное соперничество Франции и заново объединявшейся Германии, завершившееся сокрушительной победой последней в 1871 году; кстати сказать, для создания империй вообще типично мощное применение военной силы (время с 1871 до 1918 года, когда Германия потерпела поражение в мировой войне, — это Вторая империя, Второй рейх; с 1933-го началась очень краткая история Третьего рейха...).

1-7062/7

К концу XIX века внимательным наблюдателям стало ясно, что Германия неотвратимо стремится (и имеет серьезные основания стремиться) к первенству в Европе. Это явилось исходной причиной и Первой, и Второй мировых войн, притом уже в самом начале Второй Германия смогла действительно — и почти невероятно быстро — осуществить (пусть и ненадолго) свое устремление. Начав боевые действия в сентябре 1939 года, к июлю 1940-го она фактически «объединила» под своей эгидой всю континентальную Европу, хотя ее «окраинные» юго-восточные страны — Греция и Югославия — были присоединены несколько позже, к июню 1941 года.

Притом, вторгаясь в пределы той или иной европейской страны, германские войска встречали тогда способное изумить своей нерешительностью и слабостью сопротивление. Так, германское вторжение в Польшу началось 1 сентября 1939 года, а уже 17 сентября польское правительство покинуло страну. С Францией дело обстояло еще удивительнее: германские войска фактически начали захват

страны 5 июня 1940 года, а 14 июня они уже овладели Парижем, — между тем как в Первую мировую войну Германия целых четыре *года* тщетно пыталась сделать это...

Начало германского овладения Европой получило во Франции название «странная война» (drote de guerre), в Германии — «сидячая война» (Sitzkrieg), в США — «мнимая» или «призрачная» (phoney war). И, строго говоря, *реальная* война — о чем еще будет речь — началась лишь 22 июня 1941 года... Кратковременные схватки вооруженных сил той или иной европейской страны с перешедшими ее границу германскими войсками являли собой скорее формальное соблюдение извечного «обычая» (нельзя же, мол, попросту впустить в свою страну чужую военную силу!), нежели действительную войну с врагом.

Очень много написано о последующем европейском «движении Сопротивления», наносившем будто бы громадный ущерб Германии, а кроме того (и это, пожалуй, главное), свидетельствующем, что Европа-де наотрез отвергала свое объединение под германским главенством.

Но масштабы Сопротивления — исключая разве только тогдашние события в Югославии, Албании и Греции — весьма сильно преувеличены в идеологических целях. Нет сомнения, что режим, устанавливаемый Германией, вызывал решительный протест тех или иных общественных сил в европейских странах. Однако сопротивление режиму имело место ведь и *внутри* Германии, в самых различных слоях ее населения — от потомков германской аристократии до рабочих-коммунистов, но оно, вполне понятно, ни в коей мере не являло собой сопротивление *страны* и *нации* в целом. И, при всех возможных оговорках, то же самое уместно сказать, к примеру, о Сопротивлении во Франции. Вот выразительное сопоставление: согласно известному скрупулезному исследованию Б.Ц. Урланиса о людских потерях в войнах, в движении Сопротивления за пять лет погибли 20 тысяч (из 40 миллионов) французов, однако за то же время погибли от 40 до 50 тысяч (то есть в 2—2,5 раза больше) французов, воевавших на стороне Германии[1]!

И. Эренбург в очень популярном в свое время романе «Буря» (1947), удостоенном Сталинской премии 1-й степени, «преподнес французский «Резистанс», выразившийся в не очень значительных диверсиях и убийствах отдельных германских военнослужащих, как нечто чуть ли не сопоставимое со Сталинградской и Курской битвами... И подобная — в сущности, смехотворная — гиперболизация была внедрена в умы как полезный идеологический миф: *нашу смертельную борьбу с Германией поддерживала, мол, вся Европа.*

В действительности, как уже сказано, весомое сопротивление германской власти имело место только в Югославии, Албании и Греции, что объясняется, надо думать, сохранившейся к тому времени глубокой патриархальностью этих «окраинных» европейских стран; им были чужды порядки, устанавливаемые в них Германией, и чужды, пожалуй, не столько как собственно германские, сколько как общеевропейские, ибо эти страны по своему образу жизни и сознания во многом не принадлежали к европейской цивилизации середины XX века.

К странам с мощным Сопротивлением причисляют еще и Польшу, но при ближайшем рассмотрении приходится признать, что и здесь (как и в отношении Франции) есть очень значительное преувеличение (подкрепленное, между прочим, целым рядом ставших широко известными блестящих

[1] *Урланис Б.Ц.* Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил в войнах XVII—XX вв. (историко-статистическое исследование). — М., 1960. С. 234.

польских кинофильмов о том времени). Так, по сведениям, собранным тем же Б.Ц. Урланисом, в ходе югославского Сопротивления погибли около 300 тысяч человек (из примерно 16 миллионов населения страны), албанского — почти 29 тысяч (из всего лишь 1 миллиона населения), а польского — 33 тысячи (из 35 миллионов)[1]. Таким образом, доля населения, погибшего в реальной борьбе с германской властью в Польше, в 20 раз меньше, чем в Югославии, и почти в 30 раз меньше, чем в Албании!..

* * *

Гиперболизация европейского Сопротивления, повторю, имела существенное идеологическое назначение (Европа — не с Германией, но с нами!). А в последние годы, когда всяческое очернение СССР—России стало у нас выгодной профессией, и дело дошло до того, что даже Германию нередко представляют как более «добропорядочную» страну, чем СССР—Россию, заслуги европейского Сопротивления подчас еще значительнее преувеличиваются (в частности, дабы «умалить» роль СССР—России в Великой войне).

В действительности же почти вся континентальная Европа к 1941 году так или иначе, но без особых потрясений вошла в новую империю, возглавляемую Германией. Напомню еще раз, что и в самой Германии имелось Сопротивление, но это ни в коей мере не влияло на геополитическую направленность страны. Более того, немалая часть людей, принадлежавших к германскому Сопротивлению, отнюдь не возражала против нападения на

[1]Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил в войнах XVII—XX вв. (историко- статистическое исследование). — М., 1960. С. 235—236.

СССР—Россию. Тенденциозное толкование известного заговора против Гитлера, закончившегося неудачным покушением на него 20 июля 1944 года, внедрило в умы совершенно превратные представления об основных участниках этого заговора как о чуть ли не друзьях России! Между тем среди них был, например, заместитель командующего группой армий «Центр», наступавшей в 1941-м на Москву, генерал-майор фон Тресков, покончивший самоубийством 21 июля 1944 года. Его возмущала вовсе не война против СССР—России, а как раз напротив — провал этой войны! Между тем в статье об этом генерале, вошедшей в изданную в Москве в 1996 году «Энциклопедию Третьего рейха», он преподнесен как персона, коей мы должны всей душой сочувствовать... В действительности этот, по-видимому, в самом деле способный выходец из «старинной прусской семьи» был более опасным для нас противником, нежели какой-нибудь ни в чем не сомневавшийся туповатый гитлеровец.

Но обратимся к положению в Европе в целом. Из существовавших к июню 1941 года двух десятков (если не считать «карликовых») европейских стран почти половина, девять стран, — Испания, Италия, Дания, Норвегия, Венгрия, Румыния, Словакия (отделившаяся в то время от Чехии), Финляндия, Хорватия (выделенная тогда из Югославии) — совместно с Германией вступили в войну с СССР—Россией, послав на Восточный фронт свои вооруженные силы (правда, Дания и Испания, в отличие от других перечисленных стран, сделали это без официального объявления войны)[1].

Остальные страны континентальной Европы не принимали прямого, открытого участия в войне с

[1]См.: *Похлебкин В.В.* Великая война и несостоявшийся мир. 1941—1945—1994. Военный и внешнеполитический справочник. — М., 1997. С. 15.

СССР—Россией, но так или иначе «работали» на Германию, или, вернее, новую европейскую империю. Виднейший английский историк Алан Тейлор совершенно справедливо писал в своем изданном в 1975 году труде «Вторая мировая война» о ситуации во Франции после заключения ею «перемирия» с Германией 22 июня (!) 1940 года:

«Для подавляющего большинства французского народа война закончилась... правительство Петена (маршал Франции с 1918 года, военный министр в 1934 году, с 16 июня 1940-го — премьер-министр. — *В.К.)* осуществляло политику лояльного сотрудничества с немцами, позволяя себе лишь слабые, бесплодные протесты по поводу чрезмерных налогов... Единственное омрачало согласие: Шарль де Голль бежал в последний момент из Бордо в Лондон... Он обратился к французскому народу с призывом продолжать борьбу... Лишь *несколько сот* (выделено мною. — *В.К.*) французов откликнулись на его призыв»[1].

Тейлор переходит далее к объективной характеристике положения в Европе в целом:

«Устанавливалось германское господство с помощью разнообразных средств — от аннексии и прямого правления до формально равного партнерства...» Так, например, «Швеция и Швейцария сохраняли свою демократическую систему... фактически они... поскольку англичане их не бомбили, могли приносить Германии больше пользы, чем если бы оказались в положении побежденных. Германия получала железную руду из Швеции, точные приборы из Швейцарии (это две наименее зависимые тогда от Германии европейские страны. — *В.К.*). Без этого она не смогла бы продолжать войну... Европа

[1] *Тейлор А.* Вторая мировая война. — В кн.: Вторая мировая война. Два взгляда. — М.,1995. С. 420.

стала экономическим целым». (Там же, с. 421, 422, 423.)

И еще о Франции: «Немцы обнаружили в хранилищах достаточные запасы нефти... для первой крупной кампании в России. А взимание с Франции оккупационных расходов обеспечило содержание армии численностью 18 млн. человек» (там же, с. 421); в результате в Германии «уровень жизни фактически вырос во второй половине 1940 года... Не было необходимости в экономической мобилизации, в управлении трудовыми ресурсами... Продолжалось строительство автомобильных дорог. Начали осуществляться грандиозные планы Гитлера по созданию нового Берлина» (с. 423) — то есть помпезной столицы объединенной Европы.

Неверное представление о ситуации в Европе во время Второй мировой войны заставило многих людей как бы начисто забыть целый ряд реальных событий того времени. Так, например, сегодня способно вызвать настоящее изумление напоминание о том, что знаменитый военачальник (а позднее президент) США Дуайт Эйзенхауэр, вступив в войну во главе американо-английских войск в Северной Африке в ноябре 1942 года (именно тогда, в конце 1942-го, войска США вообще *впервые* начали участвовать в боевых действиях!), должен был для начала сражаться не с германской, а с двухсоттысячной *французской* (!) *армией* под командованием министра обороны Франции Жана Дарлана, который, правда, ввиду явного превосходства сил Эйзенхауэра, вскоре приказал своим войскам прекратить борьбу. Однако в начавшихся боевых действиях успели все же погибнуть 584 американца, 597 англичан и свыше 1600 сражавшихся с ними французов[1].

[1] *Макдональд Чарльз Б.* Тяжелое испытание. Американские вооруженные силы на Европейском театре во время Второй мировой войны. — М., 1979. С. 98.

Это, конечно, крайне незначительные потери в масштабах той Великой войны, но они ясно говорят о более «сложной», чем обычно думают, тогдашней ситуации в Европе.

А теперь другие — намного более впечатляющие — сведения, относящиеся уже к противостоянию возглавленной Германией континентальной Европы и СССР—России. Национальную принадлежность всех тех, кто погибал в сражениях на русском фронте, установить трудно или даже невозможно. Но вот состав военнослужащих, взятых в плен нашей армией в ходе войны: из общего количества 3 770 290 военнопленных основную массу составляли, конечно, германцы (немцы и австрийцы) — 2 546 242 человека; 766 901 человек принадлежали к другим объявившим нам войну нациям (венгры, румыны, итальянцы, финны и т. д.), но еще 464 147 военнопленных — то есть почти полмиллиона! — это *французы, бельгийцы, чехи* и представители других вроде бы не воевавших с нами европейских наций[1]!

Кто-нибудь возразит, что следует говорить в данном случае о «жертвах» германского насилия, загнавшего этих людей на военную службу совершенно вопреки их воле. Однако едва ли соответствующие германские инстанции шли бы на столь очевидный риск, внедряя в войска огромное количество (полмиллиона — это ведь только попавшие в плен!) заведомо враждебно настроенных военнослужащих. И пока эта многонациональная армия одерживала победы на русском фронте, Европа была, в общем и целом, на ее стороне...

Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер записал сказанные 30 июня 1941 года слова Гитлера, констатирующие

[1]Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. — М., 1993. С. 391.

положение вещей: *«Европейское единство* в результате совместной войны против России» (выделено мною. — *В.К.).* И это была вполне верная оценка положения. Геополитические цели войны 1941—1945 годов фактически осуществляли не 70 млн. немцев, а более *300 млн.* европейцев, объединенных на различных основаниях — от вынужденного подчинения до желанного содружества, — но так или иначе действовавших в одном направлении.

Разумеется, основу армии, вторгшейся 22 июня 1941 года в СССР—Россию, составляли германские солдаты, которые с собственно профессиональной точки зрения являлись «лучшими» в мире. Но никак нельзя не учитывать, что только благодаря опоре на всю континентальную Европу стала возможной мобилизация почти *четверти* всех немцев. У нас было призвано за время войны 17 процентов населения (к тому же далеко не все из них побывали на фронте) — то есть *один из шести* человек, ибо иначе в тылу не осталось бы необходимых для работы военной промышленности квалифицированных мужчин (мужчины в возрасте от 18 до 50 лет — это примерно четверть всего населения) Так, в СССР в 1941 году имелось 49 млн. мужчин 1890—1926 г. рождения (из 196,7 млн. населения в целом).

Словом, *силу* — и с «количественной» и с «качественной» точек зрения — армии, вторгшейся в 1941-м в СССР—Россию, обеспечивали десятки миллионов высококвалифицированных работников всей Европы, И, не учитывая и не осмысляя эту сторону дела, нельзя понять истинную суть войны 1941—1945 годов. В частности, на территории самой Германии потрудились в общей сложности более 10 миллионов (!) квалифицированных рабочих из различных европейских стран[1]. И без этого

[1]См.: *Семиряга М.И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. — М., 1991. С. 231, 232.

нельзя понять ни мощь германского нападения, ни глубокий *объективно-исторический* смысл этого нападения (пусть большинство людей находившейся под главенством Германии Европы о нем и не задумывались).

После журнальной публикации первоначального варианта этой части моей книги я получил весьма интересное письмо от проживающего ныне в городке Аксай Ростовской области Бориса Михайловича Лукашева, который так объяснил неизбежность первоначальных поражений наших войск:

«Немецкий солдат — это в основном промышленный рабочий одной из самых образованных наций мира. *Технарь*. Наш красноармеец — колхозник, хорошо владеющий косой, вилами и т. д. Война же была «войной моторов»... Я не видел ни одного подразделения у немцев (они заняли деревню, где я жил, 13 октября 1941 года), идущего пешком: мотоциклы, грузовики, гусеничные вездеходы... Кстати, на грузовиках всей Европы — французских, чешских и т. д. То есть армия немцев была более маневренной, а это давало огромные преимущества: можно выбирать *место* и *время* очередного удара без риска, что противник — то есть мы — успеет все сделать для отражения удара. В ходе войны эти преимущества начали постепенно сходить на нет». Но «при любом раскладе мы были обречены на первоначальные неудачи: против всей Европы трудновато устоять...»

Б. М. Лукашев в своем письме не раз скромно говорит о себе как о «простом человеке», но, право же, его понимание существа дела посрамляет тех многочисленных публицистов и даже вроде бы профессиональных историков, которые сводят причины наших тяжких поражений в 1941—1942 годах к

так называемым субъективным факторам — ложной общей и военной политике; всякого рода извращениям, ошибкам и просчетам.

Стоило бы авторам этих сочинений внимательно прочитать написанные 160 лет назад, в 1839 году, стихи героя 1812 года (когда на Россию также обрушилась мощь всей Европы) Федора Глинки о Смоленской битве 4—6 августа:

...Достоин
Похвал и песен этот бой:
Мы заслоняли тут собой
Порог Москвы — в Россию двери:
Тут русские дрались как звери,
Как ангелы!..
Внимая звону
Душе родных колоколов,
В пожаре тающих, мы прямо
В огонь метались и упрямо
Стояли под дождем гранат...
Дома и храмы догорали,
Калились камни...
И трещали
Порою волосы у нас
От зноя!..
Но сложил он нас:
Он был ***сильней!..***[1]

Смоленск курился,
Мы дали тыл.
Ток слез из глаз
На пепел родины скатился...

Далее — о Бородине:

Кто вам опишет эту сечу,
Тот гром орудий, стон долин?
Со ***всей Европой*** *эту встречу*
Мог русский выдержать один!
И он не отстоял отчизны,

[1] *Выделено самим Ф.Н. Глинкой.*

Но поле битвы отстоял,
И, весь в крови, — без укоризны —
К Москве священной отступал!..
И, наконец:
О, как душа заговорила!
Народность наша поднялась:
И страшная России сила
Проснулась, взвихрилась, взвилась...
И вновь раздвинулась Россия!
Пред ней неслись разгром и плен
И Дона полчища лихие...
И галл[1] ***и двадцать*** *племен,*
От взорванных кремлевских стен
Отхлынув бурною рекою,
Помчались по своим следам!..
Клевал им очи русский вран
На берегах Москвы и Нары;
И русский волк и русский пес
Остатки плоти их разнес...

В стихах этого высоко ценимого самим Тютчевым поэта воплотилось более верное понимание существа дела, нежели у многих нынешних историков... Ведь и в 1941-м, как и в 1812-м, война шла с «двадесятью племенами», со «всей Европой», и враг был заведомо сильней, его первоначальные победы было невозможно предотвратить, — до тех пор, пока «страшная России сила» не «взвилась», пока Россия не «раздвинулась» во всю свою широту и глубину.

Об истинной сущности войны 1941—1945 годов сказано в созданной в 1972—1973 годах поэме «Дом» одного из наиболее значительных поэтов нашего века — Юрия Кузнецова:

Европа! Старое окно
Отворено на запад.
Я пил, как Петр, твое вино —
Почти античный запах.
Твое парение и вес,

[1]То есть француз.

Порывы и притворства,
Английский счет, французский блеск,
Немецкое упорство.
И что же век тебе принес?
Безумие и опыт.
Быть иль не быть — таков вопрос,
Он твой всегда, Европа.
Я слышу шум твоих шагов.
Вдали, вдали, вдали
Мерцают язычки штыков.
В пыли, в пыли, в пыли
Ряды шагающих солдат,
Шагающих в упор,
Которым не прийти назад,
И кончен разговор...

(Стоит обратить внимание на меткое словосочетание «английский счет», о коем мы еще вспомним). В главах своей «Сталинградской хроники» (1984) поэт сказал и о том, как (если употребить слово Федора Глинки) «раздвинулась Россия», чтобы одолеть мощнейшего врага:

Оборона гуляет в полях.
Волжский выступ висит на соплях,
На молочных костях новобранцев...
Этот август донес до меня
Зло и звон двадцать третьего дня,
Это вздрогнула матушка-Волга.
Враг загнал в нее танковый клин,
Он *коснулся народных глубин.*
Эту боль мы запомним надолго.
Но в земле шевельнулись отцы,
Из могил поднялись мертвецы
По неполной причине ухода.
Тень за тенью, за сыном отец,
За отцом обнажился конец,
Уходящий к началу народа...

Словом, тем, кто берется писать о русской истории, стоит знать проникновенную русскую поэзию...

* * *

Нацистские идеологи, которые отнюдь не были недоумками, каковыми их нередко изображают, вполне адекватно определяли геополитическую[1] суть войны против СССР—России, — правда, чаще всего не для всеобщего сведения, поскольку истинные цели войны и, с другой стороны, задачи дипломатии и пропаганды — не одно и то же. Рейхслейтер Альфред Розенберг, с 1933 года возглавлявший внешнеполитический отдел нацистской партии, а в 1941-м ставший министром «по делам восточных территорий», за день до начала войны произнес директивную речь перед доверенными лицами, в которой не без издевки сказал о наивных людях, полагающих, что война-де имеет цель «освободить «бедных русских» на все времена от большевизма»; нет, заявил Розенберг, война предназначена «для того, чтобы проводить германскую мировую политику (то есть геополитику. — *В.К.*)... Мы хотим решить не только *временную* большевистскую проблему, но также те проблемы, которые выходят за рамки этого временного явления как *первоначальная сущность европейских исторических сил»* (выделено мною. — *В.К.*) Война имеет цель «оградить и одновременно продвинуть далеко на восток сущность Европы...»[2] То есть дело шло именно о «континентальной» войне.

Позднее, в сентябре 1941 года, когда фронт был уже на подступах к Ленинграду, Гитлер недвусмысленно заявил (хотя и не для печати):

«Граница между Европой и Азией проходит не

[1]Одним из их главных идеологических наставников был крупнейший представитель геополитической теории в Германии Карл Хаусхофер (1869—1946).

[2]Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944 гг.). — М., 1968. С. 45,46.

по Уралу, а на том месте, где кончаются поселения настоящих германцев... Наша задача состоит в том, чтобы передвинуть эту границу возможно дальше на Восток, если нужно — за Урал... Ядовитое гнездо Петербург, из которого так долго азиатский яд источался в Балтийское море, должно исчезнуть с лица земли... Азиаты и большевики будут изгнаны из Европы, эпизод 250-летней азиатчины закончен... Восток (то есть земли, которые «оставят» русским. — *В.К.)* будет для Западной Европы рынком сбыта и источником сырья»[1].

Итак, по убеждению фюрера, закончилась принципиально и открыто *евразийская* эпоха истории России, начавшаяся со времен Петра Великого... Германия собрала в единый кулак Европу, чтобы навсегда избавить ее от восточного геополитического соперника, который трактуется как чисто «азиатский», но, мол, без всяких оснований претендовавший и на «европейскую» роль...

Восприятие войны против СССР—России как именно геополитической войны было присуще вовсе не только «фюрерам». Современный германский историк Р. Рюруп, приводя цитату из составленного в мае 1941 года «секретного документа», в котором уже совсем близкое нападение определено как «старая борьба германцев... защита европейской культуры от московито-азиатского потока», пишет, что в этом документе запечатлелись «образы врага, глубоко укоренившиеся в германских истории и обществе. Такие взгляды были свойственны даже тем офицерам и солдатам, которые не являлись убежденными или восторженными нацистами. Они также разделяли представления о «вечной борьбе» германцев... о защите европейской культуры от «азиатских орд», о культурном призвании и

[1]Цит. по кн.: *Проэктор Д.М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. — М., 1985. С. 303, 304.

праве господства немцев на Востоке. Образы врага подобного типа были широко распространены в Германии, они принадлежали к числу «духовных ценностей»...»[1]

И это геополитическое сознание было свойственно не только немцам; после 22 июня 1941 года появляются добровольческие легионы под названиям «Фландрия», «Нидерланды», «Валлония», «Дания» и т. д., которые позже превратились в добровольческие дивизии СС «Нордланд» (скандинавская), «Лангемарк» (бельгийско-фламандская), «Шарлемань» (французская) и т. п.[2] (последнее название особенно выразительно, ибо Шарлемань — это по-французски Карл Великий, объединивший Европу). Немецкий автор, проф. К. Пфеффер, писал в 1953 году: «Большинство добровольцев из стран Западной Европы шли на Восточный фронт только потому, что усматривали в этом общую задачу для всего Запада... Добровольцы из Западной Европы, как правило, придавались соединениям и частям СС....» (Итоги Второй мировой войны. М., 1957. С. 511.)

В высшей степени наглядно предстает геополитическая сущность войны в составленных накануне нее, 23 мая 1941 года, «Общих указаниях группе сельского хозяйства экономической организации «Ост»» (то есть «Восток»). Одно из главных «общих правил» сформулировано так:

«Производство продовольствия в России на длительное время включить в европейскую систему», ибо «Западная и Северная Европа голодает... Германия и Англия (да, и Англия! — *В.К.)* ...нуждаются в ввозе продуктов питания», а между тем

[1] *Рюруп Р.*, профессор. Немцы и война против СССР. — В кн.: Другая война.

[2] *Урланис Б.Ц.* Цит. соч., с. 222; Энциклопедия Третьего рейха. — М., 1996. С. 121.

«Россия поставляет только зерно, не более 2 млн. тонн в год... (Наш урожай 1940 года — 95,6 млн. тонн. — *В.К.).* Таким образом, определяются основные направления решения проблемы высвобождения избытков продуктов русского сельского хозяйства для Европы (заметим: Европы в целом! — *В.К.)*... Внутреннее потребление России... должно быть снижено настолько, чтобы образовались необходимые излишки для вывоза» (цит. по кн.: «Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы, материалы. М., 1987. С. 250, 251).

Далее констатируется, что СССР—Россия в сельскохозяйственном отношении состоит из двух различных «зон»: «Районы с избыточным производством расположены в черноземной области (т. е. на юге и юго-востоке)... районы, требующие поставок, находятся в основном в северной лесной зоне (подзолистые почвы). Из этого следует, что *отделение* черноземных областей от лесной зоны при любых обстоятельствах высвободит для нас излишки производства продуктов. Это отделение будет иметь своим следствием прекращение обеспечения продуктами всей лесной зоны, включая важнейшие промышленные центры Москву и Петербург. Промышленностью в районах, требующих поставок, включая промышленность Урала, следует пренебречь... Должна быть сохранена лишь та промышленность, которая находится в областях с избыточным производством продуктов, т. е. в основном тяжелая промышленность Донецкого бассейна... Кроме того, нефтеносные районы Закавказья (хотя они и находятся в зоне, требующей дополнительных поставок), следует снабжать продовольствием, поскольку... они должны быть сохранены как главные поставщики нефти...

Вследствие прекращения подвоза продуктов из южных районов, сельскохозяйственное производст-

во в лесной зоне примет характер натурального хозяйства... Население лесной зоны, особенно население городов (включая Москву. — *В.К),* вынуждено будет страдать от голода, даже в случае интенсивного ведения хозяйства путем расширения площадей под картофель в этих областях и увеличения его урожая. Этими мерами голод не ликвидировать. Попытка спасти население от голодной смерти путем привоза из черноземной зоны имеющихся там излишков продуктов нанесла бы ущерб снабжению Европы». А «наша задача состоит в том, чтобы включить Россию в европейское разделение труда и осуществить принудительное нарушение существующего экономического равновесия внутри СССР». (Там же, с. 251, 252, 253, 254.)

Ясно, что это «разделение труда» между Европой и представляющей собой (и в глазах создателей сего проекта, и реально) *иной континент* Россией означало превращение последней в рабский придаток Европы. В этой «сельскохозяйственной» программе со всей очевидностью выразился *геополитический* смысл войны...

* * *

Вместе с тем есть все основания утверждать, что в СССР—России к 1941 году не было ясного осознания геополитического смысла войны. Теперь не так легко себе это представить, но в начале войны весьма широко было распространено представление, что пролетариат европейских стран и даже самой Германии вот-вот поднимется на революцию, дабы спасти СССР от нацистского воинства...

Несмотря на начавшееся в середине 1930-х годов восстановление в СССР *патриотизма,* над умами еще тяготела поверхностная классово-политическая (а не геополитическая) идеология, — что сыграло прискорбную роль.

Не столь давно были опубликованы суждения Сталина по поводу состоявшегося 3 сентября 1939 года объявления войны Германии со стороны Франции и Великобритании: «Мы не прочь, — сказал генсек в самом тесном кругу (Ворошилов, Молотов, генсек Исполкома Коминтерна Георгий Димитров), — чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если бы руками Германии было бы расшатано положение богатейших капиталистических стран...» Ныне доктор исторических наук М.М. Наринский, цитируя эти суждения, комментирует: «Говоря о политике Советского Союза, Сталин *цинично* (выделено мною. — *В.К.)* заметил: «Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше раздорались»[1].

Прежде всего следует внимательно вдуматься в эпитет «цинично», ибо по одной этой детали можно ясно понять существо нынешней «либеральной» историографии войны. В словах Сталина выражено типичнейшее и даже элементарнейшее отношение государственного деятеля какой-либо страны к войне, разразившейся между *соперниками* этой страны. Так, 23 июня 1941 года сенатор и будущий президент США Гарри Трумэн заявил не в узком кругу (как Сталин), а корреспонденту популярнейшей «Нью-Йорк таймс»:

«Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и таким образом пусть они убивают как можно больше!»[2]

[1]См.: *Наринский М.М.,* доктор исторических наук. Как это было. — В кн.: Другая война... С. 44.

[2]Цит. по кн.: *Яковлев Н.Н.* Новейшая история США 1917—1960. — М., 1961. С. 325.

Это, повторяю, обычная, заурядная в устах государственного деятеля постановка вопроса, и Сталина можно упрекнуть лишь в том, что он едва ли бы стал повторять свои процитированные высказывания *публично*. И в высшей степени показательна «реакция» Наринского, подобную которой можно найти в сочинениях множества нынешних «либеральных» историков. Обвиняя Сталина в «цинизме», Наринский — конечно, бессознательно — обнаруживает тем самым, что в свое время он привык ставить Сталина в моральном отношении *гораздо выше* политических деятелей Запада, погрязших во всяческих темных интригах.

При этом Наринский, надо думать, понимает, что поведение во внешнеполитических делах в ситуации войны не может — за редчайшими исключениями — соблюдать нравственные принципы, но от Сталина, которого Наринский (как, конечно, и множество его коллег) ранее ставил высоко, он этого требует! И подобная тенденция, по сути дела, господствует в нынешних сочинениях о Второй мировой войне.

Сколько проклятий обрушено в последнее время на Сталина за заключение 23 августа 1939 года пакта о ненападении с Гитлером, — пакта, который дал последнему возможность «спокойно» двигаться в 1940 году на Запад. Но эти проклятия из уст историков, которые еще недавно были исправными членами КПСС, обусловлены в конечном счете их прежним пиететом перед Сталиным, ибо ведь они, без сомнения, знают, что ранее, в 1938 году, премьер-министры Франции и Великобритании — Даладье и Чемберлен — в ходе по-своему трогательных визитов (которых Сталин не предпринимал) к Гитлеру вступили с ним в совершенно аналогичные договоренности, позволявшие ему «спокойно» двигаться на Восток.

Между прочим, небезызвестный Волкогонов в

1991 году назвал пакт с Германией «отступлением от ленинских норм внешней политики... Советская страна *опустилась* (выделено мною. — *В.К.*) до уровня... империалистических держав»[1], — то есть, иначе говоря, Сталин, увы, повел себя так же «недостойно», как Чемберлен и Даладье..,

Если перелистать сочинения конца 1980-х — *начала* 1990-х годов, затрагивавшие вопрос о «пакте» Сталина — Гитлера, ясно обнаружится *именно такая* мотивировка проклятий в адрес этого пакта (генсек-де отступил от «ленинских норм»); однако позднее о сей мотивировке как бы полностью забыли, и Сталина начали преподносить в качестве воплощения уникального, беспрецедентного цинизма и низости: ведь он вступил в сговор с самим Гитлером! Ныне постоянно тиражируется фотография, на которой Сталин 23 (точнее — уже ранним утром 24-го) августа 1939 года обменивается рукопожатием с посланцем Гитлера Риббентропом, что должно восприниматься с крайним негодованием и даже презрением к генсеку.

Конечно, пресловутый «пакт» по ряду различных причин не может вызвать каких-либо положительных эмоций у объективно оценивающего его человека. Однако нынешние потоки брани представляют собой не что иное, как именно *культ Сталина* — хоть и «наизнанку»: великий вождь не имел, мол, права совершить столь позорную акцию, которая уместна лишь для «обычных» правителей государств. Если честно вдуматься, дело как раз в этом, и давно пора бы нашим историкам освободиться от менталитета, порожденного временем сталинского культа, и «позволить» Иосифу Виссарионовичу вести себя подобно другим правителям той эпохи...

Ведь почти годом раньше, 29 сентября 1938 го-

[1] См.: *Черчилль Уинстон.* Вторая мировая война. Кн. 1. — М., 1991. С. 179.

да (кстати, невзирая на то, что 12 марта Германия «присоединила» к себе Австрию), вполне аналогичный «пакт» с Гитлером заключил премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен: «Мы, Фюрер и Канцлер Германии и Премьер-министр Великобритании... — объявлялось в официальном документе, составленном 30 сентября, — рассматриваем подписанное вчера соглашение как символизирующее волю обоих народов никогда больше не вступать в войну друг против друга»[1].

«Символизирующим соглашением», о коем упомянуто, являлось признание права Гитлера на отторжение Судетской области у Чехословакии, за которым менее чем через шесть месяцев, 15 марта 1939 года, последовал захват Чехии в целом и так далее; «пакт» Гитлера — Чемберлена фактически являлся *разделом Европы*, согласно которому Германия получала полное право распоряжаться в Восточной Европе.

При действительно объективном подходе к проблеме никак нельзя отрицать, что Сталин в августе 1939 года поступил точно так же, как Чемберлен в сентябре 1938-го. А если заняться «оценками» *поведения* двух правителей, придется — исходя из фактов, — признать, что поведение Чемберлена было и «циничнее» и, уж безусловно, «позорнее». Сталин *повторил* содеянное за год до того Чемберленом, и, следовательно, его «цинизм» был, так сказать, порожден чемберленовским «цинизмом». А всматриваясь в давно воссозданную мемуаристами и историками конкретную картину поведения Чемберлена в сентябре 1938 года, невозможно не признать, что оно было крайне и даже, пожалуй, уникально «позорным».

Чемберлен в начале сентября решил осуществить проект, о котором сообщил лишь немногим доверенным лицам и для секретности называл его «планом Зет». В соответствии с этим «планом» он 12 сентября 1938 года неожиданно обратился к Гитлеру с просьбой о личной встрече. В тот же день он так изложил свой «план» в письме к ближайшему сподвижнику, Ренсимену: «*... я сумею убедить его* (Гитлера. — *В.К.*), *что у него имеется неповторимая возможность достичь англо-немецкого понимания путем мирного решения чехословацкого вопроса... Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира... и поэтому необходимо мирным путем преодолеть наши нынешние трудности... Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России. Это и есть план Зет*»[1].

Едва ли можно оспорить, что сей «план» ничуть не менее «циничен», чем сталинский «пакт», который к тому же являлся *последствием* осуществления «плана Зет». Что же касается самого «общения» Чемберлена с Гитлером, подробно описанного свидетелями, оно было чем-то в самом деле беспрецедентно «позорным». Почти семидесятилетний (через два года он скончался) премьер-министр великой Британской империи, население которой составляло четверть (!) тогдашнего населения Земли, вынужден был ранним утром 15 сентября 1938 года впервые в жизни войти в самолет, лететь несколько часов (при тогдашних скоростях авиации) до Мюнхена, а оттуда еще несколько часов добираться до Бергхофа — поместья высоко в горах юго-восточной Баварии, где ради дополнительного унижения соизволил принять его Гитлер.

И, публикуя фотографию, на которой Сталин пожимает руку Риббентропу, следовало бы уж публи-

[1]Цит. по кн.: Большая ложь о войне. Критика новейшей буржуазной историографии мировой войны. — М., 1971. С. 136.

[1]См.: *Сиполс В.Я.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. — М., 1989. С. 191.

ковать рядом и другую — к сожалению, менее известную, — на которой Гитлер, стоя на лестнице своего высокогорного дворца двумя ступеньками выше Чемберлена, взирает сверху вниз на бывшего двадцатью годами старше его, еле держащегося на ногах после утомительного путешествия правителя Британской империи, который к тому же затем являлся на поклон к Гитлеру еще и в Бад-Годесберг около Бонна 22 сентября и, наконец, в третий раз, в Мюнхен, 29 сентября, стремясь осуществить свой «план Зет», который, по его словам, являл собой «решение, приемлемое для всех, *кроме России*», — поскольку Гитлера достаточно явно умоляли двигаться на Восток, но Гитлер — и он со своей точки зрения был совершенно прав — через год неожиданно заключил «пакт» с СССР—Россией и в 1940-м двинулся все же на Запад, чтобы, вобрав мощь Европы, уже затем двинуться на Москву.

* * *

Вернемся теперь к «циничному», вызывающему шумное негодование нынешних либеральных (вообще-то в большинстве своем псевдолиберальных, ибо они стали либеральными, в сущности, только потому, что это вдруг оказалось выгодным) историков, удовлетворению Сталина тем фактом, что Великобритания и Франция 3 сентября 1939 года объявили войну Германии.

Испытывая это удовлетворение или даже чувство радости от того, что соперники СССР—России на мировой арене наконец-то «подрались», и выражая намерение так или иначе «подталкивать» их, Сталин поступил именно так, как и *любой* правитель *любой* страны в аналогичных обстоятельствах, чему есть бесчисленные примеры. Прискорбно было совсем другое: руководствуясь не проникающей

в глубины исторического бытия концепцией «внутренних противоречий капитализма», Сталин полагал, что «междоусобная» борьба в Европе будет столь же долгой и жестокой, какой она была в 1914—1918 годах, и поэтому его страна на более или менее длительный период может особенно не беспокоиться за свою судьбу.

Однако уходящие своими корнями в глубь веков претензии Германии на объединение Европы под своим главенством стали к 1939 году вполне реальными, и вместо настоящей войны в Европе получилась на этот раз «мнимая» война, которая нисколько не помешала за кратчайшие сроки осуществить германские планы.

Прежде чем идти дальше, целесообразно сделать небольшое отступление. Нетрудно предвидеть, что вышеизложенное вызовет вполне готовое возражение: поскольку одна из европейских стран, Великобритания, не была поглощена новой «империей германской нации» и, объявив 3 сентября 1939 года войну Германии, вроде бы так или иначе вела ее вплоть до мая 1945 года, нельзя считать войну против СССР—России делом *Европы;* война шла, скажут мне, и внутри самой Европы.

Однако «островная» Великобритания, которая к тому же четыре с лишним столетия назад стала крупнейшей колониальной империей мира, не в первый раз «отделялась» в своей геополитике от остальной — континентальной — Европы: так было и на рубеже XVI—XVII веков (борьба Великобритании с «общеевропейской» империей Филиппа II), и на рубеже XVIII—XIX веков (борьба с империей Наполеона). Но главное даже не в этом.

Как уже говорилось, война заслуженно получила определения «странная», «сидячая», «призрачная» — и это всецело относится к «военным действиям» Великобритании в 1939—1940 годах, а в зна-

чительной степени (как еще будет показано) и позднее — по меньшей мере до июня 1944 года...

Кстати сказать, на всем протяжении Второй мировой войны Великобритания противостояла Германии (и возглавленной ею континентальной Европе) *гораздо слабее,* чем в *Первую* мировую войну. Об этом ясно говорит количество погибших британских военнослужащих: в 1914—1918 гг. — 624 тысячи, а в 1939—1945-м — 264 тысячи, то есть в 2,5 раза меньше[1], — несмотря на гораздо более смертоносное оружие Второй мировой войны, в силу чего на ней вообще-то погибло в 2,5—3 раза больше военнослужащих, чем на Первой. Если учитывать эту сторону дела, боевые потери Великобритании были во Второй мировой войне примерно в 7 *раз* (!) меньше, чем в Первой... И это, конечно, очень существенный «показатель».

Впрочем, к подробному разговору о роли Великобритании, а также США в 1941—1945 годах мы еще обратимся. Важно сначала сказать о том, как поверхностное и просто ложное представление о сути войны воздействует на многие приобретшие сегодня широкую популярность сочинения, посвященные тем или иным ее событиям и явлениям. Это поможет яснее увидеть истинное существо войны в целом.

* * *

Обостренный интерес вызвал, например, появившийся в последние годы ряд сочинений о так называемой Русской освободительной армии и ее вожаке — бывшем советском генерал-лейтенанте Власове, который, мол, вел борьбу как против большевизма, так и против нацизма, являя собой

[1] *Урланис Б.Ц.* Цит., соч., с. 245.

лидера «третьей силы», которую нередко оценивают ныне как единственно «позитивную», призванную спасти Россию от «двух зол» сразу. Выше цитировались иронические слова рейхслейтера Розенберга о том, что с точки зрения наивных людей война имеет своей целью «освободить «бедных русских» от большевизма». Начальник штаба Верховного главнокомандования Вооруженных сил Германии Вильгельм Кейтель 3 марта 1941 года внес в «План Барбаросса» следующие положения об устройстве завоевываемой на Востоке «территории». Ее, по словам этого главного стратега, «следует разделить на несколько государств... Всякая революция крупного масштаба, — писал более способный к серьезному мышлению, чем, скажем, Ельцин или Чубайс, Кейтель, — вызывает к жизни такие явления, которые нельзя просто *отбросить в сторону.* Социалистические идеи в нынешней России уже *невозможно искоренить.* Эти идеи могут послужить *внутриполитической основой* при создании новых государств... Наша задача и заключается в том, чтобы... создать эти зависимые от нас *социалистические* государства»[1] (выделено мною. — *В.К.*).

Власов же исходил из того, что Германия будто бы собирается спасти русский народ от социализма. В конце февраля 1943 года его привезли в Смоленск, и во время беседы с местными жителями один из них задал Власову не ожидаемый им вопрос (напомню, что Смоленск был захвачен германской армией еще в июле 1941-го, то есть двадцать месяцев назад):

«Почему не распускают колхозы?»

«Быстро ничего не делается. Сперва надо выиг-

[1] Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы, материалы. — М., 1987. С. 103, 104.

рать войну, а тогда уже земля крестьянам»[1], — ответил этот борец с большевизмом (кстати, в 1930 году вступивший в ВКП(б) — будучи зрелым тридцатилетним человеком — в разгар коллективизации...).

Но вот вполне типичное распоряжение германских военных властей в оккупированной Белоруссии:

«Уборку и обмолот хлебов производить существовавшим до сего времени порядком, т. е. коллективно... Руководство уборкой возлагается на председателей колхозов, указания и распоряжения которых обязательны... К уборке хлеба привлекать всех единоличников, насчитывая им трудодни»[2].

Факты этого рода вообще-то старались замалчивать в литературе о войне, ибо они противоречили канонам, а кроме того могли получить «вреднейшее» истолкование: колхозы — способ ограбления крестьянства, и нацисты решили пользоваться этим способом так же, как ранее большевики (которые, правда, не заставляли работать за трудодни уцелевших единоличников)...

В таком умозаключении есть определенный резон, но все-таки важнее другое: ведь, как уже сказано, германское командование собиралось сохранить на оставляемой русскими территории социализм, — помимо прочего и потому, что, согласно трезвому соображению Кейтеля, «уже невозможно искоренить» явления, вызванные к жизни «революцией крупного масштаба». Да и цель войны состояла не в изменении общественного строя, но в подчинении России «германской мировой политике»,

[1] *Левин И.* Генерал Власов по ту и эту сторону фронта. — М., 1995. С. 74.

[2] Цит. по кн.: *Загорулько М.М., Юденков Л.Ф.* Крах плана «Ольденбург» (о срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР). — М., 1980. С. 275.

вернее, геополитике, с точки зрения которой социальный уклад — дело второстепенное, и если русские живут в своем социализме, пусть себе живут так и дальше; необходимо только ликвидировать их страну как геополитический феномен.

Из этого ясно, что связанное с именем Власова «движение», которое Германия использовала в тех или иных идеологических целях (кстати, не очень уж результативно), само по себе не имело существенного значения, ибо эта пресловутая «третья сила» вообще никак «не вписывалась» в геополитическую коллизию, развертывавшуюся в 1941—1945 годах. И нынешние — подчас горячие — дискуссии вокруг «власовцев» — плод крайне поверхностного понимания реальной исторической ситуации.

Между прочим, и личность, и судьба самого Власова в конечном счете имеют мнимый, бессодержательный характер (выражая тем самым мнимость всего «движения»). Ибо едва ли можно спорить с тем, что, если бы руководимая Власовым в апреле — июне 1942 года 2-я Ударная армия не потерпела бы полного поражения, он ни в коем случае не объявил бы себя врагом большевизма и продолжал бы свою успешнейшую военную карьеру. Ведь еще в конце апреля 1942 года Власов гордо рассказывал, как он «трижды встречался со Сталиным, и каждый раз... уходил окрыленным»[1]. Можно допустить, что среди власовцев были люди, которые искренне надеялись и стремились «спасти» Россию и от большевизма, и от нацизма. Но их верования и усилия не могли не оказаться всецело бесплодными, ибо в их основе лежало абсолютное непонимание геополитического смысла войны.

Характерно, что в среде уже давней — двадца-

[1] *Левин И.* Цит. соч., с. 15.

тилетней к тому времени — белой эмиграции (которая, понятно, отвергала большевизм совсем не так, как член ВКП(б) с 1930 года Власов, а с самого начала и безоговорочно) немало способных если не к геополитическому мышлению, то к соответствующему *чувствованию* людей сумели во время войны как-то преодолеть свою жгучую ненависть к большевизму. Ибо они так или иначе сознавали, что решается вопрос о самом *бытии* России. Не кто иной, как категорически непримиримый «антибольшевик» Иван Бунин, признался в ноябре 1943 года, во время известной Тегеранской конференции (между прочим, как раз тогда Власова удостоило своим вниманием верховное лицо в германском главнокомандовании — Альфред Йодль):[1]

«Нет, вы подумайте до чего дошло — Сталин летит в Персию, а я дрожу, чтобы с ним, не дай бог, чего в дороге не случилось...»[2]

А ведь сравнительно не столь давно, 26 октября 1934 года, Бунин, отвечая на вопрос о причинах его «непримиримости с большевизмом», написал: «...большевизм... чудовищно ответил сам на этот вопрос всей деятельностью... низменней, лживее, злей и деспотичней этой деятельности еще не было в человеческой истории»[3]. Когда Бунин это писал, Власов делал блестящую большевистскую карьеру. Но к тому времени, когда Власов объявил себя борцом против большевизма, Иван Алексеевич, по свидетельству близко знавшего его человека, осознал истинную суть войны:

«Война потрясла и испугала Бунина: испугала за участь России на десятилетия и даже *столетия впе-*

[1] *Штрик-Штрикфельдт В.* Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. — М., 1993. С. 289—291.

[2] «Литературное наследство», т. 84. *Иван Бунин.* — М., 1973, кн. 2. С. 398.

[3] *Бунин Иван.* Великий дурман. — М., 1997. С. 168.

ред (выделено мною. — *В.К.*), и этот глубинный страх заслонил в его сознании все то, что в советском строе по-прежнему оставалось для него неприемлемо». (Там же, с. 24.)

Повторю еще раз: я ставлю вопрос о Власове и его «движении» не в *моральной* плоскости (как чаще всего делают); речь идет о полном непонимании сущности войны, которое в конечном счете обрекало сие «движение» на бессмысленность.

Как уже было упомянуто, Власов в ноябре 1943 года был удостоен внимания генерал-полковника Йодля. Но ведь именно этот самый Йодль составил «совершенно секретную» *«Директиву по вопросам пропаганды»*, содержавшую «основные указания» о том, как надо обрабатывать наших «военнослужащих и население... а) противником Германии являются не народы Советского Союза, а исключительно еврейско-большевистское советское правительство...[1] б) ...необходимо подчеркивать, что германские вооруженные силы пришли в страну не как враг, что они, напротив, стремятся избавить людей от советской тирании... г) ...пропагандистские материалы не должны преждевременно привести население к мысли о нашем намерении расчленить Советский Союз...»[2] и т. д. и т. п.

Роль власовцев сводилась в основном к участию в сей чисто пропагандистской кампании, к тому же едва ли есть основания считать, что эта их роль была очень уж весомой.

[1] В «предложениях» Генерального плана «ОСТ» от 27 апреля 1942 года четко сказано: «Речь идет не только о разгроме государства... Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы... Дело заключается... в том, чтобы разгромить русских как народ...» («Совершенно секретно! Только для командования». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. — М., 1967. С. 117).

[2] *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. — М., 1973. Т. 2. С. 194.

Переходя к нашему времени, приходится сделать вывод, что нынешнее обилие сочинений о «власовском движении» опять-таки объясняется непониманием истинной сути войны. Власовцам придают существенное значение (пусть даже чисто негативное), которого они не имели, ибо дело шло тогда в конечном счете вовсе не о борьбе нацизма и большевизма (Бунин, как мы видели, это глубоко чувствовал!), а ведь именно борьбу и с тем и с другим ставят в заслугу власовцам их апологеты. Другие же авторы, которые, напротив, гневно обличают власовцев как подручных нацизма, опять-таки чрезмерно преувеличивают их роль.

Словом, сам по себе тот факт, что вопрос о Власове занимает немалое место в сегодняшней историографии войны 1941—1945 годов, говорит о ее поверхностном характере.

* * *

Другое очевидное проявление этой поверхностности — весьма широкие и подчас прямо-таки страстные нынешние споры вокруг книжек советского разведчика-перебежчика Резуна, личное ничтожество которого ясно выразилось уже в выбранном им псевдониме «Суворов». Речь идет не о том, что вообще не следовало обращать внимание на опубликованные большими тиражами резунские опусы, но о том, что при верном представлении о мировой ситуации в 1941 году они просто не дают оснований для сколько-нибудь серьезных споров, которые тем не менее ведутся уже несколько лет. Единственный, пожалуй, адекватный отклик на эти книжки — чисто ироническая по своему тону статья Анатолия Ланщикова под названием «Ледокол» идет на таран»[1].

[1] «Наш современник». — 1994, № 5. С. 174—188.

В статье со всей убедительностью показано, что перебежчик, пытаясь опровергнуть «агитпроповскую» версию войны, всецело находится на уровне этой примитивной версии, хотя и вывертывает ее наизнанку (отчего она отнюдь не становится менее примитивной).

Отсылая читателей к статье Анатолия Ланщикова, обращусь к основному содержанию множества других откликов, авторы коих либо так или иначе присоединялись к «доводам» Резуна, либо «на полном серьезе» их оспаривали. К сожалению, как то, так и другое свидетельствует о неблагополучии в осмыслении Великой войны.

Объявляя, что именно СССР готовился в 1941 году внезапно напасть на Германию («установлена» даже точная дата — 6 июля), которая, узнав о грозящей опасности, «предупредила» это нападение, Резун ссылается на множество «фактов», долженствующих доказать, что в СССР шла подготовка к мощному наступлению на Запад. Вообще-то из всех приводимых «фактов» *войны* не получается, как из самого большого количества кошек не сделаешь тигра. Но существо дела даже не в этом. В сознание военнослужащих в 1930-х годах внедрялась принципиально *наступательная* тактика, причем делалось это не только в собственно военно-профессиональных, но и в идеологических целях, так сказать, «для поднятия духа». Однако разработка наступательных операций, воспитание соответствующего духа и т. д. и действительное принятие *решения о* превентивной войне — это, конечно же, совершенно разные вещи, отличающиеся друг от друга столь же кардинально, как военная игра и реальная война.

Так, например, в США, начиная с 1950-х годов, как это уже давно и точно известно, самым тщательным образом разрабатывалась тактика превентивной ядерной войны против СССР, но *решение о*

такой войне не было принято даже тогда, когда (в 1962 году) по «волюнтаристскому» хрущевскому приказу ядерное оружие СССР было доставлено в «подбрюшье» США, на Кубу!

К сожалению, после издания резунских книжек появилось немало сочинений, авторы коих тщатся доказать, что в 1941 году в СССР якобы было действительно принято решение о превентивной войне против Германии, и только, мол, упреждающее нападение последней помешало осуществлению сего решения. Этим-де и обусловлены тяжелейшие поражения начального периода войны, ибо, изготовившиеся для *наступления* войска СССР не имели возможности создать надежную *оборону* от упредившего их германского нападения.

В эту «концепцию» вложен и иной, гораздо более ядовитый смысл: СССР—Россия предстает, согласно ей, как истинный «виновник» войны и главный «агрессор», вознамерившийся завоевать Германию (которая, значит, была вынуждена спасать себя превентивным нападением) и, далее, Европу в целом...

Поэтому следует хотя бы кратко остановиться на вопросе о «превентивной» войне. Некоторые историки (хочется, правда, в данном случае заключить это слово в кавычки), «вдохновленные» резунским опусом, изданным в 1992 году, обратили сугубое внимание на опубликованную ранее, в 1990-м («Искусство кино», № 5, с. 10—16), запись речи Сталина, произнесенной 5 мая 1941 года перед выпускниками военных академий и высшим командным составом армии. Вождь, согласно записи, заявил тогда, в частности: «Теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильные, — теперь надо переходить от обороны к наступлению».

Через десять дней после этой речи, 15 мая 1941 года, заместитель начальника Оперативного управления Генштаба полковник (тогда) А.М. Василевский при участии начальника этого управления генерал-майора Н.Ф. Ватутина написал «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками»[1], в которых констатировалось, что «Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами», и, следовательно, «имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым... упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск»[2]. Далее намечались конкретные наступательные операции наших войск.

Подпевалы Резуна радостно ухватились за этот текст, даже не заметив (или не желая заметить), что речь в нем идет — это очевидно — вовсе не о *превентивной войне* как таковой, но о наступательной стратегии, которую следует применить только *в том случае,* если *нападение* противника станет несомненным фактом. И, между прочим, цитируемый документ отнюдь не предполагал, что это нападение — дело ближайшего времени; так, в нем сказано, в частности: «...необходимо всемерно форсировать строительство и вооружение укрепленных районов... и предусмотреть строительство новых укрепрайонов в 1942 году...» (Там же, с. 133.)

Словом, нет никаких оснований считать сей документ свидетельством о якобы существовавшем плане превентивной войны, Однако и это еще не

[1] Впервые эти «Соображения» были опубликованы в 1993 году в ФРГ.

[2] *Василевский А.М.* Война 1939—1945. Два подхода. — М., 1995. Ч. I. С. 129.

все. Цитируемый текст тогдашним наркомом обороны С.К. Тимошенко и начальником Генштаба (с 14 января 1941-го) Г.К. Жуковым был преподнесен Сталину, и, как рассказал еще в 1965 году Жуков, тот «прямо-таки закипел, услышав о предупредительном ударе по немецким войскам. «Вы что, с ума сошли, немцев хотите спровоцировать?..» Мы сослались... на идеи, содержащиеся в его выступлении 5 мая. «Так я сказал это, чтобы подбодрить присутствующих, чтобы они думали о победе, а не о непобедимости немецкой армии, о чем трубят газеты всего мира», — прорычал (!) Сталин». Этот рассказ Георгия Константиновича (из которого, в частности, ясно принципиальное различие между идеологическим «воспитанием» армии и реальной военной практикой) был опубликован в 1995 году («Военно-исторический журнал», № 3, с. 41). Однако и после его появления некоторые горе-историки продолжают пытаться доказывать, что в 1941 году под руководством Сталина шла-де подготовка к захвату Германии, — вернее, Европы, преобладающее большинство стран которой так или иначе вошло к тому времени в новую империю — Третий рейх...

Чтобы показать полнейшую несостоятельность самой этой постановки вопроса, следует углубиться в историю. Экскурс в дальние времена может кому-либо показаться излишним или даже пытающимся подменить осмысление событий середины XX века толкованием совсем иных исторических ситуаций. Но если исходить из того, что война, о которой идет речь, была одним из крупнейших событий мировой истории, явлением первостепенного геополитического значения (а это вряд ли можно оспорить), нельзя при познании ее сущности не учитывать многовековые взаимоотношения России и Европы, иначе наши представления об этой войне неизбежно окажутся поверхностными, то есть в конечном счете ложными.

* * *

Россия — как, впрочем, и любая держава мира — на протяжении своей истории не раз предпринимала завоевательные акции — хотя гораздо чаще, напротив, отражала нападения различных завоевателей с Востока и Запада. Но можно с полным основанием утверждать, что Россия не предпринимала и даже не «планировала» завоевательных акций в отношении стран Запада, стран Европы в собственном смысле слова. В тех или иных обстоятельствах русские войска вторгались в Европу, но не для завоевания; так, в 1760 и 1813 годах они брали Берлин, а в 1814-м даже далекий Париж, однако по своей воле вскоре же уходили оттуда.

Внимательно изучая проблему, можно убедиться, что отказ от присоединения к территории России стран Запада — это своего рода *геополитический закон,* действовавший в продолжение столетий. И многократно и громогласно возвещавшееся в Европе предупреждение, что-де Россия собирается ее завоевать — не более чем пропагандируемый в тех или иных целях идеологический *миф,* или, вернее будет сказать, блеф, который, в частности, призван был оправдывать походы с Запада на Россию в Смутное время, при Петре I, в 1812-м, 1814-м и т. д.

Найдутся, конечно же, оппоненты, которые, быть может, даже не без гнева заявят, что Россия в тот или иной период захватывала расположенные к западу от нее Польшу, Финляндию, Литву, Латвию, Эстонию и Бессарабию. Однако при объективном и конкретном осмыслении этих «захватов» (каждый из которых имел существенное своеобразие) картина получается совсем иная, чем обычно рисуют. Помимо прочего, обращение к этой проблеме важно и потому, что речь идет о западной *геополитической границе* России.

Начнем с «польского вопроса». С XI *по* XVII столетие Польша многократно вторгалась в пределы Руси, захватывала громадные ее территории и веками владела ими — между тем как русские войска за все это время *ни разу* не вступали на собственную территорию Польши. Но это, скажут мне, дела давно минувших дней. А в бесчисленных сочинениях утверждается, что-де в конце XVIII века Россия совместно с Австрией и Пруссией совершила *«разделы Польши»* (их было три)...

Как мощна все же русофобская пропаганда! Любой «либерал» преподносит как аксиому обвинение России в «разделах Польши». Между тем в результате этих «разделов» Россия не получила ни одного клочка собственно польских земель, а только возвратила себе отторгнутые ранее Польшей земли, принадлежавшие Руси со времен Владимира Святого и Ярослава Мудрого! Земли, которые отошли в конце XVIII столетия к России и сегодня, *сейчас* входят в состав Украины и Белоруссии, и те, кто возмущается этими самыми «разделами», должны уж тогда требовать «возврата» Польше около *трети* нынешней украинской и белорусской территории! Короче говоря, участие России в «разделах Польши» конца XVIII века — либеральный миф.

Позднее, в 1815 году, часть Польши действительно вошла в состав Российской империи, но это было не завоевание, а результат дипломатического «передела» Европы по решениям *общеевропейского* Венского конгресса, который подводил итоги наполеоновских войн. Поскольку польские войска приняли чрезвычайно активное участие в походе Наполеона в Россию, последней в порядке «компенсации» (а также в качестве «наказания» поляков) была передана восточная часть «Герцогства Варшавского», созданного в 1807 году по воле Наполеона в качестве компонента его империи. Это был *единственный* в истории факт присоединения к

России земель Западного *государства* (осуществленный, как сказано, не по собственной воле России, а по решению общеевропейского конгресса). В конечном счете именно поэтому Александр I сразу же одарил поляков *конституцией* (каковой в самой России не было) и возвел присоединенную территорию в ранг автономного «царства (или, иначе, королевства) Польского», которое считалось государственным образованием, связанным с Российской империей особой *унией;* а не просто одной из многих частей страны.

Тем не менее, как говорится, ничего хорошего из этого не получилось. В 1830 и 1863 годах в Царстве Польском разражались мощные восстания — притом повстанцы требовали вернуть Польше украинские (включая Киев!) и белорусские земли, которыми она ранее владела, — автономность «царства» пришлось не раз «урезывать» и т. д.

И, надо думать, дело было в *геополитической* «несовместимости», ибо Польша — это все же страна Запада, страна Европы, — пусть и «окраинная», и ей, говоря попросту, не место в составе России. Но, повторю еще раз, Россия, строго говоря, и не имела настоятельной цели поглотить Польшу, что ясно выразилось в предоставлении отданным России Венским конгрессом польским землям статуса особого «царства».

Перейдем к Финляндии, которая — в отличие от Польши — до присоединения ее к России в 1809 году никогда не являлась самостоятельным *государством,* а представляла собой завоеванную в давние времена часть Швеции. В результате русско-шведской войны 1808—1809 годов территория будущего финского государства отошла к России. Аналогично истории с «царством Польским» это было не проявлением одной только российской воли, а следствием предшествовавшего войне 1812 года краткого «зигзага» общеевропейской геополитики.

Великая война 1812—1815 годов как бы заслонила от нас события 1807 года, когда Россия приняла участие в установлении общеевропейского «порядка» Наполеоном (подчинившим себе к тому времени почти всю континентальную Европу), заключив с ним в июне — июле этого года Тильзитский мир (по решению которого, в частности, и было создано Варшавское герцогство, ставшее затем одним из важных участников похода Наполеона на Москву). Тильзитский мир — явление, во многом аналогичное советско-германскому «пакту» 1939 года, и сопоставление этих двух отделенных ста тридцатью годами актов способно многое прояснить.

Согласно договоренностям с Наполеоном, Россия обязывалась так или иначе противостоять не подчинившейся ему Великобритании и тесно связанной с ней Швеции, в которую входила территория Финляндии. И присоединение в 1809 году к России Финляндии было, в сущности, следствием *Тильзитского мира,* а не выражением собственной геополитической воли России.

Нельзя недооценивать и тот факт, что Финляндии (как и Польше) был сразу же предоставлен особый статус «Великого княжества Финляндского», получившего экономическую (своя таможня и своя валюта) и политическую (свои полиция и суд) — кроме сферы *внешней* политики — самостоятельность. Хотя это противоречит общепринятому мнению, именно в составе Российской империи сформировалась собственная финская *государственность,* в результате чего после распада империи в 1917 году Финляндия как бы совершенно естественно стала суверенной европейской (конкретно — скандинавской) страной. И столетнее пребывание в составе России было для самой Финляндии, по-видимому, более «удачной» судьбой, чем если бы она продолжала оставаться частью Швеции (так, «выход» Финляндии из состава

Швеции означал бы потерю последней около *половины* ее территории, что, наверное, вызвало бы решительное сопротивление). Характерно, что 23 ноября 1939 года, то есть за неделю до начала советско-финской войны, премьер-министр Финляндии А. Каяндер выступил с заявлением о «сочувственной Финляндии политике, которая проводилась Александром I и Александром II и встречала одобрение всего населения Финляндии»; кстати, памятники этим российским императорам и сегодня красуются на финской земле.

По-иному обстоит дело с территорией Латвии и Эстонии. Уже тысячелетие назад эта территория представляла собой своего рода пограничную зону между Европой и Россией. Так, еще в 1030 году Ярослав Мудрый построил здесь крепость, названную в честь его небесного покровителя Юрьевом (ныне — Тарту), но и тогда, и позднее на эти прибалтийские земли претендовали и в течение того или иного периода владели ими Польша, Германия, Дания, Швеция и, с другой стороны, Россия. До 1917 года латышский и эстонский народы не имели никаких элементов собственной государственности.

Двумя столетиями ранее, в 1721 году, Петр I по условиям Ништадтского мирного договора *купил* эти территории у владевшей ими тогда Швеции за громадную по тем временам сумму — 2 миллиона талеров (по-русски — «ефимков»), притом купил их вместе с так называемым Карельским перешейком между Финским заливом и Ладожским озером[1]. Если посмотреть на карту, станет ясно, что тем самым обрело границы геополитическое пространство к северу и западу от новой столицы России — Петербурга (но необходимо напомнить, что еще в IX веке

[1]См.: Под стягом России. Сборник архивных документов. — М., 1992. С. 118—131.

недалеко от будущего Петербурга находился древнейший город Руси — Ладога, который имел тогда не меньшее значение, чем Киев).

Вместе с тем Латвия и Эстония и после 1721 года в известной мере сохраняли характер *пограничной зоны* между Европой и Россией, что выражалось, в частности, в составе населения городов этих территорий: в Риге и Ревеле (Таллине) жили, кроме латышей и эстонцев, и немцы, и шведы, и русские. На рубеже XIX—XX веков в Риге, например, издавалось 18 газет на немецком языке, 8 — на русском, 5 — на латышском и, что особенно выразительно, выходили, помимо того, двуязычная русско-немецкая и трехъязычная русско-латышско-немецкая газеты[1]!

Сложнее была ситуация в третьей прибалтийской территории — Литве, так как она, в отличие от Латвии и Эстонии, в свое время имела собственную государственность, но позднее была целиком поглощена Польшей. В конце XVIII века при «разделах Польши» литовские земли вошли в состав России вместе с украинскими и белорусскими, и это произошло, в сущности, как бы по «техническим причинам», для уяснения которых следует опять-таки посмотреть на карту. Собственно польские земли, находящиеся *западнее* украинских и белорусских, забрала себе тогда Пруссия, и если бы литовские земли также отошли к ней, то образовался бы почти трехсоткилометровый германский «клин», врезающийся в глубь России. Кстати, небольшой «клин» с портом Клайпеда-Мемель Пруссия все же оставила тогда за собой, и он был возвращен Литве только в 1923 году, а в марте 1939 года вновь захвачен Германией, — вплоть до 28 января 1945 года, когда в Клайпеду вошли войска СССР—России.

[1]См.: Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, т. XXVI. — СПб., 1899. С. 680.

* * *

Но обратимся к 1939 году. Сегодня явно господствует представление, что в сентябре этого года СССР совершил совместно с Германией еще один — четвертый, или, вернее, пятый — «раздел Польши», и массы людей бездумно воспринимают эту «концепцию». Между тем и в данном случае СССР—России были возвращены исконные украинские и белорусские земли, отторгнутые Польшей в 1920—1921 годах. То, что произошло в 1939 году, было в своем историческом смысле не агрессией СССР против Польши, но ликвидацией последствий *польской* агрессии! Английский историк Алан Тейлор «напомнил» в своем исследовании «Вторая мировая война» (1975), что тогда, в 1939-м, «министерство иностранных дел (Великобритании. — *В.К.)* указывало, что британское правительство, намечая в 1920 г. линию Керзона[1], считало *по праву принадлежащей русским* ту территорию, которую теперь (то есть в 1939-м. — *В.К.*) заняли советские войска... В дальнейшем не было удобного случая признать *законность* наступления, предпринятого Советской Россией (в 1939-м. — *В.К.),* и... вопрос этот постоянно осложнял отношения между Советской Россией и западными державами»[2].

Положение, надо сказать, прямо-таки замечательное: воссоединение в 1939 году Украины и Белоруссии с британской точки зрения вполне *законно,* но не находится «удобного случая» признать это, и лихие сочинители продолжают вопить об аг-

[1]Министр иностранных дел Великобритании в 1919—1924 годах Джордж Керзон предложил в 1919 году установить примерно ту восточную польскую границу, которая существует и сегодня. Но Польша в результате войны 1920 года отодвинула границу далеко на восток.

[2]*Тейлор Алан.* Цит. соч., с. 402.

рессивном «разделе» Польши в 1939 году между СССР—Россией и Германией!

Словом, та геополитическая граница Польши — и *Европы в целом* — с Россией, которая установилась еще в X (!) веке, а позднее неоднократно нарушалась, была в очередной раз *восстановлена* в 1939 году. В высшей степени показательно, что поначалу намечалась иная, проходившая намного западнее граница — по рекам Сан и Висла, — но по воле СССР этого не произошло. Известный американский историк войны Уильям Ширер писал в 1959 году о решении Сталина отказаться от собственно *польских* территорий: «Хорошо усвоив урок многовековой истории России, он понимал, что польский народ никогда не примирится с потерей своей независимости»[1].

Другое дело — отторгнутые в очередной раз в 1920—1921 годах Польшей украинские и белорусские земли. Сейчас имеется немало всяких «перевертышей», кричащих, что воссоединение этих земель с остальными землями Украины и Белоруссии являлось-де «оккупацией» и «захватом». Поэтому отрадно читать работу *молодого* историка А.Д. Маркова «Военно-политические аспекты присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии», опубликованную в изданном в 1997 году в Москве сборнике «Великая Отечественная война в оценке молодых» (сборник этот небезынтересен в целом).

А.Д. Марков вовсе не «лакирует» историческую ситуацию; он пишет, например, что СССР «до 22 июня 1941 г. фактически являлся гитлеровским союзником». (С. 22.) Правда, слово «союзник» неточно; вернее было бы сказать, что СССР был «по-

[1] *Ширер Уильям.* Взлет и падение Третьего рейха. — М., 1991. Т. 2. С. 8.

собником», ибо в самом деле так или иначе способствовал германскому овладению Западной Европой, — вполне подобно тому, как годом ранее Великобритания и Франция являлись пособницами в овладении Германией Восточной Европой.

Вместе с тем молодой историк, никак не причастный к тенденциозности «доперестроечных» времен, не имеет потребности «отмываться» от своих прежних сочинений и, основываясь на реальных фактах, показывает, что основное население западных земель Украины и Белоруссии ни в коей мере не воспринимало введение войск СССР в 1939 году как «агрессию», «захват», «оккупацию» и т. п. Напротив, пишет А.Д. Марков, «в восточнопольских землях украинцы, белорусы и евреи нередко организовывали повстанческие отряды... нападая на отступавшие от немцев польские части... Непольское население превращало польские знамена, отрывая от них белые полосы, в красные, засыпало цветами колонны Красной армии... указывало места, где поляки прятали оружие, участвовало в обезвреживании небольших польских частей» и т. п. (С. 18.) А это «непольское» население составляло «по разным источникам» от 67 до 90 процентов! (С. 14.)

Особенно следует отметить, что цитируемый молодой историк в своей лаконичной работе все же нашел место для многовековой перспективы: «Западноукраинские и западнобелорусские земли... в X—XI вв. входили в состав Киевской Руси. Причем уже в 981 г. князю Владимиру I пришлось вести борьбу с поляками за города Перемышль, Червень и др.» (С. 13.) События 1939 года свидетельствуют, заключает А.Д. Марков, что «политика интернационализма с ленинским пренебрежением к вопросу о границах стала изменяться в сторону возвращения территорий, которыми когда-либо владели не только Российская империя, но и Киевская Русь». (С. 22.) Отрадно, повторю еще раз, что

молодой историк не поддается давлению — весьма мощному! — нынешних «либеральных» очернителей истории своей страны.

Впрочем, необходимо одно существенное уточнение. Суть дела состояла не просто в том, чтобы вернуть прежние «владения». Становление границы Руси и Запада в древнейшую эпоху происходило не столько в процессе «дипломатических переговоров», сколько как бы естественно, стихийно, само собой. Складывался не политико-дипломатический, а *геополитический рубеж* между Русью и Европой. И именно он лежал в *подоснове* решения о границе в 1939 году. И когда германские войска на рассвете 22 июня 1941 года переправлялись через Западный Буг, они рушили границу, прочно установленную великим князем Владимиром Святославичем в 981 году, то есть 960 лет тому назад...

При восстановлении этого рубежа в 1939 году закономерно встал вопрос (как и в конце XVIII века) о том литовском «клине», о коем уже шла речь выше, ибо в 1920 году Польша не только отторгла западные украинские и белорусские земли, но и отняла у Литвы Вильно-Вильнюс с прилегающей к нему территорией. И 10 октября 1939 года СССР передал эту территорию Литве. То есть вновь — спустя полтора столетия — была воспроизведена та же самая «геополитическая модель», что говорит о ее существенности. В нынешней Литве подчас звучат голоса, проклинающие СССР за «позорный раздел Польши» в 1939 году, однако, если толковать это событие в таком духе, литовцам следует отдать Польше Вильнюс...

Мне, разумеется, напомнят, что в 1940 году СССР присоединил к себе эту самую воссоединенную им самим Литву. Но, прежде чем говорить об этом, отмечу, что Литва — вполне аналогично Латвии и Эстонии — являет собой «пограничную зону» между Европой и Россией. Показателен с этой точки зрения состав населения Вильно-Вильнюса (в котором долго господствовали поляки) по переписи 1897 года: поляки — 30,1%, русские — 25,5%, литовцы — всего лишь 2,1% (!). И спустя почти сто лет, в 1989 году: поляки — 18,7%, русские — 20,2%, а литовцы теперь — 50,2% (!).

Кто-либо может подумать, что я уделяю прибалтийской теме в этом размышлении о Великой войне неоправданно много места, Однако речь ведь идет именно о *геополитическом пограничье,* и без понимания его характера невозможно понять проблему в целом.

После начавшегося вскоре после Февральской революции, летом 1917 года, распада Российской империи (отделение Украины, Грузии, Армении и т. д. вплоть до отдельных губерний), отделились также Латвия, Литва и Эстония, и, в отличие от других частей страны (к 1922 году «возвратившихся» в ее состав), были до 1940-го самостоятельными государствами. Но многозначительно, что на мировом дипломатическом языке они назывались в то время государствами-«лимитрофами», то есть «пограничными».

И накануне Великой войны эти страны неотвратимо должны были занять либо Германия, которая уже 22 марта 1939 года (то есть за полгода до очередного «раздела» Польши) захватила район Клайпеды-Мемеля, либо СССР—Россия.

Я отнюдь не намерен закрывать глаза на тот факт, что, поскольку в предшествующие два десятилетия три прибалтийских страны были самостоятельными государствами, их присоединение к СССР в 1940-м году заслуживает осуждения. Руководствуясь своими геополитическими интересами, СССР пренебрег национально-государственными интересами прибалтийских народов (между прочим, Петр I этого не делал, так как он именно купил

латышские и эстонские земли у другого их «владельца»).

Но вместе с тем нельзя согласиться со многими нынешними сочинителями, преподносящими события 1940 года в качестве некой уникально позорной, прямо-таки чудовищной акции, на которую-де способен был именно и только большевистский или — как нередко объявляют — русский империализм.

Достаточно вспомнить, как «присоединяли» вроде бы добропорядочные европейские страны свои бесчисленные колонии, дабы убедиться, что русское и даже большевистское зло не представляет собой чего-либо из ряда вон выходящего. И дело, конечно, не только в колониях в точном смысле слова. В прошлом веке США, например, отхватили у Мексики большую и наиболее ценную часть ее территории (нынешние штаты Калифорния, Техас, Нью-Мексико и др.), и тем не менее американские идеологи нисколько не стесняются обрушивать проклятия в адрес российского «империализма»!

Уже упомянутый английский историк Алан Тейлор писал в 1975 году, что «права России на балтийские государства и восточную часть Польши (украинско-белорусскую. — *В.К.*) были *гораздо более обоснованными* по сравнению с правом Соединенных Штатов на Нью-Мексико (одна из захваченных у Мексики территорий. — *В.К*). Фактически англичане и американцы применяли к русским нормы, которых они не применяли к себе» (цит. соч., с. 497; выделено мною. — *В.К*).

Особенно дики современные попытки некоторых прибалтийских идеологов представить пребывание их стран в составе СССР как гораздо большее зло, чем оккупацию этих стран Германией, хотя давно опубликованы секретные германские директивы, предписывавшие осуществление полной «аннигиляции» самих прибалтийских *народов* (а не только их государственной независимости). Так,

в «меморандуме» Розенберга от 2 апреля 1941 года предписывалось превращение Эстонии, Латвии и Литвы в «территорию немецкого расселения, призванную ассимилировать наиболее подходящие в расовом отношении местные элементы... Необходимо будет обеспечить отток значительных слоев интеллигенции (то есть выразителей национального самосознания. — *В.К.*), особенно латышской (как наиболее многочисленной в сравнении с литовской и эстонской. — *В.К.*), *в центральные русские области, затем приступить к заселению Прибалтики крупными массами немецких крестьян... не исключено переселение в эти районы также датчан, норвежцев, голландцев, а после победоносного окончания войны, и англичан (очень существенный момент, к которому мы еще вернемся! — В.К.)*, чтобы через одно или два поколения присоединить эту страну, уже полностью онемеченную, к коренным землям Германии»[1].

Гиммлер, несколько расходясь с Розенбергом, планировал не столько заселение Прибалтики германцами, сколько самую интенсивную политику в отношении ее собственного населения:

«...двадцатилетний план, — писал он 12 июня 1942 года, — должен включать полное онемечивание Эстонии и Латвии... Мы должны это осуществить по возможности в течение 20 лет. Я лично убежден, что это можно сделать...»[2]

Впрочем, по своей главной сути оба «плана» едины: и в том и в другом прибалтийские народы как таковые, в их наличном национальном бытии и сознании, не причисляются к *европейским* народам, и их следует или в значительной мере «заме-

[1] *Дашичев В.И.* Цит. соч., с. 25.

[2] «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. — М., 1967. С. 121.

нить» переселенцами из Европы, или полностью «онемечить», — лишь тогда Прибалтика станет частью Европы, действительно войдет в ее геополитические границы. Между тем ни в России, ни тем более в СССР с его политикой «интернационализма» (со всеми ее «негативными» сторонами) не проводилась какая-либо целенаправленная «русификация» прибалтийских народов.

Разумеется, изложенная программа ликвидации прибалтийских народов — крайнее выражение того, что называется «геноцидом», и она вообще не может подлежать какому-либо обсуждению. Но поставим вопрос в совсем иной плоскости: нацисты были с определенной точки зрения *правы*, не считая прибалтийцев собственно европейцами; перед нами, как уже говорилось, «пограничье» Европы и Евразии—России, и нацистская программа именно это выявляла...

Для полноты картины следует сказать и об еще одной «спорной» пограничной территории — части нынешней Молдавии, называвшейся ранее Бессарабией. Поскольку в древнейшие времена здесь обитали восточнославянские племена уличей и тиверцев, западная граница Руси так или иначе устанавливалась в этой южной ее части не позднее X века; в частности, князь Святослав Игоревич даже в известном смысле перенес столицу Руси из Киева в находившийся в дельте Дуная Переяславец. Впоследствии на бессарабских землях существовало в течение некоторого времени православное Великое княжество Молдавское, но им завладела мощнейшая в те времена Турецкая империя, а позднее, после целого ряда войн, Бессарабия к 1812 году вновь стала частью России, что окончательно закрепилось после победы над Наполеоном.

Словом, переход Бессарабии в результате распада России в 1917 году в состав Румынии был по меньшей мере не бесспорным актом, и возврат в

1940 году к восходящей к глубокой древности границе опять-таки нельзя воспринимать в качестве захвата собственно *европейской* территории.

И, следовательно, определившуюся к 1941 году западную границу СССР—России от Ледовитого океана до Черного моря есть все основания считать геополитической, соответствующей многовековому делению на два «субконтинента» — собственно Европу и то, что давно уже определяют термином *Евразия* (это, в сущности, геополитическое обозначение России, являющей собой своеобразный *субконтинент).*

Поэтому постоянно повторяемые утверждения, что-де СССР—Россия в 1939—1940 годах совершил агрессивные захваты и осуществил «раздел» *Европы* (Восточной) с Германией и т. п., едва ли имеют объективное значение; это только тенденциозная идеологическая оценка. Другое дело — положение, создавшееся после Победы 1945 года, когда определенный рубеж СССР—России и Запада прошел по восточной границе ФРГ, Австрии и Италии. Этот рубеж не имел *геополитического* обоснования, а поэтому и перспективного будущего. Но об этом речь пойдет в своем месте — в главе о послевоенном периоде.

* * *

Итак, в 1939—1940 годах была восстановлена та геополитическая граница между Европой и Россией, которая существовала уже тысячелетие назад, в очередной раз утвердилась на два века при Петре Великом и была порушена в результате катаклизма революции. Россия никогда не имела цели присоединить к себе какие-либо территории *западнее* этой *границы;* столетнее пребывание в ее составе

части Польши (1815—1917) и другой *будущей* (именно так!) европейской страны, Финляндии (1809—1917), — это те исключения, которые, как говорится, подтверждают правило; в высшей степени показательно, что обе территории с самого начала их вхождения в империю получили статусы особых Царства и Великого княжества.

Естественно, нельзя обойти здесь вопрос о крайне прискорбной войне с Финляндией, длившейся с 30 ноября 1939 до 13 марта 1940 года. 14 октября 1939 года СССР предложил Финляндии совершить «территориальный обмен», главным элементом которого являлась передача — в сущности, как еще будет показано, возврат — в состав СССР—России *Карельского перешейка* (между Финским заливом и Ладожским озером) в обмен на превышающую этот перешеек в два раза территорию, расположенную севернее. На этом стоит остановиться подробнее, ибо в судьбе, казалось бы, совершенно незначительного клочка земли (1/15000 от территории СССР и 1/260 от территории Финляндии) воплощалась основополагающая геополитическая проблема.

Дело в том, что Карельский перешеек вошел в состав Русского государства в момент его рождения. Государство это с самого начала представало как многонациональное или, вернее, многоплеменное, и, согласно «Повести временных лет», северное ядро Руси с центром в ее древнейшем городе Ладога создали *совместно* восточнославянские и финские — *чудь* и *весь* — племена, притом как раз *весь* населяла Карельский перешеек (ее потомки, называющиеся *вепсами,* существуют и сегодня, — в частности, в Ленинградской области; в 1989 году их было 13 тысяч человек).

Позднее Карельский перешеек не раз пыталась отнять у Руси-России владевшая Финляндией Швеция, и в 1617 году ей удалось отторгнуть его у ос-

лабевшей за годы Смутного времени России. Но в 1721-м, как уже говорилось, Петр Великий возвратил Карельский перешеек, создавая пограничье вокруг новой столицы России, — восстановив тем самым первоначальную границу Русского государства.

Однако девяносто лет спустя, в 1811 году — через два года после создания Великого княжества Финляндского — эта территория была (надо прямо сказать, совершенно опрометчиво) присоединена к нему в качестве своего рода щедрого дара Александра I. И после превращения в 1917 году Финляндии в суверенную страну получилось так, что граница с ней прошла не в полутораста километрах от Петербурга (как было при Петре), а почти по его предместьям... В принципе это было как бы геополитическим дефектом, очень остро воспринимавшимся в ситуации 1939 года. И СССР предложил вышеупомянутый «обмен», а на категорический отказ Финляндии ответил войной.

Сейчас СССР за эту войну клеймят последними словами, между тем видный английский историк Лиддел Гарт (отнюдь не «просоветски» настроенный) в 1970 писал о «требованиях» СССР 1939 года к Финляндии:

«Объективное изучение этих требований показывает, что они были составлены на рациональной основе с целью обеспечить большую безопасность русской территории, не нанося сколько-нибудь серьезного ущерба безопасности Финляндии...» И даже после трудно доставшегося в марте 1940-го поражения финских войск «новые советские требования были исключительно умеренными. Выдвинув столь скромные требования, Сталин проявил государственную мудрость»[1], — которая, надо отметить,

[1] *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война. — М., 1976. С. 56, 57.

по сей день проявляется в отношениях России и Финляндии.

Стоит привести слова Сталина из стенограммы его переговоров 12 октября 1939 года с главой приглашенной в Москву финляндской делегации Ю.К. Паасикиви: «Мы *не можем ничего поделать с географией* (выделено мною. — *В.К.),* так же как и вы... — сказал тогда Сталин. — Поскольку Ленинград передвинуть нельзя, придется отодвинуть от него границу»[1]. То есть речь шла именно о нарушенной в 1917 году геополитической границе, — и, в конечном счете, именно поэтому объективный английский историк выразил согласие с «требованиями» 1939 года к Финляндии.

Однако финны с 1811 года привыкли считать Карельский перешеек неотъемлемой частью Великого княжества Финляндского, которое — что особенно важно — даже и в столетний период его существования во внешнеполитических границах Российской империи представало как скандинавская, то есть европейская, страна. И вот эта страна с населением, составлявшим всего лишь *три с половиной миллиона* человек, в течение трех с половиной месяцев отчаянно сопротивлялась войскам огромного СССР. По недавно опубликованным подсчетам, «на той войне незнаменитой» (по слову Твардовского) погибли 126 875 (!) военнослужащих СССР...

Между тем при вторжении в сентябре 1939 года войск СССР в восточную часть Польши — то есть в Западные Украину и Белоруссию — погибли всего 1139 военнослужащих (0,9 процента от числа погибших в Финляндии)[2].

Что же касается ввода войск СССР—России в Эстонию, Латвию и Литву в октябре 1939 года (то

[1]От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы Второй мировой войны. — М., 1992. С. 54.

[2]Гриф секретности снят... С. 123.

есть еще до начала боевых действий в Финляндии) и официального присоединения этих трех стран к СССР в августе 1940-го, ни то, ни другое не вызвало фактически никакого сопротивления!

Резкий контраст с ситуацией в Финляндии (следует напомнить, что совокупное население трех прибалтийских стран почти в *два раза* превышало финляндское) не мог быть некой случайностью. Конечно, те или иные слои прибалтийских народов испытывали чувство недовольства или даже негодования совершавшимся, но население в целом, надо думать, как-то сознавало «пограничный» характер своих стран и мирилось с их возвратом в состав СССР—России,

Этот факт обычно толкуется в «классовом» духе; большинство населения Прибалтики, ее трудящиеся, не имели, мол, ничего против социализма, и потому никакой войной и не пахло. Но ведь и в Финляндии имелся пролетариат и даже коммунистическая партия (сразу после начала финской войны в Москве было создано «теневое» коммунистическое правительство Финляндии во главе с видным коминтерновцем Отто Куусиненом). Однако финский народ единодушно встал на защиту своей страны — в отличие от прибалтийских народов.

И главное, полагаю, не в каких-либо «оценках» поведения народов, но в осознании *геополитического* различия. Показательно в этом плане рассуждение Черчилля о финской войне в его сочинении «Вторая мировая война». Он говорит о западных границах СССР 1939 года, которые вызывали у правителей страны глубочайшую тревогу, — границах с прибалтийскими странами и Финляндией, усматривая в этом давнюю историческую проблему. «Даже белогвардейское правительство Колчака, — напоминал Черчилль, — уведомило мирную конферен-

цию в Париже (речь идет о конференции 1919—1920 гг., подводившей итоги Первой мировой войны. — *В.К.),* что базы в прибалтийских государствах и Финляндии (имелся в виду прежде всего Карельский перешеек. — *В.К.)* были необходимой защитой для русской столицы (Петрограда. — *В.К.).* Сталин высказал ту же мысль английской и французской миссиям летом 1939 года». То есть дело шло о «естественной» геополитической границе. «Сталин, — продолжал Черчилль, — не терял времени даром...» 28 сентября 1939 года был заключен соответствующий договор с Эстонией, и «21 октября Красная армия и военно-воздушные силы уже были на месте, — заключает Черчилль, — та же процедура была одновременно проделана в Латвии. Советские гарнизоны появились также и в Литве... Оставались *открытыми* подступы только через Финляндию»[1] (таким образом, Черчилль считал присоединение Карельского перешейка вполне естественным делом).

При этом — что особенно впечатляюще — речь шла отнюдь не о введении войск СССР на территорию Финляндии в целом, а только о возврате «подаренного» Великому княжеству Финляндскому в 1811 году Карельского перешейка, который еще в IX веке (!) принадлежал Руси. Тем не менее началась долгая и тяжкая война.

* * *

Возвращаясь к теме, о которой уже говорилось выше, нельзя не сказать, что сам факт очень дорого обошедшейся победы над крохотной Финляндией делает абсолютно неправдоподобной, даже нелепой нынешнюю «гипотезу», согласно которой в

[1] *Черчилль.* Цит. соч., т. 1, с. 242—243.

СССР всего через несколько месяцев после этой — в сущности, пирровой — победы было-де принято решение напасть на Германию, к тому времени уже подчинившую себе всю континентальную Европу! При всех возможных негативных оценках Сталина едва ли уместно видеть в нем полного несмышленыша...

К тому же в сознании Сталина, без сомнения, сохранялась ясная память о *походе на Европу* в 1920 году, — походе, в котором он принимал прямое участие. Хотя дело началось тогда с агрессивного нападения Польши, которая стремилась вернуть себе всю Правобережную Украину и большую часть Белоруссии, после поражения и отступления польских войск возникла идея захвата Варшавы (где, как предполагали, тут же начнется социалистическая революция) и дальнейшего движения на Берлин и Запад в целом. Командующий главным — Западным — фронтом М.Н. Тухачевский без обиняков взывал в июле 1920 года в своем приказе о наступлении: «Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На Запад!»[1]

Но начавшийся в июле поход на Европу потерпел сокрушительное поражение уже в августе. И позднее, в марте 1921 года, Ленин открыто признал этот поход «ошибкой», многозначительно добавив: «Я сейчас не буду разбирать, была ли эта ошибка стратегическая или политическая... это должно составлять дело будущих историков»[2].

Из вышеизложенного следует, что это была *геополитическая* «ошибка»: Россия (пусть даже в обличье РСФСР и, далее, СССР) не может и не должна завоевывать Европу; она может и должна сохранять

[1] Цит. по кн.: Кровавый маршал. Михаил Тухачевский. 1893—1937. Сост. Г.В. Смирнов. — М., 1997. С. 286.

[2] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., 5-е изд., т. 43, с. 11.

свое собственное геополитическое пространство, хотя не исключены споры о *границах* этого пространства, — в частности, о «принадлежности» к нему Прибалтики.

С 1991 года уже семь лет три прибалтийские страны всячески стремились доказать свою принадлежность к Европе, однако достаточно было властям РФ в 1998 году выразить недовольство притеснениями так называемых русскоязычных в Латвии и несколько ограничить взаимоотношения с ней, — и в этой вроде бы независимой от России стране разразился весьма острый кризис (хотя никакой действительной угрозы со стороны РФ, разумеется, не было). Из этого ясно, что Латвия — по крайней мере в настоящее время — *не вышла* из геополитического пространства России...

Но вернемся еще раз к походу на Варшаву и, далее, на Запад в целом в 1920 году. Строго говоря, это была *единственная* попытка завоевания европейской страны за *всю* историю России, — хотя, если верить западным русофобствующим идеологам, подобные попытки будто бы имели место многократно (реального подтверждения этих домыслов не существует). Притом, поход 1920 года был продиктован, конечно же, не геополитической волей России, а большевистско-коминтерновским экстремизмом, который сразу же потерпел крах.

К 1939 году сей экстремизм ушел в прошлое и, кстати сказать, именно в этом году, как показано в недавних исследованиях[1], начался фактический «демонтаж» Коминтерна, завершившийся его официальной ликвидацией в мае 1943 года.

Подводя итог, целесообразно процитировать размышления одного из крупнейших представителей западной историософии — Арнольда Тойнби, про-

[1]См.: Коминтерн: опыт, традиции, уроки... — М., 1989.

являвшего волю к истинной объективности взгляда. В 1947 году он писал:

«На Западе бытует понятие, что Россия — агрессор... в XVIII веке при разделе Польши Россия поглотила львиную долю территории; в XIX веке она угнетатель Польши и Финляндии... *Сторонний* (выделено мною. — *В.К.)* наблюдатель, если бы таковой существовал, сказал бы, что победы русских над шведами и поляками в XVIII веке — это лишь *контрнаступление*... в XIV веке лучшая часть исконной российской территории — почти вся Белоруссия и Украина — была оторвана от русского православного христианства и присоединена к западному христианству... Польские завоевания исконной русской территории... были возвращены России лишь в последней фазе мировой войны 1939—1945 годов.

В XVII веке польские захватчики проникли в самое сердце России, вплоть до самой Москвы, — продолжал Тойнби, — и были отброшены лишь ценой колоссальных усилий со стороны русских, а шведы отрезали Россию от Балтики, аннексировав все восточное побережье до северных пределов польских владений. В 1812 году Наполеон повторил польский успех XVII века; а на рубеже XIX и XX веков удары с Запада градом посыпались на Россию, один за другим. Германцы, вторгшиеся в ее пределы в 1915—1918 годах, захватили Украину и достигли Кавказа. После краха немцев наступила очередь британцев, французов, американцев и японцев, которые в 1918 году вторгались в Россию с четырех сторон. И, наконец, в 1941 году немцы вновь начали наступление, более грозное и жестокое, чем когда-либо.

Верно, что и русские армии воевали на западных землях, — заключил британец, — однако они всегда приходили как *союзники одной из западных стран* в их бесконечных семейных ссорах. Хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианст-

ва, пожалуй, действительно отражают, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада — агрессорами... Русские навлекли на себя враждебное отношение Запада из-за своей упрямой приверженности чуждой цивилизации»[1].

Возражения против множества нынешних сочинений, в которых Россия (в том числе и в обличье СССР) предстает как агрессор в отношении стран Запада, пытаются обычно дискредитировать, объявляя такие возражения тенденциозными выдумками русских «национал-патриотов», пытающихся идеализировать свое Отечество. Но Арнольд Тойнби явно не принадлежал к русским патриотам...

И, если договаривать все до конца, очевидное «нежелание» России переступать геополитическую границу с Западом (чрезвычайно характерно, например, что даже при включении в состав империи Финляндии была установлена определенная граница с ней) обусловлено не особенным ее «миролюбием», но, помимо прочего, давно сложившимся *пиететом* перед европейской цивилизацией, — пиететом, столь ясно воплотившимся в мощном российском *западничестве.* Притом, западничество — это только крайнее проявление всеобщей настроенности: так, отнюдь не принадлежавший к западникам Достоевский все же посеял мысль о том, что «старые камни» Европы едва ли *не дороже* русским, чем самим европейцам (напомню, что 19 января 1945 года русские войска, например, спасли «старые камни» Кракова, рискуя при этом сильно увеличить свои потери...)

Итак, Россия, а затем СССР не предпринимали и даже не планировали (планы разжигания «мировой революции» — это иная проблема) завоевания

[1] *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. — М., 1996. С. 106—107.

стран Европы. «Поход на Варшаву — Берлин» 1920 года — своего рода исключительный случай, признанный вскоре же «ошибкой». Поэтому споры, возбужденные пресловутой резунской версией, — всего лишь недоразумение, говорящее о серьезном неблагополучии в стане нынешних историков. Нелепость этой версии обнаруживается уже абсолютно бесспорно в ее, так сказать, втором аспекте, согласно которому Гитлер-де решил начать войну против нас потому, что ему стало известно о готовом вот-вот обрушиться на Германию задуманном Сталиным нападении. Между тем «План Барбаросса» был окончательно утвержден 18 декабря 1940 года, но даже три недели спустя, 9 января 1941 года, Гитлер заявил, что «Сталин, властитель России, — умная голова, он не станет открыто выступать против Германии»[1], а 20 января «развил» тему: «...пока жив Сталин, *никакой опасности нет:* он достаточно умен и осторожен, Но когда его не станет, евреи, которые сейчас обретаются во втором или третьем гарнитурах, могут продвинуться в первый...» (там же, с. 138, выделено мною. — *В.К.)*

Словом, все нынешние разглагольствования о том, что Германия-де напала на СССР ради предотвращения его якобы готового нападения, прямо-таки до неприличия безосновательны. И тем не менее эта «версия» сейчас достаточно широко выдвигается, особенно «решительно» такими авторами, которые сравнительно недавно утверждали нечто прямо противоположное, Они явно стремятся «отмыться» от своих прежних «заслуг».

Как уже сказано, при заключении пакта 1939 года глубоким заблуждением правительства СССР был расчет на последующую долгую и упорную вой-

[1] Вторая мировая война; два взгляда... С. 136.

ну *внутри* Европы, войну, которая, мол, изнурив враждующие лагеря, спасет СССР от мощного нападения, а в конечном счете, возможно, приведет Европу к революции, — как привела к ней Россию Первая мировая война. Этого рода надежды ясно просматриваются в тогдашних рассуждениях Сталина, и именно они, очевидно, и явились главным, решающим стимулом для неожиданного для всего мира пакта с нацистской Германией, который, так сказать, развязывал ей руки для атаки на Запад, каковая и началась всего через семь месяцев, в апреле 1940 года...

Конечно, выразившаяся в этом пакте «линия поведения» была заведомо «безнравственной», но, как уже говорилось, когда дело идет о глобальной внешней политике государств, попросту бессмысленно исходить из критериев нравственности, и «поведение» Великобритании и США было тогда отнюдь не менее безнравственным. К этой стороне проблемы Великой войны мы и переходим.

* * *

К сожалению, до сего дня господствует ложное представление о роли Великобритании в 1939—1945 годах, что обусловлено, во-первых, тем поверхностным пониманием сущности войны в целом, о котором подробно говорилось выше, и, во-вторых, недостаточной раскрытостью некоторых «тайн» того времени, — в частности, спасения, избавления британских войск в мае 1940 года под Дюнкерком и полета Рудольфа Гесса в Великобританию через год, в мае 1941-го.

Германия, как подтверждает множество разнообразных фактов, стремилась вовсе не к войне с Великобританией, а к прочному *союзу с* ней, в котором она намеревалась, конечно, играть ведущую

роль. Программу войны против СССР—России и, напротив, дружественного союза с Великобританией Гитлер выдвинул еще в 1925 году в «Майн кампф» и неоднократно горячо отстаивал ее, поскольку некоторые его соратники не верили в возможность склонить Великобританию на свою сторону.

Уже во время войны, в 1939-м и позднее, Гитлер не раз утверждал, что *победа* над Великобританией — отнюдь не в интересах Германии. Так, 13 июля 1940 года он заявил на секретном совещании, что «если Англия будет разбита... Британская империя распадется. Пользы от этого Германии — никакой. Пролив немецкую кровь, мы добьемся чего-то такого, что пойдет на пользу лишь Японии, Америке и другим» (цит. изд., с. 111). Примерно тогда же он утверждал (опять-таки не на публике), что «все, чего он хочет от Англии — это признания германских позиций на континенте... целью является заключить с Англией мир на основе переговоров». И очень существенно в устах Гитлера утверждение: «Наши народы по расе и традициям едины»[1] (напомню, что согласно проекту Розенберга Прибалтику следовало заселить, в частности, «расово полноценными» *англичанами).*

Военная документация Германии стала после ее поражения доступной для историков, и уже упомянутый Лиддел Гарт не без глубокого удивления констатировал, что «как это ни странно, но ни Гитлер, ни немецкое верховное командование не разработало планов борьбы против Англии... Таким образом, очевидно, что Гитлер рассчитывал добиться согласия английского правительства на компромиссный мир на благоприятных для Англии условиях... немецкая армия совершенно не была готова к вторжению в Англию. В штабе сухопутных войск не

[1]Цит. по кн.: *Проэктор Д.М.* Цит. соч., с. 214.

только не планировали эту операцию, но даже не рассматривали подобную возможность»[1].

Правда, в июле 1940 года был намечен план вторжения в Англию — «Морской лев», но многие историки убедительно доказывают, что он представлял собой фальшивку (план, кстати, ни в коей мере не реализовывался), преследовавшую цель дезинформировать и Великобританию (ради запугивания, чтобы склонить к мирным переговорам), и, главное, СССР (дабы обеспечить неожиданность нападения на него). В высшей степени показательно, что именно в том самом июле 1940 года составлялся *реальный* «План Барбаросса»!

Многозначительны два уже упомянутых «таинственных» события. Первое — поистине чудесное (его и называют обычно «чудом») избавление 300-тысячных английских войск в мае — начале июня 1940 года, когда германская армия стремительно окружала их около французского порта Дюнкерк, и было ясно, что они не смогут перебраться через пролив Ла-Манш на родину. Однако Гитлер неожиданно приказал приостановить наступление своих войск, и благодаря этому три сотни тысяч британских военнослужащих спаслись, оставив, правда, немцам свое вооружение.

Пытались доказывать, что Гитлер и его военачальники допустили грубейшую ошибку. Между тем уже хотя бы один давно известный факт, что столь существенный приказ о приостановке наступления был передан немцами по радио в *незашифрованном* виде[2] (и стал, естественно, известен англичанам) ясно говорит: это не ошибка, а намеренная акция. Германский генерал-фельдмаршал Рундштедт, выполнявший приказ о приостановке наступления,

[1] *Лиддел Гарт В.* Цит. соч., с. 94, 95.

[2] См.: *Черчилль Уинстон.* Цит. соч., с. 339.

впоследствии заявил, что после дюнкеркского «чуда» Гитлер «надеялся заключить с Англией мир»[1].

Об истинной сути дюнкеркского «чуда» основательно написал в 1956 году французский историк А. Гутар: «Гитлер был убежден, что Англия... будет вынуждена заключить мир. Он имел твердое намерение облегчить англичанам это дело и предложить им чрезвычайно великодушные условия. Было ли удобно при этих условиях начать с того, чтобы захватить у них их единственную армию?.. Лучше... позволить их войскам совершить посадку на суда, что не представляло никакой опасности, так как они не могли взять с собой оружие, и война уже на исходе»[2]. Случай вообще-то исключительно редкий в истории войн, и он может быть понят только как акция в пользу союза с Англией, а вовсе не борьбы с ней.

И вторая «тайна». Спустя год после дюнкеркского «чуда» (в течение этого года имели место только не столь уж значительные бои между итало-германскими и британскими войсками в Северной Африке), 10 мая 1941 года — то есть за шесть недель до вторжения Германии в СССР — в Великобританию прилетел Рудольф Гесс — третье (после Гитлера и Геринга) лицо в нацистской иерархии.

Утверждают, что это произошло по сугубо личной инициативе Гесса, или даже, что он был в то время в состоянии некого умственного помрачения; именно такое толкование акции Гесса было дано спустя пять дней после его полета в официальной прессе Германии.

Однако в новейших исследованиях убедительно показана несостоятельность этой версии; Гесс,

[1] Цит. по кн.: *Проэктор Д.М.* Цит. соч., с. 215.

[2] *Розанов Г.Л.* Сталин. Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений 1939—1941 гг. — М., 1991. С. 204.

очевидно, был уполномочен на переговоры самим Гитлером. Автор одного из этих исследований, Г.Л. Розанов, основательно объяснил причину *неудачи* «миссии» Гесса: «Руководители английской политики к моменту прилета Гесса, то есть к маю 1941 г., не только обладали обширной информацией о готовившемся нападении фашистской Германии на СССР, но им была известна и дата нападения»[1]. Поэтому они не опасались атаки Германии. Тем не менее Г. Л. Розанов делает существенное добавление к сказанному: «Видимо, в ходе переговоров с Гессом английская сторона серьезно скомпрометировала себя. Не этим ли объясняется тот факт, что английские дипломатические документы, относящиеся к «миссии Гесса», скрыты за семью печатями? Их публикация в нарушение существующей в Англии практики будет осуществлена не ранее 2017 г.» (!) (Там же.)

Речь идет, скорее всего, не о документах, в которых отражены переговоры с уже прилетевшим Гессом, ибо к моменту его прилета в Великобритании, как сказано, точно знали, что война перемещается в СССР—Россию, и потому едва ли германские предложения о союзе могли быть в этот момент приняты. Но вместе с тем крайне сомнительно, чтобы столь высокопоставленный «парламентер» заявился бы в Великобританию без всяких предварительных — разумеется, сугубо тайных — договоренностей, которые, надо думать, и отражены в документах, чья публикация отложена на столь долгий срок (даже сегодня ждать этой публикации осталось почти двадцать лет!).

Укажу на еще один факт, который подтверждает, что полет Гесса 10 мая 1941 года был согласован с

[1] *Розанов Г.Л.* Сталин. Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений 1939—1941 гг. — М., 1991. С. 204.

Гитлером (пусть последний это категорически отрицал); именно 10 мая, после перерыва в несколько месяцев, германская бомбардировочная авиация совершила «разрушительнейший налет на Лондон»[1], притом это был вообще *последний* крупный налет. Вполне вероятно, что сей мощный удар призван был «подкрепить» предложения о мире и союзе прилетевшего как раз в тот самый день в Великобританию Гесса.

Но обратимся к общему положению Великобритании в первые годы войны. Нет никакого сомнения, что она не могла противостоять Германии, быстро вбиравшей в себя всю мощь континентальной Европы. Премьер-министр (с 28 мая 1937-го по 10 мая 1940-го) Чемберлен и его ближайшие сподвижники были — как показано выше — готовы на все, лишь бы избежать реальной войны.

Вроде бы принципиально по-иному повел себя новый премьер — Черчилль. Однако вопрос о его политической линии достаточно сложен и противоречив. Ясно, что он был намного более широко мыслящим и осведомленным (сэр Уинстон умел собирать информацию) правителем, нежели Чемберлен, что нашло выражение, в частности, в его изданном в 1948—1953 гг. пространном сочинении «Вторая мировая война», которое в 1953-м было удостоено Нобелевской премии *по литературе* (хотя особыми собственно литературными достоинствами его сочинение едва ли обладает).

Конечно же, Черчилль в своем сочинении всячески выпрямил и приукрасил свою политическую линию, утверждая, например, что он-де всегда был непримиримым противником Гитлера и нацизма вообще и при любых условиях боролся бы не на жизнь, а на смерть с Германией.

Между тем в 1937 году, когда суть нацизма уже

[1] *Лиддел Гарт.* Цит. соч., с. 116.

вполне выявилась, Черчилль писал: «Некоторым может не нравиться система Гитлера, но они тем не менее восхищаются его патриотическими достижениями... Если бы моя страна потерпела поражение (в Первой мировой войне. — *В.К.),* я надеюсь, что мы должны были бы найти такого же великолепного лидера, который возродил бы нашу отвагу и возвратил нам наше место среди народов»[1].

И американский биограф Черчилля Эмрис Хьюз утверждал еще при его жизни, в 1955 году (и никаких опровержений не последовало), что тот едва ли «когда-либо серьезно беспокоился по поводу идеологических концепций Гитлера или его антидемократической политики... Если бы Гитлер ограничился только пропагандой священной войны против России, Черчилль, вполне вероятно, не поссорился бы с ним» (там же, с. 285).

О том, с чем не хотел примириться Черчилль, он сказал в своей парламентской речи в октябре 1938 года: «Я нахожу невыносимым сознание, что наша страна входит в орбиту нацистской Германии, подпадает под ее власть и влияние, и что наше существование начинает зависеть от ее доброй воли или прихоти»[2].

Весь, как говорится, ужас положения заключался в следующем: «Черчилль — согласно совершенно справедливому суждению его советского биографа, В.Г. Трухановского, — прекрасно отдавал себе отчет в том, что, оставаясь в одиночестве, Англия обречена на неминуемое и быстрое поражение»[3]. Отдавала себе в этом отчет и правящая верхушка Великобритании в целом. Впервые за несколько столетий гордая империя не могла рассчитывать на победу в войне и потому была, в общем, готова согласиться на мир и союз с Германией (в чем был уверен Гитлер).

[1] *Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. Политическая биография. — М., 1968. С. 288.

[2] *Черчилль.* Цит. соч., т. 1, с. 149.

[3] *Трухановский.* Цит. соч., с. 326.

Об этом недвусмысленно сказал вскоре после своего назначения на пост премьер-министра сам Черчилль в письме к президенту США Рузвельту от 14—15 июня 1940 года: «...в борьбе может наступить такой момент... когда можно будет получить очень легкие условия для Британского острова путем превращения его в вассальное государство гитлеровской империи. Для заключения мира будет, несомненно, создано прогерманское правительство (как это и произошло во многих странах Европы. — *В.К.),* которое может предложить вниманию потрясенной и голодающей (из-за германской блокады морских путей Великобритании. — *В.К.)* страны доводы почти неотразимой силы в пользу полного подчинения воле нацистов»[1].

Писал он о том же — правда, более сдержанно — Рузвельту и позднее, указывая на последствия своего возможного смещения с поста премьер-министра: «Я не могу отвечать за моих преемников, которые в условиях крайнего отчаяния и беспомощности могут оказаться вынужденными выполнить волю Германии»[2].

Существует ложное представление, согласно которому Великобритания чуть ли не с самого начала Второй мировой войны имела мощного и верного союзника в лице США. Между тем достаточно познакомиться с неофициальной переписки Черчилля и Рузвельта в 1939—1941 годах (значительная часть ее была опубликована в сочинении Черчилля «Вторая мировая война»), дабы убедиться, что США только предоставляли Великобритании не

[1] *Черчилль.* Цит. соч., т. 1, с. 387.

[2] Цит. по кн.: *Батлер Дж.* Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. — М., 1959. С.234.

очень значительную материальную помощь, но категорически отклоняли любые предложения о своем реальном или даже хотя бы официально-символическом участии в войне (о причинах речь еще пойдет). Лишь после внезапного нападения Японии на крупнейшую военно-морскую базу США Пирл-Харбор 7 декабря 1941 года (то есть почти через полгода после начала войны между Германией и СССР—Россией) произошел резкий сдвиг, и 11 декабря США и Германия объявили войну друг другу; в высшей степени показательно, что на следующий же день, 12 декабря, Черчилль отплыл на линкоре «Дьюк оф Йорк» в США для переговоров с Рузвельтом. Но только почти через год, 8 ноября 1942 года, войска США высадились в Северной Африке (кстати, высадились уже после 23 октября, когда английские войска разгромили Африканский корпус Роммеля), а еще восемь месяцев спустя, 10 июля 1943-го, — в Сицилии, то есть уже на территории Европы.

И едва ли есть основания сомневаться, что в 1940—1941 (до декабря) годах США ни при каких обстоятельствах не оказали бы собственно военной поддержки Великобритании. Уже не раз цитированный британский историк Лиддел Гарт, стремившийся к действительной объективности, писал в 1970 году, что только начавшееся 22 июня 1941 года нападение Германии на СССР—Россию «позволило Англии выйти из положения, которое казалось безнадежным». Всякий иной вариант развития событий, утверждал Лиддел Гарт, «должен был логически привести сначала к истощению ее (Великобритании. — *В.К.)* сил, а в конечном итоге к полному поражению, даже если бы Гитлер и не пытался быстро завоевать остров путем вторжения... Соединенные Штаты могли бы «подкачать воздух», чтобы дать возможность Англии «удержаться на плаву», но

это только продлило бы агонию, но не позволило бы избежать печального конца...» (С. 141—142.)

В упомянутом своем сочинении Черчилль как бы не смог удержаться от признаний в том, что он прямо-таки *восторженно* воспринял 22 июня 1941 года. Правда, он значительно ранее — не без проницательности — полагал, что Германия нападет не на Великобританию, а на СССР—Россию (в своем сочинении он, обращаясь к опыту истории, напоминал, что ведь и Наполеон, захватив основную территорию континентальной Европы, напал затем на Россию, а не на Великобританию...), но все же, как признался сэр Уинстон, «это, казалось мне, слишком хорошо, чтобы быть истиной» (!)[1]

Повторю в связи с этим еще раз, что нынешние «туземные» историки, которые вроде бы читали цитируемое сочинение Черчилля и тем не менее гневно проклинают Сталина за его «циничную» удовлетворенность началом войны между Германией и Великобританией, поступают так только в силу засевшего в их подсознании культа Сталина! Ведь Черчилль буквально и открыто ликовал в аналогичной ситуации — когда Германия обрушилась на СССР—Россию.

Нет ровно никаких оснований усомниться в том, что Великобритания не могла оказать реальное военное сопротивление Германии и, если бы не 22 июня, так или иначе вошла бы в состав новой «империи германской нации».

Меня могут упрекнуть, что, утверждая это, я присоединяюсь к недавно еще модным рассуждениям об истории «в сослагательном наклонении» («если бы... то...» и т. п.); однако я вовсе не намерен конструировать какую-либо «альтернативу» *реальному* ходу истории. Суть дела состоит не в том, что Великобритания *не могла бы* вести войну про-

[1] *Черчилль.* Цит. соч., т. 2, с. 157.

тив уже объединившей континентальную Европу Германии (достаточно упомянуть об одном, но поистине впечатляющем факте: «присоединенные» к Германии «чешские заводы «Шкода» представляли собой... военно-индустриальный комплекс, который произвел между сентябрем 1938 и сентябрем 1939 года *почти столько же* военной продукции, сколько *вся* военная промышленность Англии»!)[1]. Нет, суть дела заключается в том, что Великобритания и *после 22* июня 1941 года *не вела реальной войны* против Германии. Не столь уж значительные боевые действия ее и, позднее, американских войск в Северной Африке с июня 1941-го до мая 1943 года и, далее, высадка 10 июля 1943-го на Сицилии преследовали фактически *иную* цель (о чем — ниже), а не задачу разгрома Германии.

Разумеется, и Черчилль, и другие в то время официально уверяли, что интенсивно *готовятся* воевать против Германии вместе с СССР—Россией, и эти дипломатически-пропагандистские уверения до сих пор тяготеют над умами многих историков. Между тем Черчилль еще в 1950 году «рассекретил» составленный им 16 декабря 1941 года по пути в Америку документ, посвященный, как это вполне ясно из него, именно *целям* действий Великобритании и США (для понимания сути дела необходимо вспомнить, что десятью днями ранее составления этого документа, в ночь с 5 на 6 декабря 1941 года, началось мощное контрнаступление наших войск под Москвой, развеявшее весьма прочно утвердившееся к тому времени представление о «непобедимости» германской армии):

«В настоящий момент фактом первостепенной важности в ходе войны являются провал планов Гитлера и его потери в России, — констатировал Черчилль. — Вместо предполагавшейся легкой и

[1] *Уткин А.И.* Так пришла война. — Екатеринбург, 1992. С. 53.

быстрой победы ему предстоит... выдерживать кровопролитные бои...» Но читаем далее:

«Ни Великобритания, ни Соединенные Штаты не должны принимать *никакого участия* (выделено мною. — *В.К.)* в этих событиях, за исключением того, что мы обязаны с пунктуальной точностью (ее не было. — *В.К.)* обеспечить все поставки, которые мы обещали»[1].

То есть цель участия в действительной войне с Германией даже и *не ставилась!* В конце цитируемого документа вся задача боевых действий Великобритании и США в наступающем 1942 году сведена к следующему: необходимо осуществить «оккупацию Великобританией и Соединенными Штатами всех французских владений в Северной Африке (для чего, как уже говорилось, пришлось вначале посражаться с французскими войсками. — *В.К.)* и установления их (Великобритании и США. — *В.К.)* контроля... над всем Североафриканским побережьем от Туниса до Египта, что обеспечит, если это позволит положение на море, свободный проход через Средиземное море к Ливану и Суэцкому каналу»[2].

Цель заключалась, таким образом, не в действительной войне против Германии, а в обеспечении прохода по Средиземному морю к громадным британским колониям в восточной части Африки и в Азии, ибо другой возможный путь — вокруг Африканского континента — был примерно на 15 тысяч км (!) протяженнее... В сочинении Черчилля многократно подтверждается, что боевые действия в Северной Африке преследовали *именно и только* эту цель.

Разумеется, движение судов через Средиземное море было жизненно важным и даже необходи-

[1] *Черчилль.* Цит. соч., т. 2, с. 295.

[2] *Черчилль.* Цит. соч., т. 2, с. 297.

мым для Великобритании. Но в высшей степени показательно, что германское командование выделяло для боевых действий в Северной Африке всего не более *трех-четырех* дивизий. Германия, говоря попросту, не опасалась Великобритании, ибо была убеждена, что после победы над СССР—Россией та волей-неволей смирится с германским господством.

Могут возразить, что за спиной Великобритании стояла мощь США. Но в Германии не считали, что США в наличной ситуации начнут полномасштабные боевые действия. Так, подводя итоги совещания в ставке Гитлера в Полтаве 3 июля 1942 года, Гальдер записал:

«Вашингтон лишь утешает и заверяет. Никакого действительного второго фронта... Отвлекающий маневр на западе? Сомнительно[1]; очевидно, никаких серьезных обещаний России не дадут. Скорее предупредят о необходимости сражаться дальше»[2].

Правда, спустя почти два года Великобритания и США вторглись в Северную Францию, но эта акция имела совершенно особенные смысл и цель (о них еще пойдет речь). Задачи же предшествующих боевых действий, в сущности, полностью сводились к обеспечению «выживания» Великобритании. Переломным моментом в осуществлении этой задачи явилось длившееся с 23 октября до 4 ноября 1942 года сражение около египетского селения Эль-Аламейн в ста километрах западнее Александрии, в ходе которого превосходящим британским силам удалось разгромить германо-итальянский Африканский корпус. А через две недели, 19 ноября 1942 года, начался разгром германской армии под Сталинградом, завершившийся 4 февраля.

[1] Как видим, сомнителен даже всего-навсего «маневр»!

[2] *Гальдер Ф.*, Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. 1939—1942 г. — М., 1971 Т. 3. Кн. 1. С. 282.

В западной литературе, а подчас под ее влиянием в нынешней «российской», эти два события истолковываются чуть ли не как равноценные, хотя такая постановка вопроса попросту смехотворна. В сражении при Эль-Аламейне итало-германские войска насчитывали всего 80 тысяч человек (в большинстве — итальянцев), оборонявших фронт протяженностью 60 км, а под Сталинградом — более чем *миллионное* войско Германии и ее союзников действовало на фронте длиной около 400 км. Но наиболее показательно, что в Сталинградской битве потерпела полный разгром 1/6 часть — 16,3% — всех тогдашних вооруженных сил противника, а при Эль-Аламейне — всего лишь около 1,3% (!) этих сил. Нельзя умолчать еще и о том, что британцы имели при Эль-Аламейне почти троекратное превосходство в людях — 230 тысяч против 80 тысяч. Многозначительно, что Гитлер, который обычно сурово наказывал своих генералов за поражения, не только не сделал этого в отношении командовавшего Африканским корпусом Роммеля, но, наградив его 17 марта 1943 года «бриллиантами к Рыцарскому кресту», вскоре же — после того, как американо-английские войска 10 июля 1943 года высадились на Сицилии, — поручил ему командование группой армий в Италии.

Тем не менее западная пропаганда до сих пор пытается «приравнять» Сталинградскую битву и стычку у Эль-Аламейна, что, повторю, воистину смешно. Но поскольку *других* хоть сколько-нибудь заметных «побед» у Великобритании не имелось, без мифа об Эль-Аламейне пришлось бы признать, что она до 1944 года *не воевала вообще*... Дело обстояло именно так; английский историк войны Тейлор свидетельствовал: «В Англии до 1942 г. вероятность того, что солдат в армии получит телеграмму

о гибели жены от бомбы, превышала вероятность того, что жена получит телеграмму о гибели мужа в бою», а «общее число убитых англичан во время воздушных налетов составило 60 тыс. за всю Вторую мировую войну...» (Тейлор, цит. соч., с. 387, 391). То есть до Эль-Аламейна Англия действительно не воевала...

Впрочем, если освободиться от пропагандистского тумана, станет ясно, что дело обстояло гораздо «хуже». Как раз во время сражения при Эль-Аламейне и остановке германского наступления под Сталинградом, в октябре 1942 года, Черчилль составил следующий секретный «меморандум»: «Все мои помыслы обращены прежде всего к Европе... — писал он тогда, во время Сталинградской битвы. — Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств. Хотя и трудно говорить об этом сейчас, я верю, что европейская семья наций сможет действовать единым фронтом, как единое целое... Я обращаю свои взоры к созданию объединенной Европы»[1], — правда, объединенной под эгидой не Германии, а Великобритании и США, но направленной-то против того же самого «русского варварства».

Эта геополитическая постановка вопроса целиком и полностью соответствовала *гитлеровской,* только лидеры для противостоящей России Европы предлагались другие...

Хотя Черчилль «дерзко» опубликовал этот меморандум вскоре после войны, на него не было обращено должное внимание. По всей вероятности, смущала известная раздвоенность геополитической (ясно выразившейся в сем меморандуме) и более узкой, так сказать, чисто политической стратегии Черчилля: считая европейские государства и

[1]Цит. по кн.: *Трухановский.* Цит. соч., с. 352—353.

нации единой «семьей», извечно противостоящей «варварской» России, он все же не хотел признать первенство германской нации в этой самой семье. И, надо думать, главным образом потому, что предвидел вполне созревшие к тому времени устремленность и способность США верховодить в Европе и в мире вообще.

Хорошо известно, что предшественник Черчилля, Чемберлен, не ориентировался на США, подчас даже почти оскорбительно пренебрегая инициативами Рузвельта, — о чем поведано и во «Второй мировой войне» Черчилля, который, придя в 1940-м году к власти, повел себя совсем иначе.

Исходя из опыта прошлого, Чемберлен, очевидно, был убежден, что США, сохраняя свой традиционный «изоляционизм», не будут существенно участвовать в судьбе Европы, стремясь только извлекать какую-либо «прибыль». Ведь США всячески уклонялись от участия в начавшейся 1 августа 1914 года Первой мировой войне и вступили в нее лишь 6 апреля 1917 года, дабы поучаствовать в дележе «трофеев»[1]. Выразительно в этом отношении и резкое различие в количествах погибших в боях военнослужащих США: в 1917—1918-м — 37 тысяч, а в 1943—1945-м — 405 тысяч, то есть почти в *одиннадцать раз* больше, — несмотря даже на особенные, «американские» способы ведения войны[2].

Так, США сыграли главную роль в начавшемся 10 июля 1943 года вторжении американо-английских сил на Сицилию и затем в южную часть Ита-

[1]Показательно, что США отказались в 1919 году вступить в Лигу Наций.

[2]Напомню, что потери Великобритании во Второй мировой войне были, напротив, гораздо меньше, нежели в Первой (264 тыс. и 624 тыс.).

лии. Но об этом вроде бы значительном событии говорят гораздо меньше и как-то приглушеннее, чем о сражении при Эль-Аламейне. И только немногие — уж совершенно беспардонные — фальсификаторы сопоставляют его с развернувшейся в то же самое время грандиозной Курской битвой, — хотя события у Эль-Аламейна не стесняются постоянно сопоставлять со Сталинградской битвой.

Вторжение на Сицилию возглавлял сам Эйзенхауэр, который — что весьма существенно — считал «главной целью» этой операции (по его собственному определению) «очищение средиземноморского пути»[1], а не оккупацию Италии. И в самом деле: после занятия летом—осенью 1943 года Сицилии и южной части Италии (включая Неаполь) — то есть менее трети территории страны — наступление как-то нелогично остановилось и возобновилось лишь в июне 1944 года, — когда было предпринято и вторжение во Францию, — и преследовало уже совсем иную цель.

Как сказано, об итальянской кампании 1943 года пишут обычно кратко и уклончиво. В трактате Алана Тейлора (1975 год) лаконично сказано: «Вторжение в Италию принесло с собой гораздо более серьезные политические проблемы, чем в Северной Африке... союзники действовали, не руководствуясь четкими политическими принципами. В Сицилии, например, американцы опять вооружили мафию, сокрушенную фашизмом, и господство ее продолжается по сей день...»[2]

Истинную историю вторжения США совместно с Великобританией в Италию можно узнать из позднейших западных сочинений, — но не из трактатов о войне, а из расследований деятельности мафии! Результаты этих европейских и американских расследований обобщены в изданной в 1996 году книге Р. Ф. Иванова, где, в частности, показано, что к подготовке вторжения в Италию были еще в 1942 году привлечены два самых влиятельных главаря американской мафии — Меир Лански и Лаки Лучано, причем, последний — выходец из Сицилии — с 1939 года находился в тюрьме, осужденный за свои преступления на 50 лет, но ему за его участие в планируемой операции была обещана амнистия после войны, и правительство США сдержало свое слово. Были созданы все условия для контактов Лучано с его «людьми» в Америке и в Италии. И вот результат:

[1] См.: *Черчилль.* Цит. соч., т. 3, с. 18.

[2] *Тейлор.* Цит. соч., с. 507.

«Деятельность мафии по всем направлениям подготовки вторжения на Сицилию имела решающее значение». Были установлены «тесные связи со всемогущим главарем сицилийской мафии Калоджеро Виццини, доном Кало... Мафия расчищала путь американским войскам в Сицилии... Американские войска практически без сопротивления дошли до столицы Сицилии Палермо. Когда генерала Эйзенхауэра попросили прокомментировать этот блицкриг, он, ссылаясь на военную тайну, отделался лишь туманными намеками, будто генеральный штаб располагал важной стратегической информацией. О том, что произошло в действительности, мир узнал лишь много лет спустя. Мафия использовала все свое влияние, чтобы превратить наступление американцев в увеселительную военную прогулку. Были случаи, когда по приказу мафии капитулировали неприступные крепости... Американские власти по достоинству оценили рвение дона Кало. Он был назначен мэром одного из городов и получил звание почетного полковника американской армии. В составе американских вооруженных сил пришли в Сицилию многие мафиози из США. Показательно, что 15% (!) личного состава американских вооруженных сил, высадившихся в Сицилии, были

американцы сицилийского происхождения»[1] (отмечу, что обо всем этом в объемистых мемуарах Эйзенхауэра нет ни слова...).

Но особенно показателен тот факт, что после захвата в июле—сентябре 1943 года Сицилии и южной части Италии, включая Неаполь, наступление прервалось на целых восемь месяцев, и Рим, до которого оставалось всего сто с небольшим километров, был взят только 4 июня 1944 года. Дело в том, что вместо быстро капитулировавших под воздействием мафии итальянских войск армия США и Великобритании должна была после взятия Неаполя сражаться с пришедшими с севера *германскими* войсками, а это была уже совсем иная проблема... В реальную войну с Германией «союзники» вступили лишь летом 1944-го, что, как уже сказано, имело совсем другой смысл, чем обычно утверждают. И, кстати сказать, на территорию Италии севернее Флоренции — то есть, в частности, города Генуя, Болонья, Турин, Милан, Венеция — англо-американские войска смогли войти только в апреле 1945 года (!), когда германская военная мощь была полностью сокрушена нашей армией...

* * *

Невозможно переоценить приведенные выше секретные установки Черчилля, сформулированные в декабре 1941-го и в октябре 1942-го. В первой безоговорочно утверждалось, что Великобритания и США «не должны принимать никакого участия» в войне России и Германии, во второй — что именно Россия, а не Германия является истинным врагом Европы...

И вторжение англо-американских войск 6 июня

[1] *Иванов Р.Ф.* Мафия в США. — М., 1996. С. 101, 104, 105.

1944 года во Францию, а также возобновление остановленного восемью месяцами ранее наступления в Италии (только 4 июня 1944 года был взят Рим) представляло собой в глубоком, подлинном своем значении акцию, имевшую целью не допустить, чтобы в ходе разгрома германской армии СССР—Россия занял Европу. Дело в том, что за десять недель до начала *реального* вступления американо-английских вооруженных сил в войну, 26 марта 1944 года, наши войска вышли на южном участке фронта к государственной границе, и было всецело ясно, что они вот-вот начнут победный поход по Европе.

Высадка десанта в северной Франции была вообще-то естественной акцией и так или иначе обсуждалась уже в течение длительного времени. Но одно дело — обсуждение и совсем другое — практическое осуществление. Черчилль сообщает в своем сочинении: «Лишь в марте (1944 года. — *В.К.)* Эйзенхауэр... вынес окончательное решение», а «к апрелю наши планы стали принимать окончательную форму»[1]. В свою очередь, Эйзенхауэр в опубликованных им мемуарах свидетельствовал: «7 апреля (1944 года. — *В.К.)* генерал Монтгомери (командовавший британской частью войск. — *В.К.)*... был готов детально доложить план наступления»[2].

Представляется по меньшей мере странным, что реальный план столь значительной военной операции (к тому же *единственной* по своим масштабам в действиях США и Великобритании в 1941—1945 гг.) явился на свет за столь краткий срок до ее начала (только 7 апреля Монтгомери был готов доложить о британской части плана!).

[1] *Черчилль.* Цит. соч., т. 3, с. 317, 320.

[2] *Эйзенхауэр Дуайт.* Крестовый поход в Европу. Военные мемуары. — М., 1980. С. 295.

Напрашивается объяснение, что именно выход войск России на государственную границу заставил действительно принять решение о вторжении во Францию — и, по сути дела, не для разгрома Германии, но для спасения как можно большей территории Европы от России.

Стоит привести здесь очень характерные суждения Уильяма Буллита, который в 1933—1936 годах был первым послом США в СССР, а затем стал послом во Франции. В мае 1938 года, когда так или иначе выявилась вероятность войны между Германией и Италией и, с другой стороны, Великобританией и Францией, он обратился к Рузвельту с призывом примирить враждующие стороны ради спасения Европы:

«Вы можете лучше, чем кто-нибудь другой, использовать тот факт, что мы являемся выходцами из всех наций Европы, а наша цивилизация — результат слияния всех цивилизаций Европы... что мы не можем спокойно наблюдать приближение конца европейской цивилизации и не предпринять последней попытки предотвратить ее уничтожение...» Ибо, заключал Буллит, «война в Европе может окончиться только установлением большевизма от одного конца континента до другого», а осуществленное Рузвельтом примирение европейских держав «оставит большевиков за болотами, которые отделяют Советский Союз от Европы. Я думаю, что даже Гитлер... примет Ваше предложение»[1].

Именно такое геополитическое сознание определяло и стратегию Черчилля. Начавшаяся война между Германией и СССР—Россией, как показано выше, бесконечно радовала его, поскольку рождала надежды и на ослабление соперника по первенству в Европе, и на обезвреживание главного врага — России.

[1] Цит. по кн.: *Овсяный И.Д.* Тайна, в которой война рождалась. — М., 1975. С. 260.

Однако, когда к 1944 году стала очевидной близкая победа СССР, Черчилль выдвинул «программу», которой он и придерживался в созданной СССР—Россией ситуации — согласно определению его самого — «уничтожения военной мощи Германии»:

«Решающие практические вопросы стратегии и политики... сводились к тому, что:

во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой;

во-вторых, надо немедленно создать **новый фронт** *(*выделено мною. — *В. К.) против ее стремительного продвижения* (в этом и заключалось истинное назначение созданного в июне 1944-го «второго фронта»! — *В. К*);

в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на Восток» и т. д.[1]

Как уже говорилось, до июня 1944 года Великобритания и США, по сути дела, *не воевали* с Германией. В частности, при любом возможном отношении к Сталину нельзя не признать справедливость его характеристики боевых действий 1943 года в южной Италии, изложенной им 28 ноября этого года на Тегеранской конференции: «...итальянский театр важен лишь в том отношении, чтобы обеспечить свободное плавание судов союзников в Средиземном море... но он не представляет какого-либо значения в смысле... операций против Германии»[2].

Незадолго до этого, 10 августа 1943 года, — то есть уже после вторжения в Италию, — военный

[1] *Черчилль.* Цит. соч., т. 3, с. 574.

[2] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — М., 1984. Т. II. С. 86.

министр США Генри Стимсон докладывал Рузвельту: «Не следует думать, что хотя бы одна из наших операций, являющихся *булавочными уколами* (выделено мною. — *В.К.),* может обмануть Сталина и заставить его поверить, что мы верны своим обязательствам»[1].

Итак, только через *три года* после 22 июня Великобритания и США начали *реальную* войну, но из процитированной программы Черчилля ясно, что в истинном своем смысле это было противостояние не уже потерявшей свою боевую мощь Германии, а, как определил сам Черчилль, «стремительному продвижению» России, ставшей «смертельной угрозой» для Европы.

Разумеется, бои шли с германскими войсками, но, как недвусмысленно признал Черчилль, ради того, чтобы войска Великобритании и США продвинули свой «новый» фронт «как можно дальше на Восток».

Во многих сочинениях о войне затронута тема разногласий между Великобританией и США, — в частности, в вопросе о «втором фронте». Разногласия действительно были, но они не касались *главного*. Еще 1 апреля 1942 года Рузвельт одобрил доклад начальника штаба армии США Маршалла, в котором осуществление высадки войск в Европе «ставилось в зависимость от двух условий:

1) Если положение на русском фронте станет отчаянным...

2) Если положение немцев станет критическим...»

Как многозначительно уже одно это различие побуждающих вступить в войну «положений» — «отчаянное» и всего только «критическое»! В 1944 году положение немцев стало очевидно «критическим» — и именно и только потому США начали реальную войну, ничем не отличаясь в этом отношении от Великобритании.

[1]Цит. по кн.: *Безыменский.* Цит. соч., с. 190.

* * *

Изложенные выше представления, согласно которым *реальное* вступление США и Великобритании в войну в июне 1944 года было направлено не столько против Германии, сколько против СССР—России, встретят, вполне вероятно, следующее возражение. Если дело обстояло таким образом, почему США и Великобритания все же воевали с *германской* армией вплоть до ее *капитуляции,* а не вступили в союз с ней против СССР—России?

Вопрос этот особенно существен потому, что — как давно и точно известно — глава стратегической разведки США в Европе Аллен Даллес (в 1953-м он станет директором ЦРУ) еще с 1943 года вел тайные переговоры с представителями спецслужб Германии, — в том числе с одним из высших руководителей СС, обергруппенфюрером Карлом Вольфом[1]. Это вроде бы означает, что возможность союза с Германией имела место, но США все-таки отказались от него.

Однако этот отказ вовсе не являлся выражением «доброй воли»; в силу целого ряда причин союз с Германией был, строго говоря, невозможен. Едва ли не главная из этих причин заключалась в том, что США и Великобритания отнюдь не были уверены в своей способности даже и *совместно* с германскими войсками победить нашу армию. Хорошо осведомленный Алан Тейлор позднее писал о выводе, который «союзники» сделали к концу войны: «...в случае вооруженного конфликта с русскими

[1]См. об этом: *Безыменский Лев.* Разгаданные загадки Третьего рейха. — М., 1984. Т. 2. С. 202—328 и *Сергеев Ф.* Тайные операции нацисткой разведки. — М., 1991. С. 320—383.

победа маловероятна, даже если использовать на своей стороне германские силы»[1].

Далее, США были кровно заинтересованы в том, чтобы Германия потерпела полный крах и никак не могла восстановить свое первенство в Европе, ибо, отказавшись от своей традиционной «изоляционистской» геополитики, США сами имели теперь цель первенствовать и господствовать в Европе (да и в мире в целом), — из-за чего даже не раз возникали достаточно острые коллизии с Великобританией, полагавшей, что верховная роль в *Европе* после разгрома Германии достанется ей.

Нельзя не учитывать также, что к 1940-м годам приобрели очень весомую экономическую и политическую силу лидеры еврейской части (более 5 млн. человек) населения США, требовавшие полного сокрушения Германии и возмездия за ее беспрецедентные злодеяния по отношению к евреям (см. приложение «Война и евреи» в конце этой части книги). Один из ближайших и влиятельнейших сподвижников Рузвельта, министр финансов США в 1934—1945 годах Генри Моргентау[2], еще в сентябре 1944-го разработал «план аграризации Германии», имевший целью превращение ее в страну «полей и пастбищ»... «Моя программа ликвидации угрозы германской агрессии, — указывал Моргентау, — заключается в своей простейшей форме в лишении Германии всей ее тяжелой промышленности». Рузвельт и Черчилль одобрили план Моргентау»[3]. Правда, на Крымской конференции в феврале 1945 года этот план по инициативе СССР был отвергнут, но сам факт его одобрения главами США и Великобритании многозначителен.

[1] *Тейлор Алан.* Цит. изд., с. 545.

[2] В 1947 году Моргентау стал генеральным председателем организации «Объединенный еврейский призыв», а с 1951-го — председателем совета директоров «Американской корпорации по финансированию и развитию Израиля».

[3] См.: *Волков Ф.Д.* Тайное становится явным. Деятельность дипломатии и разведки западных держав в годы Второй мировой войны. — М., 1989. С. 269.

Можно назвать и ряд других причин невозможности союза США и Великобритании с Германией, но, надо думать, достаточно и указанных. Впрочем, несмотря на эту невозможность, экспансивный сэр Уинстон все же готовил в конце войны своего рода «запасной вариант»: как сообщает тот же Алан Тейлор, Черчилль «приказал Монтгомери (командующий британскими войсками. — *В.К.)* держать в сохранности немецкое оружие на случай, если его придется применить против русских»[1] (цит, соч., с. 538), — разумеется, вернув это оружие сложившим его ранее немцам...

Но черчиллевский приказ являл собою скорее «жест», чем рассчитанную на практические последствия директиву. «Союзники» *вынуждены* были смириться, в сущности, со всеми «требованиями» истинного победителя в Великой войне уже во время февральской Крымской (Ялтинской) конференции. Впоследствии Рузвельта и Черчилля многократно и резко обвиняли в «предательстве» Запада, совершенном в Ялте. Но если их согласие с «требованиями» СССР—России и было «предательством», то всецело, абсолютно *вынужденным:* они тогда ничего не могли поделать с победоносным соперником...

* * *

Приведенные факты, а также цитированные суждения Черчилля и других использовались в советской историографии войны главным образом для

[1] См.: *Волков Ф.Д.* Тайное становится явным. Деятельность дипломатии и разведки западных держав в годы Второй мировой войны. — М., 1989. С. 269.

того, чтобы обличить «коварство» и прямое «предательство» Великобритании и США по отношению к СССР. Но такой подход к делу скорее мешает, чем помогает понять ход истории.

В сознании и поведении правителей США и Великобритании воплощалась не некая «безнравственность» (или, как нередко утверждалось, «классовый эгоизм»), но *геополитическая закономерность*, действовавшая в продолжение веков.

Еще в 1938 году, в канун войны, суть дела выразил в своем цитированном выше послании Рузвельту посол США в СССР, а затем во Франции Уильям Буллит, — человек, без сомнения, дальновидный. Он утверждал, что полномасштабная война *внутри* Европы, которая будет означать кардинальное взаимоослабление борющихся сторон, приведет к господству над Европой СССР—России.

То же понимание ситуации выразилось в составленном 16 декабря 1941 года Черчиллем меморандуме под истинно «геополитическим» названием «Атлантика», где категорически утверждалось, что «ни Великобритания, ни Соединенные Штаты не должны принимать никакого участия» в начавшейся 22 июня войне (участие, имевшее место с июня 1944 года, было, по сути дела, направлено не против Германии, а против *России...*). Такую постановку вопроса следует воспринимать не как «подлость», а как геополитическую неизбежность. К сожалению, и современные, сегодняшние взаимоотношения Запада и России многие воспринимают совершенно неадекватно, — с одной стороны, питая безосновательные надежды на «дружбу», с другой же — проклиная неких (якобы противостоящих основным устремлениям Запада) злоумышленников, требующих, например, расширения НАТО на Восток. Противостояние Запада (включая США) и России неустранимо. Притом, как признано в процитированном выше рассуждении Арнольда Тойнби, Запад, начиная с XIV века, выступал всегда в качестве агрессора; между тем Россия двигалась на Запад, по совершенно верным определениям Тойнби, либо в порядке «контрнаступления», либо в качестве «союзника одной из западных стран».

Тойнби датировал начало западного наступления на Россию серединой XIV века, но в действительности оно началось тремя с половиной столетиями ранее: в 1018 году польский князь (с 1025-го — король) Болеслав Великий, вобрав в свое войско германцев-саксонцев и венгров, а также вступив в союз с печенегами, вторгся в пределы Руси и захватил Киев, — правда, ненадолго, а в 1031 году Ярослав Мудрый восстановил границу с Польшей по Западному Бугу.

Из этого отнюдь не вытекает, что Запад являл собой хищного волка, а Русь-Россия — добрую овечку. С первых веков своей истории Русь двигалась к *востоку* и, дойдя в XVII веке до Тихого океана, как бы приняла в свои руки наследство Монгольской империи в целом. Согласно разработкам ряда русских идеологов, это движение Руси-России к востоку было закономерным и естественным созиданием единства субконтинента «Евразия», — созиданием, которое далеко не всегда было связано с завоеваниями. Но, конечно, и идеализировать это движение к востоку не следует: Россия подчас поступала так же, как покорявший мир Запад.

Вместе с тем вполне очевидно, что движение России на восток не сочеталось с движением на запад (о чем уже подробно говорилось), хотя в Европе постоянно твердили о русской опасности.

Имевшие место после 1917 года планы военной поддержки европейской и, более того, мировой революции были выражением не русской, а «коминтерновской» идеи и воли. Грешивший определен-

ным легкомыслием Бердяев, который чуть ли не отождествил идеи Третьего Рима и Третьего Интернационала, безответственно (либо в силу неосведомленности) игнорировал тот факт, что идея Третьего Рима была принципиально *изоляционистской,* а ни в коей мере не экспансионистской.

Есть все основания полагать, что западный миф о русской опасности сложился в результате целого ряда *безуспешных* походов Запада в Россию. В течение столетий страны Запада без особо напряженной борьбы покоряли Африку, Америку, Австралию и преобладающую часть Азии (южнее границ России), то есть *все* континенты. Что же касается Евразии—России, мощные походы Польши и Швеции в начале XVII в., Франции в начале XIX в. и т. д. терпели полный крах, — хотя Запад был убежден в превосходстве своей цивилизации.

И это порождало в Европе *русофобию* — своего рода иррациональный *страх* перед таинственной страной, которая не обладает великими преимуществами западной цивилизации, но в то же время не позволяет себя подчинить. И, как ни странно, на Западе крайне мало людей, которые, подобно Арнольду Тойнби, способны «заметить», что русские войска оказывались в Европе только в двух ситуациях: либо в ответ на поход с Запада (как было и во Вторую мировую войну), либо по призыву самого Запада (например, отправление русского экспедиционного корпуса во Францию в 1916 году).

Те «факты», которые приводят, когда говорят о русской «агрессии» против стран Запада, в действительности представляли собой, как мы видели, военные действия, имевшие целью восстановление исконной, тысячелетней западной границы Руси-России. Тем не менее наша страна издавна воспринимается на Западе не только как чуждый, но и как враждебный континент. И это — геополитическое — убеждение, несомненно, останется незыблемым — по крайней мере в предвидимом будущем.

ВНЕЗАПНОСТЬ ИЛИ НЕГОТОВНОСТЬ?

На предыдущих страницах Великая Отечественная война рассматривалась в наиболее широком — всемирном — контексте, но, конечно, необходим и взгляд на нее с точки зрения внутреннего положения в стране, — особенно если учитывать, что во многих новейших сочинениях содержатся необоснованные толкования не только внешнеполитических, но и сугубо внутренних проблем.

Начать уместно с вопроса о *внезапности* нападения врага. По мере рассекречивания относящихся к 1940—1941 гг. документов разведки СССР, в которых сообщалось о близящейся войне, — вплоть до конкретных дат ее начала — многие историки и публицисты все с большим негодованием (а подчас и с недоумением) писали о том, что правительство и прежде всего Сталин в силу чуть ли не патологической тупости «не верили» этим правдивым сообщениям. Как известно, Сталин полагал, что Германия, прежде чем она нападет на СССР, должна победить находившуюся с ней в состоянии войны с 1939 года Великобританию, ибо иначе ей придется воевать на два фронта. И игнорирование иных сообщений разведки оценивается как беспрецедентный, прямо-таки абсурдный просчет Сталина и его окружения, приведший в первые месяцы войны к тяжелейшим последствиям.

Правда, рассуждая об этом, почему-то никогда не упоминают о вполне аналогичном, но еще более разительном просчете, который несколькими месяцами *позже* допустил президент США Рузвельт и его окружение. Американская разведка, которой

еще летом 1940 года удалось раскрыть японские шифры, неоднократно предупреждала о готовящемся нападении; тем не менее мощная атака Японии 7 декабря 1941 года на военно-морскую базу США Пирл-Харбор явилась полной неожиданностью, и в результате была мгновенно уничтожена очень значительная часть американского флота и морской авиации. При этом Рузвельт был уверен, что Япония *сначала* нападет на СССР. Таким образом, имела место полная аналогия с тем, что произошло пятью с половиной месяцами ранее в СССР, но, оказывается, США не извлекли из этого никакого урока!

Просчет Рузвельта представлялся совершенно необъяснимым; некоторые историки даже пытались позднее истолковать поведение президента как тайную акцию, преследовавшую цель вовлечь США в мировую войну. Поскольку в стране господствовала доктрина «изоляционизма», принципиального «невмешательства» в мировые дела, Рузвельт, — который, напротив, стремился к глобальному влиянию в мире — будто бы сознательно ничего не сделал для подготовки отпора японской атаке, о которой ему-де было доподлинно известно, — не сделал, так как хотел потрясти американцев обилием потерь и тем самым побудить их ввязаться в мировую войну[1]. Эта версия едва ли сколько-нибудь основательна, но само ее возникновение о многом говорит (Сталину, между прочим, подобное «обвинение» не предъявляли...).

Но если беспристрастно вдуматься, просчеты и Сталина, и Рузвельта имеют всецело убедительное объяснение. Сообщения разведки всегда в той или иной степени противоречивы, ибо она черпает их из самых разных — нередко дезинформирующих —

[1]См. об этом: *Яковлев Н.* 3 сентября 1945. — М., 1971. С. 26—30.

источников. Не так давно был издан сборник документов под названием «Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март — июнь 1941 г.», из которого явствует, что в это время Сталин получал весьма различные сообщения — в том числе и дезинформирующие, — в особенности сообщения, согласно которым Германия (как и полагал Сталин) намерена, прежде нападения на СССР, захватить Великобританию[1]. Один из тогдашних руководителей разведки, генерал П. А. Судоплатов, впоследствии отметил: «Особое внимание заслуживала информация трех *надежных* (выделено мною. — *В.К.)* источников из Германии; руководство вермахта решительно возражало против войны на два фронта»[2].

Недоверие к сообщениям разведки о германском нападении вызывала также и разноголосица в содержащихся в них датировках начала войны; «...называли 14 и 15 мая, 20 и 21 мая, 15 июня и, наконец, 22 июня... Как только не подтвердились первые майские сроки вторжения, Сталин... окончательно уверовал в то, что Германия не нападет в 1941 г. на СССР...»[3]

В 1960-х годах и позже многие авторы с крайним возмущением писали, например, о том, что никто не поверил поступившему ровно за неделю до начала войны сообщению обретшего впоследствии всемирную известность разведчика Рихарда Зорге, в котором указывалась совершенно точная дата германского нападения — 22 июня. Однако этому и нельзя было поверить после ряда «несбывшихся»

[1]Секреты Гитлера на столе у Сталина. Март—июнь 1941 г. — М., 1995. С. 35, 70, 80.

[2]*Судоплатов Павел.* Разведка и Кремль... — М., 1996. С. 109.

[3]См.: *Анфилов В.А.* Дорога к трагедии сорок первого года. — М., 1997. С. 198.

дат, сообщенных источниками, которые считались «надежными» (кстати, сам Зорге сначала сообщил, что нападение состоится в мае). И *теперешние* «аналитики», знающие — как и весь мир, — что война началась именно 22 июня, и потому негодующие на Сталина, пренебрегшего точной информацией Зорге, отправленной 15 июня, предстают как по меньшей мере наивные люди...

Впервые подобное обвинение в адрес Сталина было высказано в «сенсационном» хрущевском докладе на XX съезде КПСС, — докладе, задача которого — что вполне очевидно — заключалась не в уяснении реального хода истории, а в развенчании превозносимого в течение долгих лет вождя. Как возмущенно говорилось в этом докладе, «предостережения Сталиным не принимались во внимание», и потому «не были приняты достаточные меры, чтобы хорошо подготовить страну к обороне и исключить момент внезапности нападения»[1].

В этом обвинении Сталина в конечном счете выразился — пусть и бессознательно — все тот же комплекс «культа личности»; вот, мол, гений всех времен, а не смог разобраться в разведданных... Ведь, скажем, Рузвельт не вызывает подобного крайнего возмущения, хотя вроде бы именно из-за его «слепоты» США лишились основной части своего Тихоокеанского флота.

Помимо прочего, в хрущевском докладе утверждалось следующее: «Многочисленные факты предвоенного периода красноречиво доказывали, что Гитлер направляет все свои усилия для того, чтобы развязать войну против Советского государства» (с. 42), — то есть другие люди — в том числе, очевидно, и сам Хрущев, — в отличие от Сталина, ясно понимали ситуацию, но, не обладая, мол, сталинскими полномочиями, не могли результативно действовать в плане подготовки к нападению врага.

[1]Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. — М., 1991. С. 42, 43.

Как ни удивительно, всего через несколько абзацев своего доклада Никита Сергеевич поистине простодушно «разоблачил» самого себя, фактически признавшись, что лично он совершенно **не готовился** к войне, — несмотря на упомянутые им «многочисленные факты», которые «красноречиво доказывали» ее неотвратимое приближение. Он поведал, как в первые дни войны он «позвонил из Киева т. Маленкову и сказал ему:

— Народ пришел и требует оружие. Пришлите нам оружие.

На это мне Маленков ответил:

«Оружие прислать не можем... Все винтовки передаем в Ленинград, а вы вооружайтесь сами»[1]. (С. 44.)

Стремясь в 1956 году дискредитировать своего соперника в борьбе за верховную власть Маленкова, Хрущев невольно дискредитировал самого себя. Ведь к 22 июня он уже три с половиной года — с января 1938-го — был полновластным «хозяином» в Киеве и на всей Украине (кстати, граничившей с сентября 1939-го с Германией!), но, оказывается, не удосужился заготовить хотя бы винтовки!.. Так что одно из двух: либо Хрущев в действительности вовсе не внимал тем «красноречивым доказательствам», о которых упомянул в 1956 году, либо никак не реагировал на эти «доказательства» в практическом плане (ведь уж винтовки-то первый секретарь ЦК Украины и член Политбюро мог бы своевременно заготовить...).

Впрочем, как уже сказано, хрущевский доклад, по сути дела, и не являлся сколько-нибудь объективным освещением хода истории; цель его сводилась

[1]В стенограмме доклада здесь пометка: «Движение в зале» (понятно, возмущенное).

к развенчанию Сталина, который, в частности, не смог подготовить страну к германскому нападению.

Между тем в действительности-то подготовка к войне была весьма внушительной. Так, с 1 сентября 1939 года, когда был принят закон о всеобщей воинской повинности, и до 22 июня 1941-го численность вооруженных сил страны выросла с 1,5 млн. (как было в 1938 году) до 5,3 млн. человек, то есть в три с половиной раза[1], а производство вооружения увеличилось с 1938 года по июнь 1941-го в четыре раза[2]. И что касается стрелкового оружия — то есть главным образом столь озаботивших Хрущева винтовок, — оно накануне войны производилось в среднем за год в количестве 1 млн. 800 тыс. единиц[3], и если в Киеве не нашлось летом 1941 года винтовок, то уж скорее всего из-за нерасторопности самого Хрущева...

Впрочем, суть проблемы в другом. Как ни парадоксально, Хрущев, утверждая, что причина тяжелейших поражений в начале войны состояла в неожиданности, внезапности нападения врага (которое не сумел предвидеть вождь), собственно говоря, повторил главный аргумент *самого Сталина!* Ведь тот в своем известном приказе от 23 февраля 1942 года «оправдывался»:

«В первые месяцы войны ввиду *неожиданности* и *внезапности* (выделено мною. — *В.К.)* немецко-фашистского нападения Красная армия оказалась вынужденной отступать». Только на рубеже 1941—1942 года, продолжал вождь, «настало время, когда Красная армия получила возможность перейти в наступление... Теперь (то есть в феврале

[1]История России. XX век. — М., 1996. С. 412.

[2]Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история. — М., 1984. С. 41.

[3]История Второй мировой войны. 1939—1945. — М., 1975. Т. 4. С. 18.

1942-го. — *В.К.)* уже нет у немцев того военного преимущества, которое они имели в первые месяцы войны в результате вероломного и внезапного нападения. Момент внезапности и неожиданности... израсходован полностью. Тем самым ликвидировано то *неравенство* (выделено мною. — *В.К.)* в условиях войны, которое было создано внезапностью... При этом следует отметить одно обстоятельство: стоило исчезнуть в арсенале немцев моменту внезапности, чтобы немецко-фашистская армия оказалась перед катастрофой... Инициатива теперь в наших руках и потуги разболтанной ржавой машины Гитлера не могут сдержать напор Красной армии. Недалек тот день, когда... на всей Советской земле снова будут победно реять красные знамена»[1].

Увы, всего лишь через десять недель после появления этого сталинского приказа, 8 мая 1942 года, враг начал в южной часта фронта мощнейшее наступление, в результате которого к осени 1942 года фронт передвинулся на 600—800 км (!) к востоку и юго-востоку, достигнув нижнего течения Волги и Кавказского хребта (21 августа германский флаг был установлен на вершине Эльбруса). И 28 июля 1942 года Сталину пришлось отдать совсем иной по смыслу и тону, поистине отчаянный приказ, известный под названием «Ни шагу назад!», где говорилось уже не о «победно реющих», а о *«покрытых позором» знаменах...*[2] Однако и после этого приказа «позорное» отступление продолжалось...

Наши поражения, испытанные в 1942 году, не уступали поражениям 1941-го, а в определенных

[1]*Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. — М., 1946. С. 38—40.

[2]Цит. по кн.: *Косолапов Ричард.* Слово товарищу Сталину. — М., 1995. С. 180.

отношениях даже превосходили их — хотя ни о какой «внезапности» теперь уже не могла идти речь... А это означает, что причина поражений отнюдь не сводилась — вопреки утверждениям Сталина в его приказе от 23 февраля 1942-го и, позднее, Хрущева в его докладе 1956 года — к «внезапности» (хотя она, конечно, влияла на ход событий).

Суть дела заключалась в том, что враг, вбиравший в себя человеческие и материальные ресурсы почти всей Европы, «был, — по приведенному выше слову Федора Глинки о наполеоновской армии, — сильней...». Остановленная и отброшенная назад в ходе самоотверженной битвы за Москву в конце 1941 — начале 1942 года германская армия, в частности, не только быстро восстановила, но и значительно увеличила свою численность и вооруженность боевой техникой: в июне 1941-го — 5,5 млн. человек, 4200 танков, 43 000 орудий; летом 1942-го — 6,2 млн. человек, свыше 5000 танков, 52 000 орудий[1].

Есть все основания утверждать, что ко времени появления приказа «Ни шагу назад!» страна находилась в наиболее тяжелом положении за все время войны[2]. Имелась вполне реальная угроза прорыва врага за Волгу с последующей атакой с *тыла* на центральные области России — и в том числе Москву, захват врагом Северного Кавказа отрезал страну от основных источников нефти и т. п.

Из этого следует, что едва ли основательна широко распространившаяся и нередко крайне эмоционально преподносимая (начиная с хрущевского

[1] *Похлебкин В.В.* Великая война и несостоявшийся мир. Военный и внешнеполитический справочник. — М., 1997. С. 18, 121.

[2] Едва ли случайность, например, то, что генерал Власов перешел на сторону врага не в 1941-м (когда он, кстати, побывал в окружении), а именно летом 1942 года; скорее всего, он был тогда убежден в неизбежности победы Германии.

доклада) точка зрения, согласно которой поражения наших войск и их безудержное отступление вплоть до московских пригородов были обусловлены главным образом или даже исключительно внезапностью (объясняемой, в свою очередь, «слепотой» Сталина) нападения врага.

И, как уже сказано, эту точку зрения выдвинул именно Сталин, стремясь объяснить — и «оправдать» — тяжелейшие поражения первых месяцев войны, но впоследствии сталинская версия была обращена против него самого как главного виновника сей «внезапности», не сумевшего вовремя предвидеть нападение врага и подготовить к нему армию.

Между тем, исходя из факта сокрушительного германского наступления летом 1942 года, позволительно высказать убеждение, что, если бы даже Сталин и другие точно знали о долженствующем совершиться 22 июня 1941 года и сделали все возможное для подготовки отпора, это не могло бы принципиально изменить ход войны... Ибо враг «был сильней!..».

* * *

В высшей степени важно осознать, что сила врага определялась и той присущей ему мощной *геополитической волей*, о которой подробно говорилось выше, — между тем как нашим войскам и стране вообще в первое время была свойственна ослабляющая их волю *раздвоенность*. Это очень существенная и очень сложная проблема, но без ее освещения нельзя обойтись.

В предшествующей части этого сочинения было подробно сказано о совершавшемся с середины 1930-х годов преодолении «революционного» отрицания многовековой истории России и повороте к патриотической идеологии. Согласно уже цитиро-

ванной работе одного из наиболее основательных нынешних исследователей истории второй половины 1930-х годов, М.М. Горинова, «в этот период происходит болезненная, мучительная трансформация «старого большевизма» в нечто иное... В области национально-государственного строительства реабилитируется сама идея государственности — идеология сильного государства сменяет традиционные марксистские представления... по всем линиям происходит естественный здоровый процесс восстановления, возрождения тканей русского (российского) имперского социума»[1] и т. д.

В связи с этим стоит процитировать «Воспоминания солдата», принадлежащие знаменитому Гейнцу Гудериану. 3 октября 1941 года его танковая армия захватила Орел, и там состоялся разговор, явно произведший на германского военачальника очень сильное впечатление (цит. по смоленскому изданию 1998 года, с. 338): «О настроениях, господствовавших среди русского населения, можно было судить по высказываниям одного старого царского генерала, с которым мне пришлось в те дни беседовать в Орле. Он сказал: «Если бы вы пришли 20 лет назад (то есть в 1921-м. — *В.К.),* мы бы встретили вас с большим воодушевлением. Теперь же слишком поздно. Мы как раз теперь снова стали оживать... Теперь мы боремся за Россию, и в этом мы все едины».

Восстановление государственности неизбежно означало определенное оттеснение *партии,* которая ранее была всеопределяющим средоточием власти. Это оттеснение конкретно проанализировано в недавнем исследовании О.В. Хлевнюка «Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы». В предвоенное время, подводит итог историк, нарастает «тенденция перемещения центра

[1]История России. XX век. — М., 1996. С. 393, 394.

власти из Политбюро в Совнарком, которая была окончательно закреплена после назначения Сталина в мае 1941 г. председателем СНК... Как регулярно действующий орган политического руководства Политбюро фактически было ликвидировано, превратившись, в лучшем случае, в совещательную инстанцию при Сталине»[1].

Разумеется, то, что совершалось на самой вершине власти, имело место и на других ее этажах. Партия — воплощение революционной власти — утрачивала свою прежнюю роль, и именно в этом, в частности, заключался подспудный смысл террора 1937—1938 годов, направленного прежде всего и главным образом против партии. Вот, например, подтверждающие этот тезис совершенно точные сведения о судьбах делегатов Съезда советских писателей 1934 года. Из 597 делегатов съезда 356, то есть около 60%, были членами (или кандидатами в члены) ВКП(б) и ВЛКСМ, и из них подвергся репрессиям 181 человек, — то есть более половины (!). Между тем из беспартийных — 241 делегат — пострадали 47 человек, то есть менее чем один из пяти...[2]. Столь резкое количественное различие нельзя считать случайностью, и, в сущности, правы те, кто вообще трактуют «1937 год» как борьбу против *партии с* целью заменить ее порожденную революцией власть «традиционной» по своему характеру государственной властью.

Кстати сказать, в цитируемых исследованиях М.М. Горинова и О.В. Хлевнюка напрасно не обращено пристальное внимание на сталинский доклад, произнесенный 10 марта 1939 года. Тот переход

[1]*Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. — М., 1996. С. 266.

[2]См.: Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. Приложения. — М., 1990.

власти от партии к государству, о котором говорит О.В. Хлевнюк, может все же показаться «формальным» актом, однако в докладе Сталина утверждалось — хотя и не без известной уклончивости, — что в стране происходит именно восстановление государства в его прежнем, *дореволюционном* виде и смысле.

По-своему замечательно содержащееся в этом докладе рассуждение об известной книге Ленина «Государство и революция», написанной в августе—сентябре 1917 года, то есть накануне Октябрьского переворота. Поскольку высказанные в сталинском докладе представления о значении и роли государства явно имели очень мало общего с ленинскими, вождь счел необходимым заявить, что-де «Ленин собирался написать вторую часть «Государства и революции»... Не может быть сомнения, что Ленин имел в виду во второй части своей книги разработать и развить дальше теорию государства... Но смерть помешала ему (кстати сказать, до этой смерти оставалось тогда шесть с лишним лет! — *В.К.)* выполнить эту задачу. Но чего не успел сделать Ленин, должны сделать его ученики»[1], — то есть прежде всего он, Сталин.

Ленин в предисловии к своей книге действительно упомянул о том, что не дописал ее, — однако, речь шла не о некой «второй части», а только о еще одной, седьмой, главе — «Опыт русских революций 1905 и 1917 годов»[2]. И имелся в виду, понятно, опыт именно *революций*, а не проблема государственности как таковой. И даже в самых последних своих статьях, известных под названием «Завещание», Ленин рассматривал в качестве носителей безраздельной верховной власти ЦК и ЦКК

[1] *Сталин И.* Вопросы ленинизма. — М., 1953. С. 643—644.
[2] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 33, с. 120.

(Центральная контрольная комиссия) партии, которые он призывал усовершенствовать, а не собственно государственные структуры.

Поэтому ссылка Сталина на будто бы не «успевшего» создать «теорию государства» Ленина не имела под собой реальных оснований; она преследовала цель затушевать тот факт, что предлагался кардинальный пересмотр ленинских — и вообще предшествующих — представлений о государстве в СССР.

В сталинском докладе неоднократно заходила речь о «недооценке роли и значения механизма нашего социалистического государства», о «непозволительно-беспечном отношении к вопросам теории государства» и т. п. Признавалось, что в 1917 году «необходимо было... разбить вовсе государственную машину», однако тут же оговаривалось; «...но из этого вовсе не следует, что у нового, пролетарского государства не могут сохраниться некоторые функции старого (то есть дореволюционного! — *В.К.)* государства». (С. 644.)

Сказано это было достаточно осторожно, ибо и государство по-прежнему называлось «пролетарским», и «сохранение старого» ограничивалось только «некоторыми» функциями. Но перед нами все же явная «ревизия» прежних представлений, отразившая *реальное* изменение роли государства во второй половине 1930-х годов. С этим изменением нераздельно связана «чистка» руководства на всех уровнях и во всех сферах, включая (что особенно важно для нашей темы) *армию*.

В литературе о войне безусловно господствует точка зрения, согласно которой начавшееся с 1936 года смещение (и, в соответствии с «атмосферой» времени, репрессирование) огромного количества военачальников нанесло страшный ущерб и во

многом обусловило поражения 1941 года; нередко в этом усматривают вообще *главную причину* поражений.

Не приходится сомневаться в том, что сама по себе широкая замена военачальников накануне Великой войны не могла не привести к тяжелым последствиям. Помимо прочего, она в значительной мере подкрепляла уверенность Гитлера в победе; накануне войны он утверждал: «Россия не обладает даже той силой, которой обладала во время Первой мировой войны... Сталин уничтожил большинство русских генералов и офицеров»[1].

Есть даже сведения — хотя их и оспаривают, — что сами германские спецслужбы способствовали дискредитации маршала Тухачевского и других.

Но вместе с тем известно, что «*в конце войны* Гитлер много раз повторял: «Правильно сделал Сталин, что уничтожил всех своих военачальников» (!)[2]. И это «прозрение» врага в высшей степени существенно, — особенно если учитывать, что Гитлер отнюдь не был тем дурачком, каким его подчас рисуют.

Не исключено сомнение: уместно ли прислушиваться к мнению врага? Сошлюсь поэтому и на суждения прошедшего войну офицера, позднее ставшего известным писателем, а еще позднее — ярым «антикоммунистом» — Василя Быкова. В опубликованной им в 1995 году статье, посвященной «цене» войны и крайне резко обличающей «методы» ее ведения, В. Быков вместе с тем утверждает, исходя из своего военного опыта:

«Существует распространенный *миф* (выделено мною. — *В.К.)* о том, что неудачи первого периода войны вызваны, кроме прочего, репрессиями среди

[1]Вторая мировая война. Два взгляда. — М., 1995. С. 449.

[2]*Мельников Д., Черная Л.* Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. — М., 1991. С. 13.

высшего комсостава Красной армии... Но ведь репрессировали не всех... И первые же месяцы войны показали полную неспособность прежнего командования... Очень скоро на полководческие должности по праву выдвинулись другие командиры... и, как ни странно, именно на их опыте кое-чему научился и Сталин. Может быть, впервые в советской действительности идеологические установки были отодвинуты в сторону...» (журн. «Родина», 1995, № 5, с. 34).

Гражданская — «классовая» — война 1918—1922 годов, в ходе которой выдвинулись почти все занимавшие высокое положение в армии до 1937—1938 годов военачальники СССР, была совершенно иным явлением, чем война, начавшаяся 22 июня 1941 года, для победы в которой требовались люди принципиально другого склада.

Вспомним, что Тухачевский, успешно командовавший подавлением антибольшевистских мятежей в Симбирске (1918 год), Кронштадте и на Тамбовщине (1921), потерпел сокрушительное поражение в единственной выпавшей на его долю войне с *иностранной* — польской — армией летом 1920 года. И едва ли основательно предположение, что он (вместе с другими подобными ему военачальниками) мог сыграть первостепенную роль в Отечественной войне — или даже вообще не допустить первоначальных побед врага! — хотя такие предположения безапелляционно высказывали многие авторы. Но это чисто декларативные утверждения, несостоятельность которых становится очевидной при обращении к реальному положению дел.

Примечательна с этой точки зрения изданная в 1988 году в Лондоне книга Виталия Рапопорта и Юрия Алексеева «Измена Родине. Очерки по истории Красной армии». В общих рассуждениях этих

авторов гибель Тухачевского и других военачальников предстает как едва ли не главная причина тяжких бед 1941 года. Но, в отличие от авторов множества других сочинений, эти авторы стремились изучать реальную историю Красной армии в 1920—1930-х годах, — в частности, разработку ее стратегии и тактики. И стало непреложно ясно, что глубокое и точное предвидение характера будущей войны и основы необходимой в ней стратегии разработали вовсе не Тухачевский со товарищи, а служившие в Красной армии выдающиеся военачальники *Первой мировой войны* — А.А. Свечин (до октября 1917-го генерал-майор, начальник штаба Северного фронта), А.Е. Снесарев (генерал-лейтенант, командующий корпусом), В.Н. Егорьев (генерал-майор, командующий корпусом) и другие. Тухачевский же в 1920 — начале 1930-х был **их** непримиримым противником, обличал **их** как «антисоветских» и «антиреволюционных» стратегов, и все они еще в 1930 году были арестованы (см. об этом с. 160—169, 216—237 указанной книги; как это ни алогично, ее авторы в своих общих рассуждениях продолжают превозносить Тухачевского). И есть основания утверждать, что именно репрессии 1930 года (а не 1937-го) нанесли наиболее тяжкий ущерб нашей армии...

Необходимо сказать еще о следующем. Господствует мнение, что в результате репрессий 1937—1938 годов место зрелых и опытных военачальников заняли молодые и неискушенные, и это привело к тяжелейшим поражениям в начале войны. В действительности же на смену погибшим пришли в основном люди *того же поколения,* но *другие* — и с иным *опытом.*

Так, скажем, репрессированные Я.Б. Гамарник, В.М. Примаков, М.Н. Тухачевский, И.Ф. Федько, И.Э. Якир родились в 1893 — 1897 годах, и в те же самые годы, в 1894—1897-м, родились Г.К. Жуков,

И.С. Конев, Р.Я. Малиновский, К.К. Рокоссовский, Ф.И. Толбухин. Но первые, исключая одного только Тухачевского, провоевавшего несколько месяцев в качестве подпоручика[1], *не участвовали* в Первой мировой войне, а вторые (кроме окончившего школу прапорщиков Толбухина) начали на ней свой боевой путь простыми солдатами.

Далее, первые оказались вскоре после революции на наиболее высоких руководящих постах (хотя им было тогда всего от 21 до 25 лет...) — без сомнения, по «идеологическим», а не собственно «военным» соображениям, — а вторые, медленно поднимаясь по должностной лестнице, обретали реальное умение управлять войсками. Дабы оценить это, вспомним, что Суворов в 18 лет начал свой воинский путь унтер-офицером (тогда — капралом), а 16-летний Кутузов — прапорщиком, и лишь к сорока годам они «дослужились» до генеральского звания.

О кардинальном различии двух типов советских военачальников одного поколения можно бы еще многое сказать, но, впрочем, это различие и так очевидно.

* * *

Выше приводились высказанные в 1939 году Сталиным «ревизионистские» положения о государстве; правда, говорил он весьма осторожно и двойственно. Ибо, во-первых, не так легко было быстро изменить сознание миллионов преданных коммунистической идеологии людей, убедить их в необхо-

[1]Он попал на фронт в сентябре 1914-го, а уже в феврале 1915-го оказался в плену, откуда вернулся на родину только в октябре 1917 года.

димости верховной роли государства в *«старом»* смысле этого слова, а во-вторых, имело место сомнение в том, сможет ли восстанавливаемая «государственная» идеология (и, далее, практика) явиться *более эффективной,* чем предшествовавшая, делавшая ставку прежде всего на партию и «революционность» и легшая в основу многих, как тогда говорилось, *побед»* (включая ту же коллективизацию...).

И целый ряд суждений и «указаний» Сталина в начальный период войны ясно говорит о том, что он *колебался* между собственно государственной и прежней, революционно-партийной «линиями». Так, например, ликвидированный после столь прискорбной финской войны в 1940 году институт *военных комиссаров* (то есть всевластных большевистских руководителей армии) был — в сущности, неожиданно — восстановлен менее чем через месяц после начала Великой войны, 16 июля 1941 года!

В 1920 году Ленин вполне справедливо заметил: «Без военкома (то есть военного комиссара. — *В.К.)* мы не имели бы Красной армии»[1]. Но дело шло тогда о *классовой* войне; между тем Сталин уже в своем выступлении по радио 3 июля 1941 года дважды назвал начавшуюся войну «отечественной», хотя пока и без особого подчеркивания этого определения. Тем не менее вскоре же, через две недели, в войска были направлены «агенты» партии, имевшие, в сущности, больше полномочий, чем командиры.

Однако через год с небольшим, 9 октября 1942 года, институт комиссаров был окончательно ликвидирован, и закономерно, что это свершилось незадолго до победной стадии Сталинградской битвы, начавшейся 19 ноября. А 6 января 1943-го были

[1] *Ленин В.И.* Цит. изд., т. 41, с. 148.

восстановлены *погоны,* которые еще совсем недавно воспринимались в качестве непримиримо враждебного символа («золотопогонники»).

Словом, сознание Сталина (и, конечно, множества людей того времени) в начале войны было глубоко двойственным, в нем — подчас даже причудливо — переплеталось «революционное» и «государственное». В сталинском выступлении по радио 3 июля 1941 года ныне замечают прежде всего или даже только «православно-патриотическое» обращение «Братья и сестры!» и напоминание о победах над Наполеоном и германским кайзером Вильгельмом II. Но ведь в этом же выступлении содержится и звучащая теперь попросту наивно фраза: «В этой великой войне мы будем иметь верных союзников... в том числе в лице *германского народа* (выделено мною. — *В.К.),* порабощенного гитлеровскими заправилами». И далее: «...германский тыл немецких войск представляет вулкан, готовый взорваться и похоронить гитлеровских авантюристов». По-своему даже забавно столкновение синонимов — *«германский* тыл *немецких* войск» (!), которое как бы обнажает несостоятельность этого утверждения.

Но важнее другое. Даже и среди тех немцев, которые в 1944 году в самом деле пытались свергнуть Гитлера с его авантюристической, на их взгляд, стратегией, было немало «героев» войны против СССР—России, о чем уже говорилось выше. И абсолютное большинство «германского народа» отнюдь не возражало против имевшего многовековую предысторию геополитического «натиска на Восток»... В 1971 году видный германский историк и публицист Себастиан Хаффнер справедливо характеризовал развитие самосознания своих соотечественников в 1920—1930-х годах: «Они ничего не имели против создания Великой германской империи... Однако... они не видели пути, обещающего

успех в достижении этой заветной цели. Но его видел Гитлер. И когда позже этот путь, казалось, стал реальным, в Германии не было *почти никого,* кто не был бы готов идти по нему»[1].

И еще один яркий образчик «раздвоенности» Сталина. В его речи 7 ноября 1941 года во время парада на Красной площади прозвучало постоянно поминаемое ныне: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского...» и т. д., — то есть Сталин как бы стирал границу между дореволюционной Россией и СССР. Однако в произнесенном днем раньше, 6 ноября, на станции метро «Маяковская», докладе утверждалось следующее:

«По сути дела, гитлеровский режим является копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме... гитлеровцы так же охотно попирают права рабочих, права интеллигенции и права народов, как попирал их царский режим...» и т. д. (С. 26.)

Выходит, задача состояла в том, чтобы вместе с «германским народом» свергнуть установившийся в Германии режим, — и свергнуть потому, что он точно такой же («копия»!), какой был до 1917 года в России. То есть народ призывался к своего рода «революции», к «классовой» войне, — как бы к повторению совершенного в 1917 году...

В этой раздвоенности вождя выражалась в конечном счете глубинная, фундаментальная *неготовность* к той *геополитической* войне, которая обрушилась на СССР—Россию 22 июня. К концу войны Сталин уже совсем по-иному говорил о ее сущности и — что особенно характерно — о *причине* наших поражений в начальный ее период. Так, 6 ноября 1944 года он недвусмысленно заявил, что «как

[1] *Хаффнер Себастиан.* Самоубийство Германской империи. — М., 1972. С. 27—28.

показывает история, агрессивные нации (речь уже идет о германской нации в целом, а не о кучке «гитлеровских авантюристов». — *В.К.),* как нации нападающие, обычно бывают более подготовлены к новой войне... Нельзя... считать случайностью такой неприятный факт, как потеря Украины, Белоруссии, Прибалтики в первый же год войны, когда Германия, как агрессивная нация, оказалась более подготовленной к войне... это, если хотите, историческая закономерность...» (С. 146, 147.) Таким образом, истинная причина поражений — не во «внезапности»...

Но главное заключалось в другом. Та раздвоенность, которая столь явно предстает в первоначальных сталинских суждениях, присутствовала — имея, правда, *противоположный* смысл — и в сознании (и, далее, поведении) тех миллионов людей — главным образом, из *крестьянских* семей, — которые должны были с оружием в руках противостоять германской армии. За что они ведут смертный бой — за свою тысячелетнюю Россию или же за установившийся в 1917 году возглавляемый партией *строй?* Не забудем, что всего восемь лет назад завершилась коллективизация, которая нанесла тяжелейший урон многим из этих людей или хотя бы их родственникам, соседям, односельчанам...

Для осознания — притом не отвлеченного, «теоретического», а воплощающегося в целостном существе людей и непосредственно переходящего в *действие* осознания, — истинного смысла войны было необходимо определенное время. Выше приводились фрагменты из «Сталинградской хроники» Юрия Кузнецова, в которых поэтически раскрыто пережитое в конце 1942 года солдатами глубокое «превращение».

Уже упомянутый германский истолкователь хода

войны, Хаффнер, обоснованно писал: «С того момента, когда русскому народу стали ясны намерения Гитлера, немецкой силе была противопоставлена сила русского народа. С этого момента был ясен также исход; русские были сильнее... прежде всего потому, что для них решался вопрос *жизни* и *смерти*» (цит. соч., с. 59).

По мнению Хаффнера, поворотным «моментом» стал уже декабрь 1941 года, «когда контрнаступлением под Москвой русские доказали свою вновь обретенную волю к борьбе» (с. 59—60). Но, как мне представляется, проблема более сложна. Ведь позже, летом 1942 года, наши войска, как уже упомянуто, на южном фронте покатились на восток к Волге и Кавказу, в сущности, так же, как летом—осенью 1941-го к Москве... Ничего подобного не было и, очевидно, не могло быть *после* Сталинграда. Но вглядимся пристальнее в битву под Москвой.

МОСКВА — РЖЕВ — БЕРЛИН

Победу на московских рубежах не без оснований называют «чудом». Казалось бы, Москва была обречена, и уже готовились к взрыву крупнейшие предприятия и даже метрополитен.

Уверенность врага в скорейшем захвате Москвы ярко выразилась в двух фактах, которые до последнего времени, в сущности, замалчиваются: прорыве колонны немецких мотоциклистов 30 ноября почти в границы Москвы, на мост через канал Москва—Волга[1] (вблизи нынешней станции метро

[1]Почему-то в ряде сочинений этот прорыв датируется 16 октября, когда фронт находился еще на расстоянии 150 км от Москвы. По свидетельству генерала А.А. Лобачева, члена Военного совета (то есть «второго» по положению начальника) 16-й армии, сражавшейся именно на этом участке фронта, указанный прорыв имел место 30 ноября, когда фронт находился в 16 км от границы Москвы. См.: Лобачев А. А. Трудными дорогами. М., 1960. С. 258.

«Речной вокзал»), и осуществленной тогда же, в ночь с 30 ноября на 1 декабря, дерзкой высадке на Воробьевых горах и в Нескучном саду — в четырех километрах от Кремля — авиадесанта, который имел задачу выкрасть Сталина[1].

Мне об этих фактах «по секрету», полушепотом, рассказал еще в 1960-х годах литературовед А.С. Мясников, который в 1941-м входил в руководящие партийные органы Москвы и потому был посвящен в кое-какие «тайны». Оба вражеских десанта были немедля уничтожены, но их «значимость» нельзя недооценивать.

Впрочем, гораздо важнее, конечно, тот факт, что к концу ноября сам *фронт* на северо-западном участке проходил менее чем в 20 (!) км от тогдашней границы Москвы (от нынешней границы — всего в 10 км) и менее чем в 30 км — от стен Кремля! Речь идет прежде всего о поселке вблизи Савеловской железной дороги, недалеко от станции Лобня (26-й километр), Красная Поляна и окрестных деревнях Горки, Киово, Катюшки (ближайшей к Москве).

Известный супердиверсант штандартенфюрер СС Отто Скорцени вспоминал в 1950 году: «Нам удалось достичь небольшой деревеньки (по всей вероятности — Катюшки. — *В.К.)* примерно в 15 километрах северо-западнее Москвы... В хорошую погоду с церковной колокольни была видна Москва...» А «летописец» 2-й танковой дивизии вермахта зафиксировал 2 декабря: «Из Красной Поляны можно в подзорную трубу наблюдать жизнь русской

[1]См.: Дорога на Смоленск. Американские писатели и журналисты о Великой Отечественной войне советского народа. 1941—1945. — М., 1985, с. 79.

столицы (по воздушной линии до городской черты — 16 километров)» (Там же, с. 185.) В эту дивизию, кстати сказать, уже было завезено парадное обмундирование для победного шествия по Красной площади Москвы[1].

И 29 ноября 1941-го Гитлер объявил, что «война в целом уже выиграна»... В этом были убеждены и многие из тех, кто находился на подмосковных рубежах. Тогда же германский штабной офицер Альберт Неймген писал своему любимому родственнику:

«Дорогой дядюшка!.. Десять минут назад я вернулся из штаба нашей пехотной дивизии, куда возил приказ командира корпуса о последнем наступлении на Москву. Через несколько часов это наступление начнется. Я видел тяжелые пушки, которые к вечеру будут обстреливать Кремль. Я видел полк наших пехотинцев, которые первыми должны пройти по Красной площади. Это конец, дядюшка, Москва наша, Россия наша... Тороплюсь. Зовет начальник штаба. Утром напишу тебе из Москвы...»[2]

Небольшой поселок (менее 6 тыс. жителей) Красная Поляна обрел тогда всемирную известность, и до сего дня упоминается в большинстве отечественных и зарубежных сочинений, касающихся Московской битвы.

Особенное внимание к этой малой точке на карте войны совершенно естественно. Дело не только в том, что фронт здесь наиболее близко подошел к Москве; так, захваченная врагом деревня Черная Грязь[3] на Ленинградском шоссе расположена ненамного дальше от границы Москвы. Но, во-первых,

[1]См.: *Сандалов Л. М.*, генерал-полковник. На Московском направлении. — М., 1970, с. 259.

[2]*Рейнгардт Клаус.* Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941—1942 года. — М., 1980. С. 237.

[3]Ей посвящена последняя главка знаменитой книги Александра Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Далее следует: «Вот уже Всесвятское... Москва! Москва!!!»

враг занял Черную Грязь всего на несколько часов, между тем как бои у Красной Поляны длились около двух недель, а, во-вторых, — и это главное — захват Красной Поляны, расположенной на 8 км *восточнее* Черной Грязи, был звеном генерального плана *окружения* Москвы: войска врага уже нависли здесь с севера над *центральной* частью города, являя собой зубец призванных сомкнуться к востоку от Москвы танковых клещей...

Поэтому в боях у Красной Поляны есть основания видеть своего рода эпицентр Московской битвы. Как писал впоследствии один из руководителей «Московской зоны обороны» генерал К.Ф. Телегин, перелом в битве под Москвой начался именно с Красной Поляны — «рубежа, наиболее близкого и опасного для столицы»[1].

В многочисленных сочинениях, где заходит речь об ожесточенных схватках у Красной Поляны, к сожалению, имеет место путаница или по меньшей мере неясность. Причина в том, что — сначала, до 29 ноября, этот участок фронта находился в полосе боевых действий 16-й армии, которой командовал К. К. Рокоссовский, а затем — 20-й армии под командой Власова (того самого — из-за чего возникли дополнительные сложности с изучением ситуации на данном участке фронта).

Основные сведения о *первом* периоде боев у Красной Поляны содержатся в воспоминаниях самого Рокоссовского и начальника артиллерии в его армии, генерал-майора (впоследствии — маршала) В.И. Казакова, а о *втором* периоде — в воспоминаниях начальника штаба 20-й армии полковника (с 1944-го — генерал-полковника) Л.М. Сандалова[2].

[1]За Москву, за Родину. — М., 1964. С. 42.

[2]*Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. — М., 1984; *Казаков В.И.* Артиллерия, огонь! — М., 1975; *Сандалов Л.М.* На Московском направлении. — М., 1970.

Но пишущие ныне об этих боях произвольно смешивают два различных периода, затемняя тем самым ход событий.

Первый раз немцы захватили Красную Поляну, по свидетельству генерала Казакова, еще 24 ноября[1]. И, по его сообщению, «местные жители успели сообщить по телефону в Моссовет, что там (в Красной Поляне. — *В.К.)* устанавливаются дальнобойные орудия для обстрела столицы»[2]. И в штабе Рокоссовского 25 ноября «около 3 часов ночи раздался телефонный звонок. Командарма вызывала по ВЧ Ставка Верховного главнокомандования». Сам командарм в своих воспоминаниях писал, что в этом ночном разговоре с ним «Сталин особенно подчеркнул, что из Красной Поляны фашисты могут начать обстрел столицы».

Были спешно собраны и отправлены к Красной Поляне артиллерия, в том числе реактивная («катюши»), и танки. «Бой продолжался весь день, — вспоминал Казаков. — С наступлением темноты наши танки ворвались в Красную Поляну, захватили много пленных, машин и орудий». Согласно сохранившемуся в архиве тогдашнему донесению Казакова, «в Красной Поляне захвачены два 300-миллиметровых орудия, которые предназначались для обстрела города»[3] (такие орудия действительно могли накрыть огнем Кремль).

Но, как упомянул сам Казаков, врагу «через некоторое время... удалось вновь вернуть оставленные позиции». К этому моменту Красная Поляна была уже в «ведении» не 16-й, а заново создаваемой 20-й армии, командующим которой стал будущий (с июля 1942-го) изменник Власов. Как известно, в ноябре 1941-го Сталин вызвал его в Москву из воронежского госпиталя. И, по воспоминаниям начальника штаба 20-й армии Л.М. Сандалова, приступившего к исполнению своих обязанностей 29 ноября, — воспоминаниям, которым нет оснований не доверять, — Власов тогда страдал (из-за контузий) тяжелым расстройством слуха и зрения и находился не на фронте, а в Москве, в гостинице Центрального Дома Красной армии под присмотром медсестры. И только 19 декабря, когда его перешедшая 5—6 декабря в наступление 20-я армия была уже на подступах к Волоколамску, Власов появился на ее командном пункте, и «состоялась, — по словам Сандалова, — наша первая с ним встреча»[1].

Об этом стоило упомянуть, поскольку ныне Власова подчас называют «спасителем Москвы», между тем как он не имел возможности осуществить сию миссию в силу серьезного недомогания. Кстати сказать, воспоминания Сандалова впервые появились в печати более тридцати лет назад, когда многие ветераны 20-й армии были еще живы, так что едва ли стоит подозревать этого генерала в искажении фактов.

Но вернемся к сути дела. Как сообщает Сандалов, утром 1 декабря немцы *вторично* захватили Красную Поляну и намеревались, закрепившись здесь, двинуться к Москве. Однако к этому моменту у станции Лобня уже находились артиллерия и танки 20-й армии, которые не допустили продвижения врага к Москве и готовились к контрнаступлению. 30 ноября план этого контрнаступления, разрабо-

[1] Правда, хорошо информированный редактор газеты «Красная звезда» утверждал, что это произошло позже, 26 ноября, — и, возможно, был прав (см.: *Ортенберг Д.* Июнь—декабрь сорок первого. Рассказ-хроника. — М., 1984. С. 275).

[2] Есть и другая версия, согласно которой телефонная связь с Москвой была уже нарушена, и сообщение доставила перебравшаяся через фронт женщина (см.: *Молчанов В.* Записка из Красной Поляны. «Правда», 1986, 4 августа, с. 3).

[3] *Захаров С.Е., Зверев Ю.И.* На подмосковных рубежах. — М., 1984. С. 36.

танный командующим Западным фронтом — основным в битве за Москву — генералом армии Г.К. Жуковым, был утвержден Ставкой. В плане значилось: «20-я армия из района Красная Поляна — Белый Раст... наносит удар в общем направлении на Солнечногорск... и далее на Волоколамск». Армия должна была двинуться вперед «с утра 3—4 декабря»[1].

Но в Красной Поляне закрепились танковая и пехотная дивизии врага. Как свидетельствовал Сандалов, «за восемь дней оккупации противник превратил поселок в сильный укрепленный пункт... Дом за домом, строение за строением отвоевывали наши войска у врага»[2]. И только 8 декабря Красная Поляна была освобождена.

Бывший начальник отдела печати германского министерства иностранных дел Пауль Шмидт, располагавший, понятно, солидной информацией, после войны стал публиковать сочинения о ее истории под псевдонимом Пауль Карелл. В изданной в 1963 году книге «Предприятие Барбаросса» он писал: «В Горках, Катюшках и Красной Поляне... почти в 16 км от Москвы (то есть от ее тогдашней границы. — *В.К.),* вели ожесточенное сражение солдаты 2-й венской танковой дивизии... Катюшки находятся от Москвы так же близко, как Ораниенбург от Берлина (30 км к северо-западу от рейхстага. — *В.К.).* Через стереотрубу с крыши крестьянского дома на кладбище майор Бук мог наблюдать жизнь на улицах Москвы. В непосредственной близости лежало все. Но захватить его было невозможно...»[3]

Провал гитлеровского наступления на Москву. — М., 1966. С. 94, 95, 105.

[1] *Жуков Г.К.,* маршал. Воспоминания и размышления. — М., 1985. Т. 2. С. 226.

[2] Битва за Москву. — М., 1966. С. 253.

[3] Цит. по кн.: *Проэктор,* указ. соч., с. 314.

* * *

Невозможно — вопреки всему предшествующему ходу войны! Ведь до захвата Красной Поляны, расположенной в 16 км от Москвы, германские войска двигались от Бреста со скоростью в среднем 16—17 км *за день...* Это вроде бы противоречит общему подсчету пройденных километров и дней войны: 1100 км за 155 дней (от 22 июня до 24 ноября) — получается в среднем 7 км за день. Однако, достигнув к концу июля — началу августа, то есть за 40 дней, 700-километрового (от границы СССР) рубежа западнее Смоленска, войска, двигавшиеся в направлении Москвы (до нее оставалось 400 км), сделали остановку — прежде всего ради наступления в южной части фронта, которое преследовало (и осуществило) цель захвата Украины: 20 сентября был взят Киев. Для этого, в частности, отправилась на Украину мощная танковая армия Гудериана, *возвратившаяся* затем на Московское направление.

Наступление на Москву возобновилось в конце сентября — начале октября. 7 октября была захвачена Вязьма (240 км от Москвы), 14 октября — Тверь (Калинин, 170 км от Москвы), 19 октября Можайск (110 км от Москвы). Но в это время начались затяжные дожди, и из-за возникшего бездорожья врагу пришлось замедлить наступление и дождаться заморозков, укрепивших грунт. Только 15 ноября германские войска вновь мощно устремились к Москве и 24-го (или 26-го) были уже в Красной Поляне; таким образом, если исключить *перерыв* в наступлении, германские войска в два приема (первая половина октября и время с 15 по 24 ноября) прошли 400 км — то есть скорость их продвижения была примерно та же, что и в начале войны. Тем не менее они не только не смогли пройти *последние 16 км* до Москвы (от Красной Поляны), но и покати-

лись назад с той же скоростью, как и наступали: так, Тверь (170 км от Москвы) была освобождена через 10 дней после начала контрнаступления — 16 декабря.

Во множестве зарубежных сочинений утверждается, что германские войска и остановил, и погнал назад «генерал Зима». Разумеется, нельзя отрицать, что подмосковные морозы наносили немалый ущерб врагу, рассчитывавшему на быструю — до наступления сильных морозов — победу. Однако столь же ясно, что «генерал Зима» в то же время *подгонял* наступавшую германскую армию. Командовавший походом на Москву генерал-фельдмаршал фон Бок 12 ноября совершенно верно сформулировал проблему: «...в военном и психологическом отношениях необходимо взять Москву... хуже, если мы останемся лежать в снегу на открытой местности в 50 км от манящей цели»[1].

И 15 ноября фон Бок объявил в приказе о заключительном наступлении на Москву: «Солдаты! Перед вами Москва! За два года все столицы континента склонились перед вами... Осталась Москва. Заставьте ее склониться... Москва — это отдых. Вперед!»[2]

Поэтому версия, согласно которой именно «русские морозы» сломили волю германских войск, остановили их у самых ворот Москвы, а затем погнали на запад, — заведомо тенденциозная версия. Она, в частности, опровергается дальнейшим ходом событий. Ведь враг, отступивший в декабре 1941-го — начале января 1942-го от Москвы до линии, проходившей восточнее городов Ржев — Гжатск (ныне Гагарин) — Вязьма, самым прочным образом закрепился на этой линии (на отдельных участках — всего в 130 км от Москвы!), пережил там — несмотря на многократные мощные атаки наших войск — остаток зимы, а потом и следующую зиму, и лишь в марте 1943 года, то есть уже после Сталинградской победы, отступил на запад. Столь долгое (14 месяцев) стойкое сопротивление врага в округе Ржева — очень существенная глава истории войны, и мы к ней еще вернемся. Сначала завершим тему «русских морозов», излюбленную немецкими и англоязычными историками.

[1] Цит. по кн.: *Проэктор*, указ. соч., с. 310.

[2] Цит. по кн.: *Анофилов В.А.* Крушение похода Гитлера на Москву. 1941. — М., 1989. С. 299.

Приписывая поражение врага этим морозам, современные авторы, в сущности, попросту повторяют то, что утверждалось зарубежными, а с их голоса и — как ни прискорбно — многими «туземными» историками о поражении Наполеона. Нет сомнения, что во второй половине ноября и декабре 1812 года наполеоновская армия потерпела тяжелейший урон от сильных морозов. Однако те, кто объясняют поражение завоевателя этими *морозами*, ухитряются начисто «забыть» о неоспоримом факте: армия Наполеона была полностью разгромлена еще *до начала зимы* — в битве при Малоярославце, свершившейся 24—26 (по старому стилю — 14—16-го) *октября*.

Ближайший сподвижник Наполеона, генерал и военный теоретик Филипп Сегюр, писал в 1824 году о поле Малоярославецкого сражения: «...это злосчастное поле битвы, на котором *остановилось* завоевание мира, где 20 лет непрерывных побед *рассыпались в прах*... Это было 26 октября, когда началось *роковое* отступательное движение наших войск»[1], — говоря точно, беспорядочное бегство этих войск на запад.

[1] Поход в Москву в 1812 году: мемуары участника, французского генерала графа де Сегюра. — М., 1911. С. 97.

Так, всего лишь за четыре дня, с 26 по 30 октября, Наполеон удалился от Малоярославца к западу на 150 км, до Вязьмы, где 1 ноября (то есть через шесть дней после битвы при Малоярославце) другой из его ближайших сподвижников, генерал Арман де Коленкур, зафиксировал следующее:

«Погода была хорошая. Император опять несколько раз говорил, что «осень в России такая же, как в Фонтенбло[1]»; по сегодняшней погоде он судил о том, какою она будет через 10—15 дней, и говорил князю Невшательскому (маршалу Бертье. — *В.К.)*, что «это такая погода, какая бывает в Фонтенбло в день Св. Губерта (3 ноября), и сказками о русской зиме можно запугать только детей»...»[2]

Наполеон действительно глубоко заблуждался: дней через десять, 9—10 ноября, когда он, отступив к западу еще на 175 км, находился в Смоленске, ударили сильные морозы, губившие солдат-южан... Но дело-то ведь шло об уже потерпевшей полное военное поражение в битве 24—26 октября армии! И версия, согласно которой Наполеона победили и заставили бежать из России морозы, — это сугубо тенденциозный миф (см. об этом подробнее в моей изданной в 1997 году книге «Судьба России: вчера, сегодня, завтра», с. 334—339).

Впрочем, пора вернуться из 1812-го в 1941-й. Как уже сказано, германская армия, отброшенная от Москвы в декабре — начале января до линии Ржев — Гжатск — Вязьма, остановившись на ней, самым убедительным образом доказала (и в эту, и в следующую зиму) свою способность к мощному

[1]Городок южнее Парижа.

[2]*Коленкур Арман де.* Мемуары. Поход Наполеона в Россию. — М., 1943. С. 220.

сопротивлению даже и в самые морозные месяцы: только 2 марта 1943 года она оставила Ржев.

Необходимо понять всю многозначительность того факта, что после Московской битвы, отбросившей германскую армию от столицы, фронт все же в течение четырнадцати месяцев (!) находился не далее 150 км от нее, и, несмотря на самое настоятельное стремление наших войск изменить эту угрожающую ситуацию, она сохранялась столь долго.

И еще один аспект вопроса о Московской битве. Главную причину нашей победы в этой битве многие — как отечественные, так и зарубежные — историки усматривают не в морозах, а в том, что к столице были стянуты — в особенности из дальних восточных частей страны — очень крупные военные силы. Конечно же, это сыграло свою необходимую роль, но едва ли уместно придавать *количественной* стороне дела *решающее* значение. Ведь хорошо известно, что в начале войны наши войска в *количественном* отношении *не уступали* германским, но смогли только в очень небольшой мере задерживать продвижение врага на восток.

Нередко утверждают, что «остановки» германских войск, наступавших в направлении Москвы (в конце июля и, во второй раз, в середине октября) были обусловлены непреодолимостью сопротивления наших войск. Но это едва ли верно. В августе—сентябре враг, как уже сказано, перенес центр тяжести своих сил на Украину (в частности, туда переместились танки Гудериана), а с середины октября ему пришлось пережидать распутицу.

Крайне прискорбный, но, увы, реальный показатель состояния наших войск в первые месяцы войны: количество «пропавших без вести», то есть оказавшихся в германском плену или хотя бы за линией фронта, военнослужащих составило в 1941 году,

согласно новейшим подсчетам, 2 млн. 335 тыс.[1]; между тем погибли в этом году (включая умерших в госпиталях от ран) 556 тыс. человек, и, следовательно, соотношение погибших и попавших в плен — 1:4! Совершенно иная картина потерь в 1943 году; соотношение погибших и попавших в плен — 5:1[2]. На основе этих цифр сторонний эксперт мог бы прийти к выводу, что в 1941-м — в отличие от 1943-го — имела место не столько война, сколько капитуляция наших войск...

Разумеется, и первые месяцы войны дали образцы борьбы с врагом не на жизнь, а на смерть, начиная со знаменитой обороны Брестской крепости, и все же тот факт, что в 1941-м не менее *трети* наших тогдашних вооруженных сил так или иначе «сдались», свидетельствует, увы, о мощнейшем превосходстве врага.

Широко распространено мнение, что битва под Москвой в декабре 1941 — январе 1942-го явилась кардинальным переломом в ходе войны, но, как представляется, это был все же *временный* перелом, что имеет свое существенное объяснение. Тут нельзя не вспомнить пушкинские строки, которые постоянно вспоминались в 1941-м:

«Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!»

Почти через тридцать лет после битвы под Москвой генерал-полковник Л.М. Сандалов рассказал, как 2 декабря 1941 года, когда войска его 20-й армии готовились к атаке на Красную Поляну, бойцы

[1]Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. — М., 1993. С. 146.

[2]Там же.

слушали чтение передовой статьи появившегося накануне номера газеты «Красная звезда». По всей вероятности, генерал бережно хранил этот номер газеты и в своих мемуарах привел статью полностью. Вот некоторые ее фрагменты, дающие представление о целом:

«Москва! Это слово *многое говорит сердцу* (выделено мною. — *В.К.*)... Москва — праматерь нашего государства. Вокруг нее собиралась и строилась земля русская, вокруг нее стоял народ всякий раз, когда ему грозили иноземные пришельцы...

Древние камни Москвы овеяны славой наших предков, бесстрашно защищавших ее гордое имя. Так повелось на Руси, что самые страшные удары иностранные армии получали у стен Москвы... не раз на протяжении истории нашей страны казалось врагам, что гибнет русская земля, что не подняться ей вновь. Но вставал бессмертный народ и повергал в прах всех, кто покушался на его жизнь. Так будет и ныне»[1].

Своего рода парадокс заключался в том, что редактором «Красной звезды», где появилась цитируемая статья, был член партии с 1922 года Д.И. Ортенберг, а читал статью бойцам военный *комиссар* 331-й стрелковой дивизии Т.И. Коровин, который, без сомнения, был воспитан в духе идеологии, не имевшей ничего общего с идеями прочтенной им статьи.

Известны слова А.И. Солженицына из «Письма вождям Советского Союза» (1973), призывающие отбросить чуждую России идеологию:

«Сталин от первых же дней войны не понадеялся на гниловатую порченую подпорку идеологии, а разумно отбросил ее, развернул же старое русское знамя, отчасти даже православную хоругвь, — и мы

[1]*Сандалов Л.М.* Цит. соч., с. 253, 255.

победили! (Лишь к концу войны и после победы снова вытащили Передовое Учение из нафталина.)»[1]

Но дело обстояло сложнее. Ведь Сталин «развертывал» это «старое русское знамя» весьма осторожно, дозированно и вовсе не отказывался от «революционного» сознания; достаточно напомнить его цитированный выше доклад, произнесенный 6 ноября 1941 года, то есть совсем незадолго до Московской победы, — доклад, в котором был поставлен знак равенства между «старой» Россией и нацистской Германией!

Но еще показательнее другое. Сам Александр Исаевич во время войны, то есть за тридцать лет до своего «Письма вождям Советского Союза», был явно и резко недоволен этим самым развертыванием «старого русского знамени». Ибо, согласно его собственным словам, «было время в моей юности... когда был такой силы поток идейной обработки, что я, учась в институте, читая Маркса, Энгельса, Ленина, как мне казалось, открывал великие истины... в таком виде я пошел на войну 41-го года»[2].

И в высшей степени многозначительны воспоминания первой жены писателя, Н.А. Решетовской, о разговорах с ним в мае 1944 года (достоверность этих воспоминаний подтверждается и собственными суждениями А.И. Солженицына, и опубликованными ныне материалами «суда» над ним в 1945 году):

«Он говорит о том, что видит смысл своей жизни в служении мировой революции. Не все ему нравится сегодня. Союз с Англией и США (то есть «буржуазными странами». — *В.К).* Распущен Коммунистический Интернационал. Изменился гимн. В армии — погоны. Во всем этом он видит отход от

[1] *Солженицын Александр.* Публицистика. — Вермонт — Париж, 1989. С. 141.

[2] Солженицын Александр. Публицистика. — Вермонт — Париж, 1989. С. 306 второй пагинации.

идеалов революции. Он советует мне покупать произведения Маркса, Энгельса, Ленина. Может статься и так, заявляет он, что после войны они исчезнут из продажи и с библиотечных полок. За все это придется вести после войны борьбу. Он к ней готов»[1].

Впрочем, Солженицын не дождался конца войны и в проходивших тогда цензуру письмах обвинил Сталина в отступлениях от ленинизма. 9 февраля 1945 года он был арестован, и в его бумагах обнаружили портрет Троцкого, которого он считал истинным ленинцем...[2]! Впоследствии, как мы видели, писатель признал «правоту» Сталина и даже, надо сказать, сильно преувеличил его патриотизм. Так, Сталин тогда вовсе не был чужд и той идеологии, которая выразилась в письме Александра Исаевича, отправленном им с рубежей Восточной Пруссии незадолго до его ареста:

...«Мы стоим на границах 1941 года. На границах войны отечественной и войны революционной»[3], — то есть войны, которая призвана сделать Европу (или хотя бы ее часть) коммунистической...

Но к этой — уже, в сущности, *послевоенной* — теме мы обратимся в своем месте. Здесь же нужно решить вопрос о «старом русском знамени». Спустя тридцать лет А.И. Солженицын написал, что именно оно обеспечило победу. Однако непосредственно во время войны сознание писателя (и, конечно, многих и многих людей) было противоречивым. Нельзя сказать, что он жил только «революционной» идеологией. Так, осенью 1942 года он писал: «...уже можно сказать: сильна русская стойкость!

[1] *Решетовская Н.* В споре со временем. — М., 1975. С. 40—41.

[2] *Столяров Кирилл.* Палачи и жертвы. — М., 1997. С. 334, 335, 343.

[3] *Решетовская Н.* Цит. соч., с. 33.

Два лета толкал эту глыбу Гитлер руками всей Европы. Не столкнул! Не столкнет и еще два лета!» (Там же, с. 25.)

В этом тексте подспудно выразилось масштабное осознание войны, ибо «русская» стойкость противопоставлена *«всей Европе»*, то есть другому *континенту*. И слово «русская» уместно тут не в собственно этническом смысле, а как обозначение связующего начала континента, который ныне принято называть «евразийским».

Так, одним из выдающихся героев битвы под Москвой был казах Бауржан Момыш-улы, сподвижник славнейшего генерала Ивана Васильевича Панфилова. Уже в 1943 году подвиги командира батальона Момыш-улы были воссозданы в получившей тогда широчайшую известность повести Александра Бека «Волоколамское шоссе», а впоследствии сам герой написал книгу «За нами Москва. Записки офицера» (1959).

В ней рассказывается, в частности, как в 20-х числах ноября 1941 года комиссар 73-го полка 316-й стрелковой дивизии (позднее — 8-й гвардейской имени И.В. Панфилова), входившей в 16-ю армию, П.В. Логвиненко, объясняет только что вышедшим из окружения бойцам батальона Момыш-улы смысл сражения за Москву:

«Не скрою от вас, хлопцы: мы считали вас погибшими. Но вы, товарищи, стоите здесь здоровехоньки. Как наши деды говорили, слава богу... *(Аллодисменты.)* Нам очень туго и трудно приходится... До Москвы осталось совсем и совсем недалеко. Неужели мы, товарищи, позволим, чтобы немец, как это делали французы в 1812 году, мочился у стен древнего Кремля?!»[1]

К началу декабря батальон Момыш-улы уже на-

[1] *Момыш-улы Бауржан.* За нами Москва. Записки офицера. — Алма-Ата, 1970. С. 372.

ходился, увы, совсем близко от Москвы — восточнее Крюкова (38-й км Ленинградской ж. д.).

«....Моим адъютантом, — рассказал впоследствии Момыш-улы, — был лейтенант Петр Сулима. Этот... юноша принадлежал к тому типу украинских красавцев, что часто встречаются на Полтавщине... Сулима принес мне новую склейку крупномасштабных топографических карт. Я развернул и увидел на юго-восточных листах карты сплошную темную массу. Мне показалось — это был неровный, но четкий оттиск старинной громадной гербовой печати...

«Москва», — прочел я слово под пятном, вздрогнул и взглянул на Сулиму. Он, бледный, упершись своими длинными сухими пальцами, молча смотрел на карту.

— Вы когда-нибудь бывали в Москве? — спросил я лейтенанта,

— Нет, не приходилось, если не считать того, что мы проезжали в эшелоне.

— Я тоже проскочил через «Москву-товарную»...

Я всмотрелся — на темном фоне бесчисленных квадратиков и крестов белой нитью проступили ломаные и кольцеобразные просветы московских улиц... В центре был обозначен Кремль.

Я взял циркуль-измеритель: расстояние от Крюкова по прямой всего лишь тридцать километров.

По привычке прежних отступательных боев я поискал промежуточный рубеж от Крюкова до Москвы, где можно было бы зацепиться, и этого рубежа не нашел. Я представил врага на улицах Москвы... строй гитлеровцев в парадной форме во главе с очкастым сухопарым генералом в белых перчатках и с легкой усмешкой победителя.

— Что с вами, товарищ командир?..

— Дайте мне перочинный нож, — прервал я Сулиму... Я аккуратно разрезал карту и протянул половину ее Сулиме. — Нате, сожгите. Нам больше не понадобится ориентироваться и изучать местность

восточнее Крюкова...» (Там же, с. 457—459.) Впечатляющий жест человека Востока!

Убеждение в невозможности, немыслимости сдачи Москвы врагу определялось в данном случае не собственно «русским» сознанием: ведь перед нами — коренной казах, в детстве даже не знавший ни слова по-русски и исключительно высоко ценящий свои национальные традиции. И не «коммунистическим» сознанием — это видно из цитированного текста, да и, кстати, командир батальона Момыш-улы не был в то время членом партии. Но Москва, которую он никогда не видел, тем не менее была для него центром того геополитического мира, в котором он в 1910 году родился, вырос и стал (с 1936 года) профессиональным военным. То, что сказано в цитированном тексте о мочившихся в 1812 году у стен Кремля французах и о немецком генерале в белых перчатках, шагающем «с легкой усмешкой победителя» по улицам Москвы, предстает как безусловное неприятие власти иного *мира* (более точно — иного континента) над миром (континентом), в котором русские, казахи и другие народы уже много веков — по меньшей мере со времен Монгольской империи — имели общую в тех или иных отношениях судьбу (так, монголы и русские совместно противостояли католической агрессии с Запада). Центром этого мира давно уже стала Москва, и Бауржан Момыш-улы органически не может отдать ее во власть чуждого мира... Он не рассуждает об этом, он просто *не может*.

Притом речь идет именно о Москве — то есть о сердце того мира, в котором живет Момыш-улы. Вдумаемся в цитированные слова: «По привычке прежних *отступательных* боев я поискал промежуточный рубеж от Крюкова до Москвы...» Но «не нашел» его...

Общеизвестно легендарное изречение, опубликованное впервые 22 января 1942 года в газете

«Красная звезда», — с сообщением, что оно прозвучало два с лишним месяца назад, 16 ноября 1941-го, у разъезда Дубосеково — в 118 км от Москвы по Ржевской железной дороге: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва!»

Слово всегда несет в себе больше смысла, чем в него стремились вложить, и больше, чем хотят в нем услышать. И это изречение, в сущности, подразумевает, что, если позади — *не* Москва, значит, *есть куда отступать*... И через несколько месяцев после Московской победы наши войска, как известно, отступили, увы, на полтысячи и более километров — но *не* под Москвой, а в южной части фронта...

С другой стороны, столь же многозначительно, что, будучи отброшена от Москвы, германская армия не сделала затем *ни единой* попытки двинуться еще раз непосредственно по направлению к ней, хотя более года находилась столь близко от нее, — как уже сказано, на линии, проходившей восточнее городов Ржев — Гжатск — Вязьма.

* * *

Одно из наиболее известных произведений Александра Твардовского — пространное (168 строк) стихотворение или, пожалуй, лирическая поэма «Я убит подо Ржевом». Сам поэт писал о нем: «В основе его... память поездки подо Ржев осенью 1942 года... Впечатления этой поездки были за всю войну одними из самых удручающих и горьких до физической боли в сердце. Бои шли тяжелые, потери были очень большие...»[1]

Имя «Ржев» связано в памяти многих людей с тяжким и скорбным чувством, но ясное представление о том, что происходило в этих местах с января

[1] *Твардовский А.* Стихотворения и поэмы. — М., 1986. С. 865.

1942 до марта 1943-го, не столь уж широко распространено.

Начавшееся в первых числах декабря 1941-го германское отступление от Москвы обращалось подчас в беспорядочное бегство, которое могло стать *неостановимым* — вплоть до самого Берлина... (в свое время это произошло с армией Наполеона). И 19 декабря Гитлер объявил себя главнокомандующим сухопутными войсками, а 3 января отдал приказ, в котором требовал от своих отступающих армий: «Цепляться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего солдата, до последней гранаты... Каждый населенный пункт должен быть превращен в опорный пункт. Сдачу его не допускать ни при каких обстоятельствах, даже если он обойден противником»[1].

И приказ этот, хотя и не сразу же, германские войска выполнили целиком. Так, Ржев был именно «обойден» нашими войсками с севера и даже с запада, оказался почти в кольце, но тем не менее бои за него длились более года.

Как сказано в упомянутом стихотворении Твардовского:

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?..

Враг сопротивлялся под могущим показаться странным девизом «Ржев — ворота Берлина»; ведь на деле фронт здесь проходил на отдельных участках всего в 150 км от Москвы, а от Берлина в почти 1500 км...

Поскольку наши потери под Ржевом были громадны, ныне — в соответствии с общей тенденци-

[1] *Сандалов Л.М.* Цит. соч. С. 273.

ей — многие авторы самым резким образом осуждают Сталина за то, что он отдавал приказы о все новых атаках на этом участке фронта, увеличивая страшные потери. Но теперь, задним числом, легко решать подобные проблемы. Представим себе хотя бы, что врагу тогда требовалось всего лишь 12—15 *минут* (даже при малых в сравнении с нынешними авиаскоростях), дабы долететь от Ржева до Москвы...

Ясно, что Ржев (речь идет, понятно, не столько о самом этом городе, сколько об определенном рубеже войны) необходимо было отнять у врага. Однако в продолжение года с лишним это было непосильной задачей, атаки разбивались о прочнейшую оборону врага. А между тем в начале марта 1943 года враг неожиданно сам отступил на 150—200 км к западу... И об этом важно поговорить, ибо в таких поворотах хода войны проступают ее непростые, даже как бы иррациональные закономерности.

Судите сами: в декабре 1941 — начале января 1942-го наши войска наносят сокрушительное поражение врагу под Москвой, а затем более чем миллионная армия в течение трех с половиной месяцев пытается освободить Ржев («Ржевско-Вяземская стратегическая наступательная операция 8 января — 20 апреля 1942 года»), но фатально не может это сделать. От самого Ржева до Москвы — 200 км, а до Берлина — 1400 км, но получается, что девиз «Ржев — ворота Берлина» обладал чрезвычайной силой.

Находившаяся с февраля 1942-го до марта 1943-го на фронте под Ржевом в качестве военного переводчика Елена Ржевская (о ней еще пойдет речь) записала тогда же:

«В немецких частях здесь каждый солдат лично подписывает клятву фюреру, что не сойдет со сво-

его места у Ржева. Ржев отдать — это открыть дорогу на Берлин, так все время повторяет их радио». Здесь же другая запись, отражающая сознание жителей ржевских деревень: «...если немец там где-то и осилит, еще не вся беда. Но если... немец двинет на Москву и захватит ее — это же разом загорится и небо и земля».

Падение Москвы — это *конец света,* а не факт войны[1].

Многие — и в том числе самые авторитетные — историки, рассуждая о победе под Москвой, стремятся объяснить ее тем, что в определенной географической точке — скажем, у не раз упомянутого поселка Красная Поляна, — полностью иссякли силы германских войск. Но естественно возникает вопрос: почему они иссякли именно здесь, в 16 км от границы Москвы? Почему это не произошло под Тверью (170 км), Клином (80 км), Солнечногорском (55 км), а именно там, откуда Москву можно разглядывать в бинокль, там, где уже в самом деле «отступать некуда»?

Истинный смысл, как представляется, не в том, что германские войска как раз у самой границы Москвы утратили всю свою силу, а в том, что наши войска обрели здесь «сверхсилу». Которая, в свою очередь, уже как бы не действовала в ста с небольшим километрах от Москвы, под Ржевом, где, напротив, вроде бы совершенно «обессиленные» германские войска смогли более года сдерживать нашу — поначалу более чем миллионную! — рвавшуюся на запад армию.

Чтобы убедиться в первостепенной, исключительной значимости противоборства подо Ржевом, достаточно вглядеться в один из важнейших источников по истории боевых действий в 1941—1942 годах — «Военный дневник» тогдашнего начальника

[1] *Ржевская Елена.* Ближние подступы. — М., 1985. С. 54.

Генерального штаба сухопутных войск Германии Франца Гальдера: Ржев здесь буквально в центре внимания начиная с 3 января 1942-го.

Однако в сознании большинства людей — даже тех, кто размышляет о Великой войне, — «ржевская» тема занимает небольшое место. Ведь гордиться тут вроде бы нечем: войска больше года, в сущности, топчутся на одном месте; в последнее же время, как уже отмечено, о Ржеве вспоминают главным образом для того, чтобы осудить Сталина за громадные и вроде бы совершенно *бессмысленные* жертвы. Да, задним числом легко выносить подобные приговоры, — особенно если учитывать, что о противоборстве под Ржевом знают немногое и немногие люди; известно только, что очевидных, наглядных успехов не было, а потери были огромны.

Однако в действительности эти бои представляли собой, по существу, *единственное, безусловно, достойное* действие наших войск почти за весь 1942 год — между победой под Москвой в самом начале этого года и победой под Сталинградом в его конце. Более того: без героического — и трагедийного — противоборства под Ржевом иначе сложилась бы и ситуация под Сталинградом, что явствует из многих фактов.

Так, с 30 июля по 23 августа 1942 года наши войска предприняли очередное наступление под Ржевом. Им удалось продвинуться на некоторых участках всего лишь на три-четыре десятка километров, но германский генерал Курт Типпельскирх писал позднее об этом нашем наступлении[1]: «Прорыв удалось предотвратить только тем, что три танковые и несколько пехотных дивизий, которые уже готовились к переброске на южный фронт, были

[1] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. — М., 1956. С. 24.

задержаны...» (танковые дивизии врага потеряли во время тогдашних боев под Ржевом более 80% машин и уже не годились для переброски в направлении Сталинграда и Кавказа).

Другой германский генерал, командир сражавшейся под Ржевом 6-й пехотной дивизии Хорст Гроссман, писал в своей посвященной этому сражению книге, что очередное наступление наших войск во второй половине 1942 года под Ржевом «должно было помочь Южному фронту (нашему. — *В.К.)* остановить наступление немцев на Сталинград — Кавказ, во всяком случае, уничтожить немецкие военные части, которые *могли быть переброшены на юг»*, притом в ходе нашего наступления «возникли очень опасные моменты, которые смогли устранить только благодаря доставке (к Ржеву. — *В.К.)* трех танковых и еще большого числа (их было 9. — *В.К.)* пехотных дивизий, *предназначенных* для военных действий при группе армий «Юг»...» (выделено мною. — *В.К.).*

Я процитировал книгу генерала Гроссмана, озаглавленную им чрезвычайно многозначительно: «Ржев — краеугольный камень Восточного фронта» (Ржев, 1996, с. 63 и 86). Нельзя не выразить удовлетворение тем, что в нынешних трудных условиях в Ржеве есть люди, которые добились издания этой книги. В предисловии к ней эти издатели — председатель клуба краеведов Ржева О. Кондратьев и председатель Ржевского книжного клуба Л. Мыльников — совершенно верно говорят, что «правда о Ржевской битве до конца не сказана... Военные историки молчат... Книга Х. Гроссмана... единственная серьезная попытка на материалах архивов и воспоминаний дать полную картину Ржевской битвы. Конечно, нужно учитывать, что книга написана немецким генералом, да еще в годы «холодной войны». При чтении ее возникает немало вопросов...» Но: «Может быть, издание этой книги в России подвигнет военных историков к глубокому изучению Ржевской битвы» (С. 4.)

Сочинение генерала в самом деле достаточно тенденциозно — подчас даже комически тенденциозно; так, на первой же его странице заявлено, что-де необходимо глубоко уважать оборонявшихся под Ржевом германских солдат, «которые в мужественной борьбе за свое любимое отечество не боялись идти в бой и пожертвовать здоровьем и жизнью» (с. 7). По меньшей мере странно, что «борьба за любимое отечество» ведется на чужой земле, в 800 (!) км к востоку от тогдашней границы этого самого «отечества». И все же книга Х. Гроссмана в определенной мере помогает понять, что в действительности совершалось под Ржевом в 1942 — начале 1943 года.

Выражая признательность ее издателям, я вместе с тем не могу не сказать и об определенной тенденциозности их предисловия к ней. Они, в сущности, «осуждают» командование наших Вооруженных сил — прежде всего, понятно, Сталина — за то, что битва подо Ржевом вообще имела место... Ибо это была только, мол, «ржевская мясорубка», потери, пишут они, «в трех стратегических операциях под Ржевом — 1 109 149 солдат и офицеров».

Приходится сказать, что О. Кондратьев и Л. Мыльников подпали под воздействие нынешних СМИ, стремящихся всячески преувеличить количество наших погибших воинов. Цифру 1 миллион 109 тысяч 149 издатели почерпнули из уже упоминавшегося изданного в 1993 году статистического исследования под названием «Гриф секретности снят». Но они — вольно или невольно — побуждают своих читателей полагать, что эта цифра имеет в виду *убитых* в упомянутых «трех стратегических операциях». Между тем, как явствует из указанного исследования, речь идет о выбывших по той или

иной причине из строя воинах, в том числе раненых, заболевших, обмороженных. Что же касается «безвозвратных потерь», то есть *погибших* либо *попавших в плен* воинов, в ржевских операциях их было не свыше миллиона, а в три с лишним раза меньше — 362 664 человека.

Конечно, и эта цифра страшная, но, говоря о наших потерях, уместно было бы поставить вопрос и о потерях врага. Тенденциозность книги генерала Гроссмана с особенной очевидностью выразилась в том, что он неоднократно называет внушительные цифры потерь противника (то есть наших потерь), — хотя обороняющийся (а не наступающий, захватывающий поле боя) враг не имеет возможности сколько-нибудь точно подсчитать потери своего соперника, — и в то же время Гроссман *ни разу* не сообщает о количествах потерь своих войск, между тем как он, без сомнения, мог узнать о них гораздо более точно, чем о наших потерях.

Правда, в ряде случаев генерал все же говорит о гибели почти всех либо преобладающей части солдат и офицеров тех или иных *подразделений* своей армии, но именно о потерях сравнительно небольших армейских единиц, а не о потерях действовавших под Ржевом войск в целом.

Так, например, он пишет: «31 октября (1942 года. — *В.К.)* 9-я армия образовала из дивизии «Великая Германия» (отборное соединение войск СС. — *В.К.)* боевую группу Казница». И на один из батальонов этой группы «обрушился чудовищный непрерывный огонь такой силы, что в течение 20 минут все было кончено...». (С. 119.) Или такое сообщение: «До второй половины дня бой бушевал так, что от роты остались только 22 человека» (с. 80), — при «норме» 120—150 человек. Или: «вследствие сильных потерь... батальон состоял

только из 3 офицеров, 15 унтер-офицеров и 67 солдат» (с. 32); в другом батальоне «остались только 1 офицер и 22 солдата» (с. 6), а еще один батальон «был почти стерт с лица земли... из него вернулись в свой полк 1 офицер и 12 солдат» (с. 82) — «норма» — 500—600 человек...

Но эти отдельные сведения призваны, так сказать, передать накал борьбы, а о количестве погибших во всей огромной армии, действовавшей под Ржевом, генерал полностью умалчивает. Согласно его сведениям, под Ржевом находилась примерно *шестая часть (!)* всех дивизий Восточного фронта — 42 дивизии (пехотных — 31, танковых — 11), то есть сотни тысяч людей, но ни слова не сказано о том, какая *доля* участвовавших в сражениях — пусть приблизительная — осталась здесь навсегда.

Однако тот факт, что эта доля была очень и очень значительной, явствует из своего рода эмоциональной «ноты», проходящей, все нарастая, через всю книгу генерала Гроссмана: «положение вследствие сильных потерь очень серьезное» (с. 30), «высокие потери» (с. 42), «тяжелейшие жертвы» (с. 47), «тяжелая борьба привела к большим потерям» (с. 60), «потери множились» (с. 71), «потери были высоки» (с. 75), «столь большие потери» (с. 80), «потери возрастали» (с. 81), «очень большие потери» (с. 85), «потери были очень тяжелы» (с. 86), «слишком велики были потери» (с. 87) — и так до заключительного раздела книги, озаглавленного «Отход от Ржева». В нем сообщено, что 6 февраля 1943 года «Гитлер разрешил, наконец» (мы еще вернемся к этому невольно вырвавшемуся у генерала *«наконец»)* оставить Ржев, который именно Гитлер 3 января 1942-го приказал оборонять «до последнего солдата». К вечеру 2 марта 1943 года враг покинул Ржев...

* * *

В широко распространенном представлении, согласно которому продолжавшееся почти 14 месяцев и приведшее к громадным нашим потерям противоборство под Ржевом было «бессмысленным», выражается в конечном счете глубокое непонимание хода Великой войны. То, что происходило под Ржевом, сопоставляют (сознательно или бессознательно) с Московской битвой, завершившейся сокрушительным поражением врага. Но, как я стремился показать выше, это стало возможным потому, что дело шло о *Москве*. На Южном фронте враг вскоре же показал, что военное превосходство пока еще на его стороне...

Г.К. Жуков в 1965 году возмущался (кстати сказать, в беседе с упомянутой Еленой Ржевской) характерной для множества авторов сочинений о войне *недооценкой* вражеской армии: «Мы воевали против сильнейшей армии. Таких солдат и офицеров не было. И они ведь до последнего воевали...»[1]

«Лакировочная» литература о Великой войне, едва ли не господствовавшая до конца 1980-х годов (затем стала господствовать «очернительская», ничуть не менее далекая от истины), лишила многих людей объективных представлений о 1941 годе. Вот диалог военачальников, в который стоит серьезно вдуматься.

Начальник штаба 20-й армии полковник Л.М. Сандалов, который начал войну в Бресте и сыграл выдающуюся роль в Московской победе (27 декабря 1941-го он был произведен в генералы), вспоминал, как вечером 8 декабря 1941 года ему позвонил начальник Генерального штаба маршал Б.М. Шапошников:

[1] Маршал Жуков, каким мы его помним. — М., 1989. С. 310.

«После моего доклада об обстановке он спросил:

— Правда, что в Красной Поляне сдались в плен сразу одиннадцать немцев?

После моего утвердительного ответа он, как бы для себя, заметил:

— Начали сдаваться в плен группами... Раньше этого не было»[1].

При этом следует знать, что ранее, в течение 1941 года, оказались в плену *сотни тысяч* (!) наших солдат... И понять, что такое была эта война и какое превращение должно было совершиться ко времени Сталинградской победы, когда в плен сдались около 100 тысяч вражеских военнослужащих, включая генерал-фельдмаршала Паулюса...

И необходимой главой истории этой Великой войны является противоборство под Ржевом — противоборство, в котором как бы устанавливается определенное *равновесие* сил и затем наше *превосходство*. Но эта глава, повторяю, слишком малоизвестна. А между тем имеется целый цикл замечательных сочинений об этом противоборстве, принадлежащих уже упоминавшейся участнице событий — Елене Ржевской.

До войны она была студенткой знаменитого ИФЛИ, добровольно вступила в армию, стала фронтовой переводчицей и с февраля 1942-го до марта 1943-го находилась под Ржевом, подчас в самом пекле боев.

Елена Ржевская начала воинский путь в разведотделах 30-й армии[2], которая пришла под Ржев с последнего рубежа своего первоначального отступления от Смоленска — канала Москва — Волга в

[1] *Сандалов Л.М.* Цит. соч., с. 253, 254.

[2] Командующие — в ноябре 1941-го — ноябре 1942-го генерал-лейтенант Д.Д. Лелюшенко, затем, до апреля 1943-го, — генерал-лейтенант В.Я. Колпакчи.

районе севернее города Дмитров. Под Ржевом эта армия играла одну из главных ролей. И непосредственно здесь, на фронте, Елена Ржевская начала делать разного рода записи, на основе которых к 1947 году сложились первые ее сочинения, появлявшиеся в печати с 1951 года. Она сумела без всяких прикрас, но и без какого-либо «очернительства» воссоздать то, что происходило под Ржевом, и всецело оправдала избранное ею литературное имя — «Ржевская»...

Сама военная профессия Елены Ржевской давала ей особенное преимущество: она постоянно общалась не только со своими солдатами, офицерами, генералами, а также жителями ржевских деревень, но и с пленными немцами. Кстати сказать, лучшее из ее сочинений — «Февраль — кривые дороги» — начинается с сообщения, перекликающегося с только что цитированным фрагментом воспоминаний Л.М. Сандалова. Восхищающее всех событие, имевшее место в феврале 1942 года вблизи Ржева: «Семнадцать немцев! Семнадцать пленных! Семнадцать фрицев во главе со своим обер-лейтенантом сдались в плен. Это известие носилось по улице...»[1] И вот сцена допроса пленного:

«Савелов вводил немца.

— Обер-лейтенант Тиль! — отчеканил немец, откинув назад белокурую голову.

Высокий, с непокрытыми волнистыми белокурыми волосами. Настоящий ариец... Он был очень красив и молод и весь непонятно свежий... Я заметила его ногти, выпуклые, с крупными лунками, тщательно обработанные, несмотря на тяжелый быт передовой, на все невзгоды Восточного фронта. И потихоньку убрала свои руки со стола.

— Вы добровольно сдались в плен вместе с вашими солдатами?

[1] *Ржевская Елена.* Была война... — М., 1980. С. 107, 108.

— Мы отражали атаки русских в течение двух часов. Когда стало ясно, что наши доты отрезаны, я отдал приказ кончить сопротивление и сдаться...

— Это ведь во времена вашего Старого Фрица[1] война велась на истощение противника... А сейчас, когда Гитлер ведет войну на истребление, попасть в плен...

— В отношении Фридриха Великого это однобокое суждение, — сухо сказал обер-лейтенант. — Он предвосхитил тактику Наполеона, и он первый применил с великолепным успехом военные операции на уничтожение...»

Допрашивающей переводчице хочется сказать: «Прусская армия настаивает на приоритете в ведении войны на истребление? Что ж, пожалуйста». Но это «обвинение» явно не подействует на обер-лейтенанта. Он с трудом понимает, «чего я добиваюсь от него.

— Война есть война, — сказал наконец».

Далее разведка пытается «использовать немца: подсоединиться к их рации, чтобы он своим немецким, неподдельным, офицерским голосом передавал им ложные команды и сведения». Но обер-лейтенант категорически отказывается, хотя офицер разведки уже расстегивает кобуру револьвера.

«Запавшие синие глаза Тиля смотрели глухо, затравленно...

— Я не хотел бы ожесточать господ русских офицеров, но иначе не могу поступить... — выдавил он».

Помимо прочего, это означает, что, даже сдаваясь в плен, враги тогда, в 1942-м, были уверены в своей правоте и в конечной победе. Вот обер-лейтенанта Тиля ведут по сожженной его сотоварищами деревне. «У дотлевающих головешек убиваются,

[1] Имеется в виду король Пруссии в 1740—1786 годах Фридрих II Великий.

бранятся, греются бабы. Одна пестрая оборванная баба ринулась наперерез, с маху ткнулась кулаком в грудь Тиля, трясется, вопит, в глазах слезы ярости. Осатанело плюнула ему в лицо.

Он только дернул головой и пошел дальше, не утираясь».

Но один раз все-таки вроде бы что-то сдвинулось в этом «арийце». Изба в деревне Лысково, куда привели обер-лейтенанта.

«Хозяйка в измызганной кофтенке сидела притихшая напротив немца, приглядываясь к нему, скрестив руки на груди, сжав тощие плечики, покачиваясь, шмыгая носом». Затем она «сходила за печь, вынесла свою миску с остывшей давно пшенной кашей, поставила на стол и пододвинула миску немцу:

— Ты вон на, поешь, — И, скомкав горсткой пальцев губы, заплакала.

— Послушайте, — всполошенно сказал Тиль. — Чего эта старуха плачет?

— Не знаю...

Он немного поел.

— Если можно... — Он взволнованно провел рукой по волнистым расчесанным волосам и стойко сказал: — Если это можно, я предпочел бы правду. Меня расстреляют?

— С чего вы? Тетенька, вы вот плачете, вы немца пожалели и испугали насмерть.

Старуха всхлипнула, высморкалась в конец головного платка.

— Не его. Не-ет. Мне его мать жалко. Она его родила, выхаживала, вырастила такого королевича, в свет отправила. Людям и себе на мученье».

Через некоторое время переводчица спрашивает обер-лейтенанта:

« — Вот у вас на пряжке выбито: «С нами Бог»...

— Да-да, Так принято в вермахте.

— Но ведь Гитлер назвал христианское учение бесхребетным, непригодным для немцев...

— Ну это — традиция. Девиз, если хотите...

— Уж если с кем Бог, так это знаете с кем? С той старухой хозяйкой, что пожалела вас или вашу мать, уж не знаю кого.

— О, старая матка! — с чувством сказал он, едва дав мне договорить. — Это так удивительно... Русская душа...

Бедная причитавшая над ним старуха, оплакав его, отдав ему свою кашу, ошеломила его. Как знать, может, и у него есть святая святых, неведомое ему самому... Прежде, до плена, он просто не заметил бы, что эта старуха — живой человек.

Бабу, с ненавистью и отчаянием плюнувшую ему в лицо, мы обходили в нашем теологическом разговоре, хотя и у нее русская, не безбожная душа».

Впрочем, ошеломленность обер-лейтенанта — временное состояние;

«...мне-то казалось, в нем что-то сдвинулось. Нет, все при нем — незыблемый пласт стройных, крепко связанных между собой понятий. Не отягощенный сомнениями, он всякий раз определенно знает, как ему быть».

И в этом — одна из основ вроде бы непреодолимой силы германской армии. Сцена с заплакавшей старухой может показаться совершенно ненужной, даже нелепой; кстати, один из офицеров разведки зло и грубо высмеивает упоминание о матери обер-лейтенанта.

Но есть в этой сцене нечто, вдруг обнаруживающееся и в поведении самих офицеров разведки. Обер-лейтенанта уже повели на расстрел за отказ сотрудничать, но старший здесь, капитан Москалев, приказывает вернуться;

« — Вот что, пусть он идет. Пусть идет!.. Мы-то ему ничего плохого — пусть идет, покажется им — мы ж его пальцем не тронули, пусть глядят. Пере-

води! И чтоб передал им; пусть сдаются, а то мы их, гадов, перебьем. — И, ярясь от воодушевления, хрипло: — И чтоб знали! Чтоб зарубили себе! Мы придем в их Германию!..

Свету было уже так мало, что шаг и другой, и немец скрылся от нас, растворившись за стволами деревьев...

Москалев тяжело дышал — вышел из рамок человек, решает не спросясь, на свой страх и риск, как Бог на душу положит».

И в плаче старухи, и в неожиданном поступке офицера (не забудем, что речь идет о времени жесточайшего противоборства под Ржевом) по-своему выразилось то зреющее *превосходство* над врагом, которое в конечном счете определило нашу победу над лучшей в истории (по определению самого Жукова) армией.

Напомню цитаты из опубликованных как раз в 1942 году статей Эренбурга, которые требовали; «Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать» — и согласно которым немки — не женщины, а «мерзкие самки». Но, как видим, люди, находившиеся в 1942-м под Ржевом, думали и чувствовали иначе. И, кстати сказать, в плане войны «на уничтожение» мы едва ли бы могли «превзойти» врага... Основой победы явилось другое...

Наше превосходство над врагом было не собственно «военное»; это было превосходство самого мира, в который вторгся враг. И оно не могло осуществиться, реализоваться за краткое время, ибо дело шло о «мобилизации» не армии, а именно целого мира.

Поэтому есть основания полагать, что победа у стен Москвы (именно и только у ее стен!) была все же краткой — хотя и мощной — вспышкой нашего превосходства, после которой страна пережила и не менее катастрофическое, чем в 1941-м, отступление на юге до Волги и Кавказского хребта, и тя-

желейшие — к тому же могущие показаться «бессмысленными» — сражения под Ржевом, длившиеся четырнадцать месяцев.

В истинно объективном воссоздании противоборства под Ржевом, предстающем в сочинениях Елены Ржевской, раскрывается (именно в силу доподлинной объективности) глубокий смысл войны. Это, по своей внутренней сущности, не война большевизма с нацизмом. Хотя подчас в рассказах Ржевской появляются те или иные «реалии», связанные с этими политическими феноменами, они воспринимаются как нечто *внешнее*, как оболочка гораздо более масштабного содержания. Вот, скажем, в разговоре переводчицы и обер-лейтенанта как-то совершенно естественно возникают и прусский король XVIII века Фридрих Великий, и Наполеон, а в другом месте тема углубляется в историю еще дальше:

«Оказывается, старинный герб Ржева — лев на красном поле... Он стоял на западной окраине русских земель, и не раз на него обрушивался удар врагов, рвущихся в глубь России».

Натиск на восток особенно усилился начиная с XIV века, и шел он тогда под знаком борьбы Католицизма с Православием[1];

атака нацизма на большевизм — это только исторически-конкретная «форма» многовекового натиска под разными девизами...

Вот мельчайшая и, казалось бы, совершенно незначительная деталь: у рассуждающего о «великолепных успехах» Фридриха Великого в операциях на уничтожение обер-лейтенанта — несмотря на условия фронтового быта — идеально обработанные ногти, что даже побудило переводчицу спрятать свои руки под стол. А с «запредельной» человечно-

[1]См. об этом многие страницы моей книги «История Руси и русского Слова. Современный взгляд». — М., 1997.

стью плачущая при мысли о матери жестокого врага старуха сморкается затем в кончик своего головного платка...

Словом, два несовместимых мира (выявившихся в этих вроде бы не имеющих никакой значительности деталях) — то самое *геополитическое* противостояние, о котором подробно говорилось выше. И оно, пожалуй, наиболее неоспоримо проявляется в таких вроде бы не заслуживающих серьезного внимания деталях...

Уместно предположить, что Елена Ржевская смогла и увидеть, и оценить значение таких деталей потому, что под Ржевом она *впервые* соприкоснулась не только с вражескими офицерами, но и с людьми, составляющими основу называющегося Россией мира, — ибо ранее она знала только по-своему замкнутое и как бы театральное московское бытие...

О жизни до Ржева говорится: «Я всегда жила вместе с товарищами. А теперь — одна среди невиданных раньше людей...

Подумала: если меня убьют, Агашин и Москалев (офицеры разведки. — *В.К.)* скажут: «Была тут переводчица-москвичка» (ничего другого, может, и не скажут, но «москвичка» — обязательно)».

Однако со временем Ржевская убеждается, что, вжившись в военное бытие этих «невиданных» ею людей, стала для них своей, а не «москвичкой».

Необходимо отметить, что тот мир, в котором зреет победа над врагом, — не только собственно *русский* мир в этническом смысле слова. Так, капитан-разведчик Агашин — «с восточной окраины нашей страны, родом из полукочевого племени... Его отец и дед провели жизнь в седле, с табунами диких лошадей... Но, в общем-то, совершенно неважно, от кого он рожден...» Важно, что он всем существом принадлежит к атакуемому с Запада миру, ради которого в марте 1942-го геройски погибает...

Правда, в последнем его деянии, похоже, выразилась особенная повадка его восточного племени... Горстка людей выходит по пробитому речкой оврагу из вражеского окружения. Патроны давно кончились.

«Вдруг из-за поворота вышли немцы. Патруль. Четверо. Все. Конец. Сжалось и ткнулось куда-то сердце.

Агашин завозился, азартно, злобно оттолкнувшись, выбросил себя вперед и с поднятыми окаянно вверх руками шагнул в сторону немцев...

Это было жутко. Агашин, как в горячке, в помешательстве, спешил к ним навстречу. Сдаваться. Немцы с наведенными на него автоматами поджидали. И вдруг он оступился в снег, скособочившись. Мгновенный взмах его руки, занесенной за плечо, взрыв...

— Вперед! — выдохнул Москалев, очнувшись. Мимо убитого Агашина, упавшего ничком... Мимо убитых немцев. Торопясь, пока не подоспели на взрыв другие. По черному снегу — за поворот русла, в ложбинку, по кустам, к снежному валу — к своим».

Вернемся теперь к книге генерала Гроссмана «Ржев — краеугольный камень Восточного фронта». В конце он подробно рассказывает, как армия оставляет Ржев, делая это словно бы совершенно «добровольно»[1]. Он иронизирует над цитируемой им нашей военной сводкой о происшедшем 3 марта: «Несколько дней назад наши войска, — говорилось в этой сводке, — начали решительное наступление на Ржев. Сегодня после длительных и тяжелых боев они взяли город». Неадекватность сводки видна из самого ее текста: в ней говорится, что на-

[1]Правда, он полностью умалчивает о том, что, уходя, его войска оставили за собой, как говорится, выжженную землю, о чем свидетельствует вошедшая 3 марта в Ржев Елена Ржевская.

ступление на Ржев началось всего «несколько дней назад», но тут же сказано о «длительных» боях. Верно, что бои шли в течение четырнадцати месяцев, однако наши войска все же не брали город с боем. Составители сводки, по-видимому, сочли неудобным сообщить, что враг сам отдал Ржев, хотя на деле-то в этом выразилось наше подлинное — созревшее к тому времени — *превосходство* над врагом. И всего лишь через четыре месяца начнется Курская битва, в которой это превосходство предстанет с полнейшей, абсолютной очевидностью (в частности, потому, что победа была достигнута *летом*, и нельзя было сослаться на помогавшие-де нам морозы или распутицу).

Генерал Гроссман цитирует также тогдашнюю сводку своего военного командования, в которой было объявлено, в частности, что «армия без всякого вражеского давления сдала территорию, завоеванную в тяжелой борьбе... Движение прошло планомерно. Враг не смог помешать отводу войск... Наши войска понесли незначительные потери... они чувствуют себя полностью победителями».

Прямо-таки замечательно, что в этой сводке 3 марта 1943 года, в сущности, признано наше превосходство: вражеские войска «чувствуют себя полностью *победителями»*, ибо им удалось с «незначительными потерями» (в ходе отступления) уйти от наших войск, а не быть ими уничтоженными!

А «точка зрения», высказанная 56 лет назад в цитированной выше *нашей* военной сводке, широко распространена по сей день, и многие люди не знают, что Ржев был отдан врагом, а не взят нашими войсками в ходе «тяжелых боев». И не исключено, что, узнав об этом, кто-либо окончательно уверится в «бессмысленности» приведших к огромным потерям сражений под Ржевом — ведь враг-то в конце концов ушел сам...

В действительности же он ушел потому, что 2

февраля сокрушительным поражением завершилась Сталинградская битва (через четыре дня, 6 февраля, Гитлер — см. выше — «разрешил» оставить Ржев), а ее исход мог бы быть иным, если бы под Ржевом враг не вынужден был держать примерно 1/6 часть войск Восточного фронта, в том числе и упомянутые выше 12 дивизий, которые ему пришлось дополнительно отправить летом 1942 года не под Сталинград, а к Ржеву!

Таким образом, был свой объективный *смысл* в ржевском противоборстве и у нас, и у врага — правда, кардинально различный смысл: сопротивляясь под Ржевом, враг *отдалял* свое поражение, а мы, атакуя его, *приближали* свою Победу.

И, кстати сказать, генерал Гроссман как-то сознавал безнадежность сопротивления под Ржевом; это выразилось во вводном слове его уже цитированной фразы: «Гитлер разрешил, *наконец*, 6 февраля отвести...» и т. д. сие «наконец» означало, в сущности, что тяжелейшая борьба и «слишком большие» потери под Ржевом только *оттягивали* неизбежное поражение. И в конце концов вынужденный оставить этот город враг в самом деле открыл нам дорогу на Берлин, хотя, разумеется, дорога предстояла долгая и трудная...

Важно подчеркнуть, что во время боев под Ржевом в августе 1942 года едва ли не впервые четко проявилось созревшее превосходство наших сил над вражескими. Генерал Л.М. Сандалов, начальник штаба 20-й армии, сражавшейся на ржевском рубеже, вспоминал впоследствии о своем многозначительном разговоре с командующим армией генералом М.А. Рейтером. К 10 августа под Ржевом были разгромлены два «элитных» танковых корпуса врага, один из которых входил ранее в танковую армию Гудериана (тот был еще 26 декабря 1941 года отправлен Гитлером в резерв за свою взвешенную «отступательную» тактику).

« — Подумать только, что год тому назад (в августе 1941-го. — *В.К.)* два таких немецких (гудериановских. — *В.К.)* корпуса прорвались от Десны на юг за Ромны, — вспоминал... Рейтер. — Позже такие же силы неприятеля прорвались от Орла до Тулы (то есть уже близко к Москве. — *В.К.).* А теперь два полнокровных танковых корпуса разбиты относительно равными силами нашей армии и спешно переходят к обороне, зарываются в землю. Причем вражеские танковые корпуса понесли поражение летом[1], когда, по уверениям немецкого командования, немцам нет равных! Нет, не тот немец стал, не тот!

— А может быть, мы не те стали? — возразил я.

— Конечно, переделали немцев, протерли им глаза радикально изменившиеся за это время войска Красной армии, — согласился Рейтер» (там же, с. 304—305).

* * *

Для более полного понимания смысла и значения боев под Ржевом необходимо рассмотреть еще одну таинственную страницу истории войны. Как уже сказано, наши вели наступление на ржевском рубеже в январе — апреле и затем в августе 1942 года, а 2 марта 1943-го враг сам оставил Ржев, после чего мы преследовали его, и это была как бы еще одна наступательная операция.

В известной энциклопедии «Великая Отечественная война. 1941—1945» каждой из этих трех наступательных операций посвящена специальная статья (правда, последняя операция преподнесена

[1]Напомню, что поражение под Москвой враг потерпел в декабре — начале января.

там неверно — как наступление, предпринятое по нашей инициативе, а не преследование отступавшего по своей воле врага). Но, как ни странно, в этой энциклопедии вообще не упоминается еще одна весьма крупная наступательная операция наших войск под Ржевом, имевшая место в декабре 1942 года, — не упоминается, по-видимому, потому, что сама по себе она ни в коей мере не была успешной.

Однако в действительности эта операция имела необычайно существенное значение в ходе войны в целом; при этом есть основания полагать, что она и не была рассчитана на *очевидный* успех, то есть изгнание врага с ржевского рубежа, хотя даже командовавший ею Г.К. Жуков об этом, по-видимому, не знал...

В своих «Воспоминаниях и размышлениях» Георгий Константинович писал: «Верховный предполагал, что немцы летом 1942 года будут в состоянии вести крупные наступательные операции одновременно на двух стратегических направлениях, вероятнее всего — на московском и на юге страны (то есть в направлении Сталинграда и Кавказа. — *В.К.)*... Из тех двух направлений... И.В. Сталин больше всего опасался за московское» (цит. соч., с. 251), — и Г.К. Жуков, как он признает, был с ним согласен:

«...Я... считал, что... нам нужно обязательно... разгромить ржевско-вяземскую группировку, где немецкие войска удерживали обширный плацдарм... Конечно, — заключает Георгий Константинович, — теперь, при ретроспективной оценке событий, этот вывод мне уже не кажется столь бесспорным». (С. 252, 253.)

И, как мы знаем, в августе (точнее с 30 июля) 1942-го под командованием самого Жукова началось, по его словам, «успешное наступление с це-

лью разгрома противника в районе Сычевка — Ржев». Однако к концу августа наступление пришлось остановить. «Если бы в нашем распоряжении, — сетовал Георгий Константинович, — были одна-две (сверх имевшихся. — *В.К.)* армии, можно было бы... разгромить... всю ржевско-вяземскую группу... К сожалению, эта реальная возможность Верховным главнокомандованием была упущена. Вообще, должен сказать, Верховный понял, что неблагоприятная обстановка, сложившаяся летом 1942 года, является следствием и его личной ошибки». Правда, здесь же, на той же странице, Жуков оговаривает, что для остановки нашего наступления в районе Ржева «немецкому командованию пришлось спешно бросить туда значительное количество дивизий, предназначенных для развития наступления на сталинградском и кавказском направлениях». (С. 266.)

Из этого рассказа Георгия Константиновича вроде бы следует, что отвлечение вражеских сил от Сталинграда и Кавказа не было главной целью нашего наступления под Ржевом, начавшегося 30 июля, и его остановка к концу августа являлась серьезной неудачей. Между тем есть основания полагать, что именно отвлечение войск врага с юга, где 17 июля (то есть двумя неделями ранее) он начал наступление непосредственно на Сталинград, было *главной* целью Ржевской операции.

Дело в том, что перед нашим контрнаступлением под Сталинградом, начавшемся 19 ноября 1942 года, было вновь принято решение наступать и под Ржевом, и на этот раз — уж совсем явно не для разгрома там вражеских войск и овладения Ржевом, а для отвлечения сил врага с юга. Ибо, как сообщил в своих воспоминаниях один из тогдашних руководителей разведки, П.А. Судоплатов, враг был заранее информирован нами о готовящемся и начавшемся 8 декабря нашем наступлении!..[1] «Немцы ждали удара под Ржевом и отразили его. Зато окружение группировки Паулюса под Сталинградом явилось для них полной неожиданностью» (цит. соч., с. 188). Эта поистине редкостная по своему характеру акция может показаться выдуманной. Однако руководивший наступлением под Ржевом в декабре 1942 года Жуков, говоря о полной его неудаче, отметил прежде всего следующее:

«Противник *разгадал* (выделено мною. — *В.К.)* наш замысел и сумел подтянуть к району действия значительные силы... перебросив их с других фронтов». А у нас «был недостаток танковых, артиллерийских, минометных и авиационных средств для обеспечения прорыва обороны противника» (с. 313, 314), — то есть, выходит, настоящей готовности к мощному наступлению не имелось...

Итак, обладавший высокой военной мудростью Г.К. Жуков понял, что враг каким-то образом «разгадал» наш план наступления. Но Георгий Константинович, сообщает Судоплатов, «так никогда и не узнал, что немцы были предупреждены о нашем наступлении, поэтому бросили туда такое количество войск» (там же).

Стоит сказать, что, несмотря на громадную группировку войск врага под Сталинградом, количественно превышавшую его ржевскую группировку, *качественно* она уступала последней, ибо под Сталинградом значительную часть вражеских войск составляли намного менее боеспособные румынские, итальянские и венгерские войска.

Выше цитировались слова Жукова о том, что Сталин считал ржевскую группу врага «более опас-

[1] Об этом врагу сообщил наш разведчик Александр Демьянов, которого вражеская разведка считала своим надежным агентом по кличке «Макс» (см. подробный рассказ в книге Судоплатова).

ной», чем южную, нацеленную на Сталинград и Кавказ. Но естественно предположить, что вождь «обманывал» Георгия Константиновича, ибо оба наступления на Ржев, в августе и декабре, едва ли преследовали цель изгнать врага с ржевского рубежа.

Показательно следующее. 26 августа 1942 года, после провала наступления на Ржев, Жуков назначается заместителем Верховного главнокомандующего (это после провала!) и 29 августа отправляется на юг, в район Сталинграда, в качестве руководителя всей операции... Однако 17 ноября — за два дня до начала контрнаступления на юге — Сталин вызывает его в Москву и отправляет в район Ржева, откуда он тем не менее 28—29 ноября (см. цит. соч., с. 310, 311) передает Сталину и А.М. Василевскому (заменившему на юге Жукова) свои соображения о том, как надо вести наступление под Сталинградом!

К тому времени враг уже хорошо знал, что Жуков командует на главных направлениях, и появление его у Ржева, надо думать, служило дополнительным подтверждением подброшенной врагу нашей разведкой версии. И по-своему даже забавно, что удочка, на которую попался в 1942-м враг, сработала и в наши дни: американский писатель и историк Дэвид Гланц, сочинения которого публикуются (возможно, из своего рода низкопоклонства) и у нас, пропагандирует сенсационную версию, согласно которой наступление под Ржевом в декабре 1942-го было наиважнейшей операцией, намного более важной, чем почти одновременное контрнаступление под Сталинградом, но этот факт-де замалчивается, ибо Ржевская операция не удалась, потерпела полное поражение...

Это, без сомнения, совершенно безосновательная «концепция», ибо слишком много имеется доказательств того, что Сталинградской битве с самого начала придавалось безусловно первостепенное и

решающее значение. Вместе с тем, как ясно из вышеизложенного, разгром врага под Сталинградом не умаляет значения продолжавшегося четырнадцать месяцев противостояния под Ржевом...

ИТОГИ ВОЙНЫ

Предшествующее изложение сосредоточилось на событиях 1941—1942 гг., и это вполне естественно, ибо ход войны в 1943—1945 годах воссоздан в обширной литературе о ней гораздо более ясно и правдиво: победы под Курском, в Белоруссии (летом 1944 года) и т. д. незачем было «лакировать» (они и так великолепны) в «доперестроечные» времена, и затруднительно «очернять» в конце 1980—1990-х годах.

Вместе с тем существует наиболее тяжкая, мучительная проблема, на основе которой (сначала в так называемых «самиздате» и «тамиздате», а с конца 1980-х и в общедоступной литературе) осуждают и попросту проклинают «методы» войны в целом — как в период наших поражений, так и в период побед. Речь идет о проблеме *человеческих потерь* 1941—1945 годов. Ныне «демократические» СМИ постоянно внушают, что *«цена победы»* была непомерной, и потому это как бы даже и не победа...

Потери в самом деле были громадны, но суть нынешней пропаганды заключается в том, что «вину» за них возлагают не столько на врагов, сколько на «своих», — прежде всего, разумеется, на Сталина.

Опубликован, например, документ от 27 мая 1942 года — директива Сталина руководству Юго-Западного фронта (командующий — С.К. Тимошенко, член Военного совета — Н.С. Хрущев, начальник штаба — И.Х. Баграмян), начавшего с 12 мая Харьковское сражение, в ходе которого были чрезмерные потери. «Не пора ли вам научиться воевать ма-

лой кровью, как это делают немцы? — писал Главнокомандующий. — Воевать надо не числом, а уменьем»[1].

Однако в глазах многих людей этот сталинский выговор Тимошенко и другим предстанет, без сомнения, как лицемерный (хотя дело ведь идет не о показном *публичном* требовании сократить человеческие потери, а о предназначенном для трех адресатов секретном документе).

Знакомясь с иными нынешними сочинениями о войне, читатели волей-неволей должны прийти к выводу, что Сталин, да и тогдашний режим в целом, чуть ли не целенаправленно стремились уложить на полях боев как можно больше своих солдат и офицеров, патологически пренебрегая тем самым и своими собственными интересами (ибо чем слабее становится армия, тем опаснее для режима)...

И поскольку главная цель многих сочинений, затрагивающих вопрос о потерях нашей армии, заключалась, в сущности, не в исследовании реальных фактов, а в обличении Сталина и режима в целом, предлагались абсолютно фантастические цифры, — вплоть до 44 миллионов (!) погибших военнослужащих...[2]

Полнейшая абсурдность этой цифры совершенно очевидна. В начале 1941 года население СССР составляло, как выяснено в последнее время посредством тщательнейших и всецело достоверных подсчетов, 195,3 млн. человек, а в начале 1946-го людей *старше 5 лет* в стране имелось всего лишь 157,2 млн.[3]; таким образом «исчезли» 38,1 млн.

[1] *Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А.* Довольно о войне? — Воронеж, 1992. С. 77.

[2] *Солженицын Александр.* Публицистика... С. 323 второй пагинации.

[3] Цифра эта полностью достоверна, ибо, согласно надежной переписи **1959** года, то есть через еще 13 лет, были живы 140 млн. людей, родившихся до 1941 года.

человек из имевшихся в начале 1941-го[1]. Утрата, конечно же, огромна — 19,5% — почти каждый пятый! — из населения 1941 года[2]. Но в то же время очевидна нелепость утверждения, что в 1941—1945-м погибли-де 44 млн. одних только *военнослужащих* — то есть на 6 млн. (!) больше, чем было утрачено за эти годы людей вообще, включая детей, женщин и стариков.

Однако дело не только в этом. Даже и 38,1 млн. «исчезнувших» людей нельзя отнести целиком к жертвам войны, ибо ведь и в 1941—1945 гг. люди продолжали уходить из жизни в силу «естественной» смертности, которая уносила в то время *минимум* (именно минимум) 1,3%[3] наличного населения за год (не считая младенческой смертности), то есть за пять лет — 6,5% — что от 195,4 млн. составляет 12,7 млн. человек (повторю: по *меньшей мере* столько).

Кроме того, не так давно были опубликованы сведения о весьма значительной *эмиграции* из западных областей СССР после 1941 года — эмиграции поляков (2,5 млн.), немцев (1,75 млн.), прибалтов (0,25 млн.) и людей других национальностей; в целом эмигранты составляли примерно 5,5 млн. человек[4].

Таким образом, при установлении количества людей, в самом деле *погубленных войной*, следует исключить из цифры 38,1 млн. те 18,2 млн. (12,7+5,5)

[1] Народонаселение. Энциклопедический словарь. — М., 1994. С. 623.

[2] Более значительная (хотя и ненамного) доля населения была утрачена только в катаклизме 1918—1922 годов: из 148 млн. населения начала 1918-го осталось к началу 1923-го лишь 118,5 млн. людей старше 5 лет, а 29,5 млн. исчезли — то есть 19,9%.

[3] Стоит сообщить, что, например, в США смертность составляла в 1920-х годах именно 1,3%, а в 1930-х несколько меньше — 1,1% (Демографический энциклопедический словарь. — М., 1985. С. 419). Даже в 1980-х годах у нас умирал за год 1% населения.

[4] Народы России. Энциклопедия. — М., 1994. С. 61.

человек, которые либо умерли своей смертью[1], либо эмигрировали. И, значит, действительные жертвы войны — 19,9 млн. человек, не считая, правда, смерти детей, родившихся в годы войны.

Это вроде бы противоречит результату наиболее авторитетного исследования, осуществленного в 1990-х годах сотрудниками Госкомстата, — 25,3 млн. человек. Но в этом исследовании специально оговорено, что имеется в виду «общее число умерших (не считая естественной смертности. — *В.К.*) или *оказавшихся за пределами страны*»[2], а, как отмечалось выше, за пределами страны оказалось 5,5 млн. эмигрантов. 19,9+5,5 — это 25,4 млн. человек, что почти совпадает с подсчетами Госкомстата.

Стоит сообщить, что принципиальное согласие с подсчетами Госкомстата высказал уже упоминавшийся наиболее квалифицированный эмигрантский демограф С. Максудов (А.П. Бабенышев), с начала 1970-х годов работающий в Гарвардском университете (США)[3].

И в связи с этой цифрой — 19,9 млн. — особенно дикое впечатление оставляет и приведенная выше цифра 44 млн., имеющая в виду *только* погибших в 1941—1945 годах *военнослужащих,* да и значительно уменьшенная цифра — 31 млн. погибших «красноармейцев», объявленная позднее, в 1995 году, тем же автором[4].

[1]Возможно, правда, что часть из этих людей, которые к 1946 году «должны» были умереть в силу естественной смертности, в тяжких условиях войны ушли из жизни несколько раньше, чем это произошло бы в мирное время. Но так или иначе они «не могли» дожить до 1946 года...

[2]Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. Сборник статей. — СПб., 1995. С. 40.

[3]*Максудов С.* О фронтовых потерях Советской армии в годы Второй мировой войны. «Свободная мысль». — 1993, № 10. С. 118, 119.

[4]*Солженицын Александр.* «Русский вопрос» к концу XX века. — М., 1995. С. 81, 82.

Что же касается гибели военнослужащих, то произведенное в конце 1980-х—1990-х годах скрупулезное исследование всей массы документов воинского учета 1941—1945 годов показало, что потери *армии* составляли 8,6 млн. человек[1]. К примерно такой же цифре пришел ранее С. Максудов, причем особенно существенно, что он исходил не из недоступной ему, эмигранту, воинской документации, а из *демографических* показателей. И, ознакомившись с опубликованными в 1993 году итогами анализа документов, он выразил удовлетворение и даже «удивление» тем, насколько «потери в военкоматском учете... близки к их демографической оценке» (указ. соч., с. 119). Таким образом, два исследования, исходящие из разных «показателей», дали, в общем, единый результат, что делает этот результат предельно убедительным.

Нельзя не отметить еще и следующее. С. Максудов в качестве профессионального демографа «упрекнул» исследователей армейских документов в игнорировании *естественной смертности,* обоснованно утверждая, что собственно *боевые* потери на самом деле были меньше 8,6 млн., так как часть военнослужащих (напомню, что в армию призывались и не очень молодые люди — до 50 лет) умерла в силу естественной смертности, и гибель от рук врага постигла, по расчетам С. Максудова, 7,8 млн. военнослужащих.

Широко распространено представление, что наибольшие боевые потери пришлись на самую молодую часть призванных в армию людей, — тех, кому было в 1941 году 18 или ненамного больше лет. И это, безусловно, вполне основательное представление, ибо не имевшие существенного жизнен-

[1]Гриф секретности снят... С. 146.

ного — не говоря уже об армейском — опыта юноши погибали, конечно, в первую очередь; в этом возрасте к тому же нередко еще слабо развито чувство *самосохранения.*

Но боевые потери этого поколения все же крайне резко преувеличивают. Так, в печати многократно утверждалось, что воины 1921—1923 годов рождения погибли *почти все;* например, один известный ученый, членкор АН, писал не так давно: «Из прошедших фронт людей этого возраста вернулись живыми только 3 процента», то есть 97 (!) процентов погибли...

Между тем есть вполне надежные сведения, что из 8,5 млн. мужчин 1919—1923 гг. рождения, имевшихся в 1941 году, к 1949 году «уцелели» 5 млн.[1]. Выходит, таким образом, что почти *две трети* мужчин этого поколения вообще *не воевали* (что крайне неправдоподобно), ибо, как утверждается, только один из тридцати трех фронтовиков этого возраста «вернулся живым».

Нельзя не сказать и о том, что из «исчезнувших» мужчин указанного возраста далеко не всех можно считать погибшими на фронте. Дело в том, что из 8,8 млн. женщин тех же 1919—1923 гг. рождения к 1949 году осталось 7,6 млн., и, значит, 1,2 млн. из них погибли, то есть только в три раза меньше, чем мужчин. Поскольку в армии находилось менее 0,6 млн. женщин (всех возрастов)[2], и они не ходили в штыковые атаки, ясно, что абсолютное большинство из 1,2 млн. «исчезнувших» молодых женщин погибли от вражеского террора, голода, холода, разрухи и т. п. И от тех же причин погибли, по всей вероятности, едва ли меньшее (чем женщин) количество мужчин того же возраста. Ведь в силу самой биологической природы мужчин они в экстремальных ситуациях значительно менее выносливы, чем женщины. Я убедился в этом еще в юном возрасте, в конце войны, когда узнал о том, что из моих многочисленных ленинградских родственников в годы блокады погибли *почти все* мужчины, а женщины, напротив, в большинстве своем выжили. Особенно важно отметить, что речь идет о мужчинах, не находившихся в *армии;* даже те, кто сражался на рубежах блокированного Ленинграда, получали намного большее количество продовольствия, чем гражданские лица в самом городе, и гибель для них была менее вероятной...

[1]Народонаселение... С. 623.

[2]Людские потери СССР в Великой Отечественной войне... С. 74.

Определенная часть «исчезнувших» молодых мужчин оказалась в эмиграции, куда, как уже сказано, ушли 5,5 млн. человек, и естественно полагать, что доля именно молодых мужчин была среди них немалой.

Наконец, в число «исчезнувших» мужчин входят люди особенной «категории», которую редко учитывают при выяснении потерь, — *гражданские* лица, оказавшиеся на оккупированных территориях, объявленные врагом *военнопленными* и заключенные в соответствующие лагеря. Сколько было таких жертв врага, трудно или вообще невозможно установить, но ясно, что дело идет о миллионах...

Эти люди разделили страшную судьбу военнопленных, которые, по сути дела, попросту уничтожались врагом... Нередко можно прочитать, что в этом, мол, виноват опять-таки Сталин, не подписавший в 1929 году Женевскую конвенцию о военнопленных. Эта версия давно и убедительно опровергнута[1], но тем не менее доверчивым читателям

[1]См.: *Мельников Д., Черная Л.* Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933—1945. — М., 1987. С. 347, 348.

продолжают внушать, что в уничтожении миллионов действительных и мнимых военнопленных виноваты-де не враги, а свои...

Нелепо уже само предположение о том, что Германия была готова соблюдать по отношению к нам какие-либо «принципы»; хотя бы уже из одного факта превращения в военнопленных гражданских лиц ясно: никакие «нормы» враг не соблюдал.

Вот, например, фрагмент дошедшего до нас предельно четкого приказа от 11 мая 1943 года по 2-й германской танковой армии (до декабря 1941 года ею командовал знаменитый Гудериан, снятый со своего поста за отступление под Москвой):

«При занятии отдельных населенных пунктов нужно немедленно и внезапно захватывать имеющихся мужчин в возрасте от 15 до 65 лет, если они могут быть причислены к способным носить оружие... объявить, что они впредь будут считаться военнопленными и что при малейшей попытке к бегству будут расстреливаться»[1].

Судьба военнопленных и тех, кого неправомерно объявили военнопленными, была настолько чудовищной, что даже некоторые *германские* руководители различных рангов пытались изменить положение, — разумеется, не из «гуманности», а по прагматическим соображениям. Так, уже на девятнадцатый день войны, 10 июля 1941 года, чиновник министерства по делам восточных территорий Дорш, пораженный увиденным, докладывал из захваченного врагом еще 28 июня Минска своему патрону Розенбергу:

«В лагере для военнопленных в Минске, расположенном на территории размером с площадь Вильгельмплац[2], находится приблизительно 100 тыс. военнопленных и 40 тыс. гражданских заключенных. Заключенные, загнанные в это тесное пространство, едва могут шевелиться и вынуждены отправлять естественные потребности там, где стоят... живут по 6—8 дней без пищи, в состоянии вызванной голодом животной апатии...» Между тем, продолжал Дорш, «огромную работу в тылу фронта невозможно выполнить только с помощью немецкой рабочей силы, а, во-вторых... изо дня в день возрастает угроза эпидемии...»[1] (этими соображениями и продиктована «забота» о пленных).

Позднее, 28 февраля 1942 года, уже и сам Розенберг писал начальнику штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Кейтелю: «Война на Востоке еще не закончена, и от обращения с военнопленными в значительной мере зависит желание сражающихся красноармейцев перейти на нашу сторону... Эта цель пока не достигнута. Напротив, судьба советских военнопленных в Германии стала трагедией огромного масштаба. Из 3,6 млн. (сюда, без сомнения, причислены и захваченные к тому времени гражданские лица. — *В.К.)* в настоящее время вполне работоспособны только несколько сот тысяч. Большая часть их умерла от голода или холода... во многих случаях, когда военнопленные не могли на марше идти вследствие голода и истощения, они расстреливались на глазах приходившего в ужас гражданского населения... В многочисленных лагерях вообще не позаботились о постройке помещений для военнопленных. В дождь и снег они находились под открытым небом. Им даже не давали инструмента, чтобы вырыть себе ямы или норы в земле... Можно было слышать рассуждения:

[1]Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза». Документы, материалы. — М., 1987. С. 210.

[2]Площадь в центре Берлина, занимающая около 30 тыс. кв. м (то есть на одного пленного приходилось немногим более 1/4 кв. м).

[1]Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1945 гг.). — М., 1968. С. 159,160.

«Чем больше пленных умрет, тем лучше для нас»...»[1]

Тогда же, в феврале 1942-го, «Военно-экономический отдел» Верховного командования «сетовал» в официальном циркуляре:

«Нынешние трудности с рабочей силой не возникли бы, если бы своевременно были введены в действие советские военнопленные. В нашем распоряжении находилось 3,9 млн. военнопленных (разумеется, вместе с гражданскими лицами. — *В.К.*), теперь их осталось всего 1,1 млн. Только в декабре 1941 г. погибли полмиллиона...»[2]

Но все подобные возражения ничего не могли изменить, так как армия была с самого начала нацелена не только на захват страны, но и на *уничтожение* ее жизненной силы и, значит, прежде всего на уничтожение тех, кто способен носить оружие.

Начальник армейской разведки и контрразведки Германии адмирал Канарис еще 15 сентября 1941 года писал о «вредных последствиях» того «обращения с военнопленными», которое господствует в германской армии и которое он определял так:

«...военная служба для советских граждан отнюдь не рассматривается как выполнение воинского долга, а... характеризуется в общем и целом как преступление. Тем самым отрицается применение военно-правовых норм». И благодаря этому, предупреждал Канарис, «облегчается мобилизация и сплочение всех внутренних сил сопротивления России в единую враждебную массу»[3].

Однако подобные предупреждения оставались втуне. В основе действий вражеской армии лежало

[1]Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1945 гг.). — М., 1968. С. 159, 160, 174.

[2]*Мельников Д., Черная Л.* Империя смерти. С. 365.

[3]Преступные цели гитлеровской Германии... С. 114.

при Верховном командовании генерал Греневитц объявил в своем очередном приказе:

«Слабодушные, которые будут говорить о том, что при теперешнем положении надо обеспечить себе путем мягкого обращения «друзей» среди военнопленных, являются распространителями пораженческих настроений и за разложение боеспособности привлекаются к судебной ответственности»[1].

В обращении с военнопленными, то есть на самом деле со всеми мужчинами призывного возраста, выражалось — пусть и в особо крайней форме — отношение к завоевываемой стране в целом. И, кстати сказать, преобладающее большинство власовцев и других согласившихся служить Германии людей «выбирали» этот путь, без сомнения, как «альтернативу» в высшей степени вероятной гибели в лагере военнопленных. Отмечу еще, что в свете вышеизложенного нынешнее стремление некоторых считающих себя «патриотами» лиц как-то связывать себя (хотя бы в одной только «символике») с германским рейхом предстает по меньшей мере как дикость...

16 июля 1941 года, когда враг, увы, уже захватил огромные территории СССР, Гитлер дал недвусмысленное «указание»:

«Гигантское пространство, естественно, должно быть как можно скорее замирено. Лучше всего этого можно достичь путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд». (Там же, с. 56.)

Два месяца спустя, 16 сентября, начальник штаба Верховного главнокомандования Кейтель издал приказ, в котором выразил возмущение «мягкостью» армии и потребовал «немедленно принять самые суровые меры». «Следует учитывать, — объяснял генерал-фельдмаршал, — что на указанных

Преступные цели гитлеровской Германии... С. 114.

[1]Преступные цели — преступные средства... С. 184.

территориях (СССР. — *В.К.)* человеческая жизнь ничего не стоит, и устрашающее воздействие может быть достигнуто только необычайной жестокостью», — например, 50—100 казненных «в качестве искупления за жизнь одного немецкого солдата» («Совершенно секретно!..», с. 396).

И, как уже было показано, только примерно треть человеческих потерь в годы войны составили *боевые* потери армии.

Не приходится уже говорить о тотальном разрушении всех условий человеческого существования — от жилищ до электростанций, от зароснихбурьяном и кустарником полей до развороченных с помощью спецсредств железнодорожных путей и т. д. и т. п. Стране был нанесен поистине беспрецедентный урон и ущерб...

* * *

Но вернемся к проблеме боевых потерь. Как уже сказано, тщательно работающий демограф С. Максудов доказывает, что наша армия потеряла менее 8 млн. человек вместе с погибшими в плену, которых было (погибших), по его подсчетам, 1,2 млн. человек. Напомню, что С. Максудов делает поправку на естественную смертность военнослужащих (и в том числе пленных). Но в то же время он, как представляется, значительно приуменьшил количество военнослужащих, погибших в плену.

Согласно германским сведениям (которым нет оснований не доверять, поскольку речь идет о ведомственных отчетах, а не о какой-либо «пропаганде»), в плену погибли около 4 млн. человек, правда, значительная часть их не принадлежала к военнослужащим, но, по-видимому, 2 с лишним миллиона из них были пленными солдатами и офицерами. И

общее число потерь армии (вместе с погибшими в плену) составило от 8 до 9 млн. человек...

Конечно, это страшная цена победы, но тем прискорбнее читать сочинения, в которых и это число намного преувеличивают с помощью безосновательных и попросту несуразных «доводов». Такова, например, изданная в 1991 году книжка Бориса Соколова с широковещательным заглавием «Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном». Автор объявляет, что в 1941—1945 гг. погибли 14,7 млн. военнослужащих и «около 15 млн.» гражданских лиц.

Один из главных «источников» первой цифры — некий полковник Калинов, похитивший какой-то сугубо секретный документ, перебежавший в 1949 году на Запад и на следующий год издавший там книгу «Советские маршалы имеют слово», — то есть предшественник нынешнего Резуна-«Суворова».

Но еще «замечательнее» другое. Б. Соколов пишет: «На 1 января 1941 г. население СССР насчитывало 196,6 млн. человек, а **на** начало 1946 г. — всего 167 млн. Чистая убыль населения составила за военные годы 29,6 млн. человек»[1] (далее автор без особых «разысканий» делит эту убыль почти пополам — 14,7 млн. военнослужащих, «около 15 млн.» гражданских лиц),

Существует своего рода закономерность: если за решение задачи берется не имеющий для этого никаких серьезных основ,ний автор, его «решение» как-то нелогично оказывается одновременно и *преувеличивающим,* и *преуменьшающим* реальные потери.

Б. Соколов совершенно непонятным образом ухитрился «забыть», что, во-первых, и в 1941—1945 гг. продолжали все же рождаться дети, и по вполне достоверным сведениям, к 1946 году в стране име-

[1] *Соколов Борис.* Цена победы... — М., 1991. С. 12.

лось 13,3 млн. детей моложе 5 лет, а значит (о чем уже говорилось выше), «убыль» населения за годы войны была намного больше — на 8,5 млн.(!), чем он утверждает: как сказано выше, 38,1 (а не 29,6) млн. человек. А во-вторых, этот «исследователь» потерь «забыл» о том, что люди продолжали умирать в 1941—1945 годах своей смертью, и в силу тогдашнего уровня естественной смертности за пять лет должно было умереть (см. выше) минимум 12,7 млн. человек, и, следовательно, можно отнести к военным потерям не более 25,4 млн., к тому же 5,5 млн. из них не умерли, а эмигрировали.

Таким образом, «подсчет» Соколова поистине курьезен: он, как это ни нелепо, и преуменьшил человеческие потери на 8,5 млн., и преувеличил их на 9,7 млн.! Тем не менее подобная нелепица опубликована вроде бы солидным издательством...

Наиболее же возмутительна извлеченная Соколовым из этой нелепицы цифра погибших военнослужащих — 14,7 млн.: он тем самым «умертвил» по меньшей мере 6 млн. наших солдат и офицеров... К сожалению, эта цифра присутствует и в изданной годом позднее сочинения Соколова книжке профессиональных историков А.Н. Мерцалова и Л.А. Мерцаловой. Они сначала отвергают «сведения» из совсем уж смехотворных публикаций, вещающих «о 14-кратном превосходстве потерь РККА по сравнению с вермахтом... наиболее близкими к истине представляются сведения... — около 14 млн. погибших... Потери вермахта погибшими, по германским данным, составляют свыше 4 млн., в том числе на Восточном фронте — 2,8 млн... Соотношение — 5:1»[1].

Итак, на каждого убитого вражеского военнослужащего приходится пятеро наших... Есть от чего прийти в отчаяние. Однако, во-первых, 14 млн. — это не имеющее никакой реальной аргументации число.

[1] *Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А.* Цит. соч., с. 93,94.

Во-вторых, цифра потерь врага в 2,8 млн. — это только точно учтенные смерти, к которым необходимо добавить «без вести пропавших», но не оказавшихся в плену. В-третьих, на Восточном фронте воевали, помимо немцев, миллионы других европейцев.

И в тщательно подготовленном коллективном исследовании о потерях, изданном в 1995 году, потери врага, включая его союзников, на Восточном фронте исчислены на основе *итоговых германских подсчетов,* сделанных в мае 1945 года: это 4,3 млн. человек, считая и 0,6 млн. умерших в плену. То есть вовсе не в 5, а в 2 раза меньше, **чем** потери нашей армии.

При этом необходимо учитывать, что примерно *четверть* наших армейских потерь — это не павшие в бою и не умершие от полученных в бою ран, а уничтоженные врагом беспомощные военнопленные (не считая объявленных военнопленными гражданских лиц).

Итак, враг потерял в боях с нами 3,7 млн. военнослужащих — это не считая 0,6 млн. умерших в нашем плену, а наша армия (без погибших в плену) — 6,5 млн.; именно к этой цифре пришел тщательно работающий — и «независимый» — демограф С. Максудов.

Да, наших воинов погибло в боях в 1,7 раза больше, чем вражеских, и это объясняется главным образом более высоким уровнем выучки, дисциплины и технической оснащенности (которую обеспечивала промышленность всей Европы) армии врага[1].

Что же касается фантастических цифр наших боевых потерь, о которых шла речь выше, они про-

[1] Чтобы убедиться в превосходстве германского воинского мастерства, достаточно, полагаю, знать следующее. Наши наиболее «результативные» летчики-истребители, трижды Герои Советского Союза И. Н. Кожедуб и А. И. Покрышкин сбили (соответственно) 62 и 59 вражеских самолетов, а между тем в истребительной авиации врага имелись 34 летчика, сбивших более 150... («корифей» — Эрих Хартман — сбил 352!). См.: *Грибанов С.* Заложники времени. — М., 1992. С. 207, 208.

диктованы экстремистской идеологической тенденциозностью. Вот, например, уже упомянутые А.Н. и Л.А. Мерцаловы, говоря о крайне небольших, в сравнении с нашими, потерях войск США и Великобритании, объясняют это *«сталинским руководством»* (то есть, если бы у нас было такое руководство, как в США и Великобритании, и потери бы были во много раз меньше).

Однако, как уже было показано, Великобритания и тем более США до июня 1944 года — то есть до последних 11 месяцев Великой войны — фактически не *участвовали* в ней, — кроме локальных стычек на периферии этой войны.

Пресловутая стычка английских войск с итало-германскими при Эль-Аламейне определена в трактате Черчилля «Вторая мировая война» как «великая битва», но на этой же странице он сообщает: «Мы потеряли у Эль-Аламейна 10 тысяч человек за 12 дней» — и напоминает (это можно даже понять как скрытую иронию), что в Первую мировую войну, в июле 1916 года, «на Сомме (река в Северной Франции. — *В.К.)* за *первый же день* мы потеряли 60 тысяч»[1].

А ведь Эль-Аламейн — самое «значительное» сражение до высадки «союзников» во Франции 6 июня 1944 года, то есть тогда, когда мощь германской армии была уже несравнима с ее мощью 1941—1943 годов, — не говоря уже о том, что на Восточном фронте Германия воевала с гораздо большими усилиями, чем на Западном, и во второй половине 1944 — первой трети 1945-го.

Поэтому вообще нет никакого смысла сравнивать количество наших боевых потерь с потерями Великобритании и США.

И последнее. Поскольку война против нас в

[1] *Черчилль.* Цит. соч., кн. 2. С. 569, 570.

1941—1945 годах была направлена не только (и даже не столько!) на захват территории, но и *на уничтожение* (о чем, между прочим, намекнул даже *пленный* германский офицер, о котором рассказала Елена Ржевская), гибель гражданских лиц совместно с гибелью пленных в два с лишним раза (!) превысила боевые потери армии — 6,5 млн. и 13,4 млн. Можно даже утверждать, что люди, находившиеся в армии, в воинском строю, были более «защищены» от гибели, чем те, кто находился под игом врага...

Поэтому общий урон, нанесенный стране, был чрезвычайно, трагически тяжким.

Но, сознавая все это, не следует в то же время полагать (как многим ныне свойственно), что только наша страна понесла в годы войны громадные людские потери. Как уже показано, жертвами войны можно считать 19,9 млн. наших соотечественников. Конечно, цифра колоссальна. Однако демографы Запада подсчитали, что в результате «войны на уничтожение» население их стран (в целом, включая Германию и ее союзников) потеряло 17,9 млн. человек (см. переведенный на русский язык сборник исследований: Итоги Второй мировой войны. М., 1957, с. 601), то есть в абсолютных цифрах ненамного меньше, чем население СССР, хотя *доля* погибших относительно общего предвоенного количества людей у нас (195 млн.) и в странах Европы (300 млн.), конечно, значительно больше. Но это обусловлено силой нашего сопротивления врагу и тем, что фактически именно нам принадлежит Победа над ним, о чем еще пойдет речь далее.

* * *

Как уже говорилось, с середины 1940-х до середины 1980-х годов наша историография войны во многом «лакировала» ход событий — особенно событий 1941—1942 годов, — а кроме того подверга-

ла резкой критике зарубежных историков, предлагавших иную картину. Но к концу 1980-х множество авторов (очень значительная часть которых ранее публиковала вполне «официозные» сочинения) занялось не только всяческим очернением первых военных лет, но и *умалением* побед 1943—1945 годов. Широко издаются в последнее десятилетие на русском языке и сочинения зарубежных авторов, каковых нередко безудержно восхваляют за то, что-де благодаря им мы наконец сможем узнать и понять нашу собственную историю...

Приведу один, но весьма многозначительный пример. В изданном в Москве в 1992 году сочинении Н. Верта (в 1990-м оно было издано в Париже) «История Советского государства» утверждается следующее: «В конце 1943 г., после произошедшего под Курском перелома на советско-германском фронте, высадки англо-американского десанта в Италии и свержения режима Муссолини, началось радикальное изменение политической и военной обстановки в мире. Теперь... победа стала реальной перспективой».

Итак, под Курском произошел перелом на *советско-германском* фронте (а не перелом в ходе войны в *целом),* к которому по меньшей мере приравнивается — по своему значению — высадка десанта «союзников» в Италии, приведшая, мол, к победе над фашизмом в этой стране. Стоит сразу же напомнить, что итальянского диктатора свергло 25 июля 1943 года его *собственное окружение,* решившее, что после краха Германии под Курском самым разумным будет порвать отношения с Гитлером, — с чем не соглашался Муссолини. Но всего лишь через два месяца, 23 сентября, Муссолини вернулся к власти с помощью германских войск и правил — хотя и под их эгидой — более полутора лет, до 27 апреля 1945 (!) года. Н. Верт умалчивает об этом явно для того, чтобы преувеличить последствия «высадки англо-американского десанта в Италии».

Я обратился именно к сочинению Н. Верта далеко не случайно. Автор предисловия к его изданию на русском языке выразил надежду, что «книга Н. Верта станет таким же незаурядным событием... каким была.. книга его отца Александра Верта «Россия в войне 1941—1945 гг.», до сих пор остающаяся одной из лучших... книг о минувшей войне». (С. 4.)

Отец Н. Верта, блестящий журналист, пробыл в России все военные годы, нередко находился вблизи фронта, и книге его действительно присущи честность и объективность. И он недвусмысленно писал в этой изданной в 1964 году книге, что «выиграв Курскую битву, СССР фактически выиграл войну... Сталинград был поворотным пунктом в политико-психологическом плане, а поражение немцев под Курском и Белгородом — поворотным пунктом с чисто военной стороны...» Между тем «в чисто военном отношении значение итальянской кампании (англо-американской. — *В.К.)* было ничтожным» (!). Кстати сказать, выше уже цитировался секретный доклад военного министра США Стимсона (в августе 1943-го) Рузвельту, в котором высадка «союзников» в Италии определена как «булавочный укол». И, «приравнивая» Курскую битву к этой высадке, Н. Верт предал, таким образом, не только истину, но и своего родного отца Александра Верта... Тем более нельзя без возмущения и презрения читать **уже** цитированное «туземное» предисловие к «рекомендованному Комитетом по высшей школе Миннауки России в качестве учебного пособия» сочинению Н. Верта, — предисловие, в коем, в частности, прямо-таки лакейски заявлено, что сие сочинение — «бесспорно наиболее основательное изложение отечественной (!) истории XX века» (с. 3)...

Высадка в Италии имела бы существенный смысл, если бы «союзники» уничтожили находившиеся там германские войска или хотя бы изгнали их с итальянской территории и двинулись дальше, к Германии. Однако германские войска в Италии капитулировали лишь 29 апреля 1945 (!) года и вовсе не из-за победоносности «союзников», а потому, что четырьмя днями ранее, 25 апреля, войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов замкнули кольцо окружения вокруг Берлина...

Между прочим, британский историк Лиддел Гарт обоснованно сделал в свое время следующий вывод: «Результаты вторжения в Италию были весьма плачевными. За четыре месяца союзные войска продвинулись только на 70 миль» (112 км, т. е. продвижение на 0,9 км в день...) И, по мнению историка, «главная причина заключалась в порочности самой доктрины ведения войны, в которой господствовал принцип, характерный для осторожного банкира: «Ни шагу вперед без гарантии успеха»...» Однако, как было показано выше, дело обстояло сложнее: «союзники» стремились к «гарантии успеха» не в войне с Германией, а в *общем итоге* войны. И по меньшей мере со времени Курской битвы «смертельной угрозой» в глазах «союзников» являлась не Германия, а СССР—Россия. Соответствующие высказывания Черчилля приводились, но важно продемонстрировать и позицию США.

В недавнем основанном на тщательном анализе военно-политических документов (в том числе строго засекреченных ранее) исследовании американского историка войны Уоррена Кимболла показано, что уже после победы под Сталинградом руководство США «беспокоила» выявившаяся «возможность»:

«Красная армия добьется такого перелома, что сумеет победить немцев еще до того, как англичане и американцы смогут перебросить свои войска в Западную Францию». И далее Кимболл — исходя опять-таки из документов того времени — пишет, что «после битвы под Курском... стало ясно, что советские войска в состоянии победить Германию и *в одиночку*» (с. 363). И именно тогда, в августе 1943-го, было принято *реальное* (а не дипломатически-пропагандистское) решение о создании «второго фронта», истинная цель которого заключалась не в разгроме германской армии (ведь он уже, по сути дела, совершился под Курском), а в том, чтобы пресечь или хотя бы существенно ограничить вторжение России в Европу.

О том, что дело обстояло именно так, свидетельствует, например, «Меморандум 121», составленный Управлением стратегических служб (УСС, позднее преобразованное в ЦРУ) США в конце августа 1943 года, то есть после Курской битвы. Директор УСС (в будущем — первый директор ЦРУ) генерал Донован представил этот «Меморандум» (кстати сказать, рассекреченный только в 1978 году!) в качестве программы действий вооруженных сил «союзников» в Европе. И вот как обосновывалась в этой программе «гарантия успеха» вторжения во Францию:

«Расстояние от предполагаемого западноевропейского фронта до Центральной Германии короче, а транспортные условия лучше, чем от Западной России до Центральной Германии. К тому же западные союзники имеют заметное превосходство над Россией (именно над Россией! — *В.К.)* в воздухе».

Сама «постановка вопроса» недвусмысленно говорит о том, что действительная цель «второго фронта» заключалась не в разгроме Германии, а в «недопущении» России в «Центральную Германию» и, конечно, Европу в целом.

Но разработчики программы, рассуждая о более

коротком расстоянии и лучших дорогах, ошиблись, ибо *боеспособность* огромных (2,8 млн. человек) войск, вторгшихся, начиная с 6 июня 1944 года, во Францию, была весьма и весьма — если не сказать крайне — низкой. Так, только через четыре с половиной месяца — девятнадцать с половиной недель — эти войска смогли, пройдя 550 км, достичь Германии (то есть средняя скорость движения — 4 км в день). Между тем наши войска, начав вскоре после вторжения «союзников» во Францию, 23 июня 1944 года, широкое наступление от восточной границы Белоруссии, 28 июля уже достигли Вислы около Варшавы!

Германский историк Пауль Карелл писал об этом наступлении наших войск: «За *пять недель* (выделено мной. — *В.К.)* они прошли с боями 700 километров (то есть 20 км за день! — *В.К.)* — темпы наступления советских войск превышали темпы продвижения танковых групп Гудериана и Гота по маршруту Брест — Смоленск — Ельня во время «блицкрига» летом 1941 года... К концу июля 1944 года линия фронта проходила у границ Восточной Пруссии и по Висле... «На Берлин!» — смеясь, кричали советские солдаты. Поднимался занавес перед последним актом войны».

Стоило бы, конечно, привести еще и сведения о том, что германские вооруженные силы на Востоке в *несколько раз* превосходили те, с которыми сталкивались «союзники» на Западе, но в принципе эта сторона дела широко известна, и я не буду перегружать свое сочинение цифрами (которых в нем и так немало).

К тому же важнее сказать о другом. В октябре 1944 года «союзники», достигнув *границы* Германии, встретили здесь намного более сильное и упорное сопротивление, чем ранее, и в течение

двух месяцев почти не двигались вперед, а 16 декабря германские войска неожиданно начали контрнаступление — так называемую Арденнскую операцию — и сумели отбросить «союзников» на 90 км к западу. Напомню, что на *нашем* фронте германская армия не имела возможности наступать уже *полтора года* — со времени Курской битвы. Как констатировал генерал Гудериан, с августа 1943 года на Восточном фронте «немецкая армия постоянно отступала».

В результате германского удара «союзники» оказались в самом критическом положении. Лидделл Гарт в трактате «История Второй мировой войны» сообщал, что германское наступление «вызвало сильнейшую панику»; о том же писал в своей «Второй мировой войне» Алан Тейлор: «...что-то вроде паники возникло на стороне союзников. В штабах за сотни миль (!) от линии фронта прекращали работу, готовясь к эвакуации...» К концу декабря «союзники» вроде бы собрались с силами, но 1 января 1945-го германские войска нанесли им новый удар южнее Арденн — в районе Страсбурга.

И 6 января Черчилль вынужден был обратиться со своего рода покорнейшей просьбой к Сталину: «На западе идут очень тяжелые бои... можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января...»

Эта просьба, казалось бы, была совершенно нелогична; выше приводились высказывания Черчилля, из которых явствует, что он более всего был озабочен «стремительным продвижением» России на Запад, — и вдруг он просит именно о таком «продвижении»! Но поскольку в штабах «союзников», находившихся «за сотни миль от линии фронта», готовились к эвакуации, неожиданный поступок Черчилля вполне можно понять: он опасался — и, надо думать, не без оснований, — что германское

контрнаступление способно вынудить «союзников» убраться назад через Ла-Манш в Великобританию. А если бы это произошло, «союзники» вообще утратили бы возможность помешать России занять Европу... И Черчилль, прося Сталина о наступлении, в сущности, выбирал меньшее из двух зол; новый мощный русский удар, полагал он, окончательно ослабит Германию, и «союзники» смогут удержаться на достигнутых рубежах, а затем двинуться к востоку. И Черчилль, надо признать, рассчитал правильно.

Сталин приказал начать широкое наступление уже 12 января, всего через пять дней после просьбы Черчилля. И, как вспоминал позднее начальник оперативного отдела штаба германского Западного фронта генерал-лейтенант Циммерман, после того как 12 января 1945-го «началось большое русское наступление, Верховное командование вынуждено было перебросить войска с Западного фронта на Восточный, причем это коснулось и группировки, сражавшейся в Арденнах. 6-я танковая армия СС (а это было наиболее боеспособное соединение. — *В.К.)* в полном составе была выведена из боя и направлена на восток».

Правда, Сталин едва ли предпринял наступление ради помощи «союзникам»; он сам стремился (о чем еще пойдет речь) продвинуть войска достаточно далеко на Запад...

Но обратим внимание на поистине разительный контраст: с 12 января по 3 февраля 1945 года — всего за *три недели* — наши войска прошли 450 км (те же 20 км за день) от Вислы до Одера, в нескольких пунктах форсировали эту последнюю водную преграду и оказались всего в 60 км от Берлина! Между тем войска «союзников» к 3 февраля еще не двинулись с места и только через четыре с половиной недели, 7 марта, пройдя несколько десятков километров, достигли Рейна, и от Берлина их

отделяло **не** 60, а около 500 км... Уже хотя бы из этого ясно, кто был *победителем* в войне.

Важно сказать о том, что наше превосходство над «союзниками» не было только собственно военным; оно основывалось и на духовном превосходстве, выражавшемся в самых различных аспектах и явлениях. Вот своего рода символический факт, воссозданный в мемуарах маршала И.С. Конева.

5 мая 1945 года он встретился недалеко от Торгау на Эльбе с одним из главных военачальников армии США Омаром Бредли, и, помимо прочего, «предложил Бредли и его спутникам послушать концерт ансамбля песни и пляски 1-го Украинского фронта... там были по-настоящему отличные музыканты, певцы и танцоры... Генерал Бредли, сидя рядом со мной, заинтересованно расспрашивал, что это за ансамбль, откуда здесь, на фронте, эти артисты. Я сказал ему, что ансамбль состоит из наших солдат — однако, как мне показалось, он отнесся к моему ответу без особого доверия. И зря, потому что большинство участников ансамбля действительно начали войну солдатами... А через несколько дней мне пришлось выехать с ответным визитом в ставку Бредли... В конце обеда два скрипача в американской военной форме, один постарше, другой помоложе, исполнили дуэтом несколько превосходных пьес. Скажу сразу, что высочайшему классу скрипичной игры... удивляться не приходится: этими двумя солдатами были знаменитый скрипач Яша Хейфец и его сын. В перерывах между номерами Бредли несколько иронически поглядывал на меня. Видимо... он так и не поверил мне при первой встрече, что наш ансамбль песни и пляски состоял из солдат 1-го Украинского фронта. Считая данный ему концерт маленьким подвохом, он, в свою очередь, решил прибегнуть к приятельской мистификации, представив Яшу Хейфеца с сыном

как американских военнослужащих» (Конев И.С. Сорок пятый. — М., 1966. С. 222—226).

Нет никаких оснований сомневаться, что ансамбль 1-го Украинского фронта был набран, главным образом из солдат. Но не менее существенно другое: Хейфец, как и очень многие виднейшие тогдашние музыканты США, родился в России и учился в Петербургской консерватории, в то время представлявшей собой, в частности, мировой центр скрипичного искусства... Таким образом, Бредли, стремясь «победить» своего соперника Конева, не мог сделать ничего иного, как только одеть в военную форму США скрипача, порожденного музыкальной культурой России.

* * *

Впрочем, сегодня многие ретивые авторы прямо-таки кричат, что наша победа достигнута слишком дорогой, страшной ценой, и потому она как бы и не победа... Но, во-первых, военная победа всегда бывает дорогой, а во-вторых, излюбленное многими авторами сравнение наших потерь с потерями «союзников» — потерями, которые при этом сравнении оказываются совершенно незначительными, — представляет собой результат незнания фактов или же прямой фальсификации. Потери «союзников» действительно были микроскопическими, но лишь до того момента, когда германские войска стали упорно сражаться с ними вблизи рубежей своей страны, то есть до октября 1944 года.

Когда приводят *общую* цифру потерь «союзников» в 1939—1945 годах, как бы «забывают» о том, что до 1944 года они, в сущности, *не воевали*. Между тем в «период после сентября 1944 года», писал добросовестный историк Лиддел Гарт, «союзные армии» (в них были вовлечены, помимо американцев и англичан, солдаты из других стран, главным

образом из Франции) «потеряли в боях за освобождение Европы *500 тыс.*»[1].

Наша армия за это время (октябрь 1944-го — май 1945-го) потеряла (от всех причин, включая болезни, несчастные случаи и т. д.) 1 млн. 39 тыс. 204 человека. Цифре этой можно полностью доверять — в отличие от цифр потерь в 1941—1942 годах, когда было не до учета...

Итак, наши потери в тот период, когда «союзники» *действительно* сражались с германской армией, только в два раза больше. И, если сопоставить *свершенное* за это время (октябрь 1944-го — май 1945-го) нашими войсками и, с другой стороны, войсками «союзников», естественно прийти к выводу, что именно потери последних были *непомерно большими*. То есть очень дорого обошлось «союзникам» их стремление продвинуться возможно дальше на восток...

И последнее. 3 февраля 1945-го — именно в тот день, когда наши войска форсировали Одер и оказались всего в 60 км от Берлина, — началась Крымская (Ялтинская) конференция, на которой Рузвельт и — с особенным сопротивлением — Черчилль *вынуждены* были согласиться, по существу, со всеми «требованиями» Сталина, относящимися к устройству послевоенного мира (впоследствии это, как уже сказано, назвали «предательством» интересов Запада).

В этом вынужденном согласии «предметно», неоспоримо выразилось признание СССР—России победительницей. Нельзя не добавить еще следующее: «союзники», о чем шла речь выше, сознавали, что, даже присоединив к себе германские войска, они не смогут победить своего соперника...

[1]Простой расчет показывает, что если бы «союзники» действительно *воевали* не с октября 1944-го, а с сентября 1939-го по май 1945 года, их потери составили бы 5,6 млн. человек.

Впрочем, в связи с этим встают уже существеннейшие проблемы *послевоенной* истории.

ПОЭЗИЯ ВОЕННЫХ ЛЕТ
(вместо заключения)

«Когда гремит оружие, музы молчат» — это восходящее к Древнему Риму изречение ни в коей мере не относится к нашей Отечественной войне. Даже самый скептический исследователь бытия страны в 1941—1945 годах неизбежно придет к выводу, что его насквозь пронизывала поэзия, — правда, в наибольшей степени в ее музыкальном, песенном воплощении, которое усиливает, и очень значительно, воздействие стихотворной речи на уши людей, и словно придает ей крылья, несущие ее по всей стране.

Но следует заметить, что грань между поэтом и создателем слов песни была тогда несущественной и зыбкой. Так, не связанная с песней — скорее уж «разговорная» — поэзия Александра Твардовского воспринималась в качестве глубоко родственной творчеству Михаила Исаковского[1], которое пребывало как бы на рубеже стиха и песни, а профессиональный «песенник» Алексей Фатьянов был столь близок Исаковскому, что ему могли приписывать произведения последнего (скажем, всем известное

[1]В модернистской эстетике утвердилось представление, согласно которому стиль поэта должен быть сугубо «индивидуальным», но это именно модернистский принцип; для классики (каноны которой воскрешались в поэзии 1930—1940-х годов, что очевидно, скажем, в творческом развитии Бориса Пастернака и Николая Заболоцкого) характерен стиль *эпохи*, стиль *времени*, а не заостренная индивидуализация. Так, например, ранний Тютчев весьма близок позднему Баратынскому, а поздний — раннему Фету, и нередко даже ценители их поэзии ошибаются, определяя автора.

«Где ж вы, где ж вы, очи карие...»), и наоборот (фатьяновские «Соловьи» звучали в унисон с «В лесу прифронтовом» Исаковского).

Впрочем, не только песни, но и сами по себе стихи подчас обретали тогда широчайшую, поистине всенародную известность, как, например, главы «Василия Теркина» или симоновское «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...»; все это безусловно подтвердит самое придирчивое исследование бытия людей в те годы, и все это несомненно для каждого, кто *жил* в то время. Автору этого сочинения ко дню Победы было около пятнадцати лет, и в памяти с полной ясностью хранится впечатление о повседневной, всепроникающей и поистине могучей роли, которую играло в военные годы поэтическое слово как таковое — и тем более в его песенном воплощении; едва ли будет гиперболой утверждение, что это слово явилось очень весомым и, более того, *необходимым* «фактором» Победы...

Позволительно высказать предположение, что поэтическое слово имело в то время значение, сопоставимое, допустим, со значением всей совокупности боевых приказов и тыловых распоряжений (хотя воздействие поэзии на людей фронта и тыла было, разумеется, совершенно иным). И без конкретной характеристики участия этого слова в повседневной деятельности людей, в сущности, нельзя воссоздать реальную *историю* военных лет во всей ее полноте.

Но, отмечая этот изъян в историографии войны, следует сказать и о более, пожалуй, серьезном недостатке сочинений о поэзии той эпохи. Дело в том, что такие сочинения обычно опираются на самые общие и, по существу, чисто «информационные», «описательные» представления о войне, вместо того чтобы основываться на уяснении того ос-

новополагающего «содержания» войны 1941—1945 годов, которое *породило* именно такую поэзию (включая ее богатейшее песенное «ответвление»). Слово «породило» здесь важно, ибо употребляемые чаще всего термины «отражение», «воспроизведение» и т. п. упрощают, примитивизируют соотношение поэзии и действительности. Да, в конечном счете поэтическое слово «отражает» действительность — в данном случае действительность Великой войны, — но, во-первых, «отражение» в поэзии вовсе не обязательно должно быть «прямым», воссоздающим события и явления войны как таковые, а во-вторых, достоинства, ценность этого отражения ни в коей мере не зависят от «изобразительной» конкретности поэтического слова.

Поэтому точнее — и перспективнее — понимание поэтического слова как *порождения* Великой войны, ее *плода,* а не ее, выражаясь попросту, «картины». Именно потому поэтическое слово оказывается способным воплотить в себе глубокий, не явленный с очевидностью *смысл* войны.

Если составить достаточно представительную и вместе с тем учитывающую критерий ценности антологию поэзии 1941—1945 и нескольких последующих лет (когда «военные» стихи еще «дописывались»), — антологию, в которую войдет то, что так или иначе выдержало испытание временем[1], станет очевидно: преобладающая часть этих стихотворений написана не столько о *войне,* сколько *войною* (используя меткое высказывание Маяковского). С «тематической» точки зрения — это стихотворения о родном доме, о братстве людей, о любви, о родной природе во всем ее многообразии и т. п. Даже в пространной поэме «Василий Теркин», имеющей

[1]Подчас это обусловлено, правда, не только «достоинствами» стихотворений (и песен), но и как бы вжившейся в них любовью к ним нескольких поколений...

к тому же подзаголовок «Книга про *бойца*», собственно «боевые» сцены занимают не столь уж много места.

Преобладающее большинство обретавших широкое и прочное признание стихотворений (включая «песенные») тех лет никак нельзя отнести к «батальной» поэзии; нередко в них даже вообще нет образных деталей, непосредственно связанных с боевыми действиями, — хотя в то же время ясно, что они всецело порождены войной.

Это, конечно, не значит, что вообще не сочинялись стихотворения и целые поэмы, отображающие сражения, гибель людей, разрушения и т. п., однако *не они* были в центре внимания в годы войны, и не они сохранили свое значение до наших дней — спустя полстолетия с лишним после Победы.

Особенно очевидно, что в 1940-х годах «потребители» поэзии ценили стихотворения (и песни), написанные, как сказано, не о войне, а только «войною» — без стремления «живописать» ее. И это, как я буду стремиться показать, имело глубочайший смысл.

Уже отмечено, что литературоведение в принципе не должно заниматься изучением *роли* поэзии в бытии людей военного времени, — это, скорее, задача историка: воссоздавая бытие 1941—1945 годов в его цельности, он, строго говоря, не в праве упустить из своего внимания и ту его грань, ту сторону, которая воплощалась в широчайшем «потреблении» поэзии. Автор этого сочинения ясно помнит, как в 1942 году молодая школьная учительница, жених которой находился на фронте, созывает всех обитателей своего двора — несколько десятков самых разных людей — и, задыхаясь от волнения, смахивая с ресниц слезы, читает только что дошедшее до нее переписанное от руки симоновское «Жди меня», и не исключено, что в то же время где-нибудь во фронтовом блиндаже читал то же

стихотворение и ее жених... Об этой пронизанности бытия своего рода поэтическим стержнем верно сказал впоследствии участник войны Александр Межиров (он, правда, имел в виду прежде всего *музыку*, но поэзия была в годы войны нераздельна с ней):

И через всю страну струна
Натянутая трепетала,
Когда проклятая война
И души и тела топтала...

И подобные сообщенному — бесчисленные! — факты соприкосновения людей с поэзией сыграли, несомненно, самую весомую роль в том, что страна выстояла и победила, — о чем и следовало бы аргументированно рассказать историкам Великой войны.

А перед литературоведами стоит другая и, между прочим, более сложная задача: показать, *почему* поэзия тех лет *смогла* обрести столь существенное значение для самого бытия страны? Естественно предположить, что она так или иначе выражала в себе глубокий и истинный *смысл* Великой войны — смысл, который не раскрывался во всей его глубине в газетах, листовках и радиопублицистике (доходившей тогда до большинства людей) и, более того, не раскрыт по-настоящему в позднейшей историографии войны, а во многих сочинениях историков и публицистов 1990-х годов либо игнорируется, либо объявляется пустой иллюзией старших поколений.

* * *

В «основном фонде» поэзии 1941—1945 годов война предстает как очередное проявление *многовекового* натиска иного и извечно враждебного мира, стремящегося уничтожить наш мир; битва с врагом, как утверждает поэзия, призвана спасти не только (и даже не столько) политическую независимость и непосредственно связанные с ней стороны

нашего бытия, но это бытие во всех его проявлениях — наши города и деревни с их обликом и бытом, любовь и дружбу, леса и степи, зверей и птиц, — все это так или иначе присутствует в поэзии того времени. Михаил Исаковский, не опасаясь впасть в наивность, писал в 1942 году:

Мы шли молчаливой толпою,
Прощайте, родные места!
И беженской нашей слезою
Дорога была залита.
Вздымалось над селами пламя,
Вдали грохотали бои,
И птицы летели за нами,
Покинув гнездовья свои...

Через проникновенную поэму Твардовского «Дом у дороги» проходит заветный лейтмотив:

Коси коса,
Пока роса.
Роса долой —
И мы домой, —

и ясно, что враг вторгся *к нам*, дабы уничтожить и косу, и росу, и, конечно, дом...

Поэзия, в сущности, сознавала этот смысл войны с самого начала, и, между прочим, те авторы, которые сегодня пытаются толковать одно из проявлений извечного противостояния двух континентов как бессмысленную схватку двух тоталитарных режимов, должны, если они последовательны, отвергнуть и поэзию тех лет, — в том числе стихотворения Анны Ахматовой, написанные в 1941—1945 годах и объединенные ею впоследствии в цикл под заглавием «Ветер войны». Напомню вошедшие тогда в души людей строки, написанные 23 февраля 1942 года и опубликованные вскоре, 8 марта, в «главной» газете «Правда»:

Мы знаем, что ныне лежит на весах

И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах
И мужество нас не покинет...

На весах лежит даже слово:
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим и от плена спасем
Навеки!

Или перекликающиеся своим творческим простодушием с поэзией Михаила Исаковского написанные уже в победную пору 29 апреля 1944-го и опубликованные 17 мая в «Правде» стихи Бориса Пастернака, в которых близящаяся Победа предстает и как спасение самой нашей природы — вплоть до воробьев...

Все нынешней весной особое.
Живее воробьев шумиха.
Я даже выразить не пробую,
Как на душе светло и тихо...
Весеннее дыханье родины
Смывает след зимы с пространства
И черные от слез обводины
С заплаканных очей славянства...

Как уже сказано, *песни* во время войны были всеобщим достоянием; не менее важно, что народное самосознание выражалось в них наиболее концентрированно и заостренно. И, наконец, нельзя не отметить, что целый ряд этих песен сохраняет свое значение и сегодня: их поют теперь уже и *внуки* тех, кто застал войну — поют, собравшись где-либо, и даже перед телекамерами (имеются в виду совсем молодые певцы и певицы). Правда, последнее бывает не столь часто, но надо скорее удивляться тому, что вообще *бывает*, — если учитывать, какие персоны заправляют сейчас телевидением.

Есть основания полагать, что нынешнее молодое поколение дорожит и теми или иными стихо-

творениями и поэмами, созданными в годы войны, но полностью убедиться в этом не так легко, а вот тогдашние песни, звучащие сегодня из молодых уст в телестудиях, концертных залах или попросту на улице, — убеждают.

Вспомним хотя бы десяток песен, созданных в 1941—1945 годах, известных во время войны всем и каждому и продолжающих свою жизнь по сей день: «В лесу прифронтовом» («С берез неслышен, невесом...»), «Огонек» («На позицию девушка провожала бойца...») и «Враги сожгли родную хату...» Михаила Исаковского, «Соловьи» («Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...»), «На солнечной полянОчке...» и «Давно мы дома не были» («Горит свечи огарочек...») Алексея Фатьянова, «В землянке» («Бьется в тесной печурке огонь...») Алексея Суркова, «Дороги» («Эх, дороги, пыль да туман...») Льва Ошанина, «Случайный вальс» («Ночь коротка, спят облака...») Евгения Долматовского, «Темная ночь» Владимира Агагова (для которого эта песня, по-видимому, была *единственным* творческим взлетом...). Слова этих песен, конечно же, всецело порождены войной, но на первом плане в них — не война, а тот мир, который она призвана спасти.

Правда, есть еще одна также известная всем и тогда, и теперь песня, которая имеет иной характер — «Священная война» («Вставай, страна огромная...») Василия Лебедева-Кумача. Но во-первых, она — одна такая, а во-вторых, это, в сущности, не песня, а военный *гимн*. Написанные в ночь с 22 на 23 июня (24 июня текст был уже опубликован в газетах) слова этого гимна, надо прямо сказать, не очень уж выдерживают художественные критерии; у Лебедева-Кумача есть намного более «удачные» слова песен, — скажем:

Я на подвиг тебя провожала, —
Над страною гремела гроза.

Я тебя провожала
И слезы сдержала
И были сухими глаза...

Но в «Священной войне» все же имеются своего рода опорные строки, которые находили и находят мощный отзвук в душах людей:

...Вставай на смертный бой.
...Идет война народная, Священная война...

И о противнике:

Как два различных полюса
Во всем враждебны мы...

И призыв, близкий по смыслу другим песням:

...Пойдем ломить всей силою,
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую...

На эти строки, в свою очередь, оперлась героико-трагическая мелодика композитора А.В. Александрова, и родился покоряющий всех гимн. Надо иметь в виду, что гимн этот люди, в общем, не столько пели, сколько слушали, подпевая ему «в душе», и едва ли помнили его слова в целом, — только «опорные».

Как и многие обладающие высокой значимостью явления, «Священная война» обросла легендами — и позитивными, и негативными. С одной стороны, постоянно повторяли, что прославленный Ансамбль песни и пляски Красной армии пел ее для отправлявшихся на фронт войск на Белорусском вокзале уже с 27 июня 1941 года. Между тем скрупулезный исследователь знаменитых песен Юрий Бирюков по документам установил[1], что вплоть до 15 октября 1941 года «Священная война» была, как говорится, в опале, ибо некие предержащие власти считали, что она чрезмерно трагична, с

[1]См.: «Родина». — 1996, № 6. С. 88—91.

первых строк обещает «смертный бой», а не близкое торжество победы... И только с 15 октября — после того, как враг захватил (13-го) Калугу и (14-го) Ржев и Тверь-Калинин, — «Священная война» стала ежедневно звучать по Всесоюзному радио. Сцену же, якобы имевшую место в первые дни войны на Белорусском вокзале, создал художественным воображением Константин Федин в своем романе «Костер» (1961—1965), и отсюда сцена эта была перенесена во многие будто бы документальные сочинения.

С другой стороны, с 1990 года начали публиковаться совершенно безосновательные выдумки о том, будто бы «Священная война» была написана еще в 1916 году неким обрусевшим немцем. Но это — один из характерных образчиков той кампании по дискредитации нашей Великой Победы, которая столь широко развернулась с конца 1980-х годов: вот, мол, «главная» песня сочинена за четверть века до 1941-го, да еще и немцем... Юрий Бирюков, анализируя сохранившуюся в Российском государственном архиве литературы и искусства черновую рукопись Лебедева-Кумача, в которой запечатлелись несколько последовательных вариантов многих строк песни, неоспоримо доказал, что текст принадлежит ее «официальному» автору.

Важно сказать еще, что нынешние попытки дискредитации прославленной песни лишний раз свидетельствуют о той *первостепенной роли,* которую сыграла песня (и поэзия вообще) в деле Победы! Ибо оказывается, что для «очернения» великой войны необходимо «обличить» и ее песню...

Сам Г.К. Жуков на вопрос о наиболее ценимых им песнях войны ответил так: «Вставай, страна огромная...», «Дороги», «Соловьи». Это бессмертные песни... Потому что в них отразилась *большая душа народа»,* и высказал уверенность, что его мнение

не расходится с мнением «многих людей»[1]. И в самом деле к маршалу, конечно же, присоединились бы миллионы людей, хотя и добавив, может быть, в его краткий перечень еще и «В лесу прифронтовом», «Темную ночь», «В землянке» и т. д.

Но обратим еще раз внимание на то, что собственно «боевая» песня — «Священная война» — только *одна* из вошедших в «золотой фонд»; остальные, как говорится, «чисто лирические». И вроде бы даже трудно совместить «ярость» этого гимна с просьбой к соловьям «не тревожить солдат», хотя маршал Жуков поставил и то и другое в один ряд.

Здесь представляется уместным отступление в особенную область познания прошлого, получившую в последнее время достаточно высокий статус во всем мире, — «*устную историю*» («oral history»), которая в тех или иных отношениях способна существенно дополнить и даже скорректировать исследования, основывающиеся на письменных источниках.

Близко знакомый мне еще с 1960-х годов видный германский русист Эберхард Дикман в свое время сообщил мне о, признаюсь, весьма и весьма удивившем меня факте: в Германии во время войны не звучало *ни одной* связанной с войной лирической песни; имелись только боевые марши и «бытовые» песни, никак не соотнесенные с войной. Могут сказать, что устное сообщение одного человека нуждается в тщательной проверке фактами, но мой ровесник Дикман в данном случае не мог ошибиться: он жил тогда одной жизнью со своей страной, даже являлся членом тамошнего «комсомола» — гитлерюгенда, старший брат его воевал на Восточном фронте и т. п.

Эберхард Дикман рассказывал и о том, как в

[1]Маршал Жуков. Каким мы его помним. — М., 1989. С. 190. (Курсив мой. — *В.К.*)

1945-м кардинально изменилось его отношение к страшному восточному врагу. 7 мая в его родной Мейсен на Эльбе ворвались войска 1-го Украинского фронта, чего он ожидал со смертельным страхом — и из-за своего брата, и из-за своего членства в гитлерюгенде. Но его ждало настоящее потрясение: вражеские солдаты, расположившиеся в его доме, вскоре занялись благоустройством комнат и двора, добродушно подчиняясь указаниям его строгой бабушки... И хотя его отец счел за лучшее перебраться в Западную Германию, Эберхард не только остался на оккупированной нами территории страны, но и избрал своей профессией изучение русской литературы (прежде всего творчества Льва Толстого).

Но вернемся к главному: в высшей степени существен тот факт, что наша жизнь во время войны была насквозь пронизана лирическими песнями (это подтвердит, вне всякого сомнения, любой мой ровесник), между тем как в Германии их или не было вообще, или по крайней мере они играли совершенно незначительную роль (иначе мой немецкий ровесник не мог бы их «не заметить»).

И еще об одном. Эберхард Дикман очень полюбил наши военные песни и не раз просил меня напеть какую-либо из них; правда, как-то после пения фатьяновской «Давно мы дома не были», созданной в 1945-м и говорящей о парнях, которые находятся уже

В Германии, в Германии —
В проклятой[1] *стороне... —*

притом строки эти, в соответствии с построением песни, дважды повторяются, — Эберхард заметил, что, быть может, не стоило бы повторять слово

[1]В послевоенных публикациях и исполнениях песни некие «блюстители» заменили «проклятой» на «далекой»...

«проклятой» (мне пришлось напомнить ему известное изречение «из песни слова не выкинешь»).

Приверженность немца к нашим песням, рожденным войной, трудно объяснима; сам он не смог дать ясного ответа на вопрос о том, чем они ему дороги. Но можно, думается, ответить на этот вопрос следующим образом. Как бы ни относился тот или иной немец к Германии 1930—1940-х годов, развязавшей мировую войну, он не может не испытывать тяжелого чувства (пусть даже бессознательного) при мысли о полном *поражении* своей страны в этой войне.

Видный германский историк и публицист Себастиан Хаффнер в 1971 году писал о своих соотечественниках: «Они ничего **не** имели против создания Великой германской империи... И когда... этот путь, казалось, стал реальным, в Германии не было почти никого, кто не был бы готов идти по нему». Однако, заключал Хаффнер, «с того момента, когда русскому народу стали ясны намерения Гитлера, немецкой силе была противопоставлена сила русского народа. С этого момента был ясен также исход: русские были сильнее... прежде всего потому, что для них решался вопрос *жизни и смерти*».

В конечном счете *именно это* и воплощено в поэзии военных лет и особенно очевидно в песнях, которые посвящены не столько войне, сколько спасаемой ею жизни во всей ее полноте — от родного дома до поющих соловьев, от любви к девушке или жене до желтого березового листа...

И, возможно, эти песни, «объясняя» германской душе *неизбежность* поражения его страны, тем самым «оправдывали» это поражение и, в конечном счете, *примиряли с* ним... Отсюда — выглядящее парадоксальным пристрастие моего германского друга к этим песням.

* * *

Но главное, конечно, в самом этом резком контрасте; нашу жизнь в 1941—1945 годах невозможно представить себе без постоянно звучащих из тогдашних радиотарелок и поющихся миллионами людей лирических песен о войне, а в Германии их нет вообще! Перед нами, несомненно, чрезвычайно многозначительное различие, которое, в частности, начисто перечеркивает потуги иных нынешних авторов, преследующих цель поставить знак равенства между Третьим рейхом и нашей страной.

Тот факт, что смысл войны воплощался и для маршала Жукова, и для рядового бойца в написанных в 1942 году словах:

Пришла и к нам на фронт весна,
Солдатам стало не до сна —
Не потому, что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи... —

раскрывает ту историческую истину, о которой не говорится ни **во** многих несущих на себе печать «казенщины» книгах о войне, изданных в 1940—1980-х годах, ни тем более в очернительских писаниях 1990-х.

Но внуки пережившего войну поколения, поющие подобные песни сегодня, надо думать, как-то чувствуют эту воплотившуюся в них глубокую и всеобъемлющую *истину*.

Приложение

ВОЙНА И ЕВРЕИ

Эта тема занимает немалое место в литературе о войне, а подчас даже оказывается в центре внимания, и потому неправильно было бы ее здесь обойти.

Очень широко распространено, почти общепринято представление об исключительности, беспрецедентности потерь, понесенных в годы войны еврейским населением, хотя на деле другим «неприемлемым» для Третьего рейха народам — восточным славянам, полякам, сербам, цыганам — был нанесен в те годы едва ли менее значительный урон.

Конечно, если считать, что погибли 6 миллионов евреев — то есть 58% предвоенного еврейского населения Европы и СССР (10,3 млн.) и 36% тогдашнего еврейства в целом (16,7 млн.), — доля потерь действительно оказывается ни с чем не сравнимой. Однако цифра 6 миллионов имеет, по существу, «символическое» значение, наглядно запечатленное, например, в созданном в Париже Мемориале, где «возложен камень на символической могиле шести миллионов мучеников. Шесть прожекторов рассекают тьму над шестью углами шестиугольного камня», то есть звезды Давида.

Одна из попыток конкретного обоснования цифры «6 миллионов» сделана в вызвавшей в свое время большой резонанс книге Леона Полякова и

Иосифа Буля «Евреи и Третий рейх» (1955). По подсчетам, предложенным в этой книге, преобладающее большинство погибших — 5 миллионов из 6 — это евреи четырех восточноевропейских стран — Польши, Румынии, Литвы, Латвии — и СССР. В книге утверждалось, что в четырех названных странах было 4,4 млн. евреев, и 3,5 млн. из них погибли, а на *оккупированной* рейхом территории СССР — 2,1 млн., из которых погибли 1,5 млн. (на остальной территории Европы погиб 1 млн. из имевшихся там 1,5 млн. евреев)».

Как ни странно, авторы «не заметили», что, *согласно их подсчетам,* перед войной из 10,3 млн. евреев Европы и СССР 5,9 млн. находились западнее границы СССР, а в его границах, следовательно, 4,4 млн. (10,3—5,9); однако такое количество евреев оказалось в СССР только *после* присоединения к нему в 1939—1940 годах восточных земель Польши (то есть западных территорий Украины и Белоруссии) и Румынии (Молдавия), а также Литвы и Латвии (ранее еврейское население СССР не превышало 3 млн. человек). А это значит, что после указанного присоединения в четырех восточноевропейских странах уже не имелось 4,4 млн. евреев. Так, в изданном в 1992 году в Иерусалиме сборнике документов и материалов «Уничтожение евреев в СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944)» показано, что на присоединенных в 1939 — 1940 годах к СССР землях было 2 150 000 евреев, то есть как раз столько, сколько, согласно книге Л. Полякова и И. Буля, оказалось на *оккупированной* территории СССР, — а в Польше и Румынии осталось всего 2,3 млн. евреев. И, как утверждается в иерусалимском сборнике, «из-за стремительного захвата этих (ближайших к границе СССР. — *В.К.)* земель немецкой армией лишь немногие евреи сумели бежать, эвакуироваться», и *именно они* составили

преобладающее большинство погибших на территории СССР евреев.

Между тем Л. Поляков и И. Буль утверждали, что в четырех восточноевропейских странах будто бы имелось к 1941 году 4,4 млн. евреев, а на *оккупированной* территории СССР — 2,1 млн., и из этих (в сумме) 6,5 млн. погибли 5 млн. Но вполне ясно, что 2 млн. из этих 5 млн. засчитаны *дважды* — и в качестве граждан четырех восточноевропейских стран, и в качестве «новых» граждан СССР... Это, надо думать, «заметил» Г. Рейтлингер, автор книги на ту же тему под названием «Окончательное решение» (1961), и счел возможным предположить, что всего погибли не 6 млн., а 4,1 млн. евреев.

Правда, такому заключению решительно противоречит израильская статистика, утверждавшая, что к 1946 году уцелели только 11 из 16,7 млн. евреев мира; их количество сократилось, следовательно, на 5,7 млн. человек и медленно восстанавливалось, достигнув к 1967 году, то есть через 20 с лишним лет,13,3 млн. Однако затем евреи вроде бы пережили настоящий «демографический взрыв», и еще через 20 лет, к 1987 году, их количество, согласно статистике, достигло 17,9 млн., то есть выросло на 34,5%. Почти такой же прирост имел место тогда, скажем, в Азербайджане, чье население с 1969 по 1989 год увеличилось на 37,5%. Но этот прирост смог осуществиться только в силу многодетности: в 1989 году около 40% азербайджанских семей имели четырех и более детей!

Вряд ли кто-нибудь будет утверждать, что подобная многодетность присуща еврейскому населению, — исключая разве только сравнительно небольшую его часть — азиатских и африканских евреев. В основном же воспроизводство еврейского населения в послевоенный период близко к *европейскому* стандарту, а население Европы (включая

европейскую часть СССР) за эти 20 лет — с 1967 по 1987-й — выросло менее чем на 9%, к тому же частично этот прирост шел за счет иммигрантов из других континентов.

Итак, прирост евреев за 1967—1986 годы почти на 35% — совершенно неправдоподобное явление, и остается прийти к выводу, что количество евреев и в 1945-м (11 млн.), и в 1967 году (13,3 млн.) было очень значительно *занижено* статистиками, дабы не колебать версию о 6 миллионах погибших. А в 1987 году еврейские статистики сочли уместным (ведь дело уже давнее), да и важным (надо же соплеменникам знать реальное положение!) опубликовать подлинную цифру. Но она ясно показывает, что потери составляли не 6 и даже не 4 миллиона.

Не исключено следующее возражение: по сведениям именно *1987 года* в Европе (включая СССР) было 4,7 млн. евреев, между тем как перед войной — 10,3 млн., и разве не свидетельствует сокращение еврейского населения Европы на 5,6 млн. о гибели 6 млн.? Однако перед войной *за пределами Европы* имелось всего лишь 6,4 млн., а в 1987-м — 13,2 млн. евреев, то есть почти на 7 млн. больше, чем до войны! И нет сомнения, что преобладающее большинство из этих 7 млн. — переселенцы; так, даже в Израиле (где рождаемость значительно выше, чем в «диаспоре» уже хотя бы потому, что здесь немало недавних переселенцев из Африки и Азии) в 1983 году иммигранты составляли все же намного более половины еврейского населения (примерно 2 млн. из 3,3 млн.).

Так что резкое сокращение количества евреев в Европе обусловлено в основном не потерями, а очень значительным перемещением еврейского населения (в абсолютном большинстве в страны Америки и в Израиль).

* * *

Нет, разумеется, никакого сомнения в том, что потери евреев в годы войны были громадными. Но постоянно пропагандируемые цифры все же очень резко завышены ради того, чтобы превратить еврейскую трагедию в своего рода центр, главный узел мировой трагедии; подчас трагедию Великой войны вообще пытаются свести к трагедии евреев...

Возможно, точные подсчеты еще будут произведены, но, исходя из вышеизложенного, уместно сделать вывод, что потери евреев едва ли столь уж значительно отличались от потерь других «неприемлемых» для Третьего рейха народов.

Так, население РСФСР, которое на 83% состояло из русских, сократилось за годы войны более чем на 15 млн. (!) человек, то есть на 14%, и поскольку оккупации подверглись главным образом *русские* области РСФСР, это было в основном сокращение русского народа, которое вряд ли представляло собой намного меньшую долю, чем доля погибших евреев (в целом)[1].

Вполне вероятно возражение, что «расовая неприемлемость» евреев для Третьего рейха была более категорической, чем какого-либо из славянских народов. Но ведь таковым же было отношение к *цыганскому* народу, таборы которого нередко без всяких околичностей сжигались (включая детей), — однако о трагедии цыган говорится прямо-таки несопоставимо меньше, чем о еврейской трагедии, хотя, казалось бы, этот яркий народ хорошо известен во всем мире.

[1]Как уже сказано, воспроизводство еврейского населения близко к европейскому стандарту, а с 1946 по 1987 год население Европы выросло на 28%. Если исходить из этого, евреев к 1946 году было не 11, а 14 млн. (28% от 14 млн. — это 3,9 млн., а 14 + 3,9 = 17,9 млн.). В таком случае в 1941—1945 годах количество евреев сократилось не на 5,7, а на 2,7 млн., то есть на 16% (русских — на 14%).

Могут напомнить, что евреи, в отличие от цыган, дали миру множество всем известных людей самых разных профессий и занятий, и поэтому еврейская трагедия находится в центре внимания. Но уместно напомнить и другое: кроме педагога и писателя Януша Корчака (Генрика Гольдшмидта), затруднительно назвать каких-либо *широко известных* до войны евреев, погибших в Третьем рейхе, что также противоречит представлению о тотальной гибели...

Словом, очень многое из того, что написано на тему «война и евреи», преследует определенные *идеологические* цели и не может восприниматься в качестве объективных исследований совершившегося, начиная со статистики погибших.

В заключение стоит затронуть еще один острый вопрос. В последнее десятилетие на Западе подвергаются резкой критике и даже судебным преследованиям так называемые ревизионисты — авторы, пытающиеся доказывать, что массовое уничтожение евреев в 1941—1945 годах *вообще не имело места*. При этом один из главных аргументов «ревизионистской» литературы — отсутствие в Третьем рейхе, как они утверждают, главного «орудия» массового уничтожения людей — *газовых камер* (ГК), в которых, согласно выводам предшествующих авторов, и погибли миллионы евреев.

Однако спор о том, реальны или легендарны ГК, как представляется, только уводит в сторону от сути дела и затемняет ее. Например, было расстреляно или сожжено в запертых амбарах все (включая детей) население почти 700 белорусских деревень, место одной из которых — Хатыни — стало общим для них и всем известным Мемориалом. И, значит, массовое уничтожение людей могло обойтись — вопреки мнению «ревизионистов» — без ГК...

Что же касается тех авторов, которые отстаивают реальность ГК, они едва ли отыщут какие-либо доказательства того, что это орудие уничтожения

было направлено именно и только против евреев. Хорошо известно, что в тех концлагерях Третьего рейха, где, как утверждают оппоненты «ревизионистов», имелись ГК, содержались люди различных национальностей, а вовсе не только евреи. Словом, дискуссия вокруг ГК, развернутая «ревизионистами», только запутывает проблему.

МЫСЛИ О ВОЙНЕ

ПРЕЧИСТЫЙ ЛИК ПОБЕДЫ

Впервые опубликовано: Пречистый лик победы// Советская Россия, 30 декабря 2000 года

Из глубин времени

Виктор КОЖЕМЯКО. Поделюсь, Вадим Валерианович, неким щемящим чувством: оно невольно приходит ко мне, когда я думаю теперь о той войне, о Победе и победителях. Ведь буквально на глазах их остается все меньше и меньше! Кому-то посчастливится войти в XXI век и третье тысячелетие от Рождества Христова, а большинства с нами уже нет. И настанет день, когда уйдет последний.

Не оставляет чувство вины перед этими людьми. За те оскорбления, поношения, которым подверглись они в годы так называемой перестройки и «реформ». По существу, им было заявлено: зря вы, старики, старались, зря кровь проливали, зря прожили жизнь. Дескать, и полководцы-то у вас были не те, и сами вы воевать не умели. А Победы вашей вроде и не надо было вовсе.

Сейчас власть официально пытается сгладить все это. Но разве легко ветеранам оправиться от тех обвинений, которые на них буквально обрушили? А от чувства боли за униженную и поруганную Родину? Одну из задач сегодняшнего нашего разговора вижу в том, чтобы, по возможности четче высветив какие-то важные грани правды о Великой войне и Великой Победе, воздать должное поколению победителей.

Вадим КОЖИНОВ. Поздравим живущих ныне участников той войны и тружеников тыла с наступающим новым веком. Хочется особо сказать о моих ровесниках. Когда кончилась война, мне еще не было пятнадцати лет, но я пережил ее очень сильно и очень полно, то есть в каком-то смысле считаю, что в ней участвовал — хотя бы чисто духовно. Ну а многие мои сверстники, взобравшись на ящики, стояли у станков на заводах, работали в поле, были в партизанских отрядах и даже на фронте как «сыновья полков». Низкий поклон им!

Как оценить истинный смысл и значение этой войны? Здесь много составляющих. Но есть все основания утверждать, что в ней решались судьбы континентов, а не только отдельных государств и народов. Притом судьбы в многовековом, даже тысячелетнем плане, а не в рамках лишь отдельного исторического периода. Вот почему уместно определить эту войну как событие самого глубокого и масштабного геополитического значения.

Достаточно напомнить (об этом теперь почти совсем не говорят!), что последствием войны явилось потрясение и затем быстрое отмирание существовавшей более четырех столетий колониальной системы, определявшей во многом бытие Азии, Африки и Латинской Америки, хотя, замечу, и не была полностью ликвидирована их зависимость от стран Западной Европы и США.

Вик. К. Это, так сказать, одно из объективных последствий. Наши солдаты на фронте думали, конечно, не о ликвидации колониальной системы — они защищали Отечество.

Вад. К. Естественно. Я и нисколько не колеблю столь дорогое нашему сердцу понятие — Великая Отечественная война. Но она была одновременно грандиозным мировым событием, а нашей Родине принадлежала в этой войне существеннейшая, во многом просто главнейшая роль, превосходившая

даже аналогичную роль в войне 1812—1814 годов. Поэтому необходимо рассматривать отечественную историю данного периода в самом широком — всемирном — контексте.

Это кстати, помогает вернее понять многие события и явления сегодняшнего времени — нередко даже вернее, чем при прямом взгляде на них.

Вик. К. Основополагающий ваш тезис, как я уразумел, следующий: это было больше, чем противоборство СССР и Германии, больше, чем схватка коммунизма с нацизмом. Это было, по существу, нашествие объединенной Европы на СССР—Россию.

Конечно, мы и всегда говорили, что на Гитлера вся Европа работала. Имея в виду — завоеванная, покоренная Европа. У вас же картина предстает существенно скорректированная — более объемная, уходящая в глубь веков. Точнее, исходящая из глубины веков.

Вад. К. При всех своих «особенностях» нацистская Германия прямо, непосредственно продолжала то мощное устремление к первенству в Европе и, в известной степени, в мире вообще, которое на протяжении веков определяло путь германской нации. Корни этого устремления уходят во времени действительно очень глубоко!

Апелляцию нацистов к средневековой Германии обычно истолковывают как чисто идеологическое предприятие — как конструирование мобилизующего нацию мифа. Но если взглянуть с точки зрения геополитики, проблема гораздо более существенна, нежели может показаться.

Именно германские племена создали в начале IX века империю Карла Великого, объединившую основное пространство Европы. На этом фундаменте в X—XI веках сложилась Священная Римская империя германской нации — правда, два последних слова были добавлены в название несколько поз-

же. Главное, на мой взгляд, состоит вот в чем: по существу, именно эта империя создала тысячелетие назад то, что называется Европой, Западом, и она же начала «Drang nach Osten», то есть геополитический «натиск на Восток». Так что присвоение 21 июля 1940 года плану войны против СССР названия «план Барбаросса» — употреблено было прозвище императора в 1155—1190 годах Фридриха I (Краснобородого) — не надо воспринимать как чисто риторическую акцию.

Вик. К. Значит, главное в вашей трактовке, что оказало принципиальное влияние на будущее, — это объединение «империей германской нации» всей или почти всей Европы в некую целостность и определившаяся тогда же устремленность ее в своих притязаниях на Восток?

Вад. К. Да. Конечно, могут сказать, что ведь уже к концу Средневековья Священная Римская империя утратила свое верховное значение и Европа распалась на более или менее замкнутые в себе земли-государства. Однако историческое бытие порождало время от времени новую империю, которая опять так или иначе объединяла континент. Был «испанский период» европейской империи, был Наполеон, а к концу XIX века стало ясно, что Германия опять неотвратимо стремится к первенству в Европе. Время с 1871 года, когда одержана была сокрушительная победа над Францией, до 1918-го, когда Германия потерпела поражение в мировой войне, — это Вторая империя, Второй рейх. Ну а с 1933-го началась история Третьего рейха...

Как вела себя Европа

Вик. К. Можно утверждать, что во Второй мировой войне нам действительно противостояла почти вся объединенная Европа.

Вад. К. Некоторые факты широко известны, хотя о них предпочитают не очень-то говорить. Но на многое надо было обратить более пристальное внимание — есть немало такого, что и я для себя впервые открыл.

Скажем, известно, что германские войска, вступая в пределы той или иной европейской страны, встречали способное изумить своей нерешительностью и слабостью сопротивление. Вторжение в Польшу началось 1 сентября 1939 года (откуда и исчисляют начало Второй мировой войны), а уже 17 сентября польское правительство покинуло страну. С Францией было еще удивительнее: фактический захват ее начался 5 июня 1940 года, и 14 июня немцы уже овладели Парижем. В общем, совершенно справедливо начало германского овладения Европой получило во Франции название «странная война», в Германии — «сидячая война», в США — «мнимая» или «призрачная». Можно прямо сказать: реальная война началась лишь 22 июня 1941 года.

Но вот очень много написано о последующем движении Сопротивления в европейских странах, наносившем будто бы громадный ущерб Германии, а кроме того (и это, пожалуй, главное), свидетельствующем, что Европа якобы наотрез отвергала свое объединение под германским верховенством. Однако я прихожу к выводу: масштабы европейского Сопротивления, исключая разве лишь тогдашние события в «окраинных» и «патриархальных» Югославии, Албании, Греции, очень сильно преувеличены.

Нет сомнения, что устанавливаемый Германией режим вызывал решительный протест тех или иных общественных сил в разных странах. Но ведь такого рода протест имел место и внутри Германии — от рабочих-коммунистов до потомков германской аристократии. Однако разве это было сопротивление страны и нации в целом?

При всех возможных оговорках то же самое я могу сказать, к примеру, о Сопротивлении во Франции. Приведу выразительное сопоставление, почерпнутое мною в скрупулезном исследовании демографа Бориса Урланиса. За пять лет в Сопротивлении погибли 20 тысяч (из 40 миллионов) французов, но, оказывается, за то же время погибли от 40 до 50 тысяч (то есть в 2—2,5 раза больше) французов, воевавших на стороне Германии!

Или например, сегодня способно вызвать настоящее изумление напоминание о том, что Эйзенхауэр, вступив в войну во главе американо-английских войск в Северной Африке в ноябре 1942 года (войска США тогда вообще впервые начали участвовать в боевых действиях!) должен был для начала сражаться не с германской, а с двухсоттысячной французской армией под командованием министра обороны Франции Жана Дарлана.

А вот еще сведения, относящиеся уже к противостоянию возглавленной Германией континентальной Европы и СССР—России. Национальную принадлежность всех, кто погиб в сражениях на Восточном фронте, установить невозможно, однако есть данные о взятых в плен. Так вот, из общего количества 3 770 290 военнослужащих, которые были взяты в плен нашей армией, основную массу составляли, конечно, германцы (немцы и австрийцы) — 2 546 242 человека; 766 901 человек принадлежали к другим объявившим нам войну странам (венгры, румыны, итальянцы, финны и т.д.); но — обратите внимание! — еще 464 147 военнопленных, то есть почти полмиллиона, — это французы, бельгийцы, чехи и представители других вроде бы не воевавших с нами европейских наций!

Вик. К. Официально в войну против СССР вместе с Германией вступили девять европейских стран.

Вад. К. Да, и это почти половина всех, если не

считать «карликовых». Но остальные, не принимая открытого, прямого участия в войне, так или иначе работали на Германию, а вернее — на возглавленную ею новую европейскую империю. Та же Франция или Чехия, «нейтральные» Швеция и Швейцария. Об этих двух виднейший английский историк Алан Тейлор справедливо писал, что, поскольку их не бомбили, они даже «могли приносить Германии больше пользы, чем если бы оказались в положении побежденных. Германия получала железную руду из Швеции, точные приборы из Швейцарии. Без этого она не смогла бы продолжать войну». А ведь речь о наименее зависимых тогда от Германии двух европейских странах! И далее Тейлор констатирует совершенно четко: «Европа стала экономическим целым».

Вик. К. Меня поразили также данные, которые вы приводите о добровольческих легионах, воевавших на стороне Германии: «Фландрия», «Нидерланды», «Валлония», «Дания» и т.д., ставших позже добровольческими дивизиями СС — «Нордланд» (скандинавская), «Лангемарк» (бельгийско-фламандская), «Шарле мань» (французская) и т.п. Оказывается, Шарле мань — по-французски Карл Великий, тот самый, объединивший Европу! Весьма выразительно звучит в связи с этим признание немецкого профессора Карла Пфеффера: «Большинство добровольцев из стран Западной Европы шли на Восточный фронт только потому, что усматривали в этом общую задачу для всего Запада... Добровольцы из Западной Европы, как правило, придавались соединениям и частям СС...»

Вад. К. В секретном документе, составленном в мае 1941 года, уже совсем близкое нападение на СССР было определено как «старая борьба германцев... защита европейской культуры от московито-азиатского потока». И современный немецкий историк Рюруп, приводя эту цитату, отмечает, что в

данном документе запечатлелись «образы врага, глубоко укоренившиеся в германской истории и обществе. Такие взгляды были свойственны даже тем офицерам и солдатам, которые не являлись убежденными или восторженными нацистами. Они также разделяли представления о «вечной борьбе» германцев... о защите европейской культуры от «азиатских орд», о культурном призвании и праве господства немцев на Востоке. Образы врага подобного типа были широко распространены в Германии, они принадлежали к числу «духовных ценностей...»

Есть немало свидетельств, в которых геополитическая сущность войны предстает в высшей степени наглядно. Я привожу, например, выдержки из «Общих указаний группе сельского хозяйства экономической организации «Ост» (то есть «Восток»). Там говорится: «Производство продовольствия в России на длительное время включить в европейскую систему», ибо «Западная и Северная Европа голодают. Германия и Англия (да, да, и Англия, которая в это время воюет вроде бы против Германии!)... нуждаются во ввозе продуктов питания, а между тем «Россия поставляет только зерно, не более 2 миллионов тонн в год... (Наш урожай 1940 года — 95,6 миллиона тонн.) Таким образом, определяются основные направления решения проблемы высвобождения избытков продуктов русского сельского хозяйства для Европы».

Так и написано — то есть для Европы в целом! Опять она мыслится как нечто единое, и общие ее интересы ставятся на первый план. Но «внутреннее потребление России... должно быть снижено настолько чтобы образовались необходимые излишки для вывоза».

Вик. К. Короче, пусть Россия голодает во имя сытой и благоденствующей Западной Европы! Надо бы знать это тем, кто сегодня говорит: вот победила бы нас Германия — и жили бы намного лучше, давно попивали бы баварское пивко...

Вад. К. Немцы планировали разделить нашу страну на две зоны. Одна — которая может поставлять продукты в Германию и другие страны Европы, включая Англию. Это южная часть, более плодородные наши земли. А другая зона — северная. Здесь они планировали уничтожить всю промышленность, так как нечем будет кормить рабочих. Привоз продуктов из южной части в северную прекратить, а населению Севера предложить выращивать картофель.

Причем они заранее говорили, что население будет голодать, умирать от голода, но это не должно волновать европейцев.

Таков был план «Ост»! Те же, кто считает, что после победы Германии они бы сидели и попивали немецкое пиво, это люди совершенно невероятной наивности. Жертвы определенной пропаганды последнего времени. Нет, немцы шли для того, чтобы сокрушить нас как геополитическую силу и превратить в источник сырья и продуктов для Европы. Для Германии и, что самое интересное, — для всей Европы.

Они шли с мечом на нас, а не мы на них

Вик. К. Вот вы сказали: «Немцы шли для того, чтобы сокрушить нас»... А ведь в сознании многих уже закрепилось, с подачи пресловутого Резуна и ему подобных, будто агрессорами-то были мы, а не они. Есть у многих уж если и не полная уверенность, так довольно сильное подозрение, что именно Сталин собирался первым напасть на Германию, он готовился напасть, а Гитлер только вовремя его предупредил. Сколько написано и наговорено об

этом! Вспомните хотя бы двухсерийный фильм, который сварганил и показал на НТВ год назад Евгений Киселев. Вспомните многосерийный телефильм с участием того же Резуна-Суворова...

Вад. К. Во-первых, при любом отношении к Сталину нельзя представлять его таким уж полным несмышленышем. Абсолютная несостоятельность версии Резуна убедительно показана и в работе Анатолия Ланщикова «Ледокол» идет на таран», и в ряде других. Да и в своей книге я это, на мой взгляд, достаточно убедительно раскрываю.

А во-вторых... Давайте все-таки вспомним, что Запад всегда первым приходил к нам с мечом, а не мы приходили туда как агрессоры. Ну вот, например, известно, что Александр Невский в середине XIII века разбил Ливонский орден. Кстати, это были не только немцы. Это была католическая Европа, которая пришла, чтобы победить Россию. Причем чтобы добить ее после татаро-монгольского нашествия, что было особенно подло.

Однако мало кто знает, что нападение Запада на Россию началось более чем на два столетия раньше. В 1018 году западное войско вторглось в пределы Руси. Возглавил это нападение польский князь (а с 1025-го — король) Болеслав Великий, и вошли в его войско немцы, венгры, а также враждебные Руси печенеги, с которыми он вступил в союз. Это войско захватило Киев, нанесло стране большой ущерб. И вот такие регулярные нападения продолжались в течение всего тысячелетия!

Для подтверждения своей мысли я ссылаюсь в данном случае и на заслуживающий всяческого уважения западный авторитет. Один из крупнейших исторических мыслителей современности англичанин Арнольд Тойнби написал в своих трудах черным по белому, что Россия приходила на Запад либо в порядке контрнаступления, либо на помощь, которую просили сами страны Запада. Ну, как это,

допустим, было в 1916 году. Наш экспедиционный корпус был направлен тогда во Францию. Кстати, в его рядах простым солдатом сражался будущий советский маршал Малиновский...

Вад. К. Уверен, что западный миф о русской опасности сложился больше всего под влиянием целого ряда безуспешных походов Запада в Россию. Вы вспомните, в течение столетий страны Запада без особо напряженной борьбы покоряли Африку, Америку, Австралию и преобладающую часть Азии — южнее границ России. То есть, по существу, все континенты. А вот в Евразии — России они терпели крах! Это же факт, что мощные походы Польши и Швеции в начале XVII века, Франции в начале XIX и другие терпели полный крах, хотя Запад был убежден в превосходстве своей цивилизации.

Вик. К. Помню, во время войны был очень выразительный плакат со словами Суворова: «Русские прусских всегда бивали!»

Вад. К. Вот это и порождало в Европе русофобию — своего рода иррациональный страх перед таинственной страной, которая, вроде бы не обладая великими преимуществами западной цивилизации, не позволяет себя подчинить. На этом фоне большинство уже «не помнило», что наши войска оказывались в Европе лишь в двух ситуациях: по призыву самого Запада или в ответ на поход с Запада, как было и во Вторую мировую войну.

А каковы были союзники!..

Вик. К. То, что «не помнят» там, на Западе, не столь удивительно в сравнении с «забывчивостью» некоторых наших соотечественников. С эдакой сознательной забывчивостью, умышленными умолчаниями и, конечно же, вполне сознательно, умышленно искажаемой интерпретацией многих фактов.

Не в пользу своего Отечества, я бы сказал. Это в значительной мере относится к оценке роли наших союзников в Великой войне.

Еще можно понять западных авторов, которые изо всех сил стараются изобразить Победу едва ли не как всецелую заслугу США и Англии. Но когда и у нас начала вовсю утверждаться подобная концепция... И ведь не просто в каких-нибудь книжках «для собственного пользования» — в школьные учебники ее стали внедрять! На Западе-то, насколько я понимаю, давно уже не стесняются постоянно и на равных сопоставлять, скажем, события около египетского селения Эль-Аламейн осенью 1942 года со Сталинградской битвой...

Вад. К. Да, хотя это воистину смехотворно. О чем идет речь? Троекратно превосходящим британским силам удалось там нанести поражение германо-итальянскому Африканскому корпусу. По времени это почти совпало с началом разгрома германской армии под Сталинградом. Но давайте сравним! При Эль-Аламейне итало-германские войска насчитывали всего 80 тысяч человек (в большинстве — итальянцев), и обороняли они фронт протяженностью 60 километров. А под Сталинградом более чем миллионное войско Германии и ее союзников действовало на фронте длиной около 400 километров. Но еще показательнее следующее: в Сталинградской битве потерпела полный разгром 1/6 часть — 16,3 процента — всех тогдашних вооруженных сил противника, а при Эль-Аламейне — всего лишь около 1,3 процента этих сил. И тем не менее западная пропаганда до сих пор пытается «приравнять» Сталинградскую битву и стычку у Эль-Аламейна. Это смешно, однако, поскольку других-то заметных побед у Великобритании не имелось, без мифа об Эль-Аламейне пришлось бы признать, что до 1944 года она не воевала вообще.

Вик. К. Ну а высадку американо-английских сил

на Сицилию в июле 1943-го и начавшееся затем вторжение в южную часть Италии сопоставляют аж с развернувшейся в то же самое время грандиозной Курской битвой?

Вад. К. Наиболее беспардонные фальсификаторы доходят и до этого. Между тем «главной целью» этой операции, по признанию самого Эйзенхауэра, который ее возглавлял, было даже не освобождение Италии, а «очищение средиземноморского пути». В самом деле, заняв летом — осенью 1943 года Сицилию и южную часть Италии, в общей сложности менее трети территории страны, союзники как-то нелогично остановились. И возобновилось их наступление лишь в июне 1944 года, когда было предпринято и вторжение во Францию. Но теперь преследовалась уже совсем иная цель...

Вик. К. Из вашей книги я впервые узнал, что союзники использовали итальянскую мафию.

Вад. К. Об этом тщательно умалчивалось! В объемистых мемуарах Эйзенхауэра — на эту тему ни слова. А когда американские войска практически без сопротивления дошли до столицы Сицилии Палермо и генерала попросили прокомментировать этот блицкриг, он сослался на военную тайну и отделался туманными намеками, будто Генеральный штаб располагал важной стратегической информацией.

На самом же деле к подготовке вторжения были привлечены еще в 1942 году два самых влиятельных главаря американской мафии — Меир Лански и Лаки Лучано. Этот Лучано, выходец из Сицилии, с 1939 года находился в тюрьме, осужденный на 50 лет. За участие в планируемой операции ему была обещана амнистия (американское правительство потом сдержало свое слово). Были созданы все условия для контактов «со своими людьми» в Америке и в Италии. Удалось, в частности, установить тес-

ные связи со всемогущим главарем сицилийской мафии Калоджеро Виччини — доном Кало.

Вик. К. И в результате мафия расчищала путь американским войскам в Сицилии.

Вад. К. Да, использовала все свое влияние, чтобы превратить наступление американцев в увеселительную военную прогулку. Известны случаи, когда по приказу мафии капитулировали неприступные крепости.

Что ж, американцы достойно возблагодарили дона Кало за его рвение. Он был назначен мэром одного из городов и даже получил звание почетного полковника американской армии! В составе американских вооруженных сил пришло в Италию много мафиози из Соединенных Штатов. Характерный факт: 15 процентов высадившихся в Сицилии американских сил составляли американцы сицилийского происхождения...

Вик. К. Вадим Валерианович, а вот давайте коснемся «другого смысла», который руководил действиями союзников!

Вад. К. Все становится совершенно ясно, когда прочитаешь две секретные установки Черчилля, сформулированные в декабре 1941-го и в октябре 1942-го. В первой безоговорочно утверждалось, что Великобритания и США «не должны принимать никакого участия» в войне России и Германии (за исключением обещанных поставок); во второй — что именно Россия, а не Германия является истинным врагом Европы.

Вик. К. Этот секретный «меморандум» был ведь составлен Черчиллем как раз тогда, когда было остановлено германское наступление под Сталинградом!

Вад. К. Именно в этот момент, во время Сталинградской битвы, он писал: «Все мои помыслы обращены прежде всего к Европе... произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство

уничтожило культуру и независимость древних европейских государств. Хотя и трудно говорить об этом сейчас, я верю, что европейская семья наций сможет действовать единым фронтом, как единое целое... Я обращаю свои взоры к созданию объединенной Европы».

Вик. К. Объединенной — без России и против России.

Вад. К. Разумеется! И под эгидой не Германии, а Великобритании и США. Но направленной-то против того же самого «русского варварства», с которым и Гитлер воевал! Эта геополитическая постановка вопроса Черчиллем целиком и полностью соответствовала гитлеровской: европейские государства и нации — единая «семья», противостоящая «варварской» России. Только лидеры для этой «семьи» предлагались другие, что и осуществилось после войны.

И вторжение англо-американских войск 6 июня 1944 года во Францию, а также возобновление остановленного восемью месяцами ранее наступления в Италии представляли в глубоком, подлинном своем смысле акцию, имевшую цель не допустить, чтобы в ходе разгрома германской армии СССР—Россия заняла Европу. Можно даже сказать, что все это было направлено уже не столько против Германии, сколько против нашей страны! Ведь за десять недель до начала вступления американо-английских вооруженных сил в войну, 26 марта 1944 года, наши войска вышли на южном участке фронта к государственной границе, и было ясно, что они вот-вот начнут победный поход по Европе. Вот ведь почему союзники вдруг заторопились.

Вик. К. В общем-то это известно, однако у вас в книге приведена масса новых для меня (и, думаю, не только) свидетельств и документов. В частности, я обратил внимание на один из мотивов того, почему все-таки тайные переговоры Аллена Даллеса с

представителями спецслужб Германии на переломном этапе войны — о возможном союзе против СССР — остались безрезультатными, то есть почему США и Великобритания в конце концов отказались от такого союза. Меня поразило и одновременно восхитило, к какому выводу они пришли: «В случае вооруженного конфликта с русскими победа маловероятна, даже если использовать на своей стороне германские силы».

Вад. К. Таково свидетельство виднейшего и очень хорошо осведомленного английского историка Алана Тейлора.

Победа духа

Вик. К. Недавно я слушал ваши ответы на вопросы о войне по радиостанции «Голос России». Резануло обращение к вам итальянского слушателя. Это был даже не вопрос — это было утверждение, причем абсолютно категорическое: «Победителем в той тотальной войне можно считать американский доллар». На сегодня, увы, и у нас такое убеждение достаточно распространено...

Вад. К. Доллар не может победить в настоящей войне. Доллар может победить в таких войнах, которые сейчас вели США в Ираке и Югославии, когда нападающие, ничем не рискуя, пользуются своим огромным техническим превосходством, вкладывая только деньги.

Конечно, в той войне, о которой мы с вами говорим, такое было невозможно. Это, кстати, опять-таки относится к оценке вклада союзников в победу над фашизмом, о чем меня часто спрашивают. Я не могу отрицать, что вклад, конечно, был. Особенно материальный. Но что касается боевых действий, думаю, они имели очень небольшое значение.

После 1943 года немцы все время только лишь

отступали на нашем фронте. А когда англо-американские огромные, трехмиллионные войска подошли к границе Германии, вдруг оказалось, что немцы смогли начать здесь контрнаступление. Под Арденнами они отогнали почти на сто километров союзнические войска. И Черчилль, всполошившись, прислал Сталину покорнейшую просьбу — организовать на Востоке мощный удар. При том, что Черчилль больше всего опасался продвижения России в Европу. Но у него просто не было выхода: ведь немцы могли вышвырнуть «союзников» обратно в Великобританию. И пришлось обращаться к Сталину с поклоном. Сталин внял. Действительно только мощный удар наших войск спас союзников от разгрома.

По-моему, уже одно это наглядно показывает, что нельзя преувеличивать союзническую роль в боевых действиях.

А вот еще один вроде бы частный, но тоже показательный факт той великой войны, зафиксированный в документах. Когда во время налета одного из подразделений американской авиации погибла четверть пилотов, вылетевших на бомбежку, оставшиеся пилоты категорически отказались воевать. Представьте себе, каковы американцы... И наивно, даже глупо говорить, что победил в такой войне доллар.

Вот сейчас, в этих беспрецедентных войнах, когда нападающие не рискуют ничем, а только тратят доллары, тут я готов согласиться. Хотя нет, и тут не соглашусь. Поскольку считаю, что победа с помощью доллара, если не сломлен человеческий дух, — это еще не победа.

Вик. К. Мне известна ваша точка зрения, и в принципе с ней трудно не согласиться, что в Великой войне мы победили прежде всего духовно.

Вад. К. Это было главным! Духовная мощь на-

рода не может собраться мгновенно, поэтому на первых порах мы терпели поражение. Но потом...

Вик. К. Однако далеко не все понимают, что это такое — духовная победа. Наверное, в чем-то будут спорить с вами. Вы же не станете отрицать, что великая война была и войной моторов?

Вад. К. Нет, не стану. Скажем, немецкие войска, собравшие автотранспорт со всей Европы, вторгшись в нашу страну, не шли пешком, и это давало им величайшее превосходство, свободу маневра. Они в любой момент могли обогнать наших, появиться в том месте, где их никто не ожидал.

Вик. К. Вместе с тем победа духа в ваших размышлениях предстает тоже как нечто вполне реальное. В новой своей книге, вышедшей в Воениздате, вы даже органически связали две даты — 200-летие со дня рождения Пушкина и 55-летие Победы, считая, что поэт, о котором сказано: «Пушкин — наше все», создал ту духовную основу России, без которой нельзя представить себе всю ее последующую историю, обретшую ярчайшее проявление в событиях 1941—1945 годов. Пишете: «Если не бояться высоких слов, мы победили в 1945-м и потому, что у нас есть Пушкин!» Так и назвали эту книгу — «Великое творчество, Великая Победа».

Вот о чем нам стоило бы поговорить! Какова же она, духовная основа России, почему помогла одержать Победу в той войне и почему теперь мы терпим поражение, а главное — как снова мобилизовать духовную мощь народа...

Вад. К. Все это действительно очень важно, и я готов об этом поговорить. Но теперь уж в следующем тысячелетии, видимо.

Вик. К. Благо до него остаются считаные дни. Так что с Новым годом, новым веком и, конечно, с новым тысячелетием!

МИФ О 1941-М ГОДЕ

Впервые опубликовано: Вадим Кожинов. Миф о 1941-м годе// Завтра, № 4, 23.01.2001

В завершившемся году исполнилось 55 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне и, вполне естественно, был опубликован целый ряд книг и статей, посвященных этой трагической и героической эпопее нашего народа.

Есть основания предполагать, что такие публикации появятся и в наступившем году, когда исполняется 60 лет со дня начала войны. В связи с этим считаю чрезвычайно важным обратить внимание на содержащееся в некоторых книгах и статьях 2000 года неадекватное (если выразиться наиболее мягко) толкование одного существеннейшего документа, составленного 15 мая 1941 года, то есть всего за тридцать семь дней до начала войны.

Этот документ, называющийся «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» был написан (от руки) тогдашним заместителем начальника оперативного управления Генерального штаба А.М. Василевским, отредактирован (впрочем, в очень малой степени) заместителем начальника Генерального штаба Н.Ф. Ватутиным, и, как в нем указано, его должны были подписать народный комиссар обороны С.К. Тимошенко и начальник Генерального штаба Г.К. Жуков.

Хотя подписи под документом отсутствуют (а он в целях секретности был написан в одном-единственном экземпляре), многие историки — пожалуй, даже большинство из них — полагают, что он стал руководством к действию. С этим можно в принципе согласиться (ниже еще пойдет речь, почему). Но совсем иной вопрос — истолкование смысла документа. К прискорбию, ряд историков уже в продол-

жение нескольких лет пытаются интерпретировать его как программу нападения СССР на Германию, которое, мол, не состоялось только потому, что Германия напала на нас первой.

Особенно огорчает, что эта трактовка «Соображений...» А.М. Василевского содержится даже в очень основательной и тщательнейшим образом документированной книге М.И. Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941» (М.: «Вече», 2000, с. 414).

Нельзя, правда, не сказать, что в другой книге, вышедшей в том же году в том же плодотворно работающем издательстве «Вече», — книге ветерана войны (и, кстати, непосредственного участника пленения под Сталинградом германского фельдмаршала фон Паулюса) Л.А. Безыменского «Гитлер и Сталин перед схваткой» сия версия убедительнейшим образом опровергнута. И ведь в самом деле, в тексте написанных А.М. Василевским «Соображений...» нет ни единого слова, которое можно понять как выражение установки на превентивную войну, и остается прийти к выводу, что на историков, толкующих этот документ подобным образом, как-то «гипнотически» повлияла изданная в 1992 году сенсационная книжонка «Ледокол» Резуна-«Суворова», согласно которой СССР собирался напасть на Германию 6 июля 1941 года, но последняя сделала это двумя неделями ранее.

Уже в самом заглавии «Соображений...» говорится о «плане стратегического развертывания» не для войны с Германией, а «на случай войны с Германией». В четвертом абзаце документа об этом сказано еще более ясно: «...в случае нападения на СССР...». В шестом абзаце читаем: «Вероятнее всего главные силы немецкой армии... будут развернуты... для нанесения удара в направлении — Ковель, Ровно, Киев. Одновременно надо ожидать удары на севере...» и т.д. — то есть наступление

мыслится только как ответ на «удары» врага. А в конце документа сказано с полной определенностью, что при «ударе противника» следует «прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление».

Таким образом, речь идет отнюдь не о нападении на Германию, а об ответном наступлении наших войск, — то есть о контрнаступлении. Составитель документа А.М. Василевский впоследствии, в 1965 году, изложил стратегическую установку 1941 года так: «Наши вооруженные силы готовились не только к отпору внезапного нападения врага, но и к тому, чтобы встречными мощными ударами и широкими наступательными операциями... уничтожить вооруженные силы агрессора». Кто-то может возразить, что маршал, исполняя в 1965 году чей-либо политический заказ, затушевывал существо дела, дабы отвести от СССР (да и от самого себя) обвинение в подготовке нападения на Германию. Но процитированные слова маршала были впервые опубликованы в 1993 году.

Нельзя не сказать еще и о том, что рассуждения иных историков (в частности, «единомышленников» Резуна), согласно которым СССР в мае 1941 года не только готовился напасть на Германию, но и намерен был совершить это в самое ближайшее время, совсем уж нелепы. Ибо в составленном 15 мая документе сообщается, например, что из 333 имеющихся в СССР авиаполков 115 — то есть более трети! — «совершенно еще небоеспособны», и на их готовность «можно рассчитывать к 1.1.42 г.». Далее говорится: «...необходимо всемерно форсировать строительство и вооружение укрепрайонов... и предусмотреть строительство новых укрепрайонов в 1942 г.». И еще такой пункт: «потребовать от НКПС (Наркомата путей сообщения. — *В.К.*)... строительства железных дорог по плану 41-го года... (то есть до конца этого года. — *В.К.*)».

Как вполне очевидно, нападение Германии ожидалось не ранее 1942 года, что было, конечно же, роковой ошибкой. Руководство СССР полагало, что Германия, учитывая гибельные для нее уроки войны 1914—1918 годов, не станет воевать на два фронта и нападет на нас только после победы над Великобританией, с которой она находилась в состоянии войны с 3 сентября 1939 года.

Но, как уже давно установлено, Германия и не собиралась переправляться через Ла-Манш, считая, что после разгрома СССР Лондон волей-неволей вынужден будет заключить мир на условиях Берлина или даже пойти на союз с ним (миссия Гесса).

Задним числом легко обвинять тогдашнюю власть СССР в слепоте, но вспомним, что руководство США, несмотря на произошедшее 22 июня, почти полгода было уверено, что Япония нападет сначала на СССР, и сокрушительная японская атака 7 декабря 1941 года на базу Перл-Харбор, нанесшая тяжелейший ущерб флоту и военно-морской авиации США, явилась полнейшей неожиданностью.

Но вернемся к «Соображениям по плану стратегического развертывания». Из приведенных цитат явствует, что необходимые условия для осуществления этого плана предполагалось создать в 1942 году. И подготовка к войне действительно шла тогда предельно ускоренными темпами. Обратимся хотя бы к проблеме боевой техники. В 1940 году было выпущено всего 86 самолетов новых, совершенных типов, а за первую половину 1941 года — уже 2739. Неплохо обстояло дело и с превосходными танками «Т-34» и «КВ»: в 1940-м — 361, а за первую половину 1941-го — 1503 танка. Еще через год оснащенность первоклассной боевой техникой, несомненно, была бы намного более значительной.

А внезапное нападение врага в середине 1941 года привело к тому, что, несмотря на ряд существенных контрударов наших войск, они весьма быстро отступали по всем направлениям, и к декабрю линия фронта проходила у стен Ленинграда, Москвы и Ростова-на-Дону...

Но вот что многозначительно. Автор вроде бы оказавшихся несостоятельными «Соображений...» А.М. Василевский 31 июля 1941 года назначается заместителем начальника Генерального штаба (им с 30 июля был маршал Б.М. Шапошников) и начальником его главного — Оперативного — управления.

И дело не только в этом. В связи с угрожающей обстановкой (14 октября враг захватил Тверь-Калинин) Генеральный штаб во главе с Б.М. Шапошниковым был 16 октября эвакуирован в район Арзамаса. В Москве осталась небольшая группа генштабистов, которую возглавил именно А.М. Василевский. Правда, в ноябре Шапошников возвратился в Москву, но в конце месяца он тяжело заболел, и обязанности начальника Генерального штаба были возложены на Василевского. Шапошников вновь приступил к работе только 12 декабря, когда наше контрнаступление, начавшееся 5—6 декабря, развернулось во всей своей мощи. И, следовательно, роль А.М. Василевского в Московской битве невозможно переоценить.

И эта битва, явившаяся первой сокрушительной победой над врагом, осуществлялась в полном соответствии с цитированными словами из «Соображений...» А.М. Василевского: «...прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление», — наступление, которое навсегда отбило у врага охоту наступать в направлении Москвы. И в принципе так же осуществляются через год Сталинградская победа, а еще полгода спустя — Курская, после которой враг уже только отступал до самого Берлина.

Словом, составленный 15 мая 1941 года документ, который те или иные нынешние историки (их, повторюсь, к сожалению, немало) толкуют как программу нападения СССР на Германию, в действи-

тельности закладывал основы победоносной стратегии в Великой войне с напавшим на нас врагом.

Стоит сказать еще и о том, что составитель документа, Александр Михайлович Василевский (1895—1977), штабс-капитан в Первую мировую войну и генерал-майор к началу Отечественной, через две недели после победы под Сталинградом, 16 февраля 1943 года, был удостоен звания маршала. Во время войны немного ранее — 18 января 1943-го — получил это звание один только Г.К. Жуков, который к тому же в начале войны был уже генералом армии.

В этом свершившемся за полтора с небольшим года превращении генерал-майора в маршала уместно видеть высшее признание А.М. Василевского как творца той стратегии, смысл которой он кратко изложил в написанных им 15 мая 1941 года «Соображениях...» и которая была осуществлена в решающих контрнаступательных операциях Великой Отечественной войны.

И, если выразиться без обиняков, дико и даже — прошу извинить за резкость — постыдно истолковывать эти «Соображения...» как программу нападения на Германию, вторя тем самым предателю и фальсификатору Резуну.

ИЗ ЖИЗНИ И ДЕЯНИЙ ВЕЛИКОГО ПОЛКОВОДЦА

Впервые опубликовано: Из жизни и деяний великого полководца (о Г.К. Жукове)// Наш современник, 1993, №5.

В день Победы вполне естественно вспомнить о Георгии Константиновиче Жукове, сыгравшем ни с чем не сравнимую роль в Великой Отечественной войне.

В течение уже нескольких лет множество злобных ненавистников России и воспитанных ими недоумков пытаются всячески очернить нашу историю и не в последнюю очередь — трагедийную и героическую эпопею 1941—1945 годов. Не избежал их клеветнических нападок и Георгий Константинович. Главное «обвинение» — что он-де если и побеждал, то только ценой страшных потерь, что он, мол, в отличие от других командующих, безжалостно обрекал подчиненных ему солдат и офицеров на гибель. Эта клеветническая версия начала подспудно распространяться, надо сказать, весьма давно, и инициаторами ее были некоторые представители командования, испытывавшие острое чувство зависти к славе великого полководца и стремившиеся лживым наветом принизить и опорочить эту сияющую славу.

Но вот только что вышло в свет тщательное статистическое исследование о наших боевых потерях (Гриф секретности снят. — М., Военное издательство, 1993), где приведены сведения о жертвах всех отдельных сражений Великой Отечественной войны. И выясняется следующее.

В ходе возглавленного Г.К. Жуковым мощного контрнаступления под Москвой (5 декабря 1941 — 7 января 1942 гг.) потери были, конечно, громадными. Погибли 139 586 человек, что составило 13,6 процента от общего количества участников сражения (1 021 700 человек). Но в то же самое время на юге осуществлялась (25 декабря 1941 — 2 января 1942 гг.) Керченско-Феодосийская десантная операция, и из 82 500 ее участников погибли 32 453 — то есть 39,3 процента! Наступление это, которым руководил ровесник Г.К. Жукова генерал-лейтенант Д.Т. Козлов, было, разумеется, гораздо менее важным и по замыслу, и по результатам, чем контрнаступление под Москвой, но, оказывается, жертвы —

относительно общего количества сражавшихся солдат и офицеров — почти в три раза(!) превышали жертвы Московской стратегической наступательной операции...

И еще одно сопоставление — из времени конца войны. 13 февраля 1945 года завершилась Будапештская стратегическая наступательная операция, которой командовал маршал Ф.И. Толбухин. В ней участвовало 712 500 человек, из которых погибло 80 026 человек, то есть 11,1 процента всех участников. А 16 апреля 1945 года началась возглавленная Г.К. Жуковым Берлинская стратегическая наступательная операция. В ней приняло участие 1 906 200 человек, а погибших было 78 291 человек — то есть 4,1 процента, — опять-таки относительно почти в три раза (точно — в 2,7) меньше, нежели в Будапештской и меньше даже в абсолютных цифрах (78 и 80 тысяч)!

А речь ведь идет о тех двух грандиозных наступательных сражениях, которыми Г.К. Жуков руководил полновластно. Таким образом, чисто клеветнический характер «обвинений» великого полководца в чрезмерности боевых потерь очевиден и неоспорим. Беспристрастные цифры свидетельствуют, если уж на то пошло, как раз о противоположном, — о том, что Г.К. Жуков умел обойтись наименьшими из возможных потерями.

Впрочем, хватит о клеветниках...

Многие помнят, что Г. К. Жуков родился 19 ноября (по новому стилю 1 декабря) 1896 года в деревне Стрелковке Малоярославецкого уезда Калужской губернии. Но едва ли многие задумывались над тем, что новорожденный получил имя замученного **в 303** году и причисленного к лику святых прославленного древнеримского полководца, известного как Георгий Победоносец и — в крестьянской памяти — Егорий Храбрый. 26 ноября (9 декабря) Русская церковь отмечает годовщину освящения храма великомученика Георгия, воздвигнутого еще в середине XI века князем Ярославом Мудрым (его христианское имя — Георгий), а в народной памяти к этому дню приурочено «Чудо о змие» — один из подвигов Егория Храброго, спасшего соотечественников от пожиравшего их зловещего гада.

По всей вероятности, будущий полководец был окрещен с именем Георгий именно 26 ноября. И невозможно усомниться в том, что и родители, и, позднее, он сам ясно понимали значение имени Георгий, ибо предание о его носителе жило не только в церковных службах, но и непосредственно в крестьянском обиходе. Знаменитый собиратель народного творчества, сподвижник Петра Киреевского, П.И. Якушкин записал с голоса крестьянина «Стих о Егории Храбром» всего в нескольких десятках километров от родной деревни Г. К. Жукова — в одном из селений Лихвинского уезда той же Калужской губернии (ныне — Суворовский район Тульской области).

Не исключены сомнения в глубокой существенности избранного для будущего великого полководца имени. Мало ли, мол, кого назвали Георгием-Егором? И не является ли пустой мистикой это связывание имени и человека? Однако в сознании и поведении людей такого масштаба, как Георгий Константинович Жуков, никогда не господствует случайность и произвольность; их устремление к жизненной цели (пусть даже не до конца осознаваемое) изначально и всеопределяюще. И, как мы знаем, не достигнув еще и двадцати лет, Георгий Жуков уже носил на груди два Георгиевских креста и имел немаловажное тогда звание старшего унтер-офицера.

Судьба полководца широко известна и из его собственных «Воспоминаний и размышлений», и из ряда его жизнеописаний. Но не всем попали в руки опубликованные в различных изданиях рассказы самых разных знавших Г.К. Жукова людей и их записи бесед с ним. Фрагменты таких рассказов и записей, каждый из которых имеет свой особенный, но, как представляется, бесспорный интерес, «Наш современник» предлагает своим читателям.

В этих фрагментах как бы пунктиром очерчены этапы жизни Георгия Константиновича, беглыми, но подчас яркими штрихами воссоздается его характер и облик. Особенное внимание уделено роли полководца в Московской битве конца 1941 — начала 1942 годов и осуществленной им поистине великолепной подготовке к сражению на Курской дуге летом 1943 года (после этой победы наша армия уже только наступала).

Георгий Жуков навсегда занял свое место в ряду немногих бессмертных имен: Святослав, Александр Невский, Дмитрий Донской, Дмитрий Пожарский, Александр Суворов, Михаил Кутузов... И потому каждая подробность его жизни принадлежит Истории.

О ДОБЛЕСТИ, О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ...

Впервые опубликовано: О доблести, о подвигах, о славе...: [Диалог: В. Кожинов — А. Михайлов]// Лит. газ. — 1980. — 6 авг. — № 32.

В. КОЖИНОВ. Майские номера всех наших литературных журналов ясно свидетельствуют о том, что тема Великой Отечественной войны живет в наши дни, в 35-й год Победы, полной и напряженной

жизнью. В Воронов, например, пишет на страницах «Октября», что ныне можно даже «говорить о начале нового периода в литературе о войне», которому присуще включение нравственных проблем человеческого бытия в «широкую систему исторического отсчета, в масштабную картину народного существования».

Ал. МИХАЙЛОВ. Имеются и другие точки зрения...

В. КОЖИНОВ. Совершенно верно. В прошлом году, скажем, Ю. Кузьменко в «прогнозирующей» статье «В конце века» безоговорочно заявил: «...нет оснований думать, что... литература поднимется на качественно новый уровень в художественной разработке военной темы». Сразу же скажу, что я решительно не согласен с этим «прогнозом». Думаю, что в литературе о Великой Отечественной войне, и в частности в поэзии, о которой мы решили с вами, Александр Алексеевич, побеседовать, главные достижения — впереди.

Ал. МИХАЙЛОВ. Вы хотите сказать, что вас не удовлетворяет то, что написано поэтами фронтового поколения?

В. КОЖИНОВ. Не то чтобы не удовлетворяет. Но, по-моему, наша поэзия только начинает ныне осознавать свою задачу во всем ее грандиозном масштабе.

Ал. МИХАЙЛОВ. А фронтовое поколение, что же, не поднялось до уровня художественного освоения этой темы?

В. КОЖИНОВ. В известном смысле — нет. Если вести речь, так сказать, о **конгениальном** освоении. Ибо для того, чтобы осмыслить национальную и всемирно-историческую эпопею этой войны во всем ее размахе и глубине, должно пройти немало времени. Это, кстати, подтверждает и наша классическая литература.

Ал. МИХАЙЛОВ. Что вы имеете в виду?

В. КОЖИНОВ. «Войну и мир», появившуюся через полвека после Отечественной войны 1812 года. Вполне естественный срок для подлинного освоения той национальной и всемирно-исторической эпопеи, какой была эта война. Я отнюдь не разделяю пресловутую теорию дистанции, но есть и такие темы, такие «предметы» искусства, которые раскрываются во всем своем размахе и глубине лишь по прошествии определенного времени.

Ал. МИХАЙЛОВ. Хотите вы, Вадим Валерианович, этого или нет, но вы сильно недооцениваете то, что наша литература создала в годы войны и в последующие три с половиной десятилетия, с этим я не согласен, и не согласен категорически

В. КОЖИНОВ. Стихи участников войны — художественные свидетельства ... очевидцев, и в этом их громадная и безусловная ценность

Ал. МИХАЙЛОВ. Стихи прежде всего остаются стихами, поэзия — поэзией, — скажем, поэзией Твардовского... А потом уже это документ, но документ **художественный,** и в этом, в документальности, в правде пережитого, их дополнительная ценность. Пройдут еще годы, другие поэты будут писать о минувшей войне, но **таких** стихов им уже не написать.

В. КОЖИНОВ. Помните: главное слово о войне 1812 года сказал все-таки Лев Толстой! Хотя участники той войны оставили нам ценнейшие свидетельства. Я имею в виду хотя бы книги Надежды Дуровой и Федора Глинки.

Ал. МИХАЙЛОВ. Но Глинка писал и стихи. «Военная песнь, написанная во время приближения неприятеля к Смоленской губернии» — это и пламенная публицистика, и патриотические чувства, выраженные на их эмоциональном пределе.

В. КОЖИНОВ. Да, это замечательный поэтический памятник той войны.

Ал. МИХАЙЛОВ. Памятник! Стихи Федора

Глинки о войне могли бы встать в ряд с лермонтовским «Бородино»!

В. КОЖИНОВ. Ловлю вас на слове! Стихи Глинки, написанные на войне, вы сравниваете со стихотворением Лермонтова, написанным человеком, родившимся в год взятия Парижа. И тот факт, что «Бородино» как бы затмило собой стихи многих и многих непосредственных участников войны, только подтверждает мою точку зрения.

Ал. МИХАЙЛОВ. Выскажу, быть может, кощунственную мысль: не принадлежи «Бородино» Лермонтову, мы судили бы о нем несколько иначе. «Звучал булат, картечь визжала, рука бойцов колоть устала, и ядрам пролетать мешала гора кровавых тел» — это, если хотите, романтический взгляд на войну. Это не та война, которая была на самом деле и которая запечатлелась в стихах участников войны. В «Бородине» можно ощутить романтический отсвет войны, но не саму войну, в нем видна игра воображения, но не попытка показать настоящую войну.

В. КОЖИНОВ. Но это творческое воображение как раз и дало возможность Лермонтову создать **классическое** произведение о войне 1812 года.

Ал. МИХАЙЛОВ. Значение этого стихотворения — не в непосредственном осмыслении войны как таковой, а в той лермонтовской идее, которая пронизывает многие его произведения, — в противопоставлении поколений; он болезненно переживает резкую непохожесть его поколения с поколением предыдущим: «Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя...»

В. КОЖИНОВ. И все-таки не случайно именно «Бородино» стало общенародной и солдатской песней. Если бы оно не содержало правду о войне, оно не вернулось бы в солдатские ряды, его не приняли бы в свои сердца те, кто бывал в самой гуще боя.

Ал. МИХАЙЛОВ. У песни свои законы, не всегда совпадающие с законами поэзии. Романтиче-

ские солдатские песни хороши для мирного времени. Я помню некоторые лихие песни предвоенных лет, их перестали петь 22 июня 1941 года. Но оставим «Бородино» в покое. Я ведь не собирался поднимать на него руку. Я просто хотел сказать, что для меня (думаю, что и для многих других читателей тоже) существует разница в изображении войны настоящей, которую человек, что называется, ощутил кожей, и в изображении такой войны, о которой автор слышал, которую он представляет в своем воображении, даже талантливо представляет.

В. КОЖИНОВ. Около трех лет назад в «Литературной газете» было опубликовано письмо Героя Советского Союза вице-адмирала Г.Н. Холостякова: «Я прочитал поэму, написанную человеком, который родился в год начала Великой Отечественной войны. И не могу не сказать, что многие образы этой поэмы поразили меня... (Речь идет о поэме Юрия Кузнецова «Дом». — *В.К.*) Я не знаток поэзии, но все же решусь сказать, что в этих стихах сделан новый шаг в художественном осмыслении Отечественной войны. Теперь я еще более прочно убежден, что полную и высокую правду о войне смогут сказать и дети и внуки тех, кто завоевал Победу».

Ал. МИХАЙЛОВ. Конечно, и не побывавший на войне писатель может открыть мне, участнику ее, нечто такое, что я тогда не сознавал. Например, сама мысль о том, что писатель станет вникать в психологию дезертира, пойдет к истокам предательства, мне, как бывшему солдату, в свое время показалась бы кощунственной. Но вот вышла повесть Валентина Распутина «Живи и помни», где автор художественно доказал правомерность и такого взгляда на войну. Но, с другой стороны, именно участник войны достигает в своем произведении о ней таких вершин, что и речи быть не может об отсутствии творческой свободы, творческого воображения. Возьмите стихотворение Сергея Орлова «Его зарыли в шар земной...». Мощь воображения захватывает с первой же строки. И какое гигантское художественное обобщение: земля — мавзолей простому солдату, а вокруг «Млечные Пути пылят...»!

В. КОЖИНОВ. И все же вы сами признаете, что человек, не видевший войны, даже родившийся после нее, может открыть фронтовикам какую-то еще до него не открытую правду о войне. Точно так же и тот, кто воевал, может как бы с высоты новой эпохи открыть и себе, и другим новую правду о войне. Вот, например, Виктор Кочетков. Признаюсь, что его стихи, добротные и честные, ранее меня не поражали. И вот совсем недавно я прочитал у него: «Пылающий июль. Тридцатый день войны. Все глубже, все наглей фашист вбивает клинья. В руинах хуторок на берегу Десны, просторные дворы, пропахшие полынью. Разрывы редких мин. Ружейная пальба. Надсадный плач детей. Тоскливый рев скотины. На сотни верст горят созревшие хлеба — ни горше, ни страшней не видел я картины».

Ал. МИХАЙЛОВ. Но это же свидетельство очевидца!

В. КОЖИНОВ. Это и так, и не так. «Закрыта жаркой мглой последняя изба, и солнце в этой мгле едва-едва мигает. На сотни верст горят созревшие хлеба — последний страх в себе Россия выжигает... Вся впереди еще смертельная борьба — Москва и Сталинград, и Курск, и штурм Берлина... Но тот, кто видел их — горящие хлеба, — тот понимал, что Русь вовек необорима».

Ал. МИХАЙЛОВ. Вот именно — «тот, кто видел»! Кочетков видел и написал о том, что видел.

В. КОЖИНОВ. Не в этом дело. Виктор Кочетков смог слить опыт войны с новым духовным опытом, обретенным уже в иную эпоху. И этот новый опыт в данном случае оказался куда более решающим для создания стихотворения, чем опыт непосредственного участника войны.

Ал. МИХАЙЛОВ. Но ведь написал Кочетков о том, что видел своими глазами, что горько пережил и годы, десятилетия носил в сердце. Потому и получилось такое замечательное стихотворение. Думаю, что тот, кто не видел этих пылающих хлебов, не смог бы вообразить такой картины. Нет, есть еще порох в пороховницах поэтов военного поколения, и я счастлив, что они в хорошей поре зрелости пребывают — и Дудин, и Наровчатов, и Львов, и Кочетков, и Жуков, и Друнина, и Сухов... Всех не назовешь, хотя... как горько звучат строки Федора Сухова: «Нас все меньше и меньше, нас почти никого не осталось...» Нет уже Михаила Луконина, Сергея Орлова, Ивана Баукова, Дмитрия Ковалева... Я очень хочу процитировать строки Михаила Дудина, посвященные памяти Луконина:

«Прощайте! Уходим с порога, над старой судьбой не вольны. Кончается наша дорога, дорога пришедших с войны. Прощайте! Со временем вместе, накатом последней волны, уходим дорогою чести, дорогой пришедших с войны». Уходят солдаты, уходят... Но их стихи, в которых нашли отражение трагическое, но и прекрасное, героическое время, молодость и судьба поколения, солдатское братство, — эти стихи составляют такую великую книгу, которую никто больше не напишет, будь он трижды талантлив...

В. КОЖИНОВ. Меня бесконечно радует, что вы, Александр Алексеевич, выступаете как человек, который ни на секунду не может изменить своей молодости и фронтовому братству. Как и вы, я очень высоко ценю процитированную вами «Былину о неизвестном солдате» и в свое время приветствовал ее появление особой статьей — «Мир Федора Сухова». И все же я не соглашусь с вами. Я убежден, что возможности художественного освоения Великой Отечественной войны будут с течением времени все возрастать. С глубоким удовлетворением прочитал я недавно слова автора многих книг о войне — Ивана Стаднюка, который от имени писателей-фронтовиков выразил надежду, что «наши произведения в совокупности с мемуарными книгами и явятся основой для написания кем-то из молодых **главной** (выделено мною. — *В.К.*) книги об Отечественной войне». Положа руку на сердце, скажу, что я преклоняюсь перед теми уже немолодыми людьми, которые достойно продолжают в своих книгах свою ратную жизнь 1941—1945 годов. И все же...

Ал. МИХАЙЛОВ. Само по себе участие в войне не дает преимущества перед талантом, если говорить о поэзии. Не так давно один поэт-фронтовик прислал мне стихи и письмо с жалобой, что его не печатают и что вообще сейчас не очень охотно печатают стихи на военную тематику. Я удивился, так как подобной тенденции не наблюдал. Но когда прочитал стихи, понял, почему они не привлекают редакторов. Вот автор пишет о военном поколении: «Друзья наши были высокими и щедрыми, и работящими». «Прошли, не сгибаясь под грозами, путями, безмерно большими». Что здесь характерного для поколения? Мне кажется, ничего. Военное поколение заслужило какие-то не общие, не газетные слова в поэзии. Да к тому же «прошли, не сгибаясь...» — это неправда. Сгибались — и еще как! — до самой матушки-земли, в землю врезались! И все-таки прошли! Вот в чем штука! Или в другом стихотворении он пишет «Как ребенок учится ходить, учишься и ты ходить в атаку». Фальшиво!

В. КОЖИНОВ. Странно. Ведь воевал же...

Ал. МИХАЙЛОВ. Я не ставлю под сомнение его военный опыт, но мне кажется, литературные банальности вытеснили в нем непосредственность личных впечатлений. Банальности, красивости в стихах о войне особенно нетерпимы. Помню, в свое время С. Гудзенко сказал, что «самый страшный

час в бою — час ожидания атаки». И вот встречаю в стихах современного поэта: «Когда во времени возникнет пауза, пусть дрожь военная в нас просыпается. Не дрожь трусливая, назад подталкивая, а дрожь счастливая перед атакою». Поэт не был на войне и представить себе психологическое состояние перед встречей лицом к лицу со смертью не смог. Можно в этот момент испытывать страх и преодолевать его, но ощущать «счастливую» дрожь...

В. КОЖИНОВ. Особенно грешат такими вещами молодые, уже родившиеся после войны поэты. Вместо того чтобы попытаться выработать, вырастить в себе собственное представление о войне, они стараются попросту «примкнуть» к своим предшественникам, чье детство и отрочество пришлось на войну. Один из них, родившийся в 1945-м, написал о том, как его лет тридцать назад качали вместе с героями: «Память — выдохом сирени... Эх, солдат у башни Спасской, ты израненный... А я в небе рядом с чьей-то каской — как подарок бытия... Мы летим вдвоем с Победой, как двойняшки над толпой». Залихватские эти строки пародийно комичны. Они не несут в себе ничего, кроме желания автора говорить о войне обязательно «из первых уст» — так, как это делали поэты предшествующего поколения. Другой автор, родившийся через десять лет после войны, пишет: «С отцом я вместе выполз, выжил, а то в каких бы жил мирах, когда бы снайпер батьку выждал в чехословацких клеверах?!» Поставив сразу два знака, вопросительный и восклицательный, автор как бы обнажил умозрительную искусственность стихов. А размашистое «когда бы снайпер батьку выждал» бездушно и несет в себе какое-то неуместное злорадство (чего автор, понятно, не хотел).

Ал. МИХАЙЛОВ. Таких-то примеров я могу добавить. Один молодой поэт написал о том, как умирал в медсанбате солдат, как он попросил у сестры

пить, как потом «подумалось, что можно жить еще... Слипались веки. Потом сказал: «Хочу курить...» И вновь заснул. Навеки». Конечно, молодости свойственно легкое отношение к смерти. Но ведь здесь речь идет о раненом бойце, об умирающем защитнике Родины. И тут не может не задеть отсутствие душевной боли у самого автора. Вот он же: «Умирают, кто отвоевал, кто отважно выжил в адской мгле...» Уместно ли это: «отважно выжил»? А кто погиб, что же, он проявил меньше отваги? Кстати, в связи с теми примерами, которые вы и я приводили здесь, хочу вернуться к вашей постановке вопроса: не они ли характеризуют новый этап освоения грандиозной темы войны?

В. КОЖИНОВ. Конечно, нет! Эти молодые не пишут о войне, а просто играют в нее. Отсюда — фальшь. Как сказал, обращаясь к безответственному своему сверстнику, поэт Владимир Урусов (он родился в 1947 году): «Катись проторенной дорогой, про жалкий жребий воду лей, но меру знай, войну не трогай, отца родного пожалей». В этой инвективе, кстати, отразилось творческое целомудрие самого Владимира Урусова, который почти не выходит «напрямую» к теме войны, но тема эта постоянно возникает в его стихах с какой-то органической неизбежностью: «Война меня преследует повсюду. Ровесник мира — до последних дней со всеми вместе праздновать я буду печальный и победный юбилей. Какой ценой оплачена победа! Быть может, из-за гибельной войны нет среди нас великого поэта, великого — в масштабе всей страны. Но каждый год, неясно до отчаянья, так тихо, что слышней растет трава, в минуту виноватого молчанья в земле гудят великие слова. Они меня безмолвием тревожат. Произнести бы их — а не могу. Но кто-нибудь когда-нибудь да сможет. Придет — и не останется в долгу». Здесь выражены и нерушимая уверенность в том, что «в земле гудят

великие слова», и понимание грандиозной ответственности, которую необходимо взять на себя ради Слова о той Войне.

Ал. МИХАЙЛОВ. И берут! «Я не знал войны, только сердце за все в ответе, в нем с рождения боль вины, что не смог уберечь от смерти я последней войны солдат, перечтенных в посмертных списках...» Но только зачем же взваливать на себя тот нравственный груз, который автору не предназначен?! Он и не мог защитить от смерти солдат, потому что его не было на свете: родился-то поэт лет через десять после войны! Зачем же взваливать на себя мнимую вину? Не много ли берут на себя молодые поэты?

В. КОЖИНОВ. Для того чтобы до конца решить тему войны, нужно очень многое. Начать с того, что этого нельзя сделать, не освоив с подлинной глубиной тысячелетнюю историю Родины. Мне представляется, что молодым поистине необходимо знать замечательную книгу Ф.Ф. Нестерова «Связь времен» (1980), где, в частности, предпринят опыт осмысления истории отечественных войн во всем ее объеме. Если я говорю, что главное слово о войне впереди, то это не значит, что я недооцениваю то, что уже есть. «Война и мир» Толстого вобрала в себя и весь пятидесятилетний опыт освоения войны Двенадцатого года. Без этого Толстой не смог бы создать своей эпопеи.

Ал. МИХАЙЛОВ. Толстой — гений, а гений уникален, и его приход всегда неожиданен, внезапен. Вернемся, однако, к минувшей войне и к произведениям о ней. У вас что же — есть основания предрекать приход нового Толстого?

В. КОЖИНОВ. Я хочу сказать, что именно сейчас, когда война отдалилась от нас на три с половиной десятилетия, поэзия начинает поднимать ее освоение на новую высоту.

Ал. МИХАЙЛОВ. Но где подтверждение этому, где примеры?

В. КОЖИНОВ. Дело не в примерах, а в общей поэтической атмосфере, выразившейся хотя бы и в тех произведениях, о которых я говорил.

Ал. МИХАЙЛОВ. Не густо.

В. КОЖИНОВ. Так ведь я же и сказал: поэзия только начинает постигать тему войны во всем ее величии и глубине.

Ал. МИХАЙЛОВ. Не знаю, какие произведения о войне ожидают нас впереди, но могу назвать действительно великие произведения о войне, уже созданные нашими поэтами.

В. КОЖИНОВ. Что вы имеете в виду?

Ал. МИХАЙЛОВ. «Василия Теркина» и «Я убит подо Ржевом...» Твардовского, «Враги сожгли родную хату...» Исаковского — это великие произведения нашей литературы. Вообще я считаю, что если по-хозяйски, строго оглядим все, до сих пор написанное о войне, и соберем вместе, то мы получим такую антологию поэзии, которая даст представление читателям о судьбе народа и державы на крутом повороте истории, покажет силу и величие духа его и составит собой великую книгу русской литературы.

В. КОЖИНОВ. Я с благоговением отношусь к тем трем произведениям, которые вы здесь назвали, но допускаю, что впереди нас ждут произведения не менее значительные. Кстати сказать, очень характерно, что названные вами произведения написаны **непосредственно** во время войны или сразу же после нее. Они бесконечно ценны воплощенным в них дыханием эпохи. Но нельзя жить только этим. Мне кажется, что мы должны — и в этом заключается какая-то высшая цель критики — любить и то, что еще не написано.

Ал. МИХАЙЛОВ. Это платоническая любовь, а мы, критики, — живые люди, и надо, если можешь,

любить то, что заслуживает любви сегодня, ибо создана, как я считаю, великая литература о войне. Она — наше достояние. Мы ее еще не вполне оценили. Хорошо, конечно, если молодые поднимутся на новую ступень...

В. КОЖИНОВ. На высшую!..

Ал. МИХАЙЛОВ. Ну что ж, как говорится: «Вы, нынешние, ну-тка!»

В. КОЖИНОВ. Думаю, что так оно и будет.

Ал. МИХАЙЛОВ. Поживем — увидим. Буду рад каждой удаче.

ГЕРМАНСКИЙ ФЮРЕР И ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ

О самой, быть может, чудовищной тайне XX века

Виднейшая сионистская деятельница Голда Меир (в 1969—1974 гг. — премьер-министр Израиля) писала в своих мемуарах «Моя жизнь» о Ханме Вейцмане: «Для евреев всего мира это был «царь иудейский»... он был живым воплощением сионизма... и влияние его было огромно»[1].

Вейцман родился (в 1874 году) и вырос в России, к концу века перебрался в Германию, в 1903 году поселился в Великобритании и вскоре стал одним из лидеров сионизма. В 1920—1946 гг. Вейцман почти бессменно возглавлял две важнейшие структуры — Всемирную сионистскую организацию и Еврейское агентство для Палестины, а с 1948 и до кончины в 1952-м был первым президентом государства Израиль. Словом, он являл собой,

[1] *Меир Голда.* Моя жизнь. — Иерусалим. 1989. Кн. 1. С. 220, 221.

если воспользоваться вместо «царь иудейский» более скромным определением, человека №1 в сионизме, причем занимал это место в течение более тридцати лет и, в частности, во время мировой войны 1939—1945 гг.

По-видимому, очень многие люди, знающие о Вейцмане, — как евреи, так и люди других национальностей — видят в нем великого деятеля, принесшего неоценимое благо своему народу. Однако есть просвещенные евреи (не говоря уже о мыслящих людях вообще), которые совершенно иначе понимают и оценивают роль Хаима Вейцмана.

Так, в книге американского раввина М. Шонфельда «Жертвы Холокоста обвиняют. Документы и свидетельства о еврейских военных преступниках» (Нью-Йорк, 1977) Вейцман аттестуется как *главный* из этих самых преступников. Особое внимание обращено здесь на заявление Вейцмана, сделанное им еще в 1937 году:

«Я задаю вопрос: «Способны ли вы переселить шесть миллионов евреев в Палестину?» Я отвечаю: «Нет». Из трагической пропасти я хочу спасти два миллиона молодых... А старые должны исчезнуть... Они — пыль, экономическая и духовная пыль в жестоком мире... Лишь молодая ветвь будет жить»[1]. Таким образом, предполагалось, что четыре миллиона европейских евреев должны погибнуть (о реальном значении этих цифр — см. примеч.[2]. Это

[1] Shonfeld M. The Holocaust Victims Accuse. Documents and Testimony on Jewish War Criminals. N.-Y., 1977. P. 25.

[2] Вейцман предсказал гибель 4 миллионов евреев, а между тем господствует мнение о гибели 6 миллионов. Но в ряде подсчетов 2 миллиона погибших засчитывались *дважды* — и как граждане Польши, прибалтийских государств и Румынии (Бессарабии), и как граждане СССР, который к 1941 году возвратил в свой состав издавна принадлежавшие России западные территории (см. об этом в моей книге: Россия. Век XX. Опыт беспристрастного исследования. 1939—1964. С. 137—141).

«пророчество» Вейцмана, в общем-то, довольно широко известно, но далеко еще не осмыслено во всем его поистине поразительном значении. Поразительна уже сама уверенность прогноза: ведь к 1937 году еще ни один еврей не погиб от рук нацистов по «обвинению» в том, что он еврей (хотя, конечно, евреи, как и люди других национальностей, с 1933 г. подвергались нацистским репрессиям по *политическим* обвинениям). Первые нацистские убийства евреев по «расовому признаку» произошли в так называемую «ночь битого стекла» — то есть в конце 1938 года (тогда погиб 91 человек). Тем не менее Вейцман уверенно предсказывает глобальное уничтожение евреев, которое действительно началось лишь через пять лет.

Вейцман объяснил свое если не равнодушие, то по крайней мере вполне спокойное отношение к предстоящей гибели четырех миллионов европейских евреев: они, мол, только «пыль» и посему «должны исчезнуть...»

Но уместно отметить, что в сионизме имелась и иная тенденция. Так, называвший свой сионизм «гуманитарным» широко известный Владимир (Зеев) Жаботинский (1860—1940) еще до обсуждаемого заявления Вейцмана выступил в своей книге «Еврейское государство» (1936) с критикой программы вейцмановского толка. Он не без язвительности писал, что целью этой версии сионизма «является создание в Палестине чего-то нового, усовершенствованного... Мы должны выпустить «еврейский народ в исправленном издании»... что-то вроде «еврейский народ в избранных фрагментах». Для этой цели нужно придерживаться осторожной *селекции* и тщательного выбора. Только «лучшие» в Галуте (диаспоре) должны войти в Палестину. По вопросу, что будет с остатками «рафинированного»

в Галуте, теоретики — представители этой концепции не любят говорить...»

Сам же Жаботинский доказывал, что незачем отбирать «лучших» из евреев: «Надо думать, что жизнь в атмосфере собственного государства вылечит понемногу евреев от криводушия и телесного уродства, причиненных нам Галутом, и создаст постепенно тип этого «лучшего еврея»...» (С. 49, 50.)

Но, во-первых, Жаботинский ошибся, обвиняя «теоретиков» в нежелании говорить о том, что будет с еврейскими «остатками»: в следующем же году Вейцман высказался об этом, как мы видели, с полнейшей ясностью. Во-вторых, Жаботинский, имея большую славу, не имел сколько-нибудь значительной власти в сионистском движении. Его биограф И. Орен пишет о нем:

«Накануне Второй мировой войны... он предчувствовал катастрофу, надвигающуюся на восточноевропейское еврейство, и выдвинул лозунг полной эвакуации евреев из Польши в Эрец-Исраэль. Он был готов встать во главе нелегального флота, чтобы привезти сотни тысяч польских евреев... Этот план... не нашел сочувствия»[1].

В отличие от Жаботинского, реально стоявший во главе сионизма Вейцман не просто «предчувствовал», а, как видим, вполне точно знал о будущей «катастрофе», но ничего не предпринимал.

Остается сделать вывод, что он был (о чем ясно сказал Жаботинский) в числе последовательных сторонников *«селекции»* евреев и полагал, что так или иначе осуществлявшие «селекцию» нацисты делают — по крайней мере с объективной точки зрения — необходимое и полезное дело...

Могут сказать о чрезмерности и несправедливости такого вывода, однако эта убежденность была

[1] *Жаботинский Владимир (Зеев).* Избранное. — Иерусалим — Санкт-Петербург, 1992. С. 19, 20.

присуща вовсе не только Вейцману, но и многим другим сионистам. Например, венгерский раввин В. Шейц, как бы развивая мысль Вейцмана, писал в 1939 году:

«Расистские законы, которые ныне применяются против евреев, могут оказаться и мучительными, и гибельными для тысяч и тысяч евреев, но все еврейство в целом они очистят, разбудят и омолодят»[1]. Не исключено, что этот раввин позднее, когда обнаружились действительные масштабы «очищения» еврейства, пересмотрел свое отношение к делу. Но ведь «царь иудейский» Вейцман еще в 1937 году точно знал, что погибнут не «тысячи», а миллионы его соплеменников, и все же принимал это как «должное» (они *«должны* исчезнуть...»).

Вполне понятно, что уяснение этой «позиции» дискредитирует сионистских лидеров, однако у них всегда наготове весьма «простой, но сильно действующий на множество неспособных к самостоятельному мышлению людей ответ: все это-де антисемитская клевета на сионизм.

Поэтому важно и даже необходимо сослаться на мнение «гуманитарных» сионистов — последователей Жаботинского, которые подчас очень решительно выступали против властвующих верхов сионизма. Этих «гуманитариев» никак невозможно обвинить в антисемитизме, и тем не менее они заявили в своей газете «Херут» от 25 мая 1964 г. об уничтожении миллионов евреев во время Второй мировой войны следующее:

«Как объяснить тот факт, что руководители Еврейского агентства, вожди сионистского движения... хранили молчание? Почему они не подняли свой голос, почему не закричали на весь мир?.. История еще определит, не был ли сам факт существования предательского Еврейского агентства помощью для нацистов... история, этот справедливый судья... вынесет приговор и руководителям Еврейского агентства, и вождям сионистского движения... Потрясает тот факт, что эти вожди и деятели продолжают по-прежнему возглавлять еврейские, сионистские и израильские учреждения»[1].

[1]Цит. по кн.: *Бродский Р.М., Шульмейстер Ю.А.* Сионизм — орудие реакции. — Львов, 1976. С. 80.

Еврейское агентство и Всемирную сионистскую организацию возглавлял в годы войны, о чем уже сказано, Хаим Вейцман. И следовательно, именно к этому «царю иудейскому» относилось прежде всего столь убийственное обвинение.

Через два года, 24 апреля 1966 г., израильская газета «Маарив» опубликовала дискуссию, в ходе которой один из бывших командиров Хаганы (сионистская военная организация), депутат кнессета Хаим Ландау заявил:

«Это факт, что в 1942 году Еврейское агентство знало об уничтожении... Правда заключается в том, что они не только молчали об этом, но и *заставляли молчать* тех, кто знал об этом тоже». И вспоминал, как один из руководящих сионистских деятелей, Ицхак Гринбаум, признался ему: «Когда меня спросили, дашь ли ты деньги на спасение евреев в странах изгнания, я сказал «нет!»... Я считаю, что нужно противостоять этой волне, она может захлестнуть нас и отодвинуть нашу сионистскую деятельность на второй план».

В этой же дискуссии другой видный сионист Элиезар Ливне засвидетельствовал: «Если бы наша главная цель состояла в том, чтобы помешать ликвидации евреев... мы спасли бы многих»[2]. Здесь, впрочем, одна очевидная неточность: спасение европейских евреев не только не было *«главной* це-

[1]Цит. изд. С. 118, 119.

[2]Цит. по кн.: *Рувинский Л.А.* Сионизм на службе реакции. — Одесса, 1984. С. 83, 84.

лью» сионизма, но и вообще не являлось его «целью». Это, между прочим, совершенно ясно из уже цитированных мемуаров Голды Меир «Моя жизнь», хотя она вроде бы пытается доказывать обратное.

В мемуарах, конечно, немало говорится о том, как она и ее коллеги в руководстве Еврейского агентства страдали, получая сведения об уничтожении евреев нацистами, и как все время из всех сил старались помочь:

«...не было пути, — уверяет она, — которого мы бы не разведали, лазейки, в которую мы бы не проникли, возможности, которой мы бы немедленно не изучили». (С. 189.)

Но Меир явно «проговаривается», упоминая, что к 1943 году ни много ни мало 130 тысяч человек в Палестине уже «записались» в еврейскую армию, и в то же время сообщая, что только *один-единственный* раз, летом 1943 года, было решено забросить на оккупированную нацистами территорию всего-навсего 32 палестинских боевика для помощи европейским евреям!.. Лишь осенью 1944 года эти боевики оказались в Европе.

Голда Меир стремится «объяснить» столь мизерный «результат» своей деятельности по спасению европейских евреев якобы непреодолимым сопротивлением, которое оказывали сионистам тогдашние британские власти в Палестине, «не разрешая» им противодействовать нацистам. Но перед нами совершенно недостоверное объяснение, так как хорошо известны бесчисленные факты, свидетельствующие о том, что сионисты, когда это им действительно было нужно, умели так или иначе «обойти» любые британские препоны (вплоть до того, что сионистами была взорвана штаб-квартира англичан — отель «Кинг Дэвид» в Иерусалиме, где погибли около ста человек).

Итак, спасать европейских евреев отправились

всего лишь 32 человека (к судьбе этих людей мы еще возвратимся), а формируемая стотридцатитысячная армия тем временем вела борьбу отнюдь не против нацистов, уничтожавших миллионы евреев, но против арабов Палестины... Ибо здесь, в Палестине, пишет Меир, совершилось «самое ужасное — 80 человек было убиты и многие серьезно ранены». (С. 166.) Не странно ли, что гибель 80 палестинских евреев оказывается более «ужасной», чем миллионов европейских?..

Необходимо добавить к этому, что определенная часть находившихся в 1940-х годах в Палестине сионистских боевых структур воевала не только с арабами, но и — как сообщает в своей изданной в 1981 году в Мюнхене книге «Второй Израиль для территориалистов?» своеобразный еврейский идеолог Б. Ефимов — «продолжала вооруженную борьбу против английских властей, то есть они фактически участвовали в войне на стороне Гитлера, а некоторые из них даже вели с нацистами переговоры о создании еврейско-нацистского союза против Великобритании (интересно отметить, что крупнейшую из организаций, продолжавших войну против англичан, возглавлял будущий премьер-министр Израиля Бегин, который позднее публично упрекнул канцлера ФРГ Шмидта в том, что тот служил во время войны в немецкой армии; довольно трудно понять смысл этого упрека, если учесть, что Шмидт и Бегин сражались тогда по одну сторону баррикады)» (указ. изд., с. 34).

Итак, вожди сионизма — хотя их пропагандистский аппарат, конечно же, пытается это всячески опровергать — вполне «спокойно» отнеслись к уничтожению в 1940-х годах миллионов евреев, а сам тогдашний «царь иудейский» даже с полной точностью предвидел это уничтожение.

Что оно означало для сионистов? Вопрос предельно острый, и пока еще не осуществлено мас-

штабное и тщательное исследование этой темы, — чему, конечно, мешает резкое сопротивление сионистской пропаганды, объявляющей любой анализ связанных с этим вопросом фактов выражением пресловутого «антисемитизма». Сопротивление это всецело понятно: ведь речь идет о поистине чудовищном явлении: о *взаимодействии* (пусть даже хотя бы не совсем прямом и откровенном) сионистов и нацистов, то есть в конечном счете об определенном «единстве» Вейцмана и Гитлера в деле уничтожения миллионов евреев...

И все же взаимодействие сионизма и нацизма — очевидная реальность, которую невозможно опровергнуть. Так, например, историк сионизма Лионель Дадиани, которого никто не обвинял в «антисемитизме» (напротив, он сам резко выступает против ряда исследователей сионизма, обвиняя их в «антисемитских» происках) писал в своей книге «Критика идеологии и политики социал-сионизма», изданной в Москве в 1986 году, что вскоре после прихода Гитлера к власти сионизм «заключил с гитлеровцами соглашение... о переводе из Германии в Палестину в товарной форме состояния выехавших туда немецких евреев. Это соглашение сорвало экономический бойкот нацистской Германии и обеспечило ее весьма крупной суммой в конвертируемой валюте».

Понятно, что в результате выиграл и сионизм, но так или иначе это сотрудничество в условиях всемирного экономического бойкота нацизма говорит само за себя. Помимо того в 1930-х годах, как сообщает Давид Сойфер, «сионистские организации передали Гитлеру 126 миллионов долларов»[1] — то есть, согласно нынешней покупательной способности доллара, намного более миллиарда.

[1] *Сойфер Д.И.* Крах сионистских теорий. — Днепропетровск, 1980.

Но дело вовсе не только в экономической «взаимопомощи» сионизма и нацизма. Дадиани в своей книге сообщает, основываясь на неоспоримых документальных данных: «Один из руководителей Хаганы Ф. Полкес... в феврале—марте 1937 г. вступил в контакты с офицерами гестапо и нацистской разведки, находясь по их приглашению в Берлине... Полкес, передав нацистским эмиссарам ряд интересовавших их важных сведений... сделал несколько важных заявлений. «Национальные еврейские круги, — подчеркнул он, — выразили большую радость по поводу радикальной политики в отношении евреев, так как в результате ее еврейское население Палестины настолько возросло, что в обозримом будущем можно будет рассчитывать на то, что евреи, а не арабы станут большинством в Палестине». И действительно: в 1933—1937 гг. еврейское население Палестины возросло более чем в два раза, достигнув почти 400 тысяч человек. Следует вспомнить еще, что именно к 1937 году относится поразительный прогноз главного шефа Полкеса — Хаима Вейцмана...

И уж поистине ни с чем не сравнимо следующее: в составленном нацистской службой безопасности (СД) документе о переговорах с Полкесом (документ этот был опубликован в № 3 немецкого журнала «Horisont» за 1970 год) приводится данное знаменитым палачом Адольфом Эйхманом посланцу сионистов Фейфелю Полкесу заверение, согласно которому на евреев «будет оказываться давление, чтобы эмигрирующие брали на себя обязательство отправляться только в Палестину».

Точно известно (см. документы, опубликованные в упомянутом номере журнала «Horisont»), что сотрудничеством Эйхмана с Полкесом непосредственно руководил Гейдрих, а за ним, понятно, стоял сам Гитлер.

Полкес же (есть, между прочим, предположе-

ние, что это псевдоним, за которым скрылся более известный сионистский деятель) действовал по заданию Еврейского агентства, возглавляемого Вейцманом. Сотрудничество это продолжалось и в 1942 г., уже после провозглашения так называемого «окончательного решения еврейского вопроса». Словом, речь идет о несомненном *взаимодействии* «царя иудейского» и германского фюрера.

В свете всего этого становится целиком и полностью оправданным вывод, сделанный в 1966 году на страницах одного из авторитетнейших журналов Запада «Шпигель» (№ 52 от 19 декабря): «Сионисты восприняли утверждение власти нацистов в Германии не как национальную катастрофу, а как уникальную историческую возможность реализации сионистских планов».

И теперь стоит вернуться к судьбе той единственной боевой группы палестинских евреев, которую Еврейское агентство все-таки согласилось направить в 1944 году в Венгрию для помощи уничтожаемым соплеменникам. Во главе группы была яркая личность — молодая поэтесса Хана (Аника) Сенеш. Голда Меир, одна из тогдашних руководительниц Еврейского агентства, скорбно поминает в своих мемуарах погибшую девушку. В Тель-Авиве была даже издана книга «Хана Сенеш. Ее жизнь, миссия и героическая смерть».

Однако совершенно точно известно, что Сенеш, прибыв в Венгрию, установила связь с здешним полномочным представителем этого самого Еврейского агентства Рудольфом (Израилем) Кастнером, который, выяснив через нее местопребывание всех членов засланной группы, безжалостно передал их нацистам[1], ибо они могли помешать взаимодействию сионистов и гитлеровцев...

[1]См., например: *Солодарь Цезарь.* Темная завеса. — М., 1982. С. 165—167, — а также многие другие книги.

И слезы о Хане Сенеш в мемуарах Голды Меир — в сущности «крокодиловы слезы», ибо она едва ли могла не знать о действительной роли своего подчиненного Кастнера, который позднее стал крупным чиновником в Израиле, а в 1957 году был убит на тель-авивской улице при не очень ясных обстоятельствах (то ли ему мстили за преданных им евреев, то ли его убрали израильские спецслужбы как нежелательного «свидетеля»).

Можно бы привести и иные многочисленные факты, ясно свидетельствующие о взаимодействии сионизма и нацизма в 1930—1940-х годах, — явлении, кстати сказать, прямо-таки беспрецедентном, поскольку в условиях этого альянса были уничтожены миллионы евреев, о благе которых, казалось бы, только и неслись сионисты. Но уже и приведенные свидетельства с полной ясностью говорят о существовании указанного альянса. Глубокое же и всестороннее исследование этого феномена еще предстоит осуществить. И сделать это необходимо, ибо взаимодействие команды Гитлера с командой Вейцмана раскрывает, — как, пожалуй, ничто иное, — истинную суть сионизма.

Нацистское уничтожение миллионов евреев было в целом ряде отношений исключительно выгодно сионистам. Начать с того, что оно представляло собой, по их убеждению, своего рода благотворное *«воспитание»* подлинных — с их точки зрения — евреев. Так, преемник Вейцмана на посту президента Всемирной сионистской организации Наум Гольдман без обиняков сказал в своей «Автобиографии» (1971), что для победы сионизма была совершенно необходима еврейская «солидарность», и что именно «ужасное истребление миллионов евреев нацистами имело своим благотворным (именно так. — *В.К.)* результатом пробужде-

ние в умах, до того времени индифферентных, этой солидарности»[1].

Во-вторых, «катастрофа» как бы сама собой (но также — о чем шла речь — и при прямом и необходимом содействии нацистов) гнала евреев в Палестину, куда ранее приток иммигрантов был весьма слабым.

В-третьих, еще, пожалуй, более важная и поразительная сторона дела: нацистский террор представлял собой, пользуясь определением Жаботинского, *селекцию,* отбор — конечно, совершенно чудовищный; вспомним суждения Вейцмана о «пыли» и «ветви». И нельзя не обратить внимания на удивительный, даже с трудом понимаемый, но бесспорный факт: погибли ни много ни мало миллионы евреев, однако среди них почему-то почти не оказалось сколько-нибудь *выдающихся,* широко известных людей. За исключением убитого в Треблинке писателя и педагога Януша Корчака (Генрика Гольдшмидта), который к тому же по этическим соображениям сам отказался от подготовленного для него побега, и умершего в возрасте 81 года в рижском гетто историка С.М. Дубнова, трудно назвать какого-либо видного представителя европейского еврейства, умершего под властью нацистов: все они либо покинули оккупированную территорию, либо каким-то «чудом» уцелели в нацистских лапах.

Вот хотя бы один, но очень яркий пример: знаменитый политический деятель Франции, антифашист, лидер социалистической партии и глава правительства Народного фронта в 1936—1938 гг. еврей Леон Блюм был в 1940 году арестован нацистами и в 1943-м вывезен в Германию, однако благополучно вернулся (кстати, ему тогда было уже 74

[1]Цит. по кн.: *Ладейкин В. П.* Источник опасного кризиса. Роль сионизма в разжигании конфликта на Ближнем Востоке. — М., 1978. С. 58.

года) и стал в 1946-м премьер-министром Франции! Что за странная загадка? Впрочем, таких загадок великое множество...

Наконец, огромное значение имело для сионистов *воздействие* позднейших сообщений о Холокосте на мир, на все человечество. Сохраняя, как мы видели, непосредственно во время гитлеровского террора *полнейшее молчание* об уничтожении миллионов, сионисты затем, начиная с 1945 года, не упускали ни единой возможности во весь голос заявлять об этом. И впоследствии Наум Гольдман решился открыто и не без своего рода цинизма написать (в изданной в 1975 году своей книге «Куда идет Израиль?») следующее: «Я сомневаюсь, что без уничтожения шести (это значительное преувеличение. — *В.К.*) миллионов евреев большинство в ООН проголосовало бы в пользу создания еврейского государства». (С. 23.)

Итак, получается, что, согласно недвусмысленным признаниям самих сионистских лидеров, нацисты и сионисты, по сути дела, «заодно», «совместно» осуществили и «воспитание», и иммиграцию в Палестину, и «селекцию» евреев, а также обеспечение и формирование беспримерного чувства «вины» (именно так определяют это сионисты) *целого мира,* который, мол, допустил уничтожение миллионов евреев (расчет сионистов был вполне точен, ибо в отличие от них, спокойно «предвидевших» гибель миллионов, для человечества эта гибель явилась ошеломляющим фактом...) и, во-вторых, залог «оправдания» любых будущих акций сионизма. Так, Голда Меир рассказывает о своем решительном отпоре тем, кто обвинял сионистов в полнейшем нарушении международных правовых норм: «Я... говорю от имени миллионов, которые уже не могут сказать ничего». (С. 202.)

Но давайте сопоставим эти слова со словами того, кого сама Меир назвала «царем иудейским», и который заявил, что эти миллионы — «пыль» и просто-таки «должны» исчезнуть... Не просвечивает ли за этим противоречием чудовищная «тайна»?..

Ведь неизбежно получается, что Гитлер «работал» на Вейцмана, и последний уже в 1937 году об этом «проговорился». Невольно вспоминается, что существует точка зрения, согласно которой и Гитлер, и его главный сподвижник в «решении еврейского вопроса» Гейдрих, имевшие *еврейских* предков (сведения об этом авторитетны и весьма достоверны, хотя просионистские идеологи и стремятся их опровергать), вполне «закономерно» участвовали в «общем деле» с Вейцманом. Слишком уж много странных (на первый взгляд) «совпадений» имеется в истории сионизма и нацизма в 1930—1940-х гг. Разумеется, это только «гипотеза», но, во всяком случае, глубокое и тщательное исследование в данном направлении должно быть осуществлено. Как могло получиться так, что во главе вроде бы непримиримого к евреям нацизма оказались люди с «еврейской кровью»?

И так или иначе свершавшееся «взаимодействие» германского фюрера и «царя иудейского» в самом деле наиболее «страшная» тайна XX столетия, ибо речь идет о миллионах жизней, положенных на алтарь этого взаимодействия. Тайна, которая в конце концов раскроется во всем ее существе, ибо не зря сказано, что все тайное станет явным.

Однако уже и сейчас вполне очевидно, что взаимодействие сионизма и нацизма необходимо воспринять как грандиозный *урок*, если сионизм мог подобным образом отнестись к миллионам *евреев*, то в своем отношении *к другим* народам он, без со-

мнения, не подразумевает абсолютно никаких правовых и нравственных «ограничений».

Вполне достоверны сведения, что во время арабо-израильской войны 1973 года правительство Израиля, оказавшись на грани поражения, приняло решение пустить в ход ядерное оружие. Голда Меир, возглавлявшая тогда правительство, весьма прозрачно намекнула об этом в своих мемуарах: «...труднее всего мне писать об октябрьской войне 1973 года, о Войне Судного Дня... едва не происшедшая катастрофа, кошмар, который я пережила и который навсегда останется со мной, я должна умалчивать о многом». (Т. II. С. 462.) Далее Меир сообщает, что тогда, в 1973-м, «жгучим вопросом было — должны ли мы сказать народу уже сейчас, какое тяжелое сложилось положение? Я была уверена, что с этим следует подождать». (С. 472.) Все это достаточно «многозначительно».

Применение ядерного оружия на том предельно малом пространстве, на котором разыгрывалась эта война, неизбежно сказалось бы со всей силой и на самом Израиле. Но, как ясно из вышеизложенного, сионистов это отнюдь не остановило бы (пусть даже дело шло *еще раз о* гибели миллионов евреев!) Вот почему совершенно необходимо знать и изучать то «взаимодействие» Гитлера и Вейцмана, о котором шла речь в этой статье.

В заключение нельзя не затронуть еще одну сторону проблемы. Вполне возможно, что те или иные люди воспринимают принесение в «жертву» миллионов евреев ради создания государства Израиль в качестве *героического* (и, конечно, глубоко трагического) деяния. И, кстати сказать, создание многих государств сопровождалось огромными жертвами. И такую точку зрения можно понять. Но определенные выводы из совершившегося также можно — и нужно — сделать.

ПОНИМАНИЕ ТРАГЕДИИ И РАЗРУШЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Впервые опубликовано: Кому будет принадлежать консиентальное оружие в XXI веке?// Приложение к журналу «Россия—2010», 1996.

В современной общественной жизни, как правило, не учитывают вопросов, связанных с основными элементами сознания. Например, разрушение в русском сознании понимания и чувствования жизни как трагедии приводит к негативным последствиям.

Начиная с советских времен, в связи с идеей коммунизма было утверждено представление о жизни как о чем-то таком, что вполне может быть рационально устроено. Отступления от этого связывали с существованием «эксплуататорского» общества, которое было неправильно построено. При этом считали, что можно построить такое общество, где все будет прекрасно и жизнь будет в некотором роде идиллией, и это, начиная с первых лет советской власти, усердно вбивалось в головы людей.

Но такое представление не соответствует подлинной действительности бытия людей и, кстати, не соответствует основам образования, которые были до революции, не соответствует всей русской литературе в ее высших выражениях. Можно вспомнить много различных образцов крупнейших русских повествовательных произведений и огромное количество строк из лирической поэзии, в которых **трагическое** воплощено как закон жизни, который нельзя обойти. Взять, к примеру, творчество Достоевского или Толстого — у них почти в каждом произведении утверждается, что жизнь глубоко трагична, но что особенно важно — это не рассматривается как нечто негативное, как нечто такое, что необходимо устранить. Пушкин свое понимание жизни выразил в такой строчке: «Я жить

хочу, чтоб мыслить и страдать» — и это не значит, что он отвергает такую жизнь.

Так вот, я считаю, что, отвергнув понимание жизни как драмы и, в конечном счете, как трагедии, мы потеряли что-то чрезвычайно существенное, и представление о жизни как о чем-то, могущем стать рациональным и упорядоченным, мне представляется насквозь ложным. Трагедийность человеческой жизни находит свое конечное выражение в том, что человечество (как и индивидуальное сознание) осознает свою конечность, и с этим осознанием, на мой взгляд, живет каждый человек. Я думаю, что в школах не только преподавание литературы, но и преподавание других предметов должно быть с этим связано. Причем я подчеркиваю — вся отечественная литература в ее высшем проявлении была проникнута этим осознанием, но его, к сожалению, старались задушить.

Осознание трагедийности жизни вызывает в мыслящем человеке чувства достоинства и гордости. Зная, что умрет, человек все равно делает свое дело, причем видит, что мир встречает это сопротивлением. Так, П. Флоренский, будучи уже арестованным, писал, что понял, что нельзя приносить что-либо миру, не обрекая тем самым себя на страдание. И в этом есть глубокий смысл. Чем плодотворнее твои свершения, тем большим будет сопротивление. Это и есть подлинное понимание трагедийности бытия, а также его оправдание и обоснование.

Одна из причин утери этого смысла связана с отторжением людей от религии. Ведь истинная религия всегда рассматривает жизнь как трагедию. В этом смысле меня очень удивил президент. Когда его спросили, почему он ходит в церковь, он ответил, что там он себя комфортно чувствует. По-моему, истинное восприятие литургии — это переживание бытия как трагедии. Я, конечно, не знаток

других религий, но, с моей точки зрения, то же самое есть и в буддизме, и в мусульманстве. Например, на улыбку Будды я всегда смотрю с некоторым трепетом, потому что это улыбка того, кто уже знает, что там, за чертой.

Я думаю, если вернуть смысл и осознание трагедии, сделать их одним из краеугольных камней образования, то это сразу многое изменит. И мне представляется, что это не такое уж сложное дело. Все зависит от преподавателей: если преподаватель проникнут этим сознанием, он его передаст. Например, нельзя сегодня преподавать историю, не отвечая на вопрос, что было с нашей страной в 1917 году, что же там такое произошло. К сожалению, ответы даются как в детской сказке: мол, были какие-то злодеи, которые все это устроили, сами себя поубивали и т.п., но что это время — время действительно народной трагедии, которая требует своего осмысления, об этом молчат, хотя есть образцы подобного рода восприятия, в частности, творчество А. Блока. Раньше в преподавании истории если и было то, что называли трагедией, так это битва с врагом. В нашем преподавании получается так: есть жизнь, которая идет разумно, рационально, всем платится по заслугам, но бывают и отклонения, вызванные субъективными причинами, не вытекающими из самой основы человеческого бытия, — своего рода деформации. В этом случае и происходит, что юный человек, до определенного момента находившийся под крылом родителей, учителей, вдруг, сталкиваясь с самой стихией жизни, обнаруживает, что жизнь не такая, как ее описывали ему в школе. Происходит слом, и рождается главный тезис юных наркоманов, панков и т.п. — все лгут. И здесь вопрос упирается в воспитание уже самих преподавателей. У нас еще что не учитывают: каких-нибудь сто лет назад деревня ходила в церковь и приобщалась к религии совершенно органически. Это происходило потому, что верующими были и деды, и отцы, и матери. Это было соборное приобщение, в котором не было никаких сомнений. Человек, родившись, уже входил в эту семейно-деревенскую общину (в городе это околоток, церковный приход, где все люди друг друга знали), а сейчас он вынужден сам решать проблему веры, а это чрезвычайно трудная задача.

Без того, о чем я говорю, совершенно непонятно то, что сейчас переживается страной. Например, в той драме, которая разыгрывается в Чечне. Если пытаться объяснить происходящее там в известных всем рациональных понятиях социальных, экономических, политических и т.п., то ничего не получится. Я думаю, объяснение в том, что чеченцы — уникальный, своеобразный и, если хотите, иррациональный народ. Посмотрите на историю Чечни и увидите, что этот народ то и дело восставал, демонстрируя свою уникальную пассионарность, и, на мой взгляд, это не «негативная» черта. Дело в том, что в процессе раскрытия пассионарности часто совершаются всякого рода преступления, и нельзя винить в этом народ. Кстати, эту пассионарность народа не учитывает Лебедь. Он думает, что, заключив договор, можно остановить войну. Но для того, чтобы остановить войну, необходимо решить иррациональную задачу, каковой является воинственность чеченцев. Я не знаю, как ее решить, но явно не таким способом, как сейчас. Изгнание Завгаева — это неправильно. К сожалению, трудно ждать того,чтобы чеченцы сами поставили вопрос о своей уникальности, ведь этим они как бы подписывают себе приговор. Получается, что они и только они во всем виноваты. Но решение проблемы найти необходимо. Что же нужно учитывать? Чеченцы очень ценят то, что сейчас называют рейтингом: посмотрите, как они счастливы, зная, что их показывают по всем телеэкранам мира, — это ведь тоже

выражение какого-то менталитета. Часть чеченцев чувствует себя как рыба в воде в условиях войны. Кстати, я убежден, что те, кто пошел в Абхазию во главе с Басаевым, пошли туда не потому, что они так уж любили абхазов (исторически не было тесных связей между чеченцами и абхазами), а отправились просто повоевать и пограбить (там жили достаточно богатые грузины, точнее, мингрелы). При этом я считаю немыслимым ставить вопрос о вине народа, здесь речь идет прежде всего о беде и опять же о трагедии народа. Внутренняя иррациональная сила, заложенная в чеченском этносе, приносит беду не только им, но и другим. Мне кажется, что для решения проблемы необходимо выработать нечто такое, что удовлетворило бы этих людей в смысле употребления их пассионарного потенциала. Например, царское правительство создавало из них элитные воинские части, этим опытом можно было бы воспользоваться.

Так вот, неучет подобного рода вопросов и, прежде всего, вопросов, связанных с тем, что называют национальным сознанием и самосознанием, приводит к принятию решений, неадекватных ситуации.

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ РУССКИХ ВОЙН

РУССКАЯ КУЛЬТУРА НАЧАЛАСЬ В ДРУЖИНЕ...

Впервые опубликовано: «Русская культура началась в дружине...»// На боевом посту, 1994, № 7.

Кожинов: Вы знаете, если давать какое-то определение, я все же бы причислил себя к евразийцам: к ним принадлежат князь Н.С. Трубецкой, который более известен как гениальный филолог, признанный во всем мире и в нашей стране, выдающийся историк Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин, брат великой балерины; в основе их учения заветы Константина Леонтьева, Тютчева, Достоевского. Я думаю, что Россия — это евразийская страна, которая очень молода по сравнению с ведущими странами Запада и Востока, ибо и Франция, и Италия, и Испания, и даже Англия и Германия имеют под собой почву в несколько тысячелетий, фундамент античной культуры, которая непосредственно существовала на их территориях. Солиднейший фундамент имеют и Китай, и Иран, и Индия... На той же земле, где начала развиваться Русь, не было никакой цивилизации, и в частности письменности. Русская история — это тысяча, тысяча двести лет, у нас нет настоящей предыстории. Русь в смысле культуры возникла, если угодно, на пустом месте. Не в этническом смысле, тут субстрат был, и достаточно многообразный: и скифы, и сарматы, много фин-

ских и тюркских племен. Но тем не менее страна эта молодая. И этим многое объясняется в нашей истории: скажем, чрезвычайно обостренное внимание к своему собственному своеобразию. Русский человек может, рванув на себе рубаху, кричать: «Я русский, а ты кто?» — и тут же, через несколько минут, сокрушаться: «Проклятая страна, как только в ней можно жить?» Причем это говорят не только рядовые люди, но зачастую и великие писатели! Вот у Пушкина есть совершенно восторженные слова о России, но можно найти и горькое сетование, что-де черт меня догадал родиться в России с умом и талантом. Или у Тютчева, уж совсем, так выразимся, настоящего патриота: «Проклятая страна... и разве можно не презирать тех, кто в ней еще остается?»

Национальная самокритика проходит как сквозное действие через всю историю, носит, так сказать, глобальный характер. Ведь поразительная вещь: царя и полководца Ивана Грозного мы, русские, сумели превратить — и в собственных глазах, и в глазах мира — в совершенно исключительного, уникального, непревзойденного тирана и палача. А между тем, как подсчитано известным исследователем той эпохи Р.Г. Скрынниковым, за время правления Ивана Грозного было казнено... три-четыре тысячи человек. А в Англии в то же время одних только «бродяг» при Генрихе Восьмом казнили 72 тысячи, при Елизавете — 89 (!) тысяч. Есть с чем сравнить. И никто не рушит в Европе памятники королям-убийцам, о них пишут по меньшей мере почтительно, а у нас не было, пожалуй, ни одного историка, который не поносил бы Ивана Грозного! Его фигура, представьте себе, отсутствует на известном памятнике «Тысячелетие России» в Новгороде среди 109 выдающихся деятелей нашей страны. Я уж не говорю о том, что сам Иван Грозный открыто в своих официальных посланиях называл себя смердящим псом, убийцей...

— Что ж, даже кто-то из великих сказал, что самобичевание — это основная черта мятущегося русского характера.

— Я все же думаю, что самое характерное свойство русских, которое действительно их очень сильно отличает от других народов — и западных, и восточных, — это свойство, которое определяется словом «беспечность», причем это одновременно и прекрасное свойство, и ужасное. Почему? Чудовищное, страшное, потому что действительно ничто не бережется, все уничтожается, и, когда после революции власти приказывали разрушать церкви, русские это делали именно в силу своей беспечности. Но, с другой стороны, беспечность и прекрасна, ибо мало заботиться о себе. Прекрасно сказал один из крупнейших наших писателей, Пришвин, что в России заботиться о собственном благоустройстве всегда считалось чем-то греховным, чем-то всецело противоречащим нравственности.

— Но вот нередко задаюсь вопросом: кто в России более беспечен — простой народ или власти?.. Возьмем, к примеру, ситуацию с выводом российских войск из стран Восточной Европы и Прибалтики... Вы, Вадим Валерианович, вероятно, знаете, в каких условиях они оказались у себя дома, в России...

— Знаю, условия эти ужасные: ни жилья, ни нормального питания...

Не являясь специалистом в данной области, я все же позволю — со своей колокольни — утверждать, что армия для любого общества, для любого государства — это основа всего и разрушать ее — значит быстрехонько вырыть себе глубокую могилу.

У нас часто в последнее время обращаются к теме «Армия и культура». Неверно говорить «армия и культура». Армия — это фундамент культуры! От этой печки, что называется, и надо плясать...

На научном уровне уже давно признано, что че-

ловеческая культура, а другой просто нет, берет свое начало с культуры человеческого тела, с того, что человек приобретает определенную систему движений и жестов. Во всех человеческих обществах армейский строй, строй вооруженных мужчин, движущихся в такт какой-либо музыке или барабанному бою, и был, собственно, началом настоящей культуры. Все ее иные приметы — гораздо позднего времени.

В армии культура не только зарождается, но и, развиваясь, закрепляется на века. Вот почему даже в таких небольших странах, как Швейцария, где не воюют уже столетия и воевать не собираются, армии усердно сохраняют в неприкосновенном виде. Европейцы хорошо понимают — сберечь без нее культуру, под которой прежде всего подразумевается исторический опыт народа, просто невозможно! К тому же, если разрушить армию, из стены выпадет тот камень, на котором зиждется все общество. Государство — это связующее любого человеческого общества, а в самом государстве таковым является армия!

Как историк культуры я, конечно, не могу не заметить, что все виды искусства — изобразительное, музыкальное, театральное... — начало берут опять же в армии. Что такое, например, движение людей строем, как не зародыш театрального действа, театра? Или яркие костюмы древних воинов, их вождей? Это и прикладное, и изобразительное искусство — все вместе! Таких примеров можно привести множество. На Руси, заметим, этот срез культуры появился задолго до принятия христианства. Христианской наша культура стала намного позднее. Ее истоки — не в Византии. А точнее — не только в ней... Доподлинно известно, что русский героический эпос родился среди дружинников. И это они, кстати, одними из первых приняли христианство. Исторические источники свидетельствуют,

что часть дружинников, заключившая в 943 году договор с греками, клялась не на Перуне, а на Христе... Я нисколько не сомневаюсь в том, что наша русская культура началась в дружине — началась, таким образом, в армии!..

Я, разумеется, далек от мысли, что в современной армии есть только материальные проблемы, а проблем культуры нет. Их, я думаю, в Российской армии немало. Что такое, скажем, «дедовщина», неуважительное отношение к младшим по должности и званию? Разве это не изъяны в воспитании, не изъяны нашей духовной сферы? Впрочем, как их могло не быть — ведь если больно общество, будет больна и армия — одна из его составляющих, если в стране становится все больше и больше бездуховных людей, то почему «вирус» бездуховности не должен (хотя, конечно же, не должен!) попадать в армейские коллективы? Или воинские подразделения у нас размещают на Луне?

— Увы, нет...

— А в результате люди деградируют как «на гражданке», так и в армии.

— Вадим Валерианович, насколько я знаю, ни в одной из своих статей вы не прославляли партию. Еще десятилетия назад в КГБ за вами закрепилась репутация инакомыслящего, диссидента... И вот сегодня, когда КПСС как государственная структура уже не существует, КГБ расформирован, вы высказываете мысли, с которыми наверняка бы согласились и большинство ваших вчерашних оппонентов. Как это можно объяснить?

— Здесь нужно коснуться сугубо «личной» темы. Так уж сложилось, что еще тридцать с лишним лет назад я обрел достаточно полные представления о прискорбнейших и прямо-таки чудовищных явлениях и событиях, имевших место в России после октября 1917 года, и встал на путь самого решительного и тотального «отрицания» всей послереволю-

ционной действительности. В последнее время известнейший диссидент и эмигрант Синявский-Терц не раз вспоминал в различных интервью, как в самом начале 60-х годов я предложил ему — мы были тогда близкими приятелями — отправиться со мной на нелегальное антиправительственное собрание, а он отказался, за что я тогда его осуждал. Вспоминал он об этом только ради иронического выпада: вот, мол, Кожинов вроде бы «радикальнее», а в лагерь между тем попал все же Синявский... Но в этом различии судеб есть своя существенная логика. К тому времени, когда Синявский был арестован (1965 год), я уже пришел к прочному убеждению, что бороться надо не против сложившегося в России строя, а за Россию. Для Синявского же главным образом было именно против, и он в конце концов «доразвился» до поистине смердяковского заявления: «Россия — сука»...

— Имел в виду он, думаю, прежде всего социалистическую Россию... Но ведь и вы, если не ошибаюсь, в свое время выступали за «контрреволюцию», исповедовали своего рода культ рыцарских фигур генерала Л.Г. Корнилова и адмирала А.В. Колчака (вплоть до поисков места под Екатеринодаром, где были закопаны осквернённые останки Лавра Георгиевича, и паломничества к возлюбленной Александра Васильевича — А.В. Тимиревой, которая, к слову, дожила до 1975 года)...

— Проблему социализма, проблему исторического пути нашего народа недопустимо рассматривать упрощенно, без вдумчивого анализа всего того, что нам пришлось пережить за последние 70 лет, годы «горбостройки», и приходится переживать теперь...

Но перейду к сути дела. Большинство влиятельнейших ныне «советников» рассматривают весь путь России после 1917 года как полностью ложный и бесплодный, ведущий в безысходный тупик, и так

или иначе призывают начать все сначала или, говоря конкретнее, «вернуться» к дореволюционному состоянию (в частности, к принципам Столыпинской реформы и деятельности крупнейших российских предпринимателей). Целесообразно напомнить, что это последняя новация идеологов от экономики — всего лишь несколько лет назад они настоятельно предлагали «вернуться» в досталинское время, то есть к нэпу. И, между прочим, уже тогда, в 1988 году, прозвучали чрезвычайно весомые возражения, однако никто не захотел их услышать. Я, в частности, имею в виду выступление М.Л. Гефтера в нашумевшем «боевом» сборнике статей «Иного не дано». Этот историк в отличие от абсолютного большинства влиятельнейших идеологов начал критически осмысливать исторический путь страны давно, еще в 60-х годах, и сразу же вступил в конфликт с господствующей тогда идеологией. А в книге «Иного не дано» он, достаточно резко противореча остальным ее авторам, настаивал на необходимости усвоения, как он сказал, того решающего, хотя еще и не осознанного до конца, факта нашей жизни, который кратко, одной фразой, можно было бы определить так: «После Сталина нам некуда вернуться — в досталинских временах нам уже места нет». Иными словами, полностью забыть о социализме нам не удастся. Да и надо ли к этому стремиться?

— А как вы относитесь к социализму?

— Что касается моего отношения к социализму, я должен сказать, что совершенно не разделяю «прогрессистский» и вообще «оценочный» подход к исторически сменявшим друг друга общественным устройствам и отнюдь не считаю, что социализм лучше капитализма (или наоборот). Я только констатирую, что порядок, называемый социализмом, идет на смену тому, который называют капитализмом, точно так же, как последний в свое время при-

шел на смену феодализму. И не скрою, что в этом убеждении я, в частности, опираюсь на авторитет большинства самых выдающихся мыслителей нашего времени. Общепризнанный корифей философии XX века англичанин Арнольд Тойнби, отнюдь не марксист и глубоко религиозный человек, заявил в 1976 году: «Я полагаю, что во всех индустриальных странах, в которых максимальная частная прибыль выступает как мотив производства, частнопредпринимательская система перестанет функционировать». Германский экзистенциалист Мартин Хайдеггер, который давно имеет репутацию крупнейшего ученого нашего столетия, сказал в 1969 году: «Что касается будущего, то я больше уверен в социализме, чем в американизме». Наконец, один из видных русских философов нового времени, Алексей Федорович Лосев, проведший, между прочим, несколько лет в ГУЛАГе, признался в 1985 году, и притом не для печати, а в узком домашнем кругу: «Куда дальше движется человечество? А дальше идет то, что противоположно индивидуализму. А именно: общественность и коллективизм. То есть социализм».

— В будущем — возможно. Но сегодня социализм потерпел крах, что называется, по всему фронту... В развале нашей страны, кстати, нередко обвиняют кого угодно. Того же, скажем, Солженицына.

— Александр Исаевич Солженицын...Считать его поборником «краха государства» могут только люди, плохо знакомые с его творчеством или же — прошу прощения — просто недобросовестные. Так, Солженицын недвусмысленно писал еще в 1973 году: «Всяким поспешным сотрясением смена нынешнего руководства (всей пирамиды) на других персон могла бы вызвать лишь новую уничтожающую борьбу и наверняка очень сомнительный выигрыш в качестве руководства», то есть «крах государства» приведет к намного более тяжкому положению. Или другое выступление Солженицына: «Народ — это не только миллионные массы внизу, но и отдельные представители его, занявшие ключевые посты. Есть же сыны России и там. Россия ждет от них, что они выполнят сыновний долг».

— Вадим Валерианович, нашу беседу наверняка будут читать люди военные, те, кто неравнодушен как к настоящему России, так и к ее далекому прошлому...

— История, которая пишется сегодня, неразрывным образом связана «со днем минувшим». Приведем хотя бы такой пример. В свое время большевиками в чисто политических целях были устроены автономии. На самом деле они их всерьез не признавали, конечно, поэтому, как наша молодежь выражается, границы проводились «от фонаря». А это вон как аукнулось... Справедливо писал замечательный русский мыслитель Иван Ильин: в 1922 году была заложена бомба замедленного действия.

А ведь «евразийские» мыслители исходили из того, что огромная равнина, условно говоря, от Карпат до Тихого океана, испокон веков была единой. Сначала это была самая древняя империя — гуннская, потом аварская, потом хазарская, потом монгольская. Между прочим, сейчас некоторые казанские татары выступают с гневными обвинениями, что их, мол, Иван Грозный завоевал. Это неправда историческая, потому что у них на троне сидел чужак — потомок Чингисхана со своими монгольскими же сподвижниками. Иван Грозный брал в свои руки власть у одряхлевших остатков монгольской империи, а не боролся с теми, кого называют теперь татарами.

— Носили ли отношения между русскими и монголами вассальный характер или же, как считает Лев Николаевич Гумилев, власть монголов не была для русичей особенно тяжким бременем?

— Русские, конечно, им подчинялись. До самой отмены ига мы признавали монгольского хана царем. И, кстати, когда впервые Дмитрий Донской обратился к Сергию Радонежскому, чтобы он благословил на борьбу с монголами, с Мамаем, Сергий отказал ему, сказав, что царю надо подчиняться. Потом, вскоре, он разобрался, что Мамай является не царем, а узурпатором, и тогда он благословил Дмитрия... В сущности, до XV века русские не выступали против монголов. Борьба с Мамаем имела совершенно особенный характер, ибо он был таким же врагом для Золотой Орды. После Куликовской битвы Дмитрий Донской отправил послов к хану Тохтамышу, законному царю, с сообщением: «Я разбил твоего и моего врага». После этого Мамай вернулся к себе в Крым, собрал новое войско, решил снова идти на Москву, но по дороге его перехватил Тохтамыш, окончательно добил и отправил послов к Дмитрию Донскому...

Правда, мне могут напомнить, что через два года Тохтамыш сжег Москву, но это — совершенно особенная история. Дело в том, что после разгрома Мамая Русь не только усилилась, но и решила вступить в тесный союз с Великим Литовским княжеством. Тогдашние русские князья и знаменитый Витаутас были к этому расположены. Витаутас даже собирался принять православие. И вот, испугавшись возможности возникновения такой огромной империи, которая его совершенно подавит, Тохтамыш решил нанести превентивный удар, после чего сразу же вернулся обратно и вскоре полностью наладил отношения с Русью. Он просто напомнил о том, что все-таки еще представляет силу. Но термин «татаро-монгольское иго» очень неудачен, ибо татары никакого отношения к монголам не имеют, они потомки волжских булгар и тоже были завоеваны монголами, и с ними, и с половцами монголы обращались более жестоко, чем с русскими, в частности, потому, что те были еще в какой-то мере кочевыми племенами, то есть конкурентами. Русские же не являлись конкурентами, они жили в лесах, в которые монголы и пройти-то могли только зимой по замерзшим рекам. Это очень характерный момент.

— Смутное время было в тринадцатом веке, в семнадцатом... Уместны ли, на ваш взгляд, такие аналогии для сегодняшнего момента?

— Именно после монгольского нашествия, в Смутное время и в эпоху революции Россия распадалась так же, как сейчас, может быть, только еще более круто. После монгольского вторжения Украина отпала на четыре столетия. Только благодаря этому появился отдельный народ. К чему могут привести нынешние события — не знаю. Уже появилось несколько статей людей проницательных, которые прямо пишут о том, что происходящее у нас — это просто одно из проявлений мирового процесса...

Реформы, безусловно, нужны. Вот вопрос — какие? Любая крутая реформа, которую называют сейчас революцией, приводит к чрезвычайно длительному процессу резкого снижения жизненного уровня. После Французской революции и Франция, и другие страны, окружающие ее, оправлялись от этого не менее 100 лет. То есть произошло чудовищное обнищание масс, началась самая решительная деградация сельского хозяйства. Не было ни одного сколько-нибудь серьезного мыслителя XIX века, который не указал бы на этот очевидный факт. В частности, у нас об этом писали Лев Толстой, Глеб Успенский, даже Чехов об этом писал!.. Дай нам бог стать исключением из этого правила. Впрочем, России не впервой удивлять мир.

Беседу вел *Дмитрий КОРОЛЕВ*

ВОЙНА РУСИ С ХАЗАРАМИ И ЕЕ ВОССОЗДАНИЕ В СЛОВЕ

Впервые опубликовано: Война Руси с хазарами и ее воссоздание в Слове// На заставе богатырской. — М., 1993.

Из древнейшего сочинения о русской истории — «Повести временных лет» (до нас она дошла в рукописях XIV—XV веков, но создана была не позднее 1113 года) можно узнать, что после смерти первого из известных нам южнорусского князя Кия, который, согласно убедительным доводам одного из крупнейших наших историков М.Н. Тихомирова (1893—1965), правил на рубеже VIII—IX веков, то есть 1200 лет назад, племена Южной и Средней Руси — поляне, северяне, радимичи, вятичи — оказались под властью пришедших с востока хазар.

Та же «Повесть временных лет» сообщает, что вскоре после нашествия хазар северорусские племена — словене и кривичи совместно с финскими племенами — чудью и весью создали прочное государственное образование с центром в городе Ладоге (иначе — Певогород), расположенном в устье реки Волхов, впадающей в Ладожское озеро; оно называлось также озером Нево — отсюда и вытекающая из него река Нева. Позднее у истока Волхова был построен Новгород.

В середине IX века, как сообщает «Повесть», пришли с севера в Киев с боевыми дружинами Аскольд и Дир, а впоследствии Олег, которые вроде бы сумели вырвать сначала полян, а потом и другие русские племена (кроме вятичей) из-под ига хазар. Так, в «Повести» сказано: «Послал Олег к радимичам[1], спрашивая: «Кому даете дань?» Они же ответили: «Хазарам». И сказал им Олег: «Не давайте хазарам, но платите мне». И дали Олегу по щеляге[1], как раньше хазарам давали».

[1]Русское племя, жившее по верхнему течению Днепра.

Уже Карамзин почти два века назад в своей «Истории государства Российского» выразил по этому поводу понятное недоумение: «Невероятно, чтобы козары, бравшие дань с Киева, добровольно уступили его... хотя летописец молчит о воинских делах... оружие, без сомнения, решило, кому начальствовать». Между прочим, Карамзин высказывал также предположение, что хазары будто бы вообще были весьма миролюбивы: «Иго сих завоевателей, кажется, не угнетало славян: по крайней мере летописец... не говорит ничего подобного».

Правда, тот же Карамзин писал о более позднем событии — победе князя Святослава (в 960-х годах) над «ханом Козарским» — совсем по-иному: «Грозное свое оружие обратил (Святослав. — *В.К.*) против сего некогда столь могущественного владетеля. Жестокая битва решила судьбу двух народов... Летописец не сообщает нам о сей войне никаких дальнейших известий».

Это уже вторая «жалоба» Карамзина на составителя «Повести временных лет» (который-де «молчит», «не сообщает»). Но ведь к моменту создания этой «Повести» миновало уже около трех столетий (!) со времени нашествия хазар на Русь, и полтора столетия отделяло летописца от победы Святослава. Многое было уже забыто, и многое не имело живого значения в глазах людей XII века. Составитель «Повести временных лет» подробно рассказывает, например, о взаимоотношениях русских с половцами, набеги которых продолжались и в его

[1]Щеляга — от древнееврейского «шелаг» («белый») — серебряная монета (раскрыто известным современным историком А.П. Новосельцевым).

время, и, с другой стороны, с Византией, чья роль в жизни Руси была очень существенна и в XII веке. А о хазарах, которые уже не играли значительной роли на исторической сцене, летописец или не мог, или не стремился говорить сколько-нибудь подробно.

Однако до нас дошли и более древние, чем «Повесть временных лет», памятники русского слова, из которых мы можем с достаточной ясностью и глубиной узнать и о хазарском иге, и о полуторавековых битвах с хазарами, битвах, которые завершались и поражениями, и победами. Часть из этих памятников и собрана в книге «Застава богатырская».

I. Кто такие хазары?

Прежде чем говорить об этих памятниках и их смысле, необходимо хотя бы кратко ответить на вопрос о том, кто такие хазары. Вопрос этот весьма сложен и многозначен. К тому же несмотря на то, что первые работы историков о хазарах появились еще в конце XVIII — начале XIX века, подлинное научное исследование истории хазар было осуществлено лишь в последние несколько десятилетий. Результаты этого исследования пока еще не стали достоянием хоть сколько-нибудь широкого круга людей, в том числе даже и тех, кто всерьез интересуется историей. В современных учебных и популярных книгах по истории Руси о хазарах говорится бегло и недостаточно внятно. И если, допустим, каждый знает о монгольском иге, словосочетание «хазарское иго» большинству читателей даже вообще не известно (хотя его употреблял еще Карамзин!).

Хазары в собственном, узком смысле слова — это кочевой тюркский народ, который вместе с целым рядом других народов в V—VI веках пришел в

степные области между Черным и Каспийским морями из Южной Сибири. В середине VII века на Северном Кавказе сложилось весьма сильное государственное образование — Хазарский каганат, который пытался воевать даже с такой мощной державой, как Арабский халифат, нападая на его тогдашние владения в Закавказье (то есть нынешние Грузию, Армению, Азербайджан). Управлял хазарами каган (восточный титул, соответствующий западному «император») из древней династии тюркского происхождения — Ашина.

Позднее, в VIII веке, в Хазарском каганате совершился своего рода государственный переворот, который, правда, протекал постепенно, медленно и поначалу даже мирно (впоследствии он вызвал и жестокие гражданские войны). Переворот этот трактуется разными историками различно; наиболее убедительна концепция выдающегося археолога и историка С.П. Толстова (1907—1970)[1], который, в свою очередь, опирался на труды виднейших русских востоковедов К.А. Иностранцева (1876—1941) и отчасти В.В. Бартольда (1869—1930). Правда, эта уже давняя, сложившаяся почти полвека назад концепция была подвергнута критике (в частности, в изданном в 1962 году трактате М.И. Артамонова «История хазар» (см. с. 283—288), но, хотя отдельные критические замечания были справедливы, в ряде исторических исследований самого последнего времени основные идеи С.П. Толстова как-то даже неожиданно нашли ряд веских подтверждений (в работах М.Г. Магомедова, Г.Е. Афанасьева, В.Н. Топорова и др.).

Общепризнано, что к концу VIII века власть в Хазарском каганате оказалась в руках очень малочис-

[1]См.: *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. — М. — Л., 1948. С. 221—234; Советская этнография. 1946. № 2. С. 87—99.

ленной части его населения (от нескольких сот в начале до нескольких тысяч в конце ее господства), исповедующей иудаизм. Формально-то власть оставалась у хазарского кагана, но фактически всем управлял носитель, как сказали бы теперь, исполнительной власти — каганбек (царь) и занимавшие другие ключевые посты иудеи. Кагану воздавались самые высокие почести, но его власть имела чисто символический характер.

Как и почему это произошло? С.П. Толстов доказывал, что властители пришли в начале VIII века к хазарам из Хорезма — среднеазиатского государства, расположенного в низовьях реки Амударья. В те времена Хорезм был одним из наиболее цивилизованных государств мира, в частности, уже более тысячелетия обладавшим письменностью, имевшим высокоразвитые зодчество, ремесла, военное искусство, торговлю, пути которой простирались от Балтики до Китая и от Северного Урала до Персидского залива.

Значительную роль в Хорезме играла иудейская община, явившаяся туда еще в V веке из Ирана (куда переместился в то время — после крушения Римской империи — основной центр мирового иудейства). В Иране правил тогда шахиншах Вахрам V Гур (421—438), жестокий гонитель христианства, а его сводный (по отцу) брат Парсэ, чья мать была дочерью «эксиларха» — главы могущественной иудейской общины Ирана, был наместником («марзбапом») в одной из главных иранских областей Хорасан, чья северная граница проходила близко к Хорезму. По сведениям иранских источников, Парсэ был основателем главного города Хорезма, получившего позднее название Кят (ныне — Бируни), но вначале называвшегося, как и государство, Хорезмом[1].

[1]См.: *Иностранцев К.Л.* О домусульманской культуре Хивинского оазиса. Журнал Министерства народного просвещения. — 1911. Февраль, отд. 2. С. 291—294.

Согласно концепции С.П. Толстова, много иудеев бежало в Хорезм из Ирана позднее, в VI веке, — после поражения поддержанного ими «коммунистического» движения Маздака (который, кстати сказать, сам был, возможно, уроженцем Хорезма). В 712 году по инициативе или, по крайней мере, при активной поддержке иудейской общины в Хорезме разразился мятеж, во главе которого стоял младший брат верховного правителя — хорезмшаха — Хурзад. Хорезмшах был свергнут, но он призвал на помощь мощное арабское войско, которое подавило восставших, часть которых была казнена (4000 человек — по тем временам огромное число), а часть бежала к хазарам, которые, напомню, в это время вели войны именно с арабами (поэтому беглецы могли предстать в качестве друзей). Вместе с членами иудейской общины в Хазарский каганат эмигрировали связанные с мятежом хорезмийские зодчие, ремесленники, воины. Принеся с собой в государство кочевников-хазар достижения высокой городской цивилизации Хорезма, беглецы быстро сумели занять важное положение в жизни Хазарского каганата.

Новейшие археологические исследования показали, например, что в хазарских крепостях с VIII века «техника кладки стен является чуждой для местных строительных традиций... Башни крепостных стен... тяготеют к фортификационным традициям Средней Азии... особенно Хорезма»[1].

Это подтверждается и в совсем другом исследовании, посвященном хазарской крепости, построенной и середине IX века в месте слияния реки Тихая Сосна с Доном. Стены крепости были воздвигнуты без фундамента, но его отсутствие, доказывает археолог Г.Е. Афанасьев, «не является при-

[1]*Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. — М., 1983. С. 140, 142.

знаком слабых строительных знаний, как это может показаться на первый взгляд». По наблюдению архитектора В.Л. Нильсена в Средней Азии «стены монументальных зданий обычно были такими толстыми, что не было необходимости устраивать фундаменты». А у хазарской крепости «толщина стен была около 6 м». Характерны и башни или, по крайней мере, башенные выступы на углах хазарской крепости, причем «расстояние от угловых башен до ворот... 35—45 м. Это как раз то расстояние, которое отделяло одну от другой куртины (то есть части крепостной стены. — *В.К.)* в Хорезме»[1]. Итак, хазарские крепости явно строили зодчие хорезмийского происхождения...

При походе хазар в Закавказье в 764—765 годах во главе войска оказывается хорезмиец Лстархаи, о котором в фундаментальном труде М.И. Артамонова «История хазар» сказано: «В хазарском правительстве он занимал место, непосредственно следующее за каганом»[2] (то есть пост каганбека). Наконец, в качестве главной силы правителей каганата выступает семитысячная наемная гвардия, состоящая из воинов — выходцев из Хорезма.

Так или иначе к концу VIII века иудей Обадия становится полновластным каганбеком, а хазарский каган превращается в марионетку. Столица каганата переносится с Северного Кавказа в низовья Волги, на перекресток путей с Востока на Запад и с Юга на Север, где возникает крупнейший военный и торговый центр Итиль.

Выдающийся современный археолог и историк С. А. Плетнева, опираясь на сведения арабского историка X века Масуди, пишет, что к взявшему в свои руки власть каганбеку Обадии «стали стекаться... иудеи из разных мусульманских стран и из Рума (то есть Византии. — *В.К.)*... Вновь прибывающие евреи... заселили целые кварталы хазарских городов... Большое количество осело их и в Итиле. Они плотным кольцом окружили трон Обадии»[1].

Обадия стал основателем иудейской династии, которая управляла Хазарским каганатом до 960-х годов — до победного похода Святослава. Правда, имеются сведения, что у него был предшественник по имени Булан (сообщается, что Обадия — «из сыновей Булана»), но сведения эти весьма туманны. «После Булана и Обадии правили их потомки, — пишет С. А. Плетнева, — Езекия, Манассия, затем брат Обадии — Ханукка, сын Ханукки — Исаак и потом Завулон, Манассия, Нисси, Менахем, Вениамин, Аарон и Иосиф» (ук. изд., с. 8). Они и их иудейское окружение назывались хазарами, хотя в действительности не принадлежали к этому тюркскому народу.

. Правя от имени безвластного кагана, Обадия и его потомки сумели — где силой, где хитростью — подчинить своей воле не только хазар, но и другие кочевые народы Северного Кавказа и Причерноморья; под их властью так или иначе, в тот или иной период оказывались аланы (предки современных осетин), болгары[2] (предки современных татар, чувашей, балкарцев), печенеги, гузы, угры (венгры) и др. В случае надобности правители каганата весьма ловко использовали один народ для подавления другого.

В послании одного из подданных последнего хазарского каганбека (царя) Иосифа (середина X века) рассказывается, например: «Во дни царя Вениамина (деда Иосифа. — *В. К.)* поднялись все народы на козар... И пришли воевать царь Асия, и

[1] Маяцкое городище. — М., 1984. С. 46, 47, 49, 50.

[2] *Артамонов М.И.* История хазар. — Л., 1962. С. 240.

[1] *Плетнева С.А.* Хазары. — М., 1986. С. 63.

[2] Часть болгар еще в VII веке переселилась на Дунай и слилась там с местными славянами, сохранив свое название.

Турок, и Пайнила...[1] только царь алан был подмогою... Все воевали против страны козар, а аланский царь пошел на их землю и нанес им поражение, от которого нет поправления, и ниспроверг их Господь пред царем Вениамином... Во дни царя Аарона воевал царь аланский против козар... Но Аарон нанял против него царя турок... и низвергся царь аланский перед Ааароном, и тот взял его живым в плен... и взял дочь его в жены своему сыну, Иосифу... И с того дня напал страх пред козарами на народы, которые живут кругом них»[2].

Для особо важных военных операций хазарские правители использовали своих хорезмийских наемников, которые, кстати сказать, были единственной наемной военной силой на тогдашнем Востоке. Их высокое жалованье гарантировалось тем, что Итиль забирал себе десятину (то есть десятую часть) со всех провозимых через него товаров (а через Итиль проходили, как уже говорилось, очень важные направления мировой торговли). Согласно договору, наемники как бы продавали свою жизнь: в случае бегства с поля боя их казнили, притом вместе с их семьями...

Самым, пожалуй, впечатляющим результатом деятельности хазарских правителей был тот факт, что они сумели за поразительно короткий срок превратить огромные массы кочевников в оседлых или даже городских жителей, поскольку для их целей нужна была постоянно готовая к действию и находящаяся в определенных местах военная сила. Процесс быстрого превращения кочевников в жителей хозяйственно-военных поселений и городов Хазарского каганата исследован в трактате

[1] В начале 910-х годов; имеются в виду племена ясов, гузов и печенегов.

[2] *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. — М. — Л., 1932. С. 116, 117.

С.А. Плетневой, который так и называется — «От кочевий к городам» (М., 1907).

Создав свое военное могущество, хозяева Итиля к середине IX века подчинили себе громадную территорию, простиравшуюся с запада на восток от Днепра (южнее Крыма) до Урала и с севера на юг от Оки до Кавказского хребта. Как говорится в одном из новейших исследований, обилие исторических работ о «хазарской проблеме» прежде всего «объясняется мощью и обширностью Хазарского государства, успешно соперничавшего с такими мировыми державами, как Арабский халифат и Византия»[1].

Прежде чем двигаться дальше, целесообразно сделать одно отступление общего характера. В силу ряда причин любые исследования исторических конфликтов, связанных с еврейством, встречают в некоторых влиятельных кругах как бы заранее заготовленное негативное отношение: это, мол, никакое не исследование, но стремление возбудить враждебность к евреям. Можно сколько угодно изучать былую борьбу русских с татаро-монголами, поляками, французами, немцами и т. д., но о борьбе с Хазарским каганатом, во главе коего находились евреи, лучше, дескать, помалкивать... Именно этим, в частности, объясняется явно совершенно недостаточное знание этой эпохи в истории Руси, хотя речь идет ни много ни мало о важнейшей эпохе самого становления русской государственности и культуры.

Нет сомнения, что пора покончить с такого рода тенденциями. Разговор о тех или иных событиях истории может кому-то не нравиться, но, поскольку они, эти события, вполне реальны, замалчивать их недопустимо.

[1] *Михеев П. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. — Харьков, 1985. С. 3.

II. Русь и Хазарский каганат

Выше обрисованы, конечно, только самые общие (и к тому же далеко не полные) контуры явления, вошедшего в историю под именем Хазарского каганата. Но нам пора перейти к роли каганата в истории Руси. Мы видели, что уже Карамзин подверг сомнению тот как бы лишенный всякого драматизма рассказ о приходе (а затем и уходе) хазар, который содержится в составленной через почти три столетия после этого события «Повести временных лет». И Карамзин был совершенно прав, утверждая, что «летописец молчит о воинских делах». Позднее стали известны арабские, персидские и хазарские (иудейские) сочинения IX—X веков, в которых столкновение Руси с Хазарским каганатом предстает отнюдь не в столь «безмятежном» виде. Правда, в течение долгого времени сведения этих источников так или иначе оспаривались. Но в XX веке начались все расширяющиеся археологические исследования (особенно большую роль сыграла в 1950—1980 годах С.А. Плетнева), которые неоспоримо доказали, что Хазарский каганат воздвиг к югу от территории русских племен (южнее «линии», проходящей через нынешние города Харьков, Белгород, Воронеж) целую систему мощных крепостей, военных поселений и железоделательных и оружейных предприятий.

Один из виднейших современных исследователей истории Хазарского каганата, А.В. Гадло, показывает, что в IX веке масса алан (предков осетин) была переселена с Северного Кавказа в район верховьев рек Дона, Оскола и Северского Донца (то есть к указанной выше «линии»): «Это переселение имело целенаправленный характер и проводилось самим Хазарским государством, которое таким образом стремилось создать заслон на своей северо-восточной границе, где в это время начиналось

расселение славянских общин...» Перемещенное туда с Кавказа население «превращалось в военно-служилое сословие и получило права на отведенные ему земли»[1].

В этой местности археологи исследовали более десятка внушительных каменных крепостей (по определению С.А. Плетневой, «величественных и грозных цитаделей») высотой 5—8 м и толщиной в нижней части стен до 6 м; вокруг крепостей располагались сотни и тысячи юрт, полуземлянок и наземных домов для воинов и их семей.

Примечательно, что внутри каждой из крепостей сохранились следы только нескольких жилищ. «Почему люди, — задается вопросом С.А. Плетнева, — не ставили свои жилища в каменной крепости?.. Хватило бы места для всех. Очевидно, для того чтобы жить в каменной крепости, нужно было иметь на это особое право. А этого права у людей, живших вокруг, не было»[2]. Дело, по-видимому, не только в этом. Сама С.А. Плетнева в другом своем труде справедливо пишет: «Согласно догмам иудаизма — узкой, сугубо национальной религии, иноплеменники не могут быть истинными иудеями... Следовательно, новая религия не объединила, а, наоборот, разъединила... государственное образование... Возникла своеобразная хазарская фронда... Борьба шла беспощадная, в ней гибли не только «фрондеры», но и виднейшие представители иудейской знати»[3].

Из этого естественно сделать вывод, что крепости оберегали находившуюся в них «иудейскую знать» не только от «внешних», но и от вполне вероятных «внутренних» врагов — то есть от своих же

[1] Историческая этнография. Выпуск III. — Л., 1985. С. 77.

[2] *Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. — М., 1989. С. 24.

[3] *Плетнева С.А.* Хазары. С. 63.

воинов, не принадлежащих к иудейству и не допускаемых в крепости. С. А. Плетневой удалось, изучая рисунки, прочерченные одиннадцать столетий назад на камнях одной из хазарских крепостей, установить, что даже охранявшие ее воины «несли караул» не столько внутри ее стен (что было бы естественно), сколько «вдоль стены с внешней стороны и у ворот»[1].

О том, что во главе крепостей находились начальники-иудеи, свидетельствует хотя бы давно ставшее известным письмо одного из подданных хазарского каганбека Иосифа (X век), где рассказано, в частности, о Хлгу (то есть Олеге), «царе Русии», который «пришел ночью к городу Самкерцу (ныне Тамань. — *В.К.)* и взял его воровским способом, потому что не было там начальника, раб-Хашмоная»[2].

Едва ли можно усомниться в том, что и в исследованных археологами двенадцати внушительных цитаделях на юго-восточной окраине Руси находились именно и только иудейские начальники, отгороженные и от подчиняющихся им военных поселений вокруг крепостей.

Нельзя не обратить внимания и на тот факт, что все эти крепости, расположенные около рек (Дона, Оскола, Северского Донца), находятся на их правом — то есть «русском» — берегу; это недвусмысленно свидетельствует, что они имели не оборонительное, а наступательное назначение. Каждая из них — своего рода укрепленный плацдарм для атак на Русь.

«Хазарское пограничье, — основываясь на тщательных археологических исследованиях, — пишет об этих примыкающих к Руси местах С.А. Плетнева, — было заселено семьями, все население которых несло воинскую службу... Военизация населения касалась, как мы видели (выше дан анализ хазарских захоронений. — *В.К.),* не только мужчин, но и женщин... Основной его (населения. — *В.К.)* функцией была не охрана пограничья, а проведение в жизнь наступательной политики каганата на западных и северо-западных соседей»[1] (то есть на русские племена).

Как уже сказано, в этой же самой местности — в бассейне Дона и Северского Донца — изготовлялось тысячу с лишним лет назад хазарское оружие. Так, в работе Г.Е. Афанасьева и А.Г. Николаенко «Металлургический комплекс у с. Ездочного» (это современное село расположено на реке Оскол около поселка Черненка Белгородской области) рассказано, как были найдены «остатки сыродутного горна... — глиняная колба для плавки железной руды» (которую добывали здесь же). В этом регионе в десятках селений «зафиксированы развалы колб сыродутных горнов с сопутствующими металлургическими шлаками... В целом Донецко-Оскольское междуречье рисуется как один из крупнейших очагов черной металлургии Хазарского каганата»[2]. Здесь же изготовлялось оружие. «Установлено, что наступательным оружием конных воинов были сабли, топоры (специальные боевые. — *В.К.),* копья, кинжалы, лассо, лук и стрелы (с железными наконечниками. — *В.К.*), а оборонительным — кожаные шлемы с железными деталями и кольчужные пояса»[3].

Археологи неопровержимо доказали, откуда шли атаки на Русь. Основываясь на многих исторических данных, можно утверждать, что нападения

[1] Маяцкое городище. С. 59.

[2] *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. С. 119.

[1] *Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. С. 278, 282.

[2] Маяцкое городище. С. 204, 207, 208.

[3] *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. — М., 1907. С. 157.

хазар совершались многократно, ибо Руси пришлось не раз сбрасывать с себя хазарское иго, и только в 960-е годы она смогла разгромить каганат.

Первое завоевание каганатом Киева, запечатлевшееся в «Повести временных лет», историки датируют 820—830 годами. Тогда, как передает летописец, с Руси была взята дань мечами. Выдающийся историк Л.Н. Гумилев, о котором еще пойдет речь, убедительно истолковал это «странное» предание так: «Дань мечами могла иметь только один смысл: у полип было изъято оружие»[1]. В середине IX века, как уже говорилось, с севера пришла в Киев дружина Аскольда и Дира. Но уже сам по себе тот факт, что впоследствии Олегу пришлось освобождать от хазарской дани северян и радимичей, ясно говорит о продолжавшемся или же возобновившемся владычестве хазар.

В 860 году (то есть во времена Аскольда) константинопольский патриарх Фотий назвал народ Руси «рабствующим»; видный историк М.В. Левченко расценил это как «намек на уплату дани хазарам»[2]. В 922 году член арабской миссии в Волжскую Булгарию Ахмед Ибн Фадлан, посетивший хазарскую столицу Итиль, писал: «Хазары и царь их все иудеи, а славяне и все, кто соседит с ними, находятся в покорности у него (царя), и он обращается к ним (словесно), как к находящимся в рабском состоянии, и они повинуются ему с покорностью»[3]. В 940-х годах арабский историк ал-Масуди «сообщает о русах и славянах... что они — войско и рабы» хазарского царя[4]. Наконец, сам хазарский каганбек (царь) Иосиф, правивший в 940—960 годах, утверждал в своем послании, что русские племена вятичей, северян и «славян» (под этим последним общим названием, надо думать, имелись в виду поляне и радимичи) «мне служат и платят дань». Правда, Иосиф вместе с тем говорит о «русах»: «И веду с ними упорную войну»[1].

[1] Русская литература. — 1974, № 3. С. 104.

[2] *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. — М., 1950. С. 43.

[3] Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. — М. — Л., 1939. С. 80.

[4] *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. — М., 1902.

И действительно, общая картина исторического периода начиная примерно с 825 и до 905 года раскрывается как постоянная борьба Руси с Хазарским каганатом, борьба, в которой были и победы, и поражения. Ясно, например, что хазары не раз и, очевидно, надолго захватывали Киев. Известный филолог и историк культуры В.Н. Топоров писал о наглядных свидетельствах этого захвата: «Летопись под 945 г. упоминает район Козаре на Подоле (местность в Киеве. — *В.К.*)... Названная в этом же отрывке Пасынъча беседа... объясняется из тюркск. bas-inc — «взиматель платы, налога, пошлины», от глагола bas, известного по названию баскаков... Заслуживает внимания и «хазарская» этимология названия другой части древнего Киева — Копырева конца. Источник его, теперь полагают, в форме Kapur... раннем варианте засвидетельствованного позже имени... Kjabar Kohen, еврейская принадлежность которого не подлежит сомнению. Следует напомнить, что западный и южный районы Копырева конца носили в древнем Киеве название Жидове, Жиды, а Жидовские ворота связывали Ярославов город как раз с Копыревым концом»[2].

Наконец, византийский император Константин Багрянородный в своем написанном в 948—952 годах сочинении «Об управлении империей»[3] писал о

[1] *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. С. 84, 98, 99.

[2] Славянский и балканский фольклор. — М., 1989. С. 54.

[3] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. — М., 1989. С. 45.

«крепости Киоава, называемой Самватас», то есть о том факте, что в Киеве находится крепость с названием Самватас, или, иначе, Самбатион. Филолог А.А. Архипов убедительно доказывает, что это название еврейского происхождения и означало пограничную реку Хазарского каганата (западная граница которого проходила именно по Днепру)[1].

По-видимому, хазарам удавалось вторгаться в Киев и при преемниках Кия, и при Аскольде, и при Олеге. В уже цитированном хазарском послании рассказывается, как один из хазарских правителей, Песах, выступил против «царя Русин», Хлгу (Олега): «Он пошел войною на Хлгу и воевал...[2] месяцев, и Бог подчинил его Песаху... Тогда стали русы подчинены власти козар»[3].

Таким образом, есть все основания согласиться с Л.Н. Гумилевым, который писал, что Олег «в наследство Игорю... оставил не могучее государство, а зону влияния Хазарского каганата», и что эти «варяжские князья потерпели от Хазарского каганата поражение, чуть было не приведшее Русь к гибели»[4].

Едва ли зависимость от хазар была преодолена и при Ольге, правившей после гибели Игоря (945 год) до возмужания его сына Святослава. Известно, что Ольга пребывала не в контролируемом хазарами Киеве с его крепостью Самбатиен, но в расположенном севернее на крутом днепровском берегу и мощно укрепленном Вышгороде. Более того, своего еще малолетнего Святослава она — по-видимому, с целью уберечь от опасности — отправила в далекий Невогород (Ладогу), о чем есть свидетель-

[1]История русского языка в древнейший период. — М., 1984. С. 240.

[2]Пропуск в рукописи.

[3]*Кокowцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. С. 120.

[4]Русская литература. 1974. № 3. С. 167, 172.

ство Константина Багрянородного. Святослав, надо думать, не только возмужал вдали от хазар, но и собрал там основу своего победоносного войска.

Не так давно киевские археологи сделали важное открытие при раскопках в Вышгороде. Они установили, что во времена Ольги часть этого города «была занята производственными комплексами, связанными с металлообрабатывающим производством». Позднее же этот, по определению археологов, «квартал металлургов» суживается, на его месте появляются жилые усадьбы. Это, без сомнения, означает, что Ольга, несмотря на близость Киева с его высокоразвитой по тогдашним меркам металлургией, создала в своем Вышгороде основу для самостоятельного производства оружия (поскольку Киев контролировали хазары). После Ольги Вышгород продолжал оставаться — при ее внуке Владимире, правнуке Ярославе Мудром и т. д. — «загородной» княжеской резиденцией, но необходимость делать оружие в самом этом городке отпала. Так археология позволяет видеть ход истории.

Известный современный историк Л. П. Сахаров, приводя слова из «Повести временных лет» под 905-м годом: «Иде Святослав на козары», справедливо утверждает: «За этой лаконичной и бесстрастной фразой стоит целая эпоха освобождения восточнославянских земель из-под ига хазар, превращения конфедерации восточнославянских племен в единое Древнерусское государство... Хазария традиционно была врагом в этом становлении Руси, врагом постоянным, упорным, жестоким и коварным... Повсюду, где только можно было, Хазария противодействовала Руси... Сто с лишним лет шаг за шагом отодвигала Русь Хазарский каганат в сторону от своих судеб»[1].

[1]*Сахаров А.Н.* Мы от рода русского... (Рождение русской дипломатии.) — Л., 1986. С. 263.

III. Русские былины — поэтическое воссоздание борьбы с Хазарским каганатом

Да, в «Повести временных лет», созданной в начале XII века, когда о Хазарском каганате уже начали забывать, о борьбе с ним говорится в самом деле и лаконично, и «бесстрастно» (ведь к этому времени уже сменилось пять-шесть поколений). Но существует поистине грандиозная область русского художественного слова, где навсегда и с подлинным величием воплотилась память народа о многократных и жестоких битвах с хазарами. Это русские героические былины, или — по иному, народному названию — старины, посвященные деяниям богатырей во главе с Ильей Муромцем.

Враги в русском героическом эпосе чаще всего именуются «татарами», но это не должно нас удивлять. Замена имен давних врагов более поздними типична для устного народного творчества, а подчас даже и для письменных памятников. Так, например, в грузинских хрониках XII века «Жизнь картлийских царей» приходившие в Закавказье с севера в IV—V веках гунны именуются «хазарами», которые приходили туда значительно позже, в VII—VIII веках[1].

В русских же былинах имя хазар, пришедших с востока в IX—X веках, во многих случаях заменилось именем татар (XIII—XIV вв.).

Ныне прочно обосновано убеждение, что русские героические былины сложились в своей основе задолго до нашествия татаро-монголов (1237 год) и даже до первого набега на Русь половцев (1054 год). Конечно, былинный эпос, веками существовавший в устной передаче, в каждый новый исторический период так или иначе вбирал в себя все новые и новые факты, понятия, названия и т. д. (хотя бы то же имя нового врага — татар). Но основа и содержания, и самого стиля былин сформировалась, без сомнения, к концу X — началу XI века.

[1]См.: *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. — Л., 1979. С. 23—26.

Это убедительно доказано, например, в работе Р.С. Линец и М.Г. Рабиновича «К вопросу о времени сложения былин (Вооружение богатырей)», где выясняется, что в описываемом в былинах военном быте нет буквально ни одной детали, которая не соответствовала бы исторической реальности Руси X века. Например, точно такой же, как и у былинных богатырей, «комплект оружия упомянут и в повествовании летописи о том, как в 968 году киевский воевода Претич поменялся оружием с печенежским князем». Или другой выразительный пример: «Погребение богатыря Михаила Потыка в полном вооружении, с конем в сбруе, под насыпным курганом — то есть по обряду, сохранившемуся в Древней Руси не позднее X—XI веков»[1].

А это значит, что битвы, воссоздаваемые в былинах, — битвы именно с хазарами. Правда, могут возразить, что в X и первой трети XI века (до 1036 года) Руси приходилось отражать и набеги печенегов — в частности, только что упомянутое их нападение на Киев в 968 году. Но кочующие печенеги, не имевшие какой-либо твердой «политической линии», выступали то в союзе с Русью против хазар, то, напротив, шли против нее как союзники тех же хазар. Так, востоковед Т.М. Калинина пишет о том же самом печенежском набеге 968 года: «Толкнуть печенегов на Киев могли... верхи Хазарии... После снятия печенежской осады с Киева Святослав восстановил мир с печенегами». И современник Свято-

[1]Советская этнография. 1960. № 4. С. 32, 41.

слава, арабский историк Ибн Хаукаль, даже писал о печенегах: «Они — шип русийев и их сила»[1].

Между прочим, отдельные и не столь уж частые набеги печенегов (как и впоследствии половцев) вообще не могли бы породить тот монументальный героический мир эпоса, который предстает в былинах. Для рождения этого эпического мира необходима была поистине титаническая борьба, идущая не на жизнь, а на смерть...

И надо сказать, что именно в этой борьбе сложились и основа первоначального единства Руси, и ее государственность, и, наконец, ее культура — в том числе и сами героические былины, принадлежащие к высшим явлениям мирового эпического творчества. К истории борьбы с Хазарским каганатом вполне уместно применить памятные строки Пушкина:

...Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судьбы удары.
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Утверждая, что былинный эпос порожден «хазарской» эпохой в истории Руси, необходимо оговорить: те или иные отдельные былины, конечно, могли складываться и складывались позднее. Но основа русского героического эпоса сложилась как художественное воссоздание полуторавекового противостояния Хазарскому каганату.

Как известно, Святослав в 960-х годах (о точной дате в современной исторической науке идут споры) совершил поход (а может быть, даже два похода) на хазар и покончил с могуществом каганата.

Однако есть достоверные сведения о том, что хазарское государство вскоре (надо думать, после

[1]Древнейшие государства на территории СССР. — М., 1970. С. 97, 98, 100.

гибели Святослава в 972 году) так или иначе восстановилось, и преемник Святослава, Владимир, как поведано в сочинении Иакова мниха (XI век) «Память и похвала князю русскому Владимиру...», «на хазар пойдя, победил их и дань на них возложил»[1]. Это было еще до официального принятия христианства, в 985 году. И после этого Владимир принял на себя титул правителя хазар (равный титулу «император») и стал называться «каган Владимир»[2]. И вполне естественно, что фигура Владимира, после победы которого Хазарский каганат окончательно перестал существовать, стала своего рода объединяющим центром русского былинного эпоса, центром, вокруг которого группируются образы богатырей — Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича и др.

Словом, есть все основания утверждать, что русский былинный эпос — в его цельной основе — воссоздает долгую и трудную борьбу с Хазарским каганатом, хотя различные позднейшие наслоения (совершенно неизбежные в условиях устной передачи былин от поколения к поколению) так или иначе загородили, затемнили в наших глазах эту его изначальную сущность.

Русский эпос, основное ядро которого сложилось к XI веку, веками жил в устной традиции; наиболее ранние его записи, дошедшие до нас, относятся к XVII столетию, а действительно полноценные воссоздания в письменности — к XVIII и особенно XIX вв. Понятно, что к этому времени многое в былинах было утрачено или заслонено «нововведениями». Но все же до нас дошли записи былин, в которых сохранились черты далекой древности.

[1]*Златоструй.* Древняя Русь X—XIII веков. — М., 1990. С. 134.
[2]См.: *Артамонов М.И.* История хазар. — М., 1962. С. 366.

IV. Былина «Илья и Жидовин»

Полтора столетия назад, в 1830—1840 годах, собиранием произведений устного народного творчества занимался, в частности, поистине замечательный человек — морской офицер (а морское офицерство принадлежало к самым просвещенным слоям тогдашней России) Павел Федорович Кузмищев (1799—1850). Этот ровесник Пушкина к 1840 году стал адмиралом и был назначен начальником Архангельского порта. Здесь он собирал самобытные выражения северорусского наречия и посылал их в Москву, знакомому ему Владимиру Далю, который уже начал подготавливать свой знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка». Отправлял он В.И. Далю и записи произведений устного народного творчества (которые П.Ф. Кузмищев публиковал и в местных архангельских изданиях).

В 1852 году вышел в свет альманах «Московский сборник», в котором среди других была опубликована присланная П.Ф. Кузмищевым былина «Илья и Жидовин»[1]. В предисловии к публикации великий русский мыслитель Алексей Степанович Хомяков писал, что в этом сказании содержится «ясная память о козарах, и богатырь из земли Козарской, названной справедливо землею Жидовскою, является соперником русских богатырей; это признак древности неоспоримой. В действии... целая богатырская застава... Стоит она на лугах Цицарских (Цицарскими землями старые летописи называют область Византийскую)... Спокойное величие древнего эпоса дышит во всем рассказе»[1].

Нельзя не отметить, что через шестьдесят лет после П.Ф. Кузмищева в той же самой Архангельской губернии записывал былины видный собиратель А.В. Марков. Среди его записей — явно та же самая былина (см. текст «Ильи Муромца и Жидовина», печатающийся в этой книге):

Да межу Киевым было, меж Черниговым,
Да стояла заставушка семь богатырем;
Атаманом государь наш Илья Муромец,
Втору голову Добрынюшка Микитич-от...
Однако про их врага сказано, что он приехал
Да из той же земли-то из Задоньския.

По-видимому, определение «Задоньския» — это переосмысленное «Жидовский» (близкое по звучанию), поскольку никакая «Жидовская» — то есть исповедующая иудаизм — земля уже не была известна. Не исключено, впрочем, что в древнем сказании Хазарская земля называлась не только «Жидовской», но и «Задонской», поскольку центр ее располагался по соотношению с Русью именно за Доном... Есть и такие записи этой былины, в которых враг русских богатырей именуется уже «татарином».

Через семьдесят лет после Хомякова о былине «Илья и Жидовин» писал совсем иной автор — историк, стоящий на позициях убежденного сионизма, — Ю.Д. Бруцкус. В его работе «Письмо хазарского еврея от X века» говорится, что в этом веке «произошло крушение Хазарского каганата и смена его варяго-русским княжеством, предтечей великой России... Вместе с переходом гегемонии от хазар к русам пало и значение еврейской культуры, доминировавшей в каганате... Крушение хазарско-иу-

[1] Стоит напомнить, что слова «жидовин», «жид» и т. п. ни в Древней Руси, ни даже в России первой половины XIX века не несли в себе никакого оскорбительного смысла; это было обычное нейтральное название (как и поныне в чешском или польском языках).

[1] *Хомяков А.С.* О старом и новом. — М., 1988. С. 245, 246.

дейского царства сопровождалось гибелью и всех его культурных ценностей». Далее Ю.Д. Бруцкус отмечает: «Отголоском упорной борьбы между варяго-русами и иудео-хазарами в южных степях являются также и известные былины о борьбе Ильи Муромца с Жидовином-богатырем, пришедшим из земли Жидовской»[1].

Ю.Д. Бруцкус, что вполне естественно, огорчен и возмущен гибелью Хазарского каганата и его «культурных ценностей». Но он говорит об этих «ценностях» умозрительно, исходя из того, что они, мол, должны были существовать. Между тем археолог С.А. Плетнева, много лет тщательно изучавшая предметы материальной культуры каганата, писала, что, как свидетельствуют факты, со времени установления господства иудаизма «Хазария превращалась в типичное паразитирующее государство... Судя по археологическим данным, изменился даже характер ремесла... Самобытное искусство погибло, ремесленники не создавали уже высокохудожественных произведений. Место ремесленников-одиночек заняли большие мастерские, в которых изготовлялись вещи, предназначенные для массовой продажи»[2], то есть своего рода «масскульт» X века...

Но вернемся к былине «Илья и Жидовин». Это, без сомнения, один из наиболее выдающихся образцов русского героического эпоса, исключительно богатый по своему художественному содержанию (см. образы отдельных богатырей), замечательный, в частности, воплощенной в нем «национальной самокритикой». Великолепна сцена, в которой Илья, прижатый к земле, вбирает ее силу (вспомним этот мотив в древнегреческом мифе об Антее)...

[1] *Бруцкус Ю.Д.* Письмо хазарского еврея от X века. — Берлин, 1924. С. 3, 44.

[2] *Плетнева С.А.* Хазары. С. 70.

V. Былина «Вольх Всеславьевич»

Вторая из публикуемых в этой книге былин — «Вольх Всеславьевич» — записана около 250 лет (то есть четверть тысячелетия!) назад, в 1740—1760 годах, для известного деятеля культуры Порфирия Акинфовича Демидова (1710—1786), одного из представителей знаменитой династии русских промышленников. Общепризнано, что в этой записи сохранены наиболее древние черты былинного эпоса. Героя ее сопоставляли и с князем Олегом, которого называли и Вольгом, и со Святославом (действие былины весьма напоминает его поход на Итиль). Надежнее будет сказать, что в образе Вольха Всеславьевича как бы слились лица Олега и Святослава (кстати, в некоторых записях герой именуется Волхом Святославьевичем) и два похода — Олега на крепость Самкерц (Тамань), о чем шла речь выше, и Святослава на Итиль.

И былина едва ли могла бы возникнуть в «послехазарское» время потому, что основа ее действия — взятие вражеской крепости, а, как хорошо известно, ни у печенегов, ни у половцев, ни у татаро-монголов не было никаких крепостей. Между тем (об этом говорилось) Хазарский каганат воздвиг множество крепостей, притом именно со «стенами белокаменными», которые изображены в былине.

Но что это за «царство Индейское»? В былинном эпосе перед нами является — см. былину «Дюк Степанович» — «Индея богатая», из которой приезжает в Киев этот самый Дюк. Но, как убедительно доказано, «Индея богатая», вместе с которой и записях былины часто упоминается «Корела проклятая», не имеет никакого отношения к Индии в собственном смысле слова. Речь идет о «Виндии» (скандинавское Виндлапл) — землях по берегу Балтийского моря между устьями Одера и Эльбы (когда-то они назывались по-славянски Одра и Лаба), где в

VIII—XI веках были государственные и торговые центры западнославянских племен, позднее порабощенных и почти полностью ассимилированных германцами[1].

Едва ли есть основания предполагать, что «Индейское царство» в былине «Вольх Всеславьевич» означало реальную Индию. Часто говорят в связи с этим об одном византийском сочинении об Индии, появившемся в XII веке, из которого будто бы и заимствовала свое «Индейское царство» древняя былина. Но это сочинение пришло на Русь в XIII или даже в XIV веке, когда былина давно уже существовала. Как же первоначально называлось в ней то «царство», правитель которого

А хвалится-похваляется,
Хочет Киев-град за щитом весь взять?..

Есть все основания полагать, что речь шла об «Иудейском царстве», и лишь впоследствии, когда о хазарах стали забывать, оно было по созвучию заменено на «Индейское царство». В той среде русских людей XVIII века, которая хранила и памяти эту былину, само существование некоего «Иудейского царства» было, по-видимому, чем-то маловероятным. Правда, в другой среде, в которой записывал произведения устного народного творчества знаменитый собиратель П.И. Якушкин (1822—1872), сохранялся еще и в XIX веке «приобретший чисто былинную форму духовный стих»[2], где повествуется, как

Со восточный стороны Приступает царь иудейския...[3]

[1] См.: *Вилинбахов П.В., Энговатов Н.Б.* Где была Индия русских былин? Кн.: Славянский фольклор и историческая действительность. — М., 1965.

[2] *Соколов Б.М.* Русский фольклор. — М., 1941. С. 287.

[3] Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи П.И. Якушкина. Т. 1. — Л., 1983. С. 226.

VI. Духовный стих «Егорий Храбрый»

Наконец, еще одно произведение — «Егорий Храбрый» (это народное наименование святого Георгия Победоносца). Его обычно относят не к былинам, а к другому жанру — духовным стихам. Однако, как писал один из виднейших исследователей народного творчества Б.М. Соколов, «в живом устном бытовании духовные стихи эпического склада... не отделяются от былин и идут под общим названием «старин»... Вторую часть стиха о подвигах Егория на Руси мы склонны объяснить как некогда самостоятельно существовавшую на Руси песню-былину о насаждении на Руси православия...»[1]

О том же говорит и современный исследователь: «Былины изображают приключения людей необыкновенных... Жизнь некоторых святых... была тоже необыкновенна, полна подвигов не только моральных, но и воинских... Естественно, что описываться эти события стали родственными им былинными приемами, образовав близкие былинам духовные стихи»[2].

Святой Георгий Победоносец, совершавший свои подвиги еще во времена антихристианской политики Римской империи, в конце III — самом начале IV века, очень рано стал любимым народным (и, в частности, воинским) героем во множестве стран, куда только проникало христианство. Окончательное принятие христианства на Руси совершилось, как известно, лишь в 988 году. Однако столь же достоверно известно, что определенная часть населения Руси приняла христианство еще в 860-е годы, то есть более чем на столетие ранее,

[1] *Соколов Б.М.* Русский фольклор. Вып. 1. — М., 1929. С. 72, 75.

[2] Ежегодник «Русский фольклор». Вып. XVII. — Л., 1977. С. 41.

причем, как считали и считают отдельные историки, тогдашнее крещение русских совершил сам святой Кирилл — общеславянский просветитель.

Позднее Русь — по-видимому, неоднократно — оказывалась в подчинении Хазарского каганата, который крайне враждебно относился к победам христианства. Известно, например, что, разгромив в 932 году аланское войско, Хазарский каганат заставил алан отказаться от принятого ими ранее христианства (впоследствии аланы вновь обратились к этой религии)[1]. Естественно сделать вывод, что, побеждая (не единожды) в войнах с Русью, Хазарский каганат стремился подавить в ней христианство.

«Егорий Храбрый» именно об этом и свидетельствует — пришедший «из земли жидовския» «царища Мартемьянища» требует от Егория:

Ты не веруй самому Христу,
Самому Христу, царю небесному...

В тексте «Егория Храброго», записанном от знаменитой архангельской сказительницы М. Д. Кривополеновой (1844—1924)[2], «царищо», зовущийся здесь «Демьянищо», вопрошает Егория:

Уж ты веруешь ли веру жидовьскою,
Уж ты молишься ли богам нашим?[3]

Георгий Победоносец, к народному преданию о котором восходит русский герой Егорий Храбрый, боролся вовсе не с царем «земли жидовской», а с римским императором-кесарем. И сюжет русского сказания «Егорий Храбрый» может быть объяснен

[1]См.: *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. — Орджоникидзе (Владикавказ), 1984. С. 116, 117.

[2]Все, что она исполняла, она узнала от своего деда по материнской линии И. Кобалина, который начал жизнь еще в XVIII веке.

[3]См.: *Озаровская О.Э.* Бабушкины старины. — М., 1922. С. 83.

только реальным историческим конфликтом Руси и Хазарского каганата.

Кстати сказать, и в былинах об Илье Муромце неизменно говорится о его борьбе за христианство, за православие. Это может показаться странным, если считать (как некоторые делают), что христианство стало играть большую роль на Руси лишь после 988 года. Однако из «Повести временных лет» известно, что уже в 940-х годах в Киеве имелось несколько церквей, ибо летописец говорит о соборной (то есть главной) киевской церкви святого Ильи. Замечательно, что главной на Руси в середине X века была церковь именно в честь Ильи; это, без сомнения, по-своему объясняет главенствующую роль Ильи Муромца в русском богатырстве.

Характерно, что преемник Владимира Святославича Ярослав (Георгий) Мудрый дал имя Илья своему старшему сыну, который бы наследовал его власть, если бы не умер юным. Наконец, в Киево-Печерской лавре есть загадочное для нас погребение «угодника Ильи Муромца». Едва ли можно предполагать, что это сам богатырь, ибо лавра была основана в 1051 году и, если бы даже и существовал реальный богатырь Илья Муромец, он не мог бы дожить до этого времени. Вероятнее другое: некий монах получил такое прозвание; но это должно свидетельствовать, что богатырь был православным христианином (каким он и является в подавляющем большинстве былин).

Что же касается образа Егория — Георгия, о раннем его высоком признании свидетельствует тот факт, что Владимир во время крещения Руси в 988 году дал своему сыну-преемнику, будущему Ярославу Мудрому, христианское имя Георгий, с которым он и вошел в публикуемое в этой книге «Слово о Законе и Благодати» (1049) киевского митрополита Илариона.

Итак, «былинный» духовный стих «Егорий Храб-

рый» запечатлел борьбу с Хазарским каганатом: иное его истолкование было бы попросту натяжкой (ибо позднее Руси не приходилось бороться с царями «из земли жидовской»).

«Егорий Храбрый» печатается здесь по записи, сделанной почти 160 лет назад, в 1830-е годы, самим Владимиром Ивановичем Далем на Урале, около Екатеринбурга; запись эта была опубликована в 1859 году в сборнике, подготовленном и изданном крупнейшим фольклористом Л.Н. Афанасьевым, — «Народные русские легенды».

Итак, в этой книге публикуются только три произведения русского народного эпоса, но они как бы дают ключ ко всему богатейшему наследию былинного творчества (имеются в виду героические былины). Как уже говорилось, основное ядро былинного эпоса сложилось как воссоздание более чем полуторавековой борьбы с Хазарским каганатом.

В заключение стоит отметить, что новейшие достижения наших археологов (ведущую роль здесь сыграла С.А. Плетнева) вполне уместно сравнить с открытиями европейских археологов, начиная со знаменитого Генриха Шлимана, «раскопавших» считавшуюся чисто мифической Трою, войны с которой породили древнегреческий героический эпос — «Илиаду» и «Одиссею». Точно так же открытые археологами хазарские крепости (со всем их описанным выше окружением) на границах Руси доказали реальность битв, воссозданных в русских героических былинах.

VII. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона

Митрополит Иларион — великий писатель, мыслитель, церковный и государственный деятель Древней Руси. Он родился, по-видимому, еще в конце

X века, при князе Владимире и, возможно, лично знал его, ибо в своем «Слове» говорит о нем как о близком ему лице. Достоверно известно, что при Ярославе Мудром, правившем с 1016 по 1054 год (с небольшим перерывом), Иларион был священником дворцовой церкви, затем епископом, а с 1051 года — митрополитом Киевским. Он основал главный тогдашний центр русской культуры — Киево-Печерскую лавру, вместе с Ярославом составил основополагающий правовой кодекс — «Устав князя Ярослава», заложил начало русского летописания, принимал участие в создании главного храма Руси — Святой Софии и т. д.

В 1049 году Иларион написал и 26 марта произнес перед собранием наиболее просвещенных киевлян свое «Слово о Законе и Благодати», к которому примыкает его «Молитва», по всей вероятности, также прозвучавшая тогда. Обращаясь к своим современникам-киевлянам — внукам Святослава и его воинов, Иларион взывал от их имени к Богу:

И доколе ж стоит мир,
не наводи на нас напасти искушения,
не предай нас в руки чуждых.
Да не прослывет град твой плененным,
а стадо твое — пришельцами в земле не своей...

И слушателям Илариона было без каких-либо пояснений понятно, что речь идет о хазарском «пленении» Киева. Но сейчас, по прошествии почти тысячелетия, в «Слово» Илариона уже приходится внимательно вдумываться. Об этом писал в 1960-х годах виднейший историк М. П. Тихомиров. Ссылаясь на слова Илариона о том, как

Вера благодатная по всей земле распространилась и до нашего народа русского дошла. И озеро Закона пересохло, евангельский же источник наводнился...

и о том,

Как отошел свет луны, когда солнце воссияло, Так и Закон — пред Благодатью явившейся. И стужа ночная побеждена, Солнечная теплота землю согрела, —

М.Н. Тихомиров отметил, что современнику «были понятны намеки Илариона на близкую ему действительность, что он считает ночным холодом и солнечной теплотой... В этих словах Илариона заключается противопоставление Хазарского царства Киевской Руси. Иссохшее озеро — это Хазарское царство, где господствовала иудейская религия, наводнившийся источник — Русская земля»[1].

В самое последнее время о том же написал филолог и историк культуры с мировой известностью — В.П. Топоров. Определяя «основную идею первой части» творения Илариона, исследователь отмечает: «Речь идет о полемике с иудейством, основной пункт которой для автора «Слова о Законе и Благодати» заключался в доказательстве превосходства христианства... Видно, что в мысли Илариона было не какое-то далекое, давно прошедшее иудейство... При допущении живых контактов с иудейством в Киеве X—XI вв. прежде всего возникает вопрос об источниках иудейства в этом месте и в это время. В настоящее время не приходится сомневаться в его хазарском происхождении. Прогресс в изучении хазар и их государства помогает осветить и этот вопрос... Вырисовывается такая ситуация в Киеве IX—X вв. (во всяком случае, в первой половине X в.), которая характеризуется наличием в городе хазарской администрации и хазарского гарнизона... Н.С. Трубецкой в свое время проницательно указал на актуальность иудаизма в Киеве в XI в. (связываемого им с пропагандой хазарских евреев) и полемики против него в «Слове о Законе и Благодати...»[1].

[1] *Тихомиров М.П.* Русская культура X—XVIII вв. — М., 1998. С. 131, 132.

«Слово» митрополита Илариона — исключительно богатое смыслом творение, и его не так легко освоить и понять. Иларион с самого начала противопоставляет иудаистскому Закону, господствовавшему в Хазарском каганате, Христову Благодать. Закон когда-то открылся — через пророка Моисея («Закон, Моисеем данный») еврейскому народу, народу древнего Израиля. Он был дан как «предуготовление истине и Благодати»:

Да обыкнет в нем человеческое естество, от многобожия идольского уклоняясь, в единого Бога веровать.

Но когда Благодать явилась в Христе, большинство иудеев не приняло Его:

Ибо иудеи о земном радели, христиане же — о небесном.

Их самоутверждение иудейское скупо от зависти, ибо не простиралось оно на другие народы, оно стало лишь для иудеев.

И потому пришел Спаситель и не был принят израильтянами.

Напряженность и остроту полемики с иудействомв «Слове» митрополита Илариона просто невозможно понять, если не видеть в этом своего рода «продолжение» борьбы с порабощавшим сравнительно недавно Русь Хазарско-иудейским каганатом.

Выше отмечалось, что в «Повести временных лет» о хазарах говорится кратко и «спокойно». Но к 1110-м годам, когда составлялась «Повесть», про-

[1] Имеется в виду изданная посмертно во Флоренции в 1973 г. книга выдающегося филолога и культуролога Н.С. Трубецкого (1890—1938) «Лекции о древнерусской литературе».

шло уже полтора столетия со времени похода Святослава на Итиль. А «Слово» митрополита Илариона слушали или, по крайней мере, могли слышать внуки и даже младшие сыновья тех воинов, которых вел Святослав (этим воинам, допустим, было тогда, в середине 960-х годов, по двадцать лет; поздние сыновья их могли родиться в конце 990-х годов и стать зрелыми мужчинами к 1049 году, когда Иларион произнес свое «Слово»). А память внуков о делах дедов (не говоря уже о памяти сыновей) обычно еще всецело свежа.

Поэтому Илариону не нужно было в своем «Слове» упоминать о Хазарском каганате — тем более что он, говоря о Владимире (по христиански Василий) и Ярославе (Георгий), называет их «каганами» — то есть высоким (имперским) титулом, перешедшим к киевским князьям после упразднения ими итильского каганства.

В конечном счете можно сказать, что Иларион в своем «Слове» как бы утверждает русское христианство (и его государственность) на развалинах, на руинах поверженного хазарского иудаизма и его государственности.

Подчас у иных читателей вызывает недоумение тот факт, что первоначальное христианство воздвигалось именно в Иерусалиме, который был центром, средоточием иудаизма. Этим людям представляется, что христианство могло и должно было родиться где-нибудь в другом месте, на некоей «нейтральной» почве. Но это, если вдуматься, ничем не оправданное «предположение», ибо христианство, возвестившее устами апостола Павла, что «нет различия между Иудеем и Еллином, потому что один Господь у всех... Неужели Бог есть Бог Иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников» («Послание к Римлянам», гл. 10, стих 12; гл. 3, стих 29), должно было утвердиться именно на отрицании иудаистской концепции одного «избранного народа»[1].

И митрополит Иларион (кстати сказать, опиравшийся в своем «Слове» прежде всего на ряд «Посланий» апостола Павла) как бы заново «повторил», «воскресил» ситуацию рождения первоначального христианства, утверждая христианскую Русь на отрицании иудаистской Хазарии...

VIII. О фрагментах из трактата Л.Н. Гумилева «Древняя Русь и Великая Степь»

Лев Николаевич Гумилев — интереснейший современный историк и мыслитель. Он, сын поэтов Николая Гумилева и Анны Ахматовой, сформировался в атмосфере высокой и вольной мысли. В своих работах он так или иначе развивает идеи сложившейся после 1917 года в эмиграции замечательной школы русских историков (Г.В. Вернадский, С.Г. Пушкарев, Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий и др.), которые называли себя «евразийцами».

Из книги Л.Н. Гумилева, изданной в 1989 году, отобраны фрагменты, относящиеся к истории взаимоотношений Руси и Хазарского каганата. Должен признаться, что с некоторыми суждениями и идеями Л.Н. Гумилева я не согласен и мог бы их оспорить. Но, как я полагаю, иной взгляд, иная оценка той столь уже давней эпохи расширит кругозор читателей, поможет им обрести более объемное, более многостороннее представление об этой эпохе.

[1] Важно знать, что суждения апостола Павла в наше время постоянно перетолковываются, по сути дела фальсифицируются: их толкуют как некое оправдание иудаизма. Между тем они направлены именно против иудаизма, согласно которому Бог «принадлежит» только одному народу.

Когда речь идет о событиях и лицах тысячелетней (и более) давности, их воссоздание в историческом труде неизбежно имеет черты гипотезы, предположения, вероятности. И здесь очень важны, даже необходимы разные гипотезы; в конце концов, убедительно то представление об отдаленном прошлом, которое исходит из ряда различных его «картин» и стремится увидеть в этих «картинах» нечто наиболее существенное — то, в чем они объединяются. Именно потому в эту книгу о «хазарском» периоде истории Руси включены и фрагменты из трактата Л.Н. Гумилева.

Но, конечно, следует прежде всего вглядеться в те поэтические творения, которые так или иначе запечатлели в себе события и атмосферу отделенной от нас целым тысячелетием исторической эпохи.

ВОПЛОЩЕНИЕ В РУССКОМ СЛОВЕ «ГЕРОИЧЕСКОГО ПЕРИОДА» ИСТОРИИ РУСИ

Публикуется по изданию: Кожинов В.В. История Руси и русского Слова. (Опыт беспристрастного исследования). — М., «Алгоритм», 1999.

> «...удивляюсь, как мог Карамзин написать так сухо первые части своей «Истории», говоря об Игоре Святославе. Это героический период нашей истории».
>
> *Пушкин, 1827 год*

И бытие, и сознание любого народа уходят своими корнями в «доисторические» времена, длившиеся тысячелетиями. Это с очевидностью пред-

стает, например, в содержании русского героического эпоса — богатырских былин, которые являют собой ценнейшую часть начальной стадии развития национальной культуры. Один из ярких исследователей этого эпоса (более известный как создатель выдающихся исторических романов) Дмитрий Балашов полагает, что истоки тех или иных былин восходят еще к V—III векам (или даже к VII (!) веку[1] до нашей эры, хотя и делает существенную оговорку: «История военных славян археологами прослежена пока в глубь времени лишь до IV в. н. э. Далее начинается область гипотез». (Там же, с. 17.)

Русский героический эпос, конечно же, вобрал в себя те или иные образы и мотивы, сложившиеся еще в общеславянскую, праславянскую и даже дославянскую (общеиндоевропейскую) эпохи, то есть за много столетий до того времени, когда эпос этот действительно стал формироваться. Но вместе с тем едва ли можно оспорить, что необходимо все же разграничивать эпос в собственном смысле слова и те элементы сознания и творчества, которые предшествовали его формированию, а войдя в него, обрели совсем уже иной смысл и значение.

Известнейший современный специалист в области исторической теории эпоса, давно вписавшийся во всемирный контекст этой теории, Е.М. Мелетинский (между прочим, отнюдь не принадлежащий к «патриотическому» направлению), основательно доказывает, что «героический эпос в отличие от народной сказки тяготеет к историческим, национальным, государственным масштабам. Его история тесно связана с процессом формирования народностей и древнейших государств... Эпос... наполнен... патриотическим пафосом. В частности,

[1] *Балашов Д.М.* Из истории былинного эпоса. Святогор. — В кн.: Русский фольклор. Вып. XX. Фольклор и историческая действительность. — Л., 1981. С. 20.

мифологические образы (по мере того как племенное сознание в связи с этнополитической консолидацией поднимается до государственного и национального) постепенно вытесняются историческими. Поэтому эпос в известном смысле всегда историчен. Даже в мифологических образах эпос выражает народный взгляд на историю...»[1]

Поэтому речь должна идти о взаимосвязи, о единстве понятий (и, конечно, запечатленных в этих понятиях реальностей): 1) героического эпоса как явления *культуры*, 2) *государственности*, немыслимой без идеи патриотизма, и, наконец, 3) *истории* в собственном смысле слова. Рождение героического эпоса нераздельно связано с возникновением государственности (пусть хотя бы в ее зачатках), но ведь и история как таковая начинается только вместе с началом государственности. До этого момента жизнь человеческой общности (племени или даже группы племен) может являться, строго говоря, предметом *этнографического,* но не собственно исторического знания. Ибо, лишь обретая государственность, человеческая общность становится полноценным *субъектом* истории, или, если выразиться более торжественно, ее *творцом*.

Дальнейшее освещение нашей темы — история Руси и русского Слова — не может не быть нераздельно связано с освещением проблемы героического эпоса, ибо этот эпос (что можно бы подтвердить бесчисленными ссылками и на факты, и на выводы авторитетных исследователей) — наиболее *раннее* подлинно существенное воплощение начавшейся *истории* народа — воплощение ее в *слове* и, если ставить вопрос более широко, в культуре. Эпос ясно свидетельствует, что *история* народа началась; но верно и обратное умозаключение — начало истории закономерно подразумевает рождение героического эпоса.

[1] *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. — М., 1963. С. 423.

Когда же началась русская история как таковая? Прежде чем пытаться ответить на этот вопрос, целесообразно обратить взгляд к времени вполне очевидного и мощного воплощения русской истории — эпохе Ярослава Мудрого, правившего в Киеве с 1016 по 1054 год (с небольшим перерывом в 1018—1019 годах из-за междоусобной войны) и носившего титулы цесаря и кагана, приравниваемые к императорскому. Какова Русь этой эпохи?

Огромная, особенно по тогдашним меркам, государственная территория, простиравшаяся с севера на юг от Белого до Черного моря и с запада на восток от речного бассейна Вислы до Камы. Развитые и прочные международные отношения и связи (что выразилось, в частности, в брачных союзах семьи Ярослава с правящими династиями Византии, Германии, Франции, Англии, Венгрии, Польши, Швеции, Норвегии). Обилие крупных по тем временам городов: Киев, уступавший тогда по величине (в Европе) только византийскому Константинополю и арабской Кордове, а также Чернигов, Переславль-Русский, Галич, Туров, Владимир-Волынский, Полоцк, Витебск, Смоленск, Муром, Ростов, Суздаль, Новгород, Псков, Юрьев (ныне — Тарту), Ладога и другие города (в том числе и отдаленная Тмутаракань у устья Кубани), которые в последнее двадцатилетие правления Ярослава Мудрого были прочно связаны с центральной, киевской властью, осуществляя ее волю на окружающих их территориях.

О военной мощи Ярославовой Руси ясно свидетельствует тот факт, что в 1036 году были наголову разбиты напавшие на Киев печенеги — те самые печенеги, которые полтора века со времени их появления в причерноморских степях (889) атаковали многие соседние земли и народы.

Чрезвычайно внушительно культурное творчество этой эпохи. Ведь еще и сегодня покоряют своим величием воплотившие в себе многообразные человеческие усилия и устремления соборы Святой Софии в Киеве (1037) и в Новгороде (1050), духовная и просветительская деятельность Киево-Печерского монастыря (деятельность эта ярко воссоздана в составлявшемся начиная с XI века «Киево-Печерском патерике» и «Повести временных лет»), исполненное глубины смысла и совершенства стиля «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, проникновенное «Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу». (Иногда это произведение датируют более поздним временем, но один из наиболее авторитетных его исследователей, С.А. Богуславский, относил его ко времени Ярослава Мудрого, которое в определенных отношениях являет собой непосредственный прообраз великой русской литературы XIX века, о чем еще пойдет речь.) Наконец, дошла до нас — пусть и с позднейшими наслоениями — воплощенная в слове правовая, законодательная воля эпохи Ярослава, установившая основы государственного, церковного, общественного строя («Правда Ярослава», ставшая фундаментом «Правды Русской», устав о церковных судах и т. п.).

Все перечисленное, разумеется, только часть из того, что представляла собой Русь в середине XI века. Но сотворение зрелой государственности и культуры, а следовательно, творчество самой Истории в ее полновесном значении, запечатлелось даже и в названных явлениях со всей осязаемостью.

Более того, эпохе Ярослава присущи не столь уж характерные для русской истории черты «законченности», отчеканенной воплощенности, завершенности. Это было понятно ее современникам. Так, митрополит Иларион в своем «Слове», обращаясь к духу крестителя Руси Владимира, говорит именно о «воплощающем», завершающем значении деяний его сына Ярослава:

Его ведь сотворил Господь
наместником тебе,
твоему владычеству,
не рушащим твоих уставов,
но утверждающим...
не искажающим,
но завершающим,
что недокончено тобой
заканчивающим...
Он дом Божий великий
Его Святой Премудрости создал...
И славный город твой Киев
величеством, как венцом, облек[1]...

И эта воплощенность эпохи внятно воспринимается нами еще и сегодня, почти через тысячелетие... А ведь между тем, углубляясь во времени от начала расцвета Ярославовой державы (1030-е годы) всего лишь на столетие — да и даже только на полстолетия! — назад, мы не обнаруживаем подобных воплощений, «кристаллов» исторического (государственного и культурного) творчества. И истинное великолепие Ярославовой Руси может показаться возникшим словно бы из ничего — как некое чудо.

Есть, впрочем, «простое» объяснение, особенно характерное для зарубежной историографии: все или почти все историческое величие Руси XI века создано, мол, не «туземцами», а Византией, — как и на целом ряде других территорий вокруг Черного моря, испытавших воздействие этой империи, которая с точки зрения зрелости государственности и культуры не просто превосходила все тогдашние страны Европы и Передней Азии (кстати сказать, Арабский халифат к тому времени уже находился в

[1] Здесь и далее перевод на современный язык В.Я. Дерягина.

состоянии распада), но обладала в этих аспектах принципиально иным уровнем, ибо была, в частности, единственной прямой наследницей античного мира.

Роль византийской, или, вернее, восточнохристианской, государственности и культуры в развитии Руси, разумеется, неоспоримо велика. Но нельзя забывать, что в отличие от всех земель вокруг Черного моря, которые входили в Византийскую империю (как Балканы, Крым, Закавказье), Киев отделяло от ее границы шестисоткилометровое пространство. И восточнохристианские ценности не «насаждались» на Руси самой империей (как в землях вокруг Черного моря), но усваивались, так сказать, по собственной воле Киева.

Что же касается присоединенных к Византии земель, непосредственно окружающих Черное море, то, несомненно, сами византийцы (в частности, их многочисленные войска) создавали здесь и тело и душу государственности и культуры. Между тем на Руси воля к созиданию исходила все же от «туземцев», приглашавших тех или иных «специалистов» из империи (о чем не раз сообщается в древнерусских письменных памятниках) и, с другой стороны, постоянно отправлявшихся в далекие византийские города и монастыри, чтобы брать уроки государственного и культурного созидания.

Ситуация эта в конечном счете вполне подобна той, которая существовала в отношениях России и Западной Европы в XVIII—XIX веках. И до сих пор живуче, особенно за рубежом, мнение, согласно которому новая, послепетровская Россия была-де попросту «пересажена» с Запада. Но сегодня эта «концепция» неспособна выдержать сколько-нибудь серьезное обсуждение...

Столь же легковесны и попытки объяснить самую основу расцвета Руси в первой половине XI века влиянием Византии — влиянием, которое ведь ни

в коей мере не сказалось, например, на племенах, обитавших между Русью и Византией, подчас на самой границе последней, и имевших с ней длительные взаимоотношения — таких, как приазовские («черные») болгары, печенеги, угры, половцы и т. п. Из этого следует заключить, что Русь только в силу собственного развития, только благодаря определенной зрелости своей собственной государственности и культуры могла полноценно воспринять византийский опыт.

Однако об этом еще пойдет речь. Итак, очевидная, осязаемая кристаллизация мощной государственности и высокой культуры, присущая Ярославовой эпохе, вроде бы резко контрастирует с образом Руси столетней давности (то есть, скажем, 930—940-х годов), от которой до нас дошли только не имеющие четкого, вполне определенного смысла археологические материалы и в значительной мере также смутные устные предания, записанные полутора-двумя столетиями позднее, в начале 1110-х годов (или, по крайней мере, во второй половине XI века) в «начальной» русской летописи. Гипотеза о существовании зачатков летописания еще в конце X века остается гипотезой, — и не очень убедительной.

И все же исторические свершения, явленные на Руси к середине XI века, никак не могли возникнуть на пустом месте. Им неизбежно должно было предшествовать достаточно долгое, деятельное и богатое народное бытие, породившее ту, несомненно, громадную историческую энергию, которая обрела не только «предметное», но и поистине монументальное, сохранившееся и до наших дней воплощение в эпоху Ярослава.

Историография и археология за последние десятилетия во многом расширили и углубили представления о жизни Руси до XI века, — в частности, и тем, что подтвердили и конкретизировали немало

выдвинутых ранее, но не получивших полного признания воззрений и концепций.

Выше говорилось о несравненной объективности и чуткости исторического мышления Пушкина. Известно, что он внимательнейшим образом изучал и очень высоко ценил «Историю государства Российского» Карамзина. Пушкин рассказывал, как в феврале 1818 года, сразу же после выхода в свет первых восьми карамзинских томов, он «прочел их... с жадностию и со вниманием... Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Коломбом».

Но прошло около десяти лет, и 16 сентября 1827 года Пушкин заметил: «Удивляюсь, как мог Карамзин написать так сухо первые части своей «Истории», говоря об Игоре, Святославе. Это героический период нашей истории».

Еще через девять лет, 19 октября 1836 года, Пушкин возражает Чаадаеву, который склонен был недооценивать героику ранней русской истории, полемически сопоставляя последнюю с героической «юностью» Западной Европы.

«Это пора великих побуждений, великих свершений, великих страстей у народов... — утверждал в первом своем «Философическом письме» Чаадаев. — Это увлекательная эпоха в истории народов, это их юность... Мы, напротив, не имели ничего подобного... Поры бьющей через край деятельности, кипучей игры нравственных сил народа — ничего подобного у нас не было».

Пушкин решительно оспаривает этот «приговор»: «Войны Олега и Святослава... — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой... деятельности, которой отличается юность всех народов?» И в другом варианте письма Чаадаеву: «Завоевания Олега (Пушкин написал здесь и затем зачеркнул имена Рюрика и Игоря. — *В.К.*) стоят завоеваний Норманнского Бастарда[1]... Юность России весело прошла в набегах Олега и Святослава... следствием того брожения и той активности, свойственные юности народов, о которых вы говорите».

Пушкин в силу обстоятельств (официальное осуждение чаадаевского сочинения) не отправил и даже, видимо, не завершил цитируемое письмо, но известно, что он собирался подкрепить свое понимание сторонним, западноевропейским мнением; сохранилась его запись: «Мнение Шлецера о русской истории — NB. статья Чаадаева»[2]. Здесь же Пушкин указал ту страницу из введения к трактату А.Л. Шлецера «Нестор. Русские летописи на древлеславенском языке...» (первый том его вышел в Петербурге в 1809 году в переводе на русский язык), на которой выражено «мнение» германского историка.

Август Людвиг Шлецер (1735—1809) — один из первых серьезных западноевропейских историков Руси, в 1761—1767 годах деятельно работавший в русских архивах. Вернувшись в Германию, он сразу же, в 1767 году, опубликовал работу «Probe russische Annalen» («Опыт о русских летописях»), некоторым положениям коей придавал столь существенное значение, что через тридцать пять лет процитировал их во введении к своему главному труду «Nestor...» (1802). Одно из этих положений и выделил Пушкин в русском издании «Нестора» как многозначительное мнение иностранного историка. Шлецер писал, что начальная история России «чрезвычайно важна по непосредственному своему влия-

[1] Норманнский Бастард — внебрачный сын норманна (то есть в древнерусском словоупотреблении — «варяга») Роберта Дьявола, Вильгельм Завоеватель (1027—1087), ставший в 1066 году королем Англии.

[2] Пушкин А.С. Полн. собр. соч., т. 12. — М., 1949. С. 208.

нию на всю прочую, как европейскую, так и азиатскую, древнюю историю»[1].

Так полагал германский историк, обладавший преимуществом не только стороннего, то есть объективного, но и (это необходимо осознать) первооткрывательского — с точки зрения Запада — и еще не затемненного всякого рода предубеждениями взгляда на историю Руси. Но правильнее будет оставить решать вопрос о важности «непосредственного влияния» русской истории на развитие других стран и Европы, и Азии самим этим странам, то есть их историкам. Хочу подчеркнуть другое: история Руси действительно с самого ее начала была тесно сплетена с историей и соседних, и более или менее отдаленных (как та же Византия) стран и народов. Это сплетение, эта связь наглядно выступает, о чем уже шла речь, в эпоху Ярослава, но она стала существеннейшей реальностью русской истории гораздо раньше, уже в IX веке.

Дошедшие до нас сведения различных источников дают все основания утверждать, что государственность Руси почти с самого своего рождения выходит на широкую мировую арену, на простор тогдашней западноевразийской Ойкумены — от Скандинавии до Багдада и с запада на восток от Испании до Хорезма. И это, без сомнения, определило последующие судьбы Руси, и в частности ту ее величавую державность, которая столь явственно воплотилась в бытии и сознании Ярославовой эпохи.

Когда ближайший сподвижник Ярослава митрополит Иларион говорил об Игоре, Святославе и Владимире, что они «не в худой и неведомой земле владычествовали, но в Русской, что ведома и слы-

[1] *Шлецер А.Л.* Нестор. Русские летописи на древлеславенском языке, сличенные, переведенные и объясненные... Ч. 1. — СПб., 1809. С. XXXIV.

шима всеми четырьмя концами Земли», — это было не просто риторическим оборотом, но констатацией реального положения вещей, сложившегося уже в X веке.

Согласно современным представлениям, славянские племена, ставшие основой Руси, к VIII веку расселились на землях, простирающихся от нижнего течения Днепра до Ладожского озера[1] (оно называлось тогда Великое озеро Нево, а река Нева понималась как своего рода устье этого озера). Существует целый ряд гипотетических концепций, которые по-разному решают вопрос о том, откуда и начиная с какого времени пришли или (есть и такая — ныне, пожалуй, наиболее влиятельная — версия) *возвратились* после долгого отсутствия на эту покрытую лесами, а в южной своей части лесостепную равнину основные насельники Руси.

Однако для изучения нашей темы нет необходимости в освещении этой этнической предыстории; достаточно того, что не позже VIII века (с чем, кажется, соглашаются сегодня все специалисты) основное население будущего русского государства разместилось вдоль указанной линии юг — север и осваивало земли к западу и востоку от этой линии.

Главное движение шло по речному пути (по воде или вдоль берегов): Днепр — верхнее течение Западной Двины — Ловать — озеро Ильмень — Волхов — Ладога. На этом, по тогдашним меркам гигантском, намного более чем тысячеверстном (учитывая кривизну рек и волоков) пути возникали древние селения, сравнительно быстро ставшие укрепленными городами, — Канев, Переславль-Русский, Киев, Вышгород, Чернигов, Любеч, Смоленск,

[1] См. итоги изучения этой темы в трактате: *Седов В.В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. — М., 1982.

Витебск, Новгород, Ладога (или Невогород) и др. В X веке эта основная дорога восточнославянского расселения предстала как «путь из варяг в греки»; следует отметить, правда, что еще ранее, уже в IX веке, сложился «путь из варяг в арабы», Волжский путь[1].

Ко времени прихода славян северную часть этой территории населяли финно-угорские племена, срединную — балтские, южную (лесостепные земли) — тюркские и иранские. Однако нет сведений о значительных и острых конфликтах между пришедшими или же вернувшимися сюда славянами и этими племенами, что может иметь основательное «экономическое» объяснение. Славяне были, как это доказано в последнее время, прежде всего земледельцами и — что нераздельно связано с этим главным занятием — скотоводами (см. хотя бы коллективный труд «Очерки русской деревни X—XIII вв.» — М.,1950). Между тем тогдашние финноугры и балты занимались преимущественно охотой, рыболовством и собиранием природных плодов, а тюрки и иранцы — кочевым скотоводством. И несовпадение жизненно необходимых «экономических» интересов во многом ослабляло возможные столкновения разных племен.

В высшей степени характерно, что *государственность*, складывавшаяся на этой территории, с самого начала была и воспринималась ее создателями как *многонациональная*, или, точнее, многоэтническая. В знаменитом летописном тексте о «призвании варягов» утверждается: «862 год... Сказали руси (то есть в данном случае «варягам» — *В.К.)* чудь, словене, кривичи и весь: земля

[1]См. новейшее исследование этой проблемы: *Дубов И.В.* Великий Волжский путь. — Л., 1989.

наша велика и обильна, а власти[1] в ней нет. Приходите княжить и володеть нами»[2]. Не будем пока касаться вопроса о достоверности и конкретном смысле этого предания; заметим только одно: финские племена чудь и весь выступают в нем как совершенно равноправные инициаторы создания государственности (чудь вообще стоит здесь на первом месте!). И пусть даже перед нами легенда; сообщение летописца (в котором, без сомнения, так или иначе сказались общенародные представления) ясно выражает мысль о том, что его страна по самой своей сути — страна многонациональная. И различные племена и народности совместно действуют в ее истории.

В записи под 907 годом в «Повести временных лет» сказано, что князь Олег идет на Царьград, взяв с собою «множество варягов, и словен, и чуди, и кривичей, и мерю (финское племя. — *В.К.),* и древлян, и радимичей, и полян, и северян...» и т. д. Или в записи под 985 годом: «Пошел Владимир на болгар (речь идет о Волжской Булгарии. — *В.К.)* в ладьях... а торков (южнорусский тюркский народ. — *В.К.)* привел берегом на конях». Такого рода факты постоянны и типичны в истории Руси.

Важно добавить к этому, что люди самого разного этнического происхождения не просто участвовали в истории Руси, но и входили в круг наиболее влиятельных лиц государства. Опираясь на дошедшие до нас свидетельства, М.Б. Свердлов писал о «иноязычной знати» Древней Руси: «На то, что не только младшая, но и старшая дружина (то

[1]Традиционный перевод летописного «наряд» словом «порядок» вызывает сомнение: вернее перевести словами «власть» или «правление», ибо далее говорится: «Да пойдете княжить и володеть нами».

[2]«Повесть временных лет» здесь и далее цитируется в переводе Д.С. Лихачева.

есть немногие наиболее знатные сподвижники князя. — *В.К.*) в XI — XIII вв. были открытыми социальными группами, в которые входили представители разных народов Восточной Европы, указывают имена... (Георгий Угрин, Вяндюк, Кунуй, Улан, Ан-бал Ясин, Чудин, Тукы, Кульмей, Торчин, Шварн, Василий Половчин, Олбырь Шерошевич и другие), причем некоторые из них жили на Руси во втором поколении (Иванко Захарич Козарин, Матвей Шибутович, Юрий Толигниевич)... Основой высокого положения этих людей была служба князю»[1].

М.Б. Свердлов исходит из достоверных письменных источников и поэтому говорит о времени начиная с XI века, но присутствие людей различного происхождения в высшей сфере власти имело место с самого начала, с рубежа VIII—IX веков.

Многонациональная государственность Руси, как обоснованно показали новейшие исследования, начала складываться значительно — на целое столетие или около того — раньше, чем полагало большинство дореволюционных историков, постулаты которых тем не менее продолжают иметь хождение до сих пор. Я имею в виду, в частности, что дата призвания варягов (862) — при всех различных толкованиях самого этого летописного текста — считалась и нередко продолжает считаться начальной датой русской государственности в собственном смысле слова; ей предшествуют, так сказать, уже как бы чисто мифические — «Гостомысловы» и «Киевы» (от князя Кия) — времена.

Между тем достоверно известно, например, — согласно «Анналам» франкского епископа и поэта Пруденция (умер в 861 году), — что официальные послы из Северной Руси (о том, что посольство было именно из Северной Руси, пойдет речь ниже) еще в 838 году — то есть за четверть века до даты призвания варягов — прибыли к византийскому императору Феофилу, правившему с 829 по 842 год. И особенно важно отметить, что сам факт столь далекого посольства несомненно подразумевает *достаточно развитую* государственность.

[1] *Свердлов М.Б.* Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI—XIII вв. — Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XI. — Л., 1979. С. 232, 233.

В самое последнее время, в 1970—1980-х годах, целая плеяда плодотворно работающих археологов и историков обосновала убеждение, что первый исток государственности Руси пробился еще в VIII веке в устье Волхова, в Ладоге.

Этот древнейший (примерно 750-е годы) из известных нам город Руси (до новейшего времени существовало неверное представление о глубокой древности Новгорода, который на деле не старше середины X века — то есть на полтора — два столетия моложе Ладоги[1]), в котором уже в IX веке была воздвигнута *каменная* крепость (совсем недавно открытая и, из известных нам, первая по времени на Руси), с самого начала стал узлом «широких, евразийского масштаба торговых и культурных связей» («Средневековая Ладога...», с. 4), простиравшихся от западноевропейских земель до арабского Востока, — что прочно удостоверено ар-

[1] См., например: *Янин В.Л., Колчин Б.А.* Итоги и перспективы новгородской археологии. — В кн.: Археологическое изучение Новгорода. — М., 1978. С. 5—56. Правда, еще в IX веке существовало поселение, выражаясь современным языком, городского типа на острове вблизи Новгорода, получившее впоследствии название «Рюриково городище». Но это не Новгород (который, вполне вероятно, был наименован «Новым городом» в сравнении с этим, более ранним). Во всяком случае, предание о том, что Рюрик в середине IX века основал именно Новгород, на деле возникший значительно позднее, — вымысел новгородских летописцев. См. обо всем этом превосходное исследование: Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. — Л., 1990.

хеологическими исследованиями монет и предметов прикладного искусства[1]. Наконец, в этой Северной Руси, как явствует и из западноевропейского (германского), и из восточных (арабских и персидских) источников, не позднее 830-х годов, а вероятнее всего ранее, существовал правитель, принявший высокий титул кагана (что будет объяснено в дальнейшем).

Но государственность Руси складывалась несколько позже и на юге, в Киеве. Еще сравнительно недавно князь Кий считался, по сути дела, легендарной фигурой, вымышленной для того, чтобы «объяснить» происхождение названия города Киева. Но это соображение явно неосновательно, ибо именами их созидателей-князей был назван целый ряд городов — Владимир Волынский, Ярославль, Юрьев (по христианскому имени Ярослава), Владимир Залесский (его основал Владимир Мономах) и т. д. Впрочем, в новейших работах Кий не только был признан реальным лицом, но и резко «удревлен» — помещен — как и основание города Киева — в VI или даже V век! Полная несостоятельность такой датировки показана в статье И.П. Шаскольского «Когда же возник город Киев»[2].

К сожалению, И.П. Шаскольский не принял во внимание опубликованную еще в 1960 году работу М.Н. Тихомирова «Начало русской историографии»,

[1]Речь идет о таких исследователях, как О.И. Давида, И.В. Дубов, А.Н. Кирпичников, Г.С. Лебедев, Д.А. Мачинский, Р.С. Минасян, В.А. Назаренко, Е.Н. Носов, С.Н. Орлов, В.П. Петренко, Е.А. Рябинин и др.; см., например, сборники статей и материалов: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего Средневековья. — Л., 1982; Новое в археологии Северо-Запада СССР. — Л.,1985; Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. — Л., 1985; Историко-археологическое изучение Древней Руси. Истоки и основные проблемы. — Л., 1988 и др., а также книги названных исследователей.

[2]В кн.: Культура Средневековой Руси. — Л., 1974. С. 70—72.

в которой убедительно датировано время правления Кия.

Известно, что хронология истории Руси IX—X веков в начальных летописях вызывает великое множество сомнений. Но в летописной хронологии есть и более надежный пласт — постоянно сопоставляемые с историей Руси даты византийской истории тех времен, которая, вполне понятно, излагалась в имевшихся в распоряжении русских летописцев византийских хрониках (некоторые из них были к XI веку уже переведены на церковно-славянский язык) с гораздо большей хронологической точностью, нежели история Руси (поскольку ее события IX—X вв. были известны летописцам XI — начала XII века только по устным преданиям). Из сопоставления с историей Византии и исходил М.Н. Тихомиров:

«Новгородская и Устюжская летописи, — писал он, — относили годы жизни Кия к периоду царствования Михаила в Византии, так как первые сведения о Руси, найденные в византийских хрониках, касались царствования Михаила (842—867 гг. — *В.К.*). Однако такое сопоставление было сделано не очень грамотными компиляторами, в силу чего матерью императора Михаила названа Ирина, а не Феодора». Но, продолжает М.Н. Тихомиров, «спутать имена Феодоры и Ирины было не так просто, и можно предположить, что путаница произошла оттого, что именно Ирина упоминалась в первоначальном тексте... К ее времени первоначально приурочивали рассказ об основании Киева... Этим отдаленным временем для летописца было царствование императрицы Ирины, то есть примерно 780—802 гг.»[1]. Добавлю от себя, что императрицы Ирина (правила в 780—802 годах) и Феодора (842—856) могли быть «перепутаны» в особенности потому, что обе славились как «иконопочитательни-

[1]*Тихомиров М.Н.* Русское летописание. — М., 1979. С. 52, 53.

цы», решительно отвергнувшие господствовавшее перед их правлениями в Византии «иконоборчество».

В упомянутой выше статье И.П. Шаскольского доказывается, что археологические исследования позволяют датировать основание Киева (в частности, окружавший древний город глубокий ров на Старокиевской горе) именно концом VIII века (с. 71); город и был, по мысли И.П. Шаскольского, создан «формирующимся южнорусским государственным образованием конца VIII — начала IX в.». (С. 72.)

Исходя из этого, начало государственности (а, следовательно, и самой истории) Руси следует датировать рубежом VIII—IX веков, притом истоки ее пробиваются и на севере и на юге Руси. Последующее развитие показывает, что северный исток был, так сказать, сильнее, ибо именно оттуда пришла и прочно утвердилась в Киеве династия Рюриковичей.

В июне 1868 года Тютчев, который великолепно знал историю и вместе с тем обладал уникальным, «вещим» историческим чутьем, писал, проплыв на пароходе по Волхову от Ладоги до озера Ильмень: «Весь этот край, омываемый Волховом, это начало России... Среди этих беспредельных, бескрайних величавых просторов, среди обилия широко разлившихся вод, охватывающих и соединяющих весь этот необъятный край, ощущаешь, что именно здесь — колыбель Исполина...»

В дальнейшем будут так или иначе очерчены этапы истории Древней Руси и, в частности, последовательность основных княжений. Но все же целесообразно наметить предварительно главные вехи. Правда, сразу же встает вопрос об отсутствии выверенной хронологии, точного знания о времени правления ранних князей. Известный историк А.П. Новосельцев писал недавно, что в истории Руси имеет место «ненадежность летописной хронологии практически до времен Владимира и даже

отчасти первых лет его правления. На это неоднократно обращали внимание исследователи, однако из-за ограниченности параллельных материалов серьезных попыток исправить летописную хронологию, по сути дела, не было»[1].

Уже шла речь о времени правления летописного князя Кия (конец VIII — начало IX века). Известно, что затем в Киеве правили его потомки, и, по-видимому, в середине IX века с севера пришел и стал князем Аскольд (более туманна фигура князя Дира, который был или соправителем Аскольда, или же княжил в другое, хотя и близкое время). Далее, опять-таки с севера, пришел Олег, объединивший Ладожскую и Киевскую государственность.

Что касается Ладоги, то там, как известно из германской хроники того времени, уже в 830-х годах существовало достаточно развитое государство во главе с русским *каганом* (см. об этом ниже), а не позднее середины IX века правил известный всем князь Рюрик, от которого и пришли в Киев Аскольд и затем — согласно летописной дате, в 882 году, — Олег. Образ Олега в летописях явно «раздваивается»: он предстает то как воевода, то как верховный правитель, великий князь; есть в летописях различные даты и обстоятельства смерти Олега (вероятнее, двух людей с одним именем) и т. п. Ко всему этому мы еще вернемся, пока же выдвину гипотезу, что был Олег, правивший в конце IX — начале X века, и другой Олег, чье правление приходится, по-видимому, на 910—930-е годы.

Далее перед нами предстает уже вполне «достоверный» князь Игорь, погибший в конфликте с древлянами в 944 или 945 году и оставивший молодую вдову Ольгу и малолетнего сына Святослава. Правителями становятся и Ольга (скончалась в 969 г.), и — по мере взросления — Святослав, по-

[1] «Вопросы истории». — 1991, № 2—3. С. 5.

гибший от руки печенегов в 972 году. Затем власть переходит к его старшему сыну Ярополку, а примерно с 980 года — к младшему Владимиру, правившему до своей смерти в 1015 году.

После краткого правления Святополка Ярополчича, вошедшего в историю под прозванием Окаянного, начинается эпоха Ярослава Владимировича Мудрого (скончался в 1054 году) и его сменявших друг друга сыновей Изяслава, Святослава и Всеволода (последний умер в 1093 году). Затем киевским князем становится сын *старшего* из сыновей Ярослава Мудрого (в чем выражается начавшийся с Ярополка Святославича древнерусский порядок престолонаследия), Святополк Изяславич (1093—1113) (здесь и далее — годы правления.), а вслед за ним — сын младшего Ярославича, Всеволода, Владимир Мономах (1113—1125), которому наследуют его старшие сыновья Мстислав (1125—1132) и Ярополк (1132—1139). Младшего же сына Владимира Мономаха, Юрия Долгорукого, «оттесняют» до 1154 года сначала внук Святослава (сына Ярослава Мудрого) Всеволод Ольгович и сын Мстислава (старшего сына Мономаха) Изяслав. Только после его смерти Юрий стал князем Киевским. Но до этого он более пятидесяти лет княжил на севере, в Ростово-Суздальской земле, и его сын Андрей Боголюбский, избравший в качестве своей резиденции недавно основанный в этой земле город Владимир, после кончины отца, в сущности, переносит туда из Киева столицу Руси, где он и правит с 1157 до 1174 года. Его сменяет во Владимире младший сын Юрия Долгорукого, Всеволод Большое Гнездо (1176—1212); далее правит сын последнего, Юрий, погибший в битве с монголами в 1238 году...

Таковы основные правления первых четырех с половиной столетий истории Руси, в течение которых «центр» перемещался из Ладоги в Киев, а из Киева — во Владимир.

В первые два века так или иначе выделяются фигуры Рюрика, Аскольда, Олега (хотя, по-видимому, под этим именем «скрыты» два человека), Ольги, Святослава, Владимира Святого; в XI — начале XIII века — Ярослав Мудрый, Святослав (Ярославич), Владимир Мономах, Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский, Всеволод Большое Гнездо (из них Олег, Ольга, Святослав, Владимир Святой, Ярослав, Владимир Мономах и Андрей Боголюбский могут быть причислены к *великим* историческим деятелям).

Наметив эту историческую перспективу протяженностью в четыреста пятьдесят лет, и, если измерять иначе, в *пятнадцать* человеческих поколений (рамки поколения — 30, максимум 35 лет), вернемся к началу истории Руси.

Возникновение государственности Руси совпало — и это, несомненно, имело для нее огромное значение — с исключительно деятельной и напряженной эпохой в истории всей западной части Евразии. Территорию, на которой на рубеже VIII—IX веков начала складываться Русь, со всех сторон окружали тогда чрезвычайно энергичные и активные исторические силы.

К северо-западу от нее находился словно извергающий человеческую лаву викингов вулкан тогдашней Скандинавии; их походы в Западную Европу начались в 793 году, а в Восточную — еще ранее, не позже 750-х годов[1].

К западу от Руси в течение 770—800-х годов была создана огромная империя Карла Великого — от Пиренеев до Эльбы и Дуная, от Балтики до Средиземного моря.

К югу, в Византии, правила властная и целеустремленная императрица Ирина, сумевшая в 787 го-

[1]См. новейшее исследование проблемы: *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. — Л., 1985.

ду победить разлагавшее империю иконоборчество (правда, после окончания ее правления оно вновь возобладало до 843 года) и собиравшаяся вступить в брачный союз с Карлом Великим, чтобы восстановить поистине вселенскую империю (в границах Рима эпохи его расцвета); дворцовый заговор оборвал в 802 году ее начавшие осуществляться замыслы.

К востоку от Руси на рубеже VIII—IX веков достигал своего высшего могущества Хазарский каганат; именно в это время фактический его повелитель каганбек Обадий сделал иудаизм официальной, господствующей религией; после долгих войн было установлено определенное равновесие с сильнейшим южным соседом, Арабским халифатом — где, кстати сказать, правил именно в это время, в 786—809 годах, один из самых великих халифов, Харун ар-Рашид, — и границы Хазарского каганата простерлись от Кавказа до Камы и Оки и от Урала до Крыма.

С этими историческими силами — языческой Скандинавией викингов, христианской Византийской империей и иудаистским Хазарским каганатом (а через них — опосредованно — и с Арабским халифатом) ранняя история Руси самым что ни на есть тесным образом связана, и можно с полным правом утверждать, что русская государственность и культура сформировались в сложнейшем и мощном магнитном поле, создаваемом этими силами, их «пересечением», — поле, в котором и сама Русь развивалась как постоянно возраставшая сила, столь монументально представшая позднее — в эпоху Ярослава.

IX—X столетия — это время самого широкого выхода Руси на тогдашнюю мировую арену, — выхода и в прямом, буквальном смысле слова, ибо в течение этих двух веков десятки тысяч русских людей (это отнюдь не преувеличение) побывали в со-

седних и более далеких странах в составе войск, посольств, торговых товариществ.

Определенный, хотя и далеко не полный свод известий о «походах» Руси представлен в трактате В.Т. Пашуто (часть трактата написана А.П. Новосельцевым). Ссылаясь на различные источники, историк показывает, что после общеизвестного похода на Константинополь в 860 году Русь вступила в союзнические отношения с Византией, и, скажем, «в 911—912 гг. отряд из 700 русских воинов участвовал в походе византийского флотоводца Имерия против арабов на Крит... в 934 г. 7 судов с русскими (415 человек) находились в эскадре из 18 судов патрикия Косьмы, которого император Роман послал в Ланг в составе эскадры протоспафария Епифана, ходили к берегам южной Франции». В 949 г. «император Константин Багрянородный... имел 629 русских... на 9 судах в неудачной экспедиции на Крит»; позже «русское войско участвовало в 960—961 гг. в отвоевании Никифором Фокой о-ва Крита у арабов... В неудачной экспедиции византийцев в 964 г. на о-в Сицилию также участвовало русское войско...» и т. д.

С другой стороны, уже в 860-х годах арабы озабочены «действиями русов в южном Прикаспии», то есть на иранском берегу; в начале 910-х годов большой русский отряд на судах направился (разделившись) и к юго-западному, и к юго-восточному побережью Каспийского моря. Крупные походы Руси сюда же состоялись и в 940-х, и в 980-х годах[1]. И это, конечно, только часть дошедших до нас сведений о «выходе» Руси вовне, на мировую арену, в IX—X веках.

Это время принципиально отличается от позднейшей эпохи, начавшейся при Ярославе Мудром,

[1] См.: *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. — М., 1968. С. 62, 65, 68, 69, 99, 100, 103.

когда Русь, напротив, явно сосредоточивается на *внутреннем* развитии, перестав постоянно и интенсивно выходить за свои пределы. Более того, всего через столетие после кончины Ярослава Мудрого это нараставшее сосредоточение на внутреннем развитии привело к предельно выразительному итогу: перемещению столицы «центра» Руси в ее, условно говоря, географический центр — во Владимир на Клязьме, отстоящий от Киева на тысячу верст к северо-востоку. Но об этом еще пойдет речь в дальнейших главах книги. Сейчас нам важно установить, что присущие эпохе юности Руси (IX—X столетия) «выходы» за свои пределы в XI веке становятся крайне редкими, а в XII веке, по существу, прекращаются. Очень характерно, например, что всем известный поход Игоря Святославича на половцев в 1185 году, в продолжение которого его войско прошло от тогдашних границ Руси не более чем полторы-две сотни верст, изображается в «Слове о полку Игореве» как далекое путешествие: «Дремлет в поле... храброе гнездо. Далече залетело!» Между тем в IX—X веках русские воины не раз отправлялись в *тысячекилометровые* походы на юг в Византию, на восток, к границам Ирана и Хорезма и т. д.

Дело, конечно, не только в самих походах как таковых. В течение IX—X веков Русь как бы вбирала в себя опыт и энергию всего окружающего ее мира, что, например, рельефно выразилось в вошедшем в «Повесть временных лет» предании о «выборе» русскими веры, выборе из четырех религий — мусульманства, иудаизма, западного христианства и, наконец, восточного, православного христианства.

Есть основания утверждать, что «выход за пределы», столь характерный для Руси IX—X веков, обусловлен и недостаточной еще «обжитостью» своей — своей на грядущее тысячелетие — земли (вспомним, что славянские племена окончательно

поселились на Руси, возможно, только в VIII веке и уж никак не ранее VI—VII вв.). Именно это просматривается в летописных сведениях о князе Кие (рубеж VIII—IX веков) и, позднее, о Святославе. Рассказав о хождении Кия к «царю» в Царьград, летописец добавил: «Когда же возвращался, пришел он на Дунай и облюбовал место, и срубил городок невеликий, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему ближивущие; так и доныне называют придунайские жители городище то — Киевец» (как указал, комментируя этот текст, М.Н. Тихомиров, городок Киев (Кыйов) продолжал существовать на Дунае еще в XV веке).

Через полтора столетия с лишним, в 968 году, и Святослав «сел княжить» в Переяславце (Малый Преслав) в устье Дуная, а возвратившись в 969 году в Киев, как свидетельствует летопись, заявил: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце... туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы».

Ясно, что такого рода стремление не могло бы возникнуть даже уже у сына Святослава — Владимира (не говоря уж о внуке — Ярославе), несмотря на то, что князь Владимир побывал и в Скандинавии, и на Каме, и на Северном Кавказе, и в Галиции, и в Крыму.

Но до Владимира Русь находилась как бы в поре *юношеских странствий* — несмотря даже на то, что к тому времени закрепились узловые пункты ее исторического бытия — и Киев, и Ладога, и более поздние Новгород, Смоленск, Ростов, Чернигов и др.

И нельзя не отметить, что мотив дальнего странствия красной нитью проходит через русский эпос, а в отдельных случаях речь идет даже и о поселении в чужой далекой стране. Так, о былинном князе Волхе Всеславьевиче говорится, что он, за-

воевав «Индейское» царство, «тут царем насел». Правда, это именно отдельный мотив; Илья Муромец, например, которому царь — обобщенный образ византийского императора — Константин Боголюбович с великой честью (в отличие от князя Владимира) предлагает остаться в Царьграде в качестве воеводы, решительно отказывается, и... *поехал тут Ильюшенька во Киев-град.*

Но тема постоянных дальних походов и путешествий, повторяю, пронизывает былинный эпос, воссоздавая, без сомнения, историческую реальность Руси IX—X веков.

Выше говорилось о Ярославовой Руси, воплотившей себя в сохранившихся отчасти и до наших дней зодчестве и изобразительном искусстве, в обилии значительных городских поселений и выдающихся памятниках письменности, — между тем как от предшествующих времен до нас дошли только записанные позднее устные предания, разрозненные иноязычные свидетельства и нуждающиеся в сложной археологической дешифровке остатки материальной культуры. Однако совместная работа историков и археологов доказывает (особенно в последние десятилетия), что IX—X столетия были для Руси периодом исключительно масштабных и энергичных исторических деяний (походов, битв, переселений и т. п.), были истинно *героической* эпохой. В этих деяниях и выковались основы государственности Руси, окончательно сформировавшейся при Ярославе. И вполне основательно было бы даже без тщательного изучения проблемы предположить, что эти два столетия прямо-таки должны были породить и какие-либо подлинно весомые явления культуры, хотя и, по всей вероятности, не опредмеченные ни в письменности, ни в иных «очевидных» воплощениях.

Считаю целесообразным оставить в этой главе моей книги приложенный к ней (именно в этом

месте) при *первой* ее (главы) публикации в июльском номере журнала «Наш современник» за 1992 год (см. с. 171) составленный мною некролог о только что ушедшем тогда из жизни замечательном человеке.

Лев Николаевич ГУМИЛЕВ

15 июня 1992 года, не дожив всего нескольких месяцев до своего восьмидесятилетия, скончался Лев Николаевич Гумилев — мыслитель, историк, гражданин.

О каждом ушедшем стоит сказать надгробное слово. Но память о Льве Николаевиче необходима не только и даже не столько ради него; она необходима всем нам, ибо он был человеком редкостного, подлинно героического духа. Ему, сыну расстрелянного в 1921 году русского поэта, трижды — начиная с юных лет — пришлось входить в адские ворота ГУЛАГа. Лишь в возрасте 34 лет он смог окончить университет и только на пятом десятке — отдать себя делу своей жизни. И все же высший героизм его духа выразился не в преодолении тяжких испытаний, но в том, что с его уст никогда не срывались жалобы на судьбу. Лев Николаевич не забывал, что его трагедия — не личная, а всенародная. И он не твердил, подобно многим другим, что страдал «безвинно». Он гордо знал о своей благородной вине перед насильниками и разрушителями России. И, как ни поразительно, основы его мысли об истории сложились именно в ГУЛАГе. А в промежутке между «сроками» он — и это тоже было предметом его гордости — сражался на Великой Отечественной.

Вокруг его книг и статей (публиковавшихся и в «Нашем современнике») идут и будут идти споры — уже хотя бы потому, что он, сын Гумилева и Ахматовой, являл собой и ученого, и, пожалуй, в равной мере — поэта. И многое в его трудах стоило бы воспринимать как вдохновенные образы русской и мировой истории, а не как

рассудительный анализ ее событий и явлений. Многочисленные ученики и последователи Льва Николаевича (среди них — Дмитрий Балашов, Гелиан Прохоров, Юрий Бородай, Александр Панченко, Александр Шенников) чаще всего идут своими собственными путями, но все же именно у Гумилева они учатся самому главному.

Это главное — полная истинного мужества и отваги духовная воля, обладая которой человек, познающий историю, включается в само творчество истории, вносит в нее свой собственный вклад. Лев Николаевич Гумилев — выдающийся деятель не только нашей исторической мысли, но и самой нашей истории. И Россия его не забудет!

Редколлегия журнала
«НАШ СОВРЕМЕННИК»

Специальный экскурс: русская былина (старина)

Одна из задач этой книги — доказать, что именно в IX—X веках сложился *русский героический эпос* — богатырские былины. В современных обобщающих работах о них, в сущности, господствует иное представление: начало сложения былин датируют чаще всего XI, в крайнем случае самым концом X века, а в значительной степени и более поздними временами — XII—XIV или даже XV—XVI столетиями. Вот выражающие наиболее распространенное мнение энциклопедические датировки: былины «отразили историческую действительность главным образом XI—XVI вв.»[1], «былины сложены главным образом в XI—XVI вв.»[2] и т. п.

[1]БСЭ, т. 4. — М., 1971. С. 181.
[2]Советский энциклопедический словарь. — М., 1983. С. 184.

Нет сомнения, что эпос, веками существовавший в русле устной традиции, вбирал в себя те или иные — в том числе, возможно, крупные и значимые — элементы и в XI—XVI веках, и даже позднее, вплоть до новейшего времени; это совершенно ясно видно в различных деталях дошедших до нас былинных записей XVIII—XX веков. Однако героический эпос как *жанр*, как определенный феномен культуры сложился на Руси все же, как я буду стремиться с помощью многообразных аргументов доказать, к XI веку, и позднее он представал уже как явление *прошедших времен*, как «наследие», а не как активно развивающийся компонент современной культуры. В сфере словесно-музыкального творчества с середины XI века господствовали уже не богатырские былины, а существенно иные явления.

Это ясно видно, в частности, из характеристики творчества Бояна в созданном в конце XII века «Слове о полку Игореве», где, кстати сказать, и сам Боян, чья деятельность приходится на вторую половину XI века, назван «песнотворцем старого времени». И автор «Слова», человек конца XII века, намерен создать свою, как он сам ее определил, повесть-песнь «не по замышлению Бояню» — то есть, как сказали бы теперь, иным «способом», иным «методом».

Но ведь и «замышление» самого Бояна едва ли правильно сближать с былинным, ибо, согласно «Слову», «песни» Бояна — это песни «старему Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред полки касожскими, красному Романови Святославличу», то есть песни, главные герои которых — знаменитые русские князья XI века, а отнюдь не некие (по крайней мере, «некие» для нас) богатыри, только немногих из коих со всякими натяжками пытаются отождествить с историческими лицами; притом главный из былинных героев — Илья Муромец — вообще не имеет реальных про-

тотипов (если не считать чисто гипотетических соотнесений Ильи с князем или воеводой рубежа IX—X веков Олегом).

Естественно рождается представление, что до «Слова о полку Игореве» протекли по меньшей мере два существенно разных периода «песнотворчества» — эпоха доярославовых былин, где действуют герои, не принадлежащие к кругу исторических лиц (кроме объединяющей фигуры князя Владимира), и время уже вполне «исторических», а кроме того явно не лишенных лиризма песен Бояна, родившегося, по-видимому, при Ярославе. И второй период песнотворчества в XI веке сменяет, оттесняет, заслоняет первый, то есть собственно эпический.

Этот вывод может быть истолкован как не соответствующий самой сути раннего развития культуры. Ведь широко распространено представление (хотя оно не только не доказано, но даже никогда по-настоящему не анализировалось), что на ранних стадиях в культуре безусловно господствует традиция, устойчивый обычай, канон. И это вроде бы верно. Так, например, очень характерно требование, записанное в XVI веке, но надо думать, действовавшее значительно раньше: «Писати живописцем иконы с древних образов... как писал Ондрей Рублев... а от своего замышления ни что ж претворят»[1].

Итак, любое «свое» — то есть, в частности, новое — «замышление» безоговорочно отвергается. Однако речь идет в этом тексте не вообще о культуре, а о культуре церковной, вернее, о культе, воплощенной в иконе. А собственно «литературное» «Слово о полку Игореве», напротив, в самом своем зачине объявляет о себе, что оно будет создаваться по иному «замышлению», чем у великого песнотворца предшествующей эпохи. Из этого естественно сделать вывод, что и былинный эпос, созданный в определенный период, позднее уже не создавался, а только в той или иной мере изменялся и «дополнялся».

[1] *Забелин И.Е.* Материалы для истории русской иконописи — «Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских». — 1850, кн. 7-я. С. 4.

Разумеется, это пока только постановка проблемы, которая нуждается в многостороннем изучении и обосновании. Сейчас важно отметить одно: едва ли верно, несмотря на свою распространенность, представление, согласно которому культура, и в том числе словесность, на ранних стадиях своей истории развивается-де крайне медленно (в сравнении с позднейшими этапами ее истории), ибо заведомо подчинена строгим и незыблемым канонам. Сопоставление «песнотворчества» конца XI века и «повести-песни» конца XII века, данное в «Слове о полку Игореве», ясно свидетельствует, что существенное развитие и преобразование совершалось и в те времена — и достаточно быстро.

Уяснение того факта, что художественной эпохе, породившей «Слово о полку Игореве», предшествовали по меньшей мере две иных эпохи словесного творчества — «Боянова» и, еще ранее, «былинная» — это, повторяю, только приступ к проблеме.

Важно оговорить, что нас не должен сбить с толку сам этот давно уже общепринятый термин «былина». Как известно, в том кругу людей, в котором сохранились до XIX—XX веков былины, они обычно назывались не «былинами», а «старинами», то есть порождениями давно ушедших времен. И сам фольклористский термин «былина», по всей вероятности, заимствован из зачина «Слова о полку Игореве» («начати же ся той песни по былинам сего времени»), где он означает повествование не о древнем, а о действительно совершившемся («быль»). Правда, некоторые исследователи настаивали на собственно народном происхождении

жанрового названия «былина»[1] но их доводы недостаточно убедительны.

И уже никак невозможно согласиться с мнением фольклориста А.И. Никифорова, которое четко выразилось в самом названии его часто упоминаемой работы: «Слово о полку Игореве» — былина XII века» (Л., 1941). Совершенно ясно, что «Слово» по своей художественной природе коренным образом отличается от былинного эпоса, от «старин».

Вот хотя бы одно, но, как представляется, весьма показательное отличие. В былине о Волхе Всеславьевиче, которая дошла до нас в частности, в ранней записи — середины XVIII века, — «оборотничество» героя изображено, несомненно, как вполне «реальное» явление:

Он обвернется ясным соколом,
Полетел он далече на сине море,
А бьет он гусей, белых лебедей...
Он обвернется ясным соколом,
Полетел он ко царству Индейскому.
И будет он во царстве Индейском,
И сел он на полаты царские,
Ко тому царю Индейскому,
И на то окошечко косящетое...
Сидючи на окошке косящетом,
Он те-та да речи повыслушал,
Он обвернулся горностаем,
Бегал по подвалам, по погребам,
По тем по высоким теремам,
У тугих луков тетивки накусывал,
У каленых стрел железцы повынимал...

А вот князь Игорь в «Слове» бежит из плена:

Игорь князь поскочи горностаем к тростию,
И белым гоголем на воду,
Возвержеся на борз комонь,

[1]См. об этом: *Астахова А.М.* Вопрос о термине «былина». — В ее книге: Былины. Итоги и проблемы изучения. — М. — Л., 1996. С. 21—27.

И скочи с него босым волком,
И потече к лугу Донца,
И полете соколом под мглами,
Избивая гуси и лебеди...

Внешнее различие — в отсутствии во втором тексте слова «обвернулся», благодаря чему творительный падеж (горностаем, гоголем, волком, соколом) предстает, по сути дела, в сравнительном значении («поскакал, как горностай...»). Вполне естественно будет заключить, что изображение тайного и по-своему чудесного избавления Игоря от плена опиралось на давнюю традицию воссоздания в слове подобных событий — возможно, даже еще и былинную. Но вместе с тем нет сомнения, что ни создатель «Слова», ни те, кто его воспринимал, уже никоим образом не подразумевали действительного «оборотничества» князя Игоря.

И, следовательно, то, что было в свое время воссозданием являвшейся объектом веры мифотворческой реальности, стало в «Слове о полку Игореве» только определенным видом, формой художественности. Но это значит, что в период между созданием былинного эпоса и «Слова» совершился коренной, кардинальный переворот в сфере творчества: элементы мифа, бывшие когда-то содержанием поэзии, превратились, по сути дела, в ее форму (в широком смысле — включая так называемую «внутреннюю форму», форму содержательную). Это в самом деле глубочайшее преобразование, свидетельствующее, что былины создавались на принципиально иной стадии истории словесного искусства, словесного творчества, нежели повествование конца XII века об Игоре.

Правда, здесь возможно одно готовое возражение, исходящее из того, что былины-де и творились, и существовали в совсем иной — в социальном и культурном отношении — человеческой среде, нежели «Слово о полку Игореве»; творец по-

следнего принадлежал к наиболее просвещенным верхам древнерусского общества, а былины, мол, создавались и воспринимались в «простонародной», прежде всего *крестьянской* среде, с ее архаическим сознанием, чем и объясняется, в частности, мифотворческое содержание былинного эпоса.

Однако такое возражение неизбежно подразумевает согласие с тем вульгарно-социологическим толкованием (ставшим господствующим в 1930-х годах, но складывавшемся и ранее), которое объявило былины продуктом творчества трудового и «угнетаемого» класса, противостоящего правящим «феодальным классам»[1]. Этот подход к делу, продиктованный чисто идеологическими соображениями, а во многом и прямым диктатом властвующей идеологии, едва ли имеет серьезную обоснованность (хотя он достаточно широко распространен еще и в наше время). Так, былины при этом подходе волей-неволей оказываются с социальной точки зрения резко противопоставленными собственно литературным явлениям Древней Руси (в частности, тому же «Слову о полку Игореве»), о которых доподлинно известно, что они были созданы людьми, принадлежавшими так или иначе к общественным «верхам» того времени.

Но есть здесь и прямая фактическая неурядица, выражающаяся, например, в том, что в былинах, сложившихся будто бы в крестьянской среде, очень точно и полно воссоздан *воинский* быт, в частности, боевое оружие и снаряжение. Это убедительно доказано, например, в опирающейся на итоги углубленного археологического изучения древнерусского воинского быта работе этнографов Р.С. Липец и М.Г. Рабиновича «К вопросу о времени сложения былин (Вооружение богатырей[1])». Эти авторитетные исследователи продемонстрировали, что в былинах содержится вполне точное (и, между прочим, «любовное») изображение всего комплекса древнерусского оружия и снаряжения, а также соблюдена полная верность всей воинской терминологии. И едва ли можно спорить с тем, что эта истинность и скрупулезность в воссоздании воинского быта свидетельствует о сложении былинного эпоса — как и «Слова о полку Игореве» — в дружинной, а вовсе не крестьянской среде, где не могло быть такого детального и «интимного» знания всех реалий вооружения. Правда, дело идет о дружинной среде на совершенно разных исторических этапах — X и конец XII века.

[1]См. характеристику этого толкования в уже упомянутой обобщающей книге: *Астахова А.М.* Былины... С. 50—61.

Да и главная цель упомянутой работы, как ясно уже из ее названия («К вопросу о времени сложения былин»), заключалась в установлении на основе анализа вооружения былинных героев исторического *периода* формирования русского эпоса.

«Во многих былинах, — отмечают Р.С. Липец и М.Г. Рабинович,— подробно описано, как именно вооружены богатыри князя Владимира (далее перечисляются все части вооружения со ссылками на былинные тексты. — *В.К.*)... такой же комплект вооружения упомянут и в повествовании летописи о том, как в 968 году киевский воевода Претич поменялся оружием с печенежским князем... в былинах описываются именно те брони, какие были в употреблении в X в. — кольчатые и дощатые. Ни разу не встречено упоминания о более сложных видах брони, вошедших в употребление позже...

Мы не останавливаемся в данной статье на обрядах погребения дружинников, что также отражено в былинах... — пишут Р.С. Липец и М.Г. Рабинович. — Отметим лишь, что погребение богатыря

[1]«Советская этнография», № 4. 1960. С. 30—43.

Михаила Потыка в полном вооружении, с конем в сруве, под насыпным курганом, — т. е. по обряду, сохранившемуся в Древней Руси не позднее X—XI вв., — является лишним доказательством...» (указ. изд., с. 32, 33, 41); реалия эта доказывает как то, что былины складывались в воинской, дружинной среде (едва ли крестьяне могли столь точно знать обряд воинских похорон), так и то, что их формирование относится ко времени не позднее XI века.

Один из авторов цитируемой работы, Р.С. Липец, в своей позднейшей книге «Эпос и Древняя Русь» доказывала, что «к концу X в. *уже существовала богатая эпическая традиция*, что и при отце Владимира — Святославе (как это видно из летописных сказаний о нем), и еще при Игоре и Олеге, а возможно и в IX в., эпические сказания, песни заняли свое место в культурной жизни Руси. В том же виде, как былины дошли до нас, они выкристаллизовывались в «эпоху Владимира»... Это заставляет предполагать, что былины начали формироваться несколько раньше, когда в IX—X вв. шло образование государственности, с которой эпос в классической форме неразрывно связан... Русский героический эпос, — оговаривала Р.С. Липец, — создавался, конечно, на основе тысячелетнего развития устного народного творчества, черпая оттуда и сюжеты в их общей форме, и художественные образы и приемы, но *как жанр* он смог сформироваться только к концу I тысячелетия н. э. Основная методологическая опасность при изучении былин заключается как раз в подмене анализа их как жанра анализом архаических прасюжетов, использованных и модернизированных эпосом... и традиционных элементов поэтики»[1].

Итак, исследовательница предостерегает и от

[1] *Липец Р.С.* Эпос и Древняя Русь — М., 1969. С. 9—10, 12. (Выделено мною. — *В.К.*).

«удревнения» русского эпоса; растворения его в доисторических прообразах (что присуще различным вариантам «мифологической школы» в изучении эпоса), и от необоснованного отнесения его к зрелой исторической эпохе, к периоду после времени Владимира или даже после времени Ярослава. Обе эти ложные тенденции, увы, характерны для многих современных работ о былинах.

Вторая тенденция, свойственная разным проявлениям «исторической школы, выражается нередко в не выдерживающих, как говорится, критики поверхностных сопоставлениях реалий былинного эпоса (события или даже отдельные детали событий, разного рода названия и имена и т. п.) с аналогичными или просто «похожими» реалиями летописей. Разумеется, те или иные переклички былин и наиболее ранних летописных сведений отнюдь не исключены. Но подобные сопоставления, превращенные в чуть ли не главный «метод» исследования, напоминают, прошу прощения за резкость, известный анекдот о человеке, обронившем ночью деньги на темной части улицы, но ищущем их под фонарем, поскольку, мол, здесь светлее... Летопись выступает в большинстве таких «сопоставлений» именно в качестве своего рода «фонаря». При этом «подходящие» летописные сведения берутся из самых разных хронологических периодов — от XI до XVI или даже XVII века, а затем уже на их основе «датируется» возникновение былин.

Как уже говорилось, существование русского эпоса в устной традиции могло приводить и даже неизбежно приводило к тому, что в былинные тексты внедрялись самые разные элементы самых различных эпох — вплоть до XX века. Р.С. Липец и М.Г. Рабинович в цитированной выше работе пишут: «Проникает в былины изредка и огнестрельное оружие... но это явно поздняя словарная замена. Лук упоминается вместе с ружьями... Традиционная стрела, упомянутая в тексте, в следующем стихе

заменяется привычной для сказителя пулей... Однако, — подводят очень важный итог исследователи, — самое искажение, забвение не только названий, но и функций отдельных предметов оружия и доспехов в былинах говорит о древности вхождения в эпос этого комплекса вооружения» (указ. изд., с. 39, 40; разрядка моя — *В.К.*).

Последнее соображение весьма и весьма существенно: внедрение в былины «несуразных» поздних или даже очень поздних реалий не только не подрывает представления о глубокой древности их возникновения, но, напротив, подкрепляет его. Раз сказители повествуют о вещах (а также, конечно, и событиях, лицах и т. п.), истинная цель которых давным-давно и полностью забыта, значит, исполняемое ими произведение действительно создано в древние времена.

В общем и целом представление о том, что былины сложились в своей основе еще до Ярославовой эпохи, то есть не позднее начала XI века, уже сравнительно давно утверждено во всех действительно основательных работах, затрагивающих эту проблему. Так, Д.С. Лихачев еще сорок лет назад убежденно писал, что даже «в современных нам записях былин мы находим такие элементы, которые могли сложиться только в X—XI вв.»[1]. Этим недвусмысленно сказано, что произведения, которые мы называем былинами, несмотря на все возможные позднейшие изменения и «добавления», сложились именно в столь древнее время. Правда, в той же самой книге Д.С. Лихачева выступает и своего рода «компромиссный» тезис: речь идет о своеобразном «эпическом времени», воплощенном в былинах, и о том, что любая былина стремилась воссоздать это «время».

«Когда бы они (былины. — *В.К.*) ни слагались, они переносят действие в Киев ко двору князя Владимира». (С. 53.) Из этого положения легко сделать вывод, что те или иные «киевские» былины создавались в разные времена (скажем, в XII—XIII, XIV—XV или даже XVI—XVII веках), однако их творцы каждый раз стремились воссоздать в них именно Владимиров мир. Но характерно, что буквально на предыдущей странице Д.С. Лихачев, в сущности, сам себя опровергает, справедливо замечая: «Социальный уклад раннефеодального государства X—XI вв. не мог быть восстановлен сказителями XVII—XX вв.». (С. 52.) И если учесть, что, как доказано в цитированных только что работах этнографов, уклад этот воссоздан в былинах достаточно полно и верно, нельзя не согласиться, что сказители XVII и позднейших веков никак не могли его «восстановить»: ведь для этого была необходима сложнейшая исследовательская работа археологов, историков, этнографов и т. п.!

Д.С. Лихачев говорит о сказителях XVII—XX веков, поскольку более ранними записями мы не располагаем. Но невозможно спорить о том, что и в более ранние времена — в XIII—XVI, да и уже в XII веке — сказители не могли «восстановить» уклад X века. То, что в неизвестных нам, но, без сомнения, продолжавших передаваться в тогдашние времена текстах соответствовало этому древнему укладу, было, без сомнения, не «восстановлено», а просто сохранено в восходивших ко времени не позже начала XI века текстах.

Словом, тезис о том, что создававшиеся в *позднейшие* времена былины «переносили» действие во Владимиров Киев, продиктован, надо думать, стремлением как-то примирить концепцию древнейшего происхождения былин с достаточно широко распространенным мнением, согласно которому былины будто бы создавались и в значительно более поздние времена.

[1] *Лихачев Д.С.* Возникновение русской литературы. — М. — Л., 1952. С. 48.

Один из авторитетных современных исследователей богатырского эпоса Б.Н. Путилов убедительно писал еще два десятилетия назад: «Давно установлено, что северные сказители (сохранившие в своей памяти былины вплоть до XX века. — *В.К.)* не внесли ничего нового в состав русского эпоса... Севернорусский фольклор имел в своем составе жанры, продолжавшие продуктивно развиваться (например, причитания, предания, исторические песни), и жанры, в основном закончившие продуктивное развитие... К этим последним принадлежали и былины... Под давлением фактов начинает разрушаться стена между древнерусской («первоначальной») и севернорусской былиной... Мы приближаемся... к уяснению той, не новой, в сущности, истины, что и по своему содержанию, и по жанровой структуре, и по характеру историзма севернорусская былина не является чем-то принципиально, качественно новым, иным, и что древнерусская былина в своем возникновении и развитии оставалась *былиной»*.

Вместе с тем нельзя не упомянуть здесь, что Б.Н. Путилов принадлежит к той школе исследователей русского эпоса (ее родоначальником был видный филолог А.П. Скафтымов[1]), которая решительно противопоставляла себя исторической школе. Новую школу уместно назвать эстетической, или, что будет точнее, ориентирующейся на художественность, искусство. Она, в сущности, отвела на самый задний план проблему конкретных исторических корней эпоса.

Б.Н. Путилов пишет: «Ни одно имя былинного богатыря не возводимо к реально-историческому имени. Попытки идентифицировать богатырей с летописными персонажами на основании совпадения или близости имен оказались несостоятельными. И

[1]См.: *Скафтымов А.П.* Поэтика и генезис былин. Очерки. — Москва — Саратов, 1924.

вопрос этот в серьезном научном плане может считаться исчерпанным»[1].

Сказано это с излишней полемической заостренностью (ведь едва ли следует, например, сомневаться в том, что былинного князя Владимира вполне уместно «идентифицировать» с летописным князем Владимиром). Но в принципе Б.Н. Путилов прав: «попытки идентифицировать богатырей с летописными персонажами» в большинстве случаев в самом деле несостоятельны.

И все же встает вопрос: являются ли эти «попытки» *единственно возможным* путем изучения исторических корней героического эпоса? Отказавшись искать «реально-историческую» основу былин в летописях, Б.Н. Путилов без каких-либо оговорок утверждает, что «идеалы эпоса получали конкретное художественное выражение в вымышленных (разрядка моя. — *В.К.)* формах (вымышленные сюжеты, ситуации, герои)... эпос никаких отдельных исторических событий не отражает, и герои его ни к каким историческим прототипам не восходят»[2]. С этой точки зрения Б.Н. Путилов категорически противопоставляет жанр былины и позднейший жанр *исторической песни,* где ситуации и герои исходят из реальных событий и реальных лиц, являющихся, в частности, и персонажами летописей — таких, как посол хана Золотой орды Узбека Щелкан (Чолхан), боярин, шурин Ивана Грозного Никита Романович или казачий атаман Ермак Тимофеевич. Кстати сказать, в исторических песнях немало всякого рода «вымыслов» (так, например, песенный Никита Романович казнит Малюту Скуратова, а Ермак объявлен покорителем Казани и племянником

[1]*Путилов Б.Н.* Героический эпос и действительность. — Л., 1988. С. 115.

[2]*Путилов Б.Н.* Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. — М. — Л., 1960. С. 25.

Стеньки Разина), но все же у них есть вполне реальная историческая «основа».

Можно с полным правом констатировать, что в былинах, сложившихся намного раньше, чем исторические песни, или, вернее, в совсем иную эпоху истории — и, в частности, истории культуры, — воплотились принципиально иные способы создания художественного мира, и самый вымысел имеет в них совсем иную природу (к данной проблеме мы еще возвратимся). Но это еще вовсе не означает, что былины «не восходят» ни к каким реальным событиям и лицам.

Как это ни парадоксально, Б.Н. Путилов, «отрицая» историческую школу изучения былин, оказался, в сущности, в полной зависимости от господствующего в ней метода «отыскивания» исторической основы былин почти исключительно в летописях. Раз, мол, в *летописях* нельзя найти прототипы эпоса — значит, его сюжеты и персонажи целиком вымышлены.

Однако время, которое породило былины, то есть период IX—X веков, отражено в составленных никак не ранее середины XI века (гипотезы о более раннем летописании очень шаткие) летописях и скудно, и обрывочно. Так, например, согласно полностью достоверным арабским источникам, Русь в 910-х и 940-х годах совершила весьма значительные дальние походы в Закавказье, но русские летописи не говорят об этом ни слова (хотя очень подробно рассказывают о столкновениях Киева в тех же 940-х годах с соседними древлянами). Вдумчивый исследователь начальной эпохи взаимоотношений Руси и Востока, отмечая тот факт, что «Повесть временных лет», в сущности, «ничего не знает» об этих взаимоотношениях, сделал следующий вывод: «Возможно, правы те исследователи, скажем, А.А. Шахматов, что усматривали в начальной русской летописи намеренное *замалчивание* общения Руси с Востоком. В том убеждают арабские хроники. Оказывается, русские отряды... сражались по всему Востоку... Сирия и Малая Азия содрогались от их поступи»[1].

Исходя из этого, отнюдь не будет преувеличением утверждать, что события и лица, которые явились реальной исторической основой былинного эпоса, попросту *не нашли отражения в летописях.* Представим себе, что во времена, когда действовали упомянутые выше ханский посол Щелкан-Чолхан, боярин Никита Романович и Ермак, летопись не велась бы прямо и непосредственно (то есть *в те же годы).* В таком случае Б. Н. Путилов не имел бы возможности узнать что-либо о реальных прототипах этих героев исторических песен и, очевидно, счел бы их столь же вымышленными, как и героев былин...

Словом, мнение Б. Н. Путилова о том, что отсутствие летописных сведений об исторических событиях и лицах, воссозданных в былинах, означает вымышленность этих событий и лиц, по меньшей мере нелогично. Поскольку эпос складывался в IX—X веках, всецело вероятно, что в составляемые много позже летописи не вошли сведения о воссозданных в былинах событиях и лицах.

Впрочем, «датировка» рождения эпоса еще должна быть достаточно весомо аргументирована. Правда, вполне уместно и без доказательств, априорно заявить, что почти у каждого народа, создавшего и сохранившего эпос, он предстает как *первая,* наиболее ранняя (хотя и неоценимо существенная) стадия истории литературы, или, вернее, как говорили в прошлом и начале нынешнего века, *словесности,* искусства слова. Курсы истории основных литератур и Запада и Востока совершенно

[1] *Лелеков Л.А.* Искусство Древней Руси и Восток. — М., 1978. С. 104.

правомерно начинаются, открываются разделом о национальном эпосе. Однако при освещении истории русской литературы, русского искусства слова лишь в редких случаях эпос рассматривается как ее необходимый *исходный* этап.

По-видимому, это во многом обусловлено именно той «неопределенностью» в представлениях о времени рождения русского эпоса, о которой шла речь выше. В уже цитированной монографии Р. С. Липец «Эпос и Древняя Русь» совершенно справедливо сказано, что «без учета... конкретной исторической обстановки в былинах становится легко произвольно перебрасывать их то на тысячелетие назад, то в XVII в.», — хотя тщательное исследование, проведенное, в частности, самой Р.С. Липец, доказывает, что русский героический эпос сформировался как вполне определенный феномен «к концу I тысячелетия н. э.» (с. 12) — то есть ко времени Владимира Святославича. Однако и сегодня те или иные — многочисленные — авторы «привязывают» былины и к воинскому соперничеству с половцами во второй половине XI — начале XIII века, и к позднейшему монгольскому нашествию, и к походам времени Ивана Грозного, и даже к Смутному времени и еще более поздним воинским событиям. В результате как бы и возникает основание не воспринимать эпос в качестве «первоначальной» стадии развития, предшествующей литературе в узком, собственном смысле.

Но в дальнейшем еще будет развернут целый ряд доказательств древнейшего (до XI века) происхождения русского эпоса. Сейчас важно сказать о том, что верное понимание «исходного» значения эпоса для русской литературы особенно ясно выразилось у некоторых не отечественных, а зарубежных ее историков (в этой книге уже заходила речь о том, что «сторонние наблюдатели» нередко правильнее оценивают явления русской культуры, нежели сами ее носители).

Виднейший германский русист Рейнгольд Траутманн (1883—1951) говорил еще в 1920-х годах в своем сочинении «Русский героический эпос»:

«Тот, кто попробует в качестве ли исследователя или любителя литературы проникнуть в духовную жизнь русского народа, будет ослеплен исключительным явлением русской литературы XIX века. В необычайном блеске лежит это море русской литературы перед нашими глазами». Однако, отмечал Р. Траутманн, «остаются сейчас в темноте причины и сама возможность такого замечательного проявления русского духа... Явление, которое вводит нас в глубь самой сущности русской народности и русского искусства, — это русская, великорусская героическая поэзия, цвет русского народного творчества»[1].

Далее Р. Траутманн ссылается на изученные им богатейшие собрания образцов героического эпоса — сборники Кирши Данилова, Рыбникова, Гильфердинга, Маркова, Григорьева и Ончукова, замечая, что «всюду заметен острый взгляд русского человека на вещи мира и на их сущность... Русский человек работает простыми приемами, и неизнеженное чувство требует крепких ударов языка... этой потребности мощных Betonen (акцентов. — *В.К.)* — многое из этого находит дальнейшее продолжение в повествовательной манере близкого к народу Льва Толстого...» (С. 37.)

Наконец, Р. Траутманн говорит о нераздельном соединении *беспредельной* свободы и в то же время «безжалостной» *необходимости* в художественном мире былин, утверждая, что «из одинаковой природы с былиной вытекает бесформенность русских рассказов XIX века, которые тем более хаотич-

[1] Художественный фольклор. Вып. II—III. — М., 1927, с. 35, 36.

ны, чем более русским является их творец»[1]. В этом соединении вроде бы несовместимых начал германский исследователь усматривает своеобразие «русского духа, постоянно вращавшегося между двумя полюсами... Таким образом, то, что дает русской поэзии вечную печать многозначительности, а именно острое напряжение наблюдения над безжалостной действительностью и стремление к освобождению от нее, — заключает Рейнгольд Траутманн, — это в зародыше уже было свойственно русскому былинному творчеству. Пройдя через богатую культурную насыщенность, это отречение от вещей сего мира дало свой последний цвет в великом жизненном подвиге Гоголя, Достоевского и Толстого». (С. 37, 38, 39.)

Такое осознание глубокого единства и генетической связи древнего русского эпоса и романа XIX века — этого своего рода эквивалента эпоса в новое время — к великому сожалению, вовсе не характерно для отечественной филологии. И, как уже говорилось, утверждение и, далее, исследование былинного эпоса в качестве необходимого *исходного* этапа всей тысячелетней истории русской литературы, русского искусства слова встречается в отечественной филологии весьма редко, особенно в последнее время. Между тем поистине необходимо вслушаться хотя бы в этот сторонний, германский голос, устанавливающий органическую и чрезвычайно существенную связь между древним эпосом и усвоенной всем человечеством русской литературой XIX века.

Эта связь, несомненно, имела бы громадное значение даже и в том случае, если бы она была

[1]Проблеме западных толкований русской «бесформенности» и «хаотичности» посвящена моя статья «Недостаток или своеобразие?» в кн.: *Вадим Кожинов*. Судьба России: вчера, сегодня, завтра. — М., 1990. С. 221—246.

никак не выявлена и не осознана в XIX веке; ведь культурное творчество не проходит бесследно: сложнейшими и нередко трудно уследимыми путями оно неизбежно воздействует на позднейшее развитие культуры. Однако былинный эпос был *воспринят* русской культурой, и в том числе литературой XIX века самым прямым и непосредственным образом. В 1804 и 1818 годах вышли издания записанного еще в середине XVIII века для одного из представителей славного купеческого рода, П.А. Демидова, сборника Кирши Данилова, где содержались превосходные образцы былин. И вот П.П. Вяземский (сын поэта), постоянно общавшийся с Пушкиным в 1830-х годах, вспоминал впоследствии:

«С жадностью слушал я высказываемое Пушкиным своим друзьям мнение о прелести и значении богатырских сказок (так обозначали тогда русский эпос[1]; термин «былина» начал входить в употребление лишь после издания в 1836—1837 годах сборника И.П. Сахарова «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков». — *В.К.)* и звучности народного русского стиха. Тут же я услыхал, что Пушкин обратил свое внимание на народное сокровище, коего только часть сохранилась в сборнике Кирши Данилова, что имеется много чудных поэтических песен, доселе не изданных, и что дело находится в надежных руках Киреевского...».

А в 1847 году Александр Герцен, размышляя о подлинно русской природе той культуры, которая развивалась со времени Петра («разве... герои 1812... не были русские, вполне русские?..» и т. д.), с полным основанием утверждал, что в его время

[1]Пушкин, как ясно из известного «Словаря языка Пушкина», еще использовал слово «былина» только как синоним слова «быль».

«народная поэзия вырастает из песен Кирши Данилова в Пушкина...».

Что касается Толстого (о котором особенно весько говорил Рейнгольд Траутманн), он в ответ на вопрос историка литературы В.Ф. Лазурского, «как же он провел бы курс литературы», совершенно определенно ответил, что «начал бы он с былин, которые очень любит и на которых надолго бы остановился».

Таким образом, в представлении Толстого русская литература начиналась именно с былинного эпоса, и в этом отношении его убеждение совпадало с концепцией Р. Траутманна (стоит отметить, что цитированная запись из дневника В.Ф. Лазурского была впервые опубликована лишь в 1939 году, и Р. Траутманн не мог ее знать). Но еще существеннее другое. Р. Траутманн, как мы видели, по существу, «возводил» толстовское искусство к былинному, заведомо не зная о том, что Толстой сразу после окончания «Войны и мира», в начале 1870 года, задумал роман, главными героями которого должны были стать девять богатырей (Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Михаиле Потык, Дюк Степанович и др.), перенесенные в современную русскую жизнь[1]. Для этого Толстой внимательнейшим образом изучает тексты былин, опубликованные в сборниках Кирши Данилова, Петра Киреевского, Рыбникова (Гильфердинг тогда только собирался ехать в Олонецкую губернию за былинами).

Это был, пожалуй, несколько искусственный и едва ли могущий обрести полноценное воплощение замысел (его неосуществимость отметил и сам Толстой и не пошел дальше самых беглых набросков), но нельзя усомниться в глубокой значительности самого этого устремления: в нем, я полагаю,

[1]См. заметки Толстого к этому не написанному им роману в его Полном собрании сочинений, т. 90. — М., 1938. С. 109, 110.

выразилось возникшее в творческом духе Толстого сознание своей органической связи — при всех кардинальных различиях — с древним эпосом, то есть как раз той связи, о которой говорил в 1926 году Рейнгольд Траутманн.

А между тем в историю, или, вернее будет сказать, в историософию русской литературы до сих пор не вошла с должной ясностью мысль об исходном и неоценимо существенном для судеб русской литературы в ее целом значении былинного эпоса.

Разумеется, «связь» русского эпоса и сложившегося в столь отдаленном от него будущем русского романа никак не может быть сколько-нибудь очевидной, прямолинейной, «непосредственной». Для ее выявления необходимы очень сложные и, если угодно, неожиданные движения мысли. Прекрасный образец такого мыслительного хода дал Пришвин, который писал в 1921 году: «...«Обломов». В этом романе внутренне прославляется русская лень и внешне она же порицается... Никакая «положительная» деятельность в России не может выдержать критики Обломова: его покой таит в себе запрос на высшую ценность, на такую деятельность, из-за которой стоило бы лишиться покоя... Иначе и не может быть в стране, где всякая деятельность, направленная на улучшение своего существования, сопровождается *чувством неправоты*, и только деятельность, в которой личное совершенно *сливается* с делом для других, может быть противопоставлена обломовскому покою (несравненная по своей точности и глубине мысль о русском менталитете! — *В.К.*). В романе есть только чисто внешнее касание *огромного русского факта*, и потому только роман стал знаменит.

Антипод Обломова не Штольц, а максималист, с которым Обломов действительно мог бы дружить, спорить по существу и как бы сливаться времена-

ми, как слито это в Илье Муромце: сидел, сидел и вдруг пошел, да как пошел!»[1]

Хотя Илья Обломов, в отличие от Ильи Муромца, так никуда и не «пошел», все же в романе постоянно возникает мотив подобного преображения — пусть для него и было бы потребно чудо (которое в былине совершается!). Ильей Ильичем то и дело овладевает стремление «ринуться на поприще жизни и лететь по нему на всех парусах ума и воли... Вот-вот стремление осуществится, обратится в подвиг... и тогда, Господи!..»

Юрий Лощиц в своей известной книге о Гончарове отметил, что «аналогия, проведенная в романе между богатырем, который тридцать лет сиднем просидел в своей избе, и Ильей Ильичем, тоже достаточно прозрачна»[2].

Если стремиться к точности, следует сказать, что Обломов не столько «сидел», сколько «лежал»; в первой же фразе романа читаем: «...Лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломов. Это был человек лет тридцати двух-трех». И несколькими абзацами ниже: «Лежанье у Ильи Ильича... было нормальным состоянием». Однако имеются былинные записи, в которых и Илья Муромец

Тридцать лет на печке лежал...

Но еще более примечательно другое. И.А. Гончаров, как известно, родился и провел первые десять лет жизни (1812—1822) в Симбирской губернии. И когда в его «Обломове» говорится об Илюше: «Няня... повествует ему о подвигах наших Ахиллов и Улиссов, об удали Ильи Муромца...», — в этом, очевидно, запечатлелось реальное воспоминание Гончарова о своем детстве. Ибо вскоре после переселения будущего писателя в Москву братья Языковы записывают в этой самой Симбирской губернии несколько вариантов былины об «исцелении» Ильи Муромца:

Кто бы нам сказал про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того ли Илью про Муромца,
Илья Муромец, сын Иванович,
Он в сиднях сидел тридцать три года...

В подавляющем большинстве записей этой былины срок «сидения» (или «лежания») Ильи ровно тридцать лет. Но в *симбирских* записях мы находим сакраментальное число 33. И не откликнулось ли это в самом начале гончаровского романа, где о возрасте героя сказано — «человек тридцати двух-трех лет от роду»? Символическое «33» было бы здесь, в прозаическом повествовании, не очень уместно; это число для эпоса. Но, пожалуй, писатель (скорее всего, бессознательно) вспомнил здесь слышанную в детстве былину...

Так в нескольких «соответствиях обнаруживается подспудная связь древнего эпоса и одного из «главных» русских романов XIX века, — а тем самым, в конечном счете, определенное единство самой истории...

Здесь целесообразно сделать одно, так сказать, общеметодологическое отступление, которое несколько прервет уже наметившийся ход рассуждения, но зато, надеюсь, придаст ему большую теоретичность и обобщенность. Уже заходила речь о том, что для полноты и серьезности исследования богатырского эпоса необходимо рассматривать его прежде всего как целое, как определенный конкретно-исторический жанр, основная природа которого гораздо, даже неизмеримо важнее, чем особенности отдельных произведений и тем более отдельных их элементов и деталей.

Следует сказать и о том, что вообще любой сло-

[1] *Пришвин М.М.* Собр. соч. в восьми томах, т. 8. — М., 1986. С. 135, 136.

[2] *Лощиц Юрий.* Гончаров. — М., 1977. С. 173, 174.

жившийся в то или иное время в русской (и, конечно, во всякой иной) литературе жанр имеет принципиально более существенный смысл и значение, нежели отдельные его проявления (глубокое теоретическое обоснование такого понимания проблемы жанра дано в трудах М.М. Бахтина). И это всецело относится, например, к *русскому роману* XIX века, о котором так восхищенно говорил Р. Траутманн. Ныне, всего лишь через столетие после расцвета этого жанра, явившегося одним из высочайших достижений общечеловеческой культуры, нам еще очень трудно или даже невозможно размышлять о нем «вообще». Мы все еще и мыслим, и даже живем в *диалоге* с творческими *личностями* Достоевского и Толстого, Лермонтова и Гончарова, Лескова и Тургенева.

Но, питая надежду на дальнейшее развитие человеческой культуры, мы можем и должны думать и о том далеком, ином времени, когда русский роман XIX века будет являться в восприятии наших потомков как некая завершенная в себе, сомкнутая в более или менее однородном единстве реальность, включающая в себя как *единое целое* богатейший мир творений от «Евгения Онегина» до «Братьев Карамазовых», или, если продлить линию дальше, — до «Тихого Дона» и «Мастера и Маргариты».

Об этом важно было сказать потому, что для истинного понимания судьбы отечественного искусства слова надо, в частности, суметь существенно сопоставить, соизмерить русский героический эпос IX—X веков и русский роман XIX—XX веков — как два, быть может, равновеликих жанра русской, да и мировой литературы.

Сложность этой задачи состоит, между прочим, в том, что если роман XIX—XX веков является и сегодня перед нами как несравненно многообразное и словно бы не поддающееся никакой «систематизации» (не говоря уж о «схематизации») явление, то

древний героический эпос, напротив, требует от нас внимательно вглядываться в его художественное разнообразие и богатство. Решительный шаг в этом направлении сделан в трактате В.Я. Проппа «Русский героический эпос» (1955, второе издание — 1958), где раскрыто, — пусть и в очень многом не бесспорно, — исключительно сложное и многозначное художественное содержание былин, в «общем мнении» (неким камертоном для которого является, скажем, знаменитая картина Виктора Васнецова «Три богатыря») представляющееся нередко прямолинейным или даже «элементарным».

Правда, едва ли не каждый грамотный человек чувствует несравненное величие образов богатырей и самого мира русского эпоса. Но все же В.Я. Пропп справедливо сказал в первых же фразах своего трактата:

«Русский героический эпос — одно из важнейших созданий русского народного гения. Между тем он мало известен в широких читательских кругах. До настоящего времени об эпосе нет такой книги, которая в простой и общедоступной форме вводила бы читателя в эту область национальной культуры... Цель автора состоит в том, чтобы дать в руки любому читателю... такую книгу, которая прежде всего просто ознакомила бы его с русским эпосом, которая раскрыла бы перед ним всю глубину художественных красот эпоса...»[1].

Книга в самом деле так или иначе выполняет эту роль, но она, к сожалению, не смогла (и из-за весьма большого объема — более 35 авт. л., и из-за слишком малого тиража — 15 тыс. экз.) стать достоянием значительного числа читателей. И здесь приходится лишь высказать уверенное предположение, что, изучив трактат В.Я. Проппа, любой читатель осознает: при всей своей монументальной

[1] *Пропп В.Я.* Русский героический эпос. — М., с. 173, 174.

скульптурности мир былинного эпоса — это полновесный мир живого бытия и сознания, сотканный из глубоких противоречий и тончайших подчас оттенков человеческих взаимоотношений. И когда Толстой думал о произведении, призванном «перенести» фигуры древних богатырей в современную ему русскую жизнь, он, конечно же, ясно видел это живое богатство эпического мира.

И германский русист, утверждавший, что русский героический эпос представляет собой то необходимое поэтическое зерно, то ядро, из которого через тысячелетие естественно мог вырасти поразивший мир русский роман, без сомнения, всецело прав.

Своего рода «отставание» в понимании и оценке роли героического эпоса для русской литературы во многом обусловлено и тем еще, что эпос этот был записан лишь в XVIII—XIX веках с голоса народных певцов и чаще всего предстает в наших глазах как чисто «фольклорное» явление, находящееся вроде бы за пределами литературы в собственном смысле слова, — в специфическом словесно-мелодическом бытии. Между тем записи целого ряда западноевропейских эпосов, сделанные в XII—XIII веках или еще ранее, воспринимаются как явления собственно *литературные,* «законно» открывающие историю того или иного национального искусства слова. Но это, казалось бы, очевидное и существенное «отличие» русского эпоса на самом деле далеко не столь уж бесспорно.

Так, давно уже сложилось убеждение, что мелодика в русских былинах, в отличие от мелодики «настоящих» песен, имеет прежде всего и главным образом *мнемоническое* значение, то есть призвана обеспечить сохранность текста в памяти его исполнителей и, кроме того, отчетливо «выделить» эпическое слово из обычной повседневной речи. Как писал один из исследователей еще в XIX веке,

«эпический материал не так тесно связан с напевами, как лирический», и исполнение былин — это, по сути дела, не пение, а «мерная декламация»[1].

Авторитетнейшая исследовательница эпоса А.М. Астахова доказывала, что «напев» былины с «текстом, в противоположность песне, органически не был связан и в сознании исполнителя жил и живет самостоятельной жизнью. Этим и объясняется, что многие сказители, певшие былины, могли сказать текст «пословесно», не разрушая его ритмической структуры... В области же песни мы очень часто сталкиваемся даже у мастера, хорошо знающего песню, с затруднением абстрагировать текст от мелодии. Сказанное не исключает, однако, того, что напев всегда являлся средством сохранения былинной традиции и что его утрата легко могла привести — и во многих случаях приводила — к разложению былины...» А.М. Астахова ссылается еще на исследователя мелодики былин Ф.А. Рубцова, который на основе тщательного специального изучения сделал вывод, что в былинном эпосе «напевы служат лишь формой декламации»[2].

Таким образом, былина не является, строго говоря, *песней,* то есть собственно словесно-музыкальным явлением; напев для нее — это, в сущности, способ ее сохранения, «консервации» — в известном смысле подобный письменности.

Естественно встает вопрос о смысле и причинах очень поздней письменной фиксации русского эпоса (в сущности, лишь с XVIII века). Ведь, скажем, французский, английский и германский эпосы нашли воплощение в письменности еще в XII—XIII веках, а отчасти даже и еще ранее — в IX—X веках. Главная причина здесь, как представ-

[1] *Ляцкий Евг.* Сказитель Иван Трофимович Рябинин и его былины. — М., 1895. С. 27.

[2] *Астахова А.М.* Цит. соч., с. 164, 165.

ляется, в принципиально ином статусе письменности в средневековой Западной Европе в сравнении с Русью. Западноевропейская цивилизация выросла на прочном и мощном фундаменте древнеримской; несмотря на то, что «варварские» племена, сокрушившие античную Римскую империю, в течение долгого времени не могли (да и не «стремились») действительно усвоить ее *культуру*, самое тело этой культуры — то, что вернее всего будет назвать *цивилизацией* — продолжило свое существование без какого-либо перерыва. Это ясно доказано, например, в работах замечательной исследовательницы О.А. Добиаш-Рождественской (1874—1939)[1]».

И в этом отношении необходимо видеть глубочайшее различие между Западом и Русью, которая не имела под собой такого фундамента предшествующей цивилизации: письменность была «завезена» на Русь из иного цивилизованного мира и поначалу использовалась почти исключительно Церковью, которая не могла ценить сложившийся ранее эпос; нельзя не сказать и о том, что письменность была в своей основе церковно-славянской, а не собственно русской, между тем как эпос, без сомнения, создавался на живом древнерусском языке.

Дело, конечно, не только в письменности; целесообразно, поскольку уж об этом зашла речь, поставить проблему, к коей еще придется возвращаться: едва ли не самое существенное своеобразие Руси, Россия среди основных стран Европы и Азии определяется тем громадным по своему значению обстоятельством, что она — в отличие от Англии, Франции, Германии, а также и от Индии,

[1]См.: *Добиаш-Рождественская О.А.* Культура западноевропейского Средневековья. — М., 1987; эта женщина, между прочим, явилась прообразом героини романа А.И. Солженицына «Октябрь шестнадцатого» Ольды Андозерской (см. «Наш современник» за 1990 год).

историей в полном смысле этого слова. Племена, населявшие ту территорию, на которой начали развиваться русская государственность и культура, не только не создали высокоразвитую цивилизацию, но и были, без сомнения, менее «цивилизованными», чем ставшие ядром новой страны славянские племена.

Как уже говорилось, Русь на первых этапах своего бытия самым активным образом вбирала в себя опыт и энергию окружающего мира; но нельзя не сознавать коренного различия между усвоением приходящих извне культурных уроков и опорой на наращенную веками и тысячелетиями почву «туземной» цивилизации. В свете этого вполне понятно, почему западноевропейские эпосы были записаны на полтысячелетия ранее (или даже еще раньше), нежели русские.

Стоит сразу же сказать и о том, что эту «молодость» цивилизации на Руси следует понять именно как *своеобразие*, а вовсе не только (хотя слишком часто вопрос решается именно в таком плане) как «негативное» качество ее судьбы. Своеобразие само по себе отнюдь не является «оценочной» категорией; оно предполагает, говоря просто и коротко, и недостатки, и преимущества (в сравнении с другими своеобразными явлениями).

Это можно увидеть, в частности, и в судьбе русского эпоса. С одной стороны, позднее, слишком позднее письменное закрепление его образцов неизбежно означало искажение и затемнение их первоначального, исконного облика. Каждое поколение, передававшее дальше из уст в уста былины, вносило в них те или иные новшества, а также ис-

См.: *Добиаш-Рождественская О.А.* Культура западноевропейского Средневековья. — М., 1987; эта женщина, между прочим, явилась прообразом героини романа А.И. Солженицына «Октябрь шестнадцатого» Ольды Андозерской (см. «Наш современник» за 1990 год).

кажения и неясности (ибо что-то уже полностью забывалось). А поскольку со времени формирования русского эпоса (к XI веку) до его широкой и полноценной записи (в 1860—1870 годах) сменилось около тридцати человеческих поколений, позднейшие «наслоения» и потери, конечно, не могли не быть значительными.

Но в то же время есть все основания утверждать, что и записи западноевропейского эпоса, сделанные в X—XIII веках, имели свои «недостатки». Один из них, очевидный, заключается в том, что записи той далекой поры ставили перед собой как раз задачу «улучшить», «усовершенствовать» фиксируемые ими древние «подлинники»; это выражалось, в частности, в стремлении создать из имеющихся эпических сказаний целые *поэмы, эпопеи,* подобные «Песне о Нибелунгах» и «Песне о Роланде».

Между тем В.Я. Пропп убедительно показал, что «эпос любого народа всегда состоит только из разрозненных, отдельных песен. Эти песни обладают внутренней цельностью и до некоторой степени внешней объединяемостью... эпос обладает не внешней целостностью, а внутренним единством, единством образов героев, одинаковых для всех песен, единством стиля и, главное, — единством национально-идейного содержания... Но это внутреннее единство не то же самое, что внешняя целостность, замкнутость, законченность. Подлинный эпос всегда состоит из разрозненных песен, которые народом не объединяются, но представляют собой цельность. Эпопея же внешне едина, но внутренне мозаична... Эпос, как мы видели, целостен по существу и разрознен по форме своего выражения»[1].

[1] *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. Избранные статьи. — М., 1976. С. 311, 312, 313.

Русские былины, ждавшие своей записи несколько столетий, не объединились в эпопею (хотя отдельные попытки в этом направлении известны — например, «составная» былина «Три поездки Ильи Муромца»). Таким образом, долгая передача эпоса в устной традиции имеет и свое преимущество перед теми или иными стародавними записями, ибо в определенных отношениях она вернее сохраняла изначальную природу эпоса.

Тем не менее наша историко-литературная наука, которая, обращаясь к изучению развития западноевропейских литератур, начинает, как правило, с эпоса, рассматривая его в качестве исходной основы всей последующей истории данной литературы, при обращении к русскому искусству слова только в очень редких случаях кладет в его начало национальный эпос. И это представляется мне ничем не оправданным изъяном и истории, и историософии — или, если выразиться более прозаически, «теоретической истории», либо «исторической теории» — отечественной литературы.

Осознанию и утверждению богатырского эпоса в качестве неотъемлемой *начальной* стадии истории русского искусства слова не должна препятствовать и мелодическая сторона былин, в которых, как доказывалось выше, напев являл собой прежде всего мнемоническое средство, способ сохранения словесной ткани; исполнение былины — это, строго говоря, не «пение» в собственном смысле, а напевная форма декламации (как отмечалось, сказители могли обходиться и без напева). Поэтому, в отличие от собственно песенных жанров, былины представляют собой прежде всего и главным образом *искусство слова,* лишь «упрочняющее» себя напевом.

Выше уже были предложены некоторые аргументы в пользу того представления, что былинный эпос сложился к XI веку, то есть ранее дошедших

до нас собственно литературных произведений (таких, как «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, «Повесть временных лет», созданные Нестором жития Бориса и Глеба и Феодосия Печерского и др.)

Следует подчеркнуть, что речь идет об эпосе как целостном явлении (хотя и состоящем из отдельных былин), как вполне определенном *жанре*. Влиятельная историческая школа в изучении эпоса (как в прошлом веке, так и в наше время) чаще всего имеет в виду скорее *отдельные* былины (или даже их элементы), чем эпос в целом. Если выразиться резко, эта школа нередко, по сути дела, «за деревьями не видит леса».

Нет сомнения, что в былины проникали «реалии», относящиеся к самым разным временам и различным событиям; можно допустить также, что те или иные былины возникали в силу каких-либо причин позднее или даже значительно позднее эпохи рождения эпоса как таковой. Но для понимания существа дела необходимо прежде всего изучить и понять русский эпос в его целом как порождение, как плод *определенного* исторического периода.

Едва ли будет преувеличением утверждать, что две наиболее влиятельные школы изучения эпоса, мифологическая и историческая (оба эти направления в тех или иных своих тенденциях наличествуют в работах о былинах и поныне), в значительной мере игнорировали собственную суть русского эпоса: мифологическую школу более всего интересовала, так сказать, его *предыстория* — те образы и сюжеты, которые уходят корнями в наиболее архаическое, догосударственное сознание народа, — а историческую школу, напротив, то, что можно назвать *постисторией* эпоса — вовлечение в него (нередко, между прочим, мнимое)[1] событий, имен, названий, которые отражены также и в летописях, и в других позднейших (в сравнении с эпосом) источниках.

Историческую школу, начавшую свое развитие в 1860-х годах и занявшую господствующее положение в «былиноведении» в 1890-е годы, многократно подвергали критике за то, что она с помощью всякого рода произвольных толкований и натяжек пытается связать те или иные былины с известными из других словесных памятников событиями и лицами различных эпох. В данном случае важно подчеркнуть, что, обращаясь к сведениям из летописей и иных источников XI и последующих столетий, представители исторической школы волей-неволей перемещали былины в более поздние времена — в период борьбы с половцами (последняя треть XI века — начало XIII века), или монголами (XIII—XV вв.), или даже во времена Ивана Грозного и Смутного времени.

Правда, один из последних крупных представителей этой школы (которая, кстати сказать, в 1930-х годах подверглась идеологическому разгрому за «теорию аристократического происхождения» былин), ученик В.Ф. Миллера — Б.М. Соколов в конце жизни решительно высказал следующее убеждение: «... как ни велики отголоски[1] в дошедших *до нас* воинских былинах боевых событий XII—XIII вв. из эпохи татарской и половецкой, все же *основное сложение* былин и образование эпического цикла вокруг г. Киева и кн. Владимира нужно отнести по всей справедливости к еще более *ранней* эпохе и связать с деятельностью великого князя Владимира Святосла-

[1] Речь идет о «похожих», могущих быть с помощью различных натяжек отождествленными деталях былин и летописей.

[1] Еще раз отмечу, что эти отголоски, вполне возможно, мнимые: речь идет, скорее всего, только о сходстве событий, имен, поступков, имеющихся в былинах и, с другой стороны в летописях.

вича, его ближайших предков и непосредственных потомков»[1].

Однако, несмотря на высокий авторитет этого ученого (как и его брата и единомышленника Ю.М. Соколова), некоторые позднейшие исследователи исторической школы, выступившие в 1950—1980-х годах, продолжали прочно связывать эпос с событиями конца XI века (прежде всего — борьбой с половцами) и дальнейших столетий и тем самым так или иначе относить их рождение к более поздней, нежели в действительности, эпохе.

Собственно «историческая» ценность эпоса состоит прежде всего в том, что он непосредственно запечатлел реальность IX—X веков, между тем как летопись начала создаваться едва ли ранее середины XI века. Но вместо того чтобы опереться на этот древнейший «источник», его как бы заставляют «дублировать» летопись...

Итак, высказано несколько соображений, которые побуждают или даже заставляют относить рождение русского героического эпоса к IX—X векам (истинно «героический» характер именно этого времени; явное принципиальное отличие искусства песнотворца XI века Бояна от былин как более ранней стадии словесности; вооружение богатырей, совпадающее с тем самым вооружением, которое известно по наиболее древним летописным сведениям и археологическим исследованиям материальной культуры, существовавшей ранее XI века).

Теперь необходимо напомнить уже приведенные (в другой связи) уверенные, опирающиеся на убеждения ряда предшественников слова Б.Н. Путилова о том, что «северные сказители не внесли ничего нового в состав русского эпоса... северорусская былина не является чем-то... новым, иным» — это та же «древнерусская былина». И теперь мы обратимся к истории «сохранения» эпоса — от X до XX века.

[1] *Соколов Б.М.* Русский фольклор. Вып. 1. — М., 1929. С. 62.

В изучении этой проблемы в последнее время были сделаны настоящие *открытия,* которые, помимо прочего, связаны и с обоснованием верной «датировки» сложения русского эпоса. Особенно важно, что дело идет не о собственно литературоведческих и фольклористических, но *историографических,* а также этнографических открытиях, выяснивших ту конкретную *реальность* жизни Руси, в которой совершалась судьба русского эпоса.

Это, во-первых, исследование С.И. Дмитриевой «Географическое распространение русских былин» (1975), которое исходит из того бесспорного факта, что основной массив былинного эпоса сохранился в одном определенном регионе русского Севера, так называемого *Поморья* (термин известен с XIV века), — от Онежского озера и Белого моря до Печоры. Конечно, сам по себе этот факт был общеизвестен давно, но С.И. Дмитриева, основываясь на нем, сумела достоверно доказать, что эпос имеет, во-первых, древнейшее (не позже XI века) происхождение и, во-вторых, что само его широкое бытование на всей или по крайней мере основной территории Руси завершилось весьма рано и сохранилось по-настоящему только в Поморье.

С.И. Дмитриева пишет, что «сопоставление былинного ареала с показаниями письменных источников, антропологических, этнографических и диалектологических данных позволяет утверждать, что распространение былин на русском Севере можно связывать только с новгородскими (это не вполне верно, о чем будет сказано ниже. — *В.К.*) переселенцами. В областях, заселенных из Ростово-Суздальской земли, былинная традиция отсутствует... что... в свою очередь, позволяет сделать вывод, что населению Ростово-Суздальской земли, во всяком

случае, ко времени усиленного переселения оттуда (XIV—XV вв.), былевой эпос не был известен»[1].

Вывод этот многосторонне аргументирован в исследовании С.И. Дмитриевой; в частности, она показывает, что если даже селение выходцев с юга расположено в ближайшем соседстве с селением выходцев с запада, «новгородцев», в первом былин нет, их не принесли с собой и даже не усвоили от соседей. Характерна, например, ссылка С.И. Дмитриевой на статью знаменитого собирателя былин А.В. Маркова, который установил, что «былины поют на Терском берегу (одна из местностей Поморья. — *В. К.)* везде, кроме с. Поноя». «Это мне показалось загадочным, — пишет он, — но потом дело случайно разъяснилось... крестьянин мне сообщил, что предки русского населения Поноя переселились из «Москвы», то есть из центральной России. Московские выходцы... даже не научились старинам» (с. 49).

Опираясь на такие и многие иные факты, исследовательница заключает, что «к XIV—XV вв. былин не было на всей территории Руси, кроме Новгородской земли» (с. 93), вернее (о чем еще пойдет речь), северо-восточной части этой земли — Поморья. Но XIV—XV века — это только полностью достоверная дата; по-видимому, былины сходят со сцены еще значительно раньше. С.И. Дмитриева ссылается, например, на убеждение известного историка Б.А. Рыбакова, много занимавшегося проблемой возникновения былинного эпоса: «Б.А. Рыбаков в своей последней работе по эпосу... относит большинство былин к трем последним десятилетиям

[1] *Дмитриева С.И.* Географическое распространение русских былин по материалам конца XIX — начала XX в. — М., 1975. С. 41. Книга опирается на целый ряд более ранних работ (В.Ф. Миллера, А.В. Маркова, Н.Е. Ончукова, С.Ф. Платонова, А.Н. Насонова, Р.С. Липец, М.В. Витова и др.), но поднимает отдельные наблюдения и выводы на уровень существенного обобщения.

X века. Середину XII—XIII в. он рассматривает как время угасания былинного жанра» (с. 80). Что же касается датировки формирования эпоса, С.И. Дмитриева подводит итог так: «Связь... эпических традиций с ранними потоками новгородских переселенцев на нижнюю Двину (XI—XII вв.) дает основание отнести сложение основного ядра богатырского эпоса ко времени, предшествовавшему этому переселению» (с. 82), то есть времени до XI века.

Итак, начав проникновение в Поморье не позднее XI века, эпос будет сохраняться там до XX века, между тем как на основной территории Руси не позже чем с XII века идет процесс его «угасания».

Перейдем теперь к другой многое открывающей работе — исследованию Т.А. Бернштам «Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в.» (Л., 1983); ей предшествовала выдвинувшая некоторые основные понятия книга того же автора «Поморы. Формирование группы и система хозяйства» (Л., 1978).

Ставя вопрос о корнях народной культуры Поморья, Т.А. Бернштам весьма существенно корректирует концепцию С. И. Дмитриевой: «Отводя Новгороду безусловно значительное место, — пишет она, — мы тем не менее утверждаем, что начальный этап в освоении Севера — X—XI вв. можно уверенно называть и общерусским, поскольку в нем в качестве самостоятельных компонентов принимали участие жители Южной Руси — Киева и «Русской земли»[1], собственно, и олицетворявшие общерусские интересы...»[2].

Речь идет о том, что освоение Поморья перво-

[1] Это понятие развернуто исследовано в ставшей уже классической книге: *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. — М., 1951.

[2] *Бернштам Т.А.* Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. — Л., 1983. С. 6.

начально шло вовсе не из Новгорода (возникшего, как отмечалось, сравнительно поздно), но из *Ладоги* — города в устье Волхова, который уже в IX веке стал северным форпостом Киева, его своего рода дальним «филиалом». Выше говорилось о Ладоге как древнейшем (возможно, с середины VIII века) городе Руси, в котором, в частности, Олег, придя в конце IX века из Киева, где он правил, воздвиг первую на Руси *каменную* крепость[1]; Новгород в это время еще не существовал, хотя уже имелось небольшое поселение на расположенном рядом с ним острове (оно получило впоследствии название «Рюриково городище»). Видимо, именно в Ладоге (Невогороде) провел свои юные годы Святослав, и вообще с конца IX до последней четверти XI века Ладога принадлежала прямо и непосредственно Киеву, а не Новгороду.

Т.А. Бернштам обоснованно утверждает в своей книге, что наиболее древние из известных нам русские поселения в Поморье «отмечают пути не столько новгородского, сколько ладожского освоения Севера» (исследовательница ссылается здесь, в частности, на ряд первооткрывательских работ филолога В.Я. Дерягина).

Давно — уже со времен А.Н. Веселовского — доказано и общепризнано, что основной массив русского героического эпоса сложился в южной, собственно Киевской Руси. Это можно подтвердить, в частности, типичной *пространственной* характеристикой действия, развертывающегося в героических былинах: богатыри совершают свои подвиги, как правило, в *«чистом поле»*, простирающемся от Киева к *«синему морю»*. Ясно, что речь идет именно и только о причерноморской степи, но необходимо осознать, что это не просто территориальная, но вместе с тем и *временная* характеристика, ибо русские постоянно ходили к Черному морю (оно даже звалось тогда «Русским») лишь в IX—X веках; в XI веке выход к морю связан почти исключительно только с Тмутараканью, где до начала XII века был центр дальнего русского княжества, а затем даже и само устремление к южному морю надолго, на два-три столетия, прекратилось... Поэтому движение через «чистое поле» к «синему морю» — это, если воспользоваться термином М.М. Бахтина, основной былинный *хронотоп,* выражающий единство не только места действия, но и определенного времени, определенного исторического периода.

[1]См., напр., раздел «Укрепление Олега Вещего» в книге: *Кирпичников А.Н.* Каменные крепости Новгородской земли. — Л., 1984. С. 28—42.

Однако вернемся к проблеме былинного Поморья. С.И. Дмитриева, утвердив ряд очень важных положений о судьбе русского эпоса, напрасно связала его именно и только с Новгородом (в ее книге сказано, например, что «известную нам былинную традицию можно рассматривать как новгородскую интерпретацию русского эпоса» — с. 91). Не исключено, что и в Новгороде были в той или иной мере известны пришедшие с юга, из Киева, героические былины. Однако в Поморье былины проникали прежде всего из Ладоги, которая имела постоянную прямую связь с Киевом, откуда приходили дружинники и другие люди княжеского окружения, принося с собой былины. Из Новгорода проникли в Поморье главным образом уже собственно новгородские сказания о Василии Буслаеве и Садко (сложившиеся намного позднее киевских), а не героические южнорусские былины.

Т.А. Бернштам говорит, в частности, о том, что, даже попадая в Новгород, южнорусские былины «безусловно испытывали воздействие иного общественно-политического и социально-культурного характера в оппозиционном Киеву Новгороде... Обособление Новгорода... тормозило развитие там

ряда общерусских тенденций... вызвало появление специфически новгородских сюжетов и мотивов в общем пласте героических Преданий («Садко», «Василий Буслаев»), возможно, за счет сокращения или изменения древнерусского героического репертуара». (С. 203, 204.)

Необходимо подчеркнуть, что собственно новгородское овладение Поморьем (и его освоение) обозначило собой переход к совершенно новой эпохе истории Руси, которая именуется обычно эпохой «феодальной раздробленности». При Ярославе Мудром и некоторое время после его кончины (1054) известное единство Руси сохранялось, но затем достаточно быстро происходит обособление отдельных княжеств и земель, в том числе и Новгородской земли. В частности, Ладога, которая, несмотря на свою тысячекилометровую отдаленность от Киева, была с ним нераздельно связана, не позднее 80-х годов XI века переходит в подчинение Новгорода, становится городом Новгородской земли[1].

И былины, пришедшие через Ладогу в Поморье, сохраняются там не как новгородский вклад в местную культуру, но как наследие уже не *существующей* единой Руси.

Любопытно, что С.И. Дмитриева в новой своей книге — «Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера» (1988) — по сути дела, в той или иной мере «пересматривает» свою концепцию *новгородского* происхождения поморского фонда былин. Характеризуя быт и прикладное искусство наиболее богатого былинами, занимающего в этом отношении, по ее словам, «первое место среди уездов России» (с. 56) района Поморья — Мезени (местность вдоль реки, текущей между Северной

[1]См. об этом, напр.: *Мачинский Д.А. Мачинская А.Д.* Северная Русь. Русский Север и Старая Ладога в VIII—XI вв. — В кн.: Культура Русского Севера. — Л., 1988. С. 56.

Двиной и Печорой), исследовательница показывает, что «линия... связей культуры русских Мезени отклоняется к югу, в Поднепровье» (с. 228); далее приводится ряд примеров близости или даже тождества мезенских обрядов с украинскими (то есть первоначально древнекиевскими).

И в прикладном искусстве Мезени выступает на первый план именно то, что, по словам С.И. Дмитриевой, «считается наиболее характерным для южнорусского населения» (с. 229). Так, именно «с южнорусскими областями связаны свастические (то есть в виде индоевропейской свастики. — *В.К.)* элементы орнамента, дожившие до наших дней в изделиях прикладного искусства Мезени — вязаных варежках, носках, тканых поясах и т. п.» (с. 230). Словом, ясно обнаруживается «направление культурных связей русского населения Мезени, объединяющих его с южнорусскими районами» (с. 229), причем исследовательница подчеркивает, что это «привлечение... древних элементов фольклора и изобразительного искусства позволяет вскрыть архаические пласты этнических связей, особенно важных и убедительных». (С. 231.)

Но, конечно, все это вполне естественным будет отнести и к мезенским былинам, которые также пришли отнюдь не из Новгорода, а из Южной Руси через Ладогу. В последней своей книге С.И. Дмитриева рассказывает об очень многозначительном наблюдении, сделанном ею в том же самом Мезенском районе. Раз в год здесь совершались своеобразные ритуальные хороводы — «круги», которые «обходили кругом всю деревню, обязательно по движению солнца». Осуществляя этот явно древнейший «солярный» обряд (свастика ведь также символ солнца), «первыми шли девушки «высоких», «коренных» фамилий... «высота» фамилии или «рода» зависела не от богатства, а от древности рода. К высоким, древним родам относились потомки са-

мых первых поселенцев... Удалось установить связь, — заключает С.И. Дмитриева, — между представителями «высоких» фамилий и сказителями былин. Большинство последних, за редким исключением, принадлежали к потомкам «коренных» фамилий... Среди них обязательно находились люди, в той или иной степени сохранившие память о самих былинах или слышавшие о былинах от своих предков». (С. 57, 58.)

Речь идет, следовательно, о том, что в среде тех поселенцев Поморья, которых С.И. Дмитриева в первой своей книге называла «новгородцами», выделялись древнейшие («коренные», «высокие») роды, пришедшие на Север ранее основной массы населения. И именно они принесли в Поморье былины. Здесь необходимо осознать, что в этом сообщении С.И. Дмитриевой сопоставляются не выходцы с запада (из Новгородской земли) и с юга (из Ростово-Суздальской Руси, которая к моменту переселения части ее жителей в Поморье уже утратила эпос); нет, оказывается, что и в самой среде переселенцев с запада имелись два различных пласта — древнейший, принесший с собой южнорусские былины, и более поздний, не обладавший этим наследием. Естественно понять это различие именно как различие наиболее ранних *ладожских* «первопроходцев» и приходивших в Поморье лишь с конца XI века *новгородских* переселенцев, которые не знали былин, — за исключением собственно новгородских, которые и сложились-то значительно позднее (былины о Садко и Василии Буслаеве). «Коренные», «высокие» роды — это, очевидно, те, которые пришли в самый ранний период из Киева через Ладогу, неся с собой основные былинные богатства.

Итак, в Поморье, на много столетий ставшем заповедным царством русского эпоса, былины пришли из Киева через Ладогу — древнейший северный город. Кстати сказать, движение русских людей из Ладоги в Поморье началось, как это хорошо известно, в самые древние времена.

До прихода туда русских Поморье населяли финские племена. И Т.А. Бернштам напоминает в своей не раз уже цитированной книге, что в Приладожье и Прионежье (то есть в тех местностях, по которым шло переселение русских к северо-востоку) «интенсивные славяно-финские языковые контакты восходят к VIII—X вв.» (с. 219), то есть к собственно «былинной» эпохе.

К этому можно добавить выводы С.И. Дмитриевой, которая, опираясь на скрупулезные исследования М.В. Витова[1], пишет, что основные «былинные» места Поморья «были заселены переселенцами с нижней Двины, а последняя составляла область Севера, с древнейших времен заселенную славянами... уже с XI—XII вв. здесь были славянские поселения, тогда как связи славян с этими землями завязались значительно раньше» (указ. соч., с. 51, 52), то есть уже в VIII—X вв., о чем пишет и Т.А. Бернштам.

Итак, былины пришли в Поморье уже к XI веку и с тех пор хранились в памяти прежде всего тех «высоких», «коренных» поморских родов, о которых столь интересно говорится в новейшей книге С.И. Дмитриевой.

Может показаться даже и неправдоподобным такое долгое — почти тысячелетнее — сохранение эпической памяти в Поморье. Однако речь ведь идет, говоря точно, о — не меньше, но и не больше! — *тридцати* человеческих поколениях, а если учесть, что каждые три поколения (дед — отец — внук), как правило, непосредственно знают друг

[1] См. в частности: *Витов М.В.* Антропологические данные как источники по истории колонизации Русского Севера. — «История СССР». — 1964, № 6.

друга и, следовательно, составляют *единое,* нераздельное звено в исторической цепи, то «передача» памяти должна была совершиться через посредство всего лишь *десяти* таких звеньев («замыкающий» звено внук передавал память своему сыну, «открывающему» следующее тройственное звено).

Разумеется, эта устойчивая передача памяти опиралась на определенные подкрепляющие стимулы, которые имели уже не личный или семейно-родовой, а гораздо более широкий, в конечном счете народный характер. Существуют давние (еще с середины XIX века) и разнообразные попытки объяснения устойчивости бытия эпоса в Поморье; обзор этих объяснений см., например, в изданной в 1966 году и не раз уже упомянутой книге А.М. Астаховой «Былины. Итоги и проблемы изучения». (С. 227—231.)

Все перечисленные там объяснения сохранности эпоса в Поморье имеют свое значение, но я полагаю, что *главную,* исходную причину определил еще А.Н. Веселовский, который усматривал суть дела именно в самом факте «занесения» эпоса, сложившегося в Южной Руси, в иной, северорусский мир. «...Занесенный эпос, — писал ученый, — легче объективируется, принимается как поэтическое данное... чем эпос, не «отрывающийся от почвы и питающийся живыми отголосками исторических событий, впервые вызвавших его к жизни»[1].

Это очень веское и убедительное соображение: в Южной Руси эпос должен был бы жить на *той же самой* почве, которая его породила и которая, однако, продолжая непрерывно изменяться, снова и снова заставляла меняться и сам эпос и в конце концов преобразила его в нечто совсем иное (скажем, Бояновы песни). Уже давно известно, что некоторые былинные мотивы и образы сохранились в качестве элементов совершенно иного, фольклорного, точнее, обрядово-фольклорного, жанра — колядок. В этот сомкнутый в себе мир обряда историческая действительность не вторгалась так властно, как в эпос, и он тысячу лет сохранял древнейшие детали и черты. Исследователь, посвятивший данной проблеме ряд работ, пишет, в частности: «Украинские колядки, народные песни, относительно хорошо сохраняющие особенности древнерусского эпического стиля Киевской эпохи... свидетельствуют о том, что во многом близкие им по своей поэтике русские былины создавались в той же народной среде[1]».

Но, повторю, все новые и новые воздействия вроде бы той же самой, но непрерывно и решительно изменяющейся действительности Южной Руси, которая породила эпос, не дали ему возможности сохраниться здесь сколько-нибудь долго; между тем, оказавшись в *совсем ином* мире Поморья, эпос как бы законсервировался.

Здесь, впрочем, никак нельзя не учитывать и очень существенное положение, выдвинутое Т.А. Бернштам: «...Эпос получает *наивысшее развитие* (выделено мною. — *В.К.)* в этнических окраинах. Все былинные очаги находятся в районах, представляющих, как правило, одновременно естественную границу России». Это обусловлено следующим: «...если жителям... ставших центральными областей Русского государства не было нужды в архаичных «героических символах» для поддержки Русского самосознания, то населению Севера... ге-

[1] *Веселовская А.Н.* Русский эпос и новые его исследователи — Халанский и Дамберг. — «Вестник Европы», 1888, июль, с. 153.

[1] *Плисецкий М.М.* Героико-эпический стиль в восточнославянских колядках. — В кн.: Обряды и обрядовый фольклор. — М., 1982. С. 206; см. также более раннюю работу: *Гацак В.М.* Эпос и героические колядки. — В кн.: Специфика фольклорных жанров. — М., 1973. С. 7—52.

роические предания были необходимы для проявления этнического (национального) утверждения и самовыражения. Поэтому-то, нам кажется, здесь произошло... возрождение памяти о героическом прошлом, приведшее к настоящему взрыву эпической поэзии» (цит. соч., с. 206, 207).

Чтобы яснее это понять, необходимо иметь в виду, что эпос может сохраниться не только при наличии тех, кто его помнит и исполняет; не менее существенно и наличие слушателей, среды, то есть некой части *народа, у* которого есть настоятельная потребность в эпосе. Так было в Поморье; этим же объясняет Т. А. Бернштам и сохранение эпоса (хотя и не столь целостное и совершенное, как в северном «углу» Поморья) в других «окраинных» регионах — в Заволжье и Приуралье, в Сибири, в казачьих областях.

В связи с этим нужно вернуться и к обсуждавшемуся выше исследованию С.И. Дмитриевой «Географическое распространение русских былин». Дело в том, что книга эта была подвергнута существенной критике в работе Ю. А. Новикова, опубликованной в 1988 году. Не буду касаться отдельных критических суждений, подчас весьма основательных. Но Ю.А. Новиков оспаривает и наиболее весомый, по моему убеждению, вывод С.И. Дмитриевой о раннем «угасании» эпоса за пределами Поморья.

Выше уже не раз и с разных точек зрения рассматривался вопрос о том, что русский героический эпос, сложившись к XI веку, уже к XII веку начинает, так сказать, сходить со сцены, сохраняясь лишь в совершенно специфических условиях (в том же Поморье). Не исключено, что это утверждение может показаться неоправданным и даже странным: мощный и богатый мир поэтического слова вдруг теряет свое значение для потомков, вытесняется другими явлениями словесности.

Однако если вдуматься, это — типичная, почти

всеобщая судьба древнего эпоса. Ведь в западноевропейских странах эпос, несмотря даже на то, что он был очень рано (в IX—XIII веках) зафиксирован письменно, точно так же сходит со сцены и вообще полностью «забывается». Его вспоминают заново, по сути дела «открывают», гораздо позднее — через полтысячелетия и более — в XVIII или даже XIX веке; именно тогда его начинают публиковать и изучать, и, наконец, создавать на его основе различные новые произведения — скажем, роман Жозефа Бедье «Тристан и Изольда» или героико-эпические оперы Рихарда Вагнера.

В высшей степени примечательно, что западноевропейский эпос дольше всего сохраняет живую жизнь в «отрезанной» от европейского континента Исландии, которая по-своему сравнима, сопоставима с русским Поморьем; закономерно, что Поморье давно стали называть «Исландией русского эпоса».

Словом, тем людям, которым кажется неправдоподобным столь раннее (по-видимому, уже к XII веку) «угасание» русского эпоса, следует осознать, что неправдоподобной — на фоне общей судьбы эпоса — явилась бы как раз его длительная и активная жизнь в условиях быстро и решительно изменявшегося исторического бытия основной территории Руси XI века и позднее. Достаточно напомнить то, о чем подробно говорилось: до Ярослава Русь постоянно выходила за свои пределы, что и запечатлено со всей очевидностью в эпосе, а после Ярослава она как бы замкнулась во внутреннем бытии — вплоть до жизни отдельных княжеств. И постоянные дальние походы былинных героев оказались чем-то «чуждым» новому образу жизни.

И Ю.А. Новиков, возражая против одного из главных и наиболее ценных положений книги С.И. Дмитриевой (о том, что на основной террито-

рии Руси, за исключением «окраин», эпос перестает существовать уже весьма рано), в сущности, не приводит — да не может привести — действительно основательных аргументов в пользу иного понимания судьбы эпоса.

С. И. Дмитриева достаточно убедительно показала, что «былинные очаги», сохранившиеся, например, в отдельных районах Сибири, были занесены туда именно и только переселенцами из Поморья, или, как она определяет, «новгородцами» (о неточности этого определения подробно говорилось выше).

Но рассмотрим все же доводы Ю.А. Новикова. Он настаивает на том, что эпос существовал в тех или иных регионах за пределами Поморья значительно дольше, чем считает С.И. Дмитриева: «Одним из самых неубедительных в книге (Дмитриевой. — *В.К.)* является раздел, посвященный эпическим традициям (или их остаткам), обнаруженным за пределами Олонецкой и Архангельской губерний... автор неоднократно и довольно категорично говорит об отсутствии в XIV—XV вв. (собственно, речь идет у С.И. Дмитриевой даже о более ранней временной границе — XII—XIII вв. — *В.К.)* былинной традиции в Ростово-Суздальской и Московской землях, в центральных и южных областях России, на Украине и в Белоруссии...» «Что касается былин, записанных в Приуралье, отчасти в Поволжье и на Дону, — цитирует Ю.А. Новиков книгу С.И. Дмитриевой, — то, как заметили многие исследователи, это остатки главным образом слабых эпических традиций в районах, куда также распространился поток переселенцев из северных губерний». «Это явная натяжка, — возражает Ю.А. Новиков и не без едкости резюмирует: — О слабости былинной традиции в этих краях действительно писали многие, но, насколько нам известно, никто не

считал донских казаков потомками новгородцев»[1] (или, скажу уже от себя, поморов. — *В.К.*).

Последнее возражение звучит внушительно, ибо донские казаки в самом деле сохранили — пусть и далеко не с такой полнотой, как поморы, — былинный эпос, а ведь нет ровно никаких оснований полагать, что они получили былинную традицию от поморов. Из этого, в свою очередь, неизбежно следует, что к моменту образования казачества (почему оно, как и поморы, хранило эпос, ясно показано в цитированных выше суждениях Т.А. Бернштам об особенностях сознания на «окраинах») былины еще жили на Руси — по крайней мере, в тех ее частях, откуда явилось казачество. В результате возникает естественное сомнение в том, что былинный эпос «угас» на Руси (за исключением Поморья) уже в очень раннюю эпоху. Ибо общепринято представление, согласно которому казачество начало формироваться лишь в XV или даже в начале XVI века. И как бы приходится признать, что еще в XV веке на Руси широко звучали сказания об Илье Муромце и других богатырях, которые и унесли с собой в свои «вольные края» казаки.

Однако недавно вышла книга, каковую, как и некоторые названные выше, с полным правом можно считать настоящим научным открытием. Это изданная, увы, микроскопическим тиражом работа А.А. Шенникова «Червленый Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подолья в XIV—XVI вв.» (Л., 1987).

В книге тщательно изучены судьбы во многом «загадочной» земли и ее населения, связанных с наименованием «Червленый Яр». Речь идет об из-

[1] *Новиков Ю.А.* Точку ставить рано... О концепции новгородского происхождения русской былинной традиции. — В кн.: Фольклор. Проблемы историзма. Отв. ред. В.М. Гацак. — М., 1988. С. 34, 35.

давна заселенном выходцами из основной Руси пространстве между реками Воронежем и Хопром, а если мерить с севера на юг — от реки Цны до нынешней станицы Вешенской на среднем Дону (ныне это пространство входит своими отдельными частями в Липецкую, Тамбовскую, Воронежскую, Волгоградскую и Ростовскую области). Давно установлено, что восточнославянские — главным образом северянские — поселения имелись здесь еще в VIII—IX веках (затем русские вынуждены были уйти отсюда из-за различных опасностей, связанных с военной практикой Хазарского каганата — о чем ниже), но гораздо менее известно, что никак не позже XII века (а вернее, даже еще ранее — вскоре после гибели Хазарского каганата, в конце X века) сюда снова явились русские переселенцы. Они оказались вне власти какого-либо княжества, и именно здесь, на этой мало ведомой окраине тогдашней Руси, как аргументированно доказывает в своей книге А.А. Шенников, начало складываться казачество.

В дальнейшем мы еще будем касаться судьбы этой давней окраины Руси, но сейчас важно утвердить одно: будущие казаки, очевидно, принесли сюда эпос не в XV—XVI веках, а *не позднее* XII века (то есть, возможно, и в XI веке), когда его жизнь действительно еще продолжалась на Руси (кстати сказать, само слово «казак» широко употребляется в письменности уже с XV века; в устный язык оно вошло, без сомнения, намного раньше). И в Червленом Яре, естественно, была та настоятельная потребность «окраинного» населения в сохранении эпоса как основы национального самосознания, о которой справедливо говорит в своей книге Т.А. Бернштам. Словом, и время, и самый характер бытования эпоса в казачьей среде соответствуют тому, что имело место далеко на севере, в Поморье. Но поскольку историческая судьба казачества

была, так сказать, более бурной, чем у поморов, эпос сохранился в его среде значительно хуже.

Концепция С.И. Дмитриевой, согласно которой былины уже в ранний период продолжали жить только в Поморье, подверглась критике еще и в недавней статье Т.Г. Ивановой «Былинная традиция на реке Ваге»[1]. Речь здесь идет о том, что в 1840-х годах топограф Алексей Харитонов записал несколько былин в Шенкурском уезде Архангельской губернии, где жили в основном переселенцы не из Ладоги, а из Ростовской (или, иначе, «низовской») Руси; это вроде бы ставит под сомнение выводы С.И. Дмитриевой. Но едва ли можно считать критику Т.Г. Ивановой основательной. Во-первых, нет точных сведений о том, где странствующий по условиям своей профессии топограф записал былины, и поскольку Шенкурский уезд в северной своей части близок к пределам онежских и пинежских земель, возможно происхождение собранных А. Харитоновым текстов из этих основных былинных районов. Но дело не только в этом. Сама Т.Г. Иванова пишет: «...уже в первой трети XII столетия на Ваге... существовали новгородские (первоначально — ладожские. — *В.К.)* погосты. Однако новгородский колонизационный поток вскоре здесь был перекрыт низовской колонизацией» (с. 117). Это суждение никак не исключает возможности наличия на Ваге потомков пусть даже немногих самых ранних переселенцев из Ладоги, в среде которых и сохранились былины; очень характерно, что былины имелись здесь в самом малом количестве, а после 1840-х годов вообще, по сути, исчезли. Словом, полемика Т.Г. Ивановой никак не колеблет концепцию С.И. Дмитриевой.

Прежде чем идти дальше, целесообразно осмыслить одно вероятное сомнение. В своем месте

[1] «Русская литература». — 1991, № 2. С. 111—119.

говорилось о том, что былинный эпос очень рано сменяется на основной территории Руси другими жанрами — скажем, «княжескими славами» песнотворца второй половины XI века Бояна. И может смутить очевидное противоречие: в целом былины столь быстро сходят со сцены, а в Поморье они исполняются в течение долгих веков.

Однако ничего парадоксального в этом резком различии нет. Здесь уместно сопоставить судьбы современной «текущей» литературы, публикуемой, допустим, в ежемесячных журналах, и, с другой стороны, старинных книг, бережно и даже, так сказать, ритуально хранимых в основном библиотечном фонде. В наше время «волна» текущей литературы как бы полностью сменяется иной «волной» всего лет за десять — пятнадцать. Но это, в сущности, никак не влияет на статус основного фонда библиотек. Одно дело — повседневная жизнь литературы, и совсем иное — бытие «священного» наследия классики.

А былины в Поморье воспринимались именно как нечто священное, ниспосланное свыше, а не создаваемое реальными людьми. Об этом пишет, например, в своей книге Т.А. Бернштам: «Отношение к былине (старине) как божественному дару выражалось в том факте, что еще в XIX в. во многих северных районах исполнение былин происходило только в праздничные (т. е. «святые») дни». (С. 206.)

Словом, «обычное» развитие искусства слова и, с другой стороны, хранение былин в Поморье (и иных местах) — это принципиально разные феномены, которые нельзя мерить одной мерой.

Утверждение о поистине удивительной сохранности былин в Северной Руси отнюдь не является умозрительной гипотезой. Ведь в течение почти столетия, начиная с 1860 года, производились, например, записи былин (кстати сказать, с большими временными перерывами) от одной прионежской —

«рябининской» — династии сказителей. Ее родоначальник Трофим Рябинин родился еще двести лет назад, в 1791 году, а последний ее представитель — Петр Рябинин-Андреев скончался в 1953 году, и тем не менее, как свидетельствовала А.М. Астахова, «редакции Трофима Рябинина донесены до нашего времени без существенных переработок, и те изменения, которые вносит его потомок, выражаются по преимуществу в перестановках эпизодов и стихов, словесных перефразировках и т. п. и не дают принципиальных различий...»[1].

А.В. Марков писал в начале XX века о знаменитой сказительнице: «А.М. Крюкова прямо говорила, что проклят будет тот, кто позволит себе прибавить или убавить что-нибудь в содержании старин»[2]. Этот «императив» явно был присущ и творческому сознанию династии Рябининых. Кстати сказать, Трофим Рябинин «понял»[3] (по его выражению) былины от высокочтимых им его старшего друга Ильи Елустафьева, родившегося еще в 40-х годах XVIII века, и от своего также уже пожилого дяди по материнской линии Игнатия Андреева. И едва ли он «прибавлял» или «убавлял» что-либо к услышанному.

Таким образом, с конца XVIII до середины XX века (пять поколений!) основное в былинах могло, оказывается, сохраниться в почти неизменном виде. И трудно спорить с тем, что в предшествующие столетия возможность сохранения изначального, уходящего корнями в доярославову эпоху былинного фонда была не менее, или, скорее, даже более надежной. Поэтому мы имеем все основания рассматри-

[1] Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева. — Петрозаводск, 1948. С. 23.

[2] Беломорские былины, записанные А. Марковым. — М., 1901. С. 13.

[3] То есть взял.

вать дошедшие до нас былины как древнейшее, изначальное наследие русского искусства слова.

Итак, мы с разных точек зрения и в целом ряде аспектов рассмотрели проблему, которая наиболее просто и кратко определяется как «датировка» создания русского героического эпоса. Не исключено, что проблема эта может показаться кому-либо не настолько существенной и многозначащей, дабы тратить на ее обсуждение столько усилий и книжного текста. Но это далеко не так. Речь ведь идет и об установлении реального начала высокого развития русского искусства слова как важнейшей составной части отечественной культуры и — одновременно — о начальной стадии самой Истории Руси (ибо истинная история — о чем в своем месте шла речь — есть единство развития государственности и культуры). То есть, не решив эту проблему, мы не сможем основательно мыслить обо всей литературе Руси и даже об ее истории.

Наибольшее внимание было уделено судьбе героического эпоса в Поморье, где он сохранился с исключительной полнотой и верностью. И, как представляется, выше были приведены достаточно весомые доказательства в пользу того, что героический эпос пришел в Поморье с наиболее ранними переселенцами, которые двинулись туда из нераздельно связанной с IX до конца XI века с Южной Русью, с Киевом,— Ладоги. Это призвано (помимо ряда иных соображений) подтвердить, что русский героический эпос сложился (как и утверждает целый ряд его современных — и притом самых разных — исследователей) уже к XI веку. При этом (что не раз подчеркивалось) речь идет не о тех или иных *отдельных* былинах и тем более каких-либо их элементах, которые могли возникнуть позже и даже гораздо позже, но о героическом эпосе как жанре, как целостном феномене искусства слова и культуры вообще.

И последнее — но первое по важности. Доказать, что русский эпос был в целом создан к началу XI века, — значит осознать его как монументальный исторический «источник», запечатлевший эпоху IX—X веков, которая отражена в созданных позднее летописях и скудно, и обрывочно. Нет сомнения, что образы эпоса никак нельзя ставить в один ряд со сведениями исторических хроник. Но эти грандиозные образы воссоздают размах той борьбы, тех испытаний, которые выпали на долю Руси в героические века ее юности, в период становления ее государственности.

Видный современный историк Древней Руси А.Н. Сахаров писал недавно об известном сообщении из «Повести временных лет»:

«Под 965 годом следует запись: «Иде Святославъ на козары». За этой лаконичной и бесстрастной фразой стоит целая эпоха освобождения восточнославянских земель из-под ига хазар, превращения конфедерации восточнославянских племен в единое Древнерусское государство... Хазария традиционно была врагом в этом становлении Руси, врагом постоянным, упорным, жестоким и коварным... Повсюду, где только можно было, Хазария противодействовала Руси... Сто с лишним лет (точнее — почти полтора века, так как наиболее вероятная дата вторжения хазар в Киев — около 825 года. — *В.К)* шаг за шагом отодвигала Русь Хазарский каганат в сторону от своих судеб»[1].

Но именно эта борьба — о чем самым подробным образом будет сказано далее — и запечатлена прежде всего в монументальном художественном мире русского героического эпоса. Может показаться неоправданным, что объединяющим этот эпос героем является Владимир, а не Святослав,

[1] *Сахаров А.Н.* «Мы от рода русского...». Рождение русской дипломатии. — Л., 1986. С. 263.

нанесший, по сути дела, смертельный удар Хазарскому каганату; но, во-первых, Владимиру, как известно из ряда вполне достоверных источников, пришлось все же предпринять еще один, последний поход на каганат, а во-вторых, именно при нем Русь достигла того могущества, которое исключало самую возможность ее поражения в борьбе с какой-либо силой тогдашнего мира (только через два с половиной века такая сила явилась в лице Монгольской империи). Арабские источники свидетельствуют о «русах» конца X — начала XI века: «...У них независимый царь, и называется их царь Буладмир (Владимир. — *В.К.*)... Они — люди сильнейшие и очень могучие; они отправляются пешими в далекие страны для набега, плавают также на судах по Хазарскому (Каспийскому. — *В.К.)* морю... и плавают к Константинополю по Понтийскому (Черному. — *В.К)* морю... Их храбрость и мужество известны, ибо один из них равен некоторому числу людей из другого народа...»[1].

Это «описание», в сущности, совпадает с миром былинного эпоса, где, в частности, немало говорится о морских походах. Но к миру эпоса мы еще вернемся.

Вполне вероятно, что предшествующие страницы моего сочинения были восприняты читателями (хотя бы некоторыми) как чрезмерно «перегруженные» — перегруженные ссылками на различные работы историков, этнографов, фольклористов и т. д., выяснением идущих в их среде дискуссий, сопоставлением подчас далеко не совпадающих друг с другом концепций и т. п. Но необходимо понять, что каждый человек, стремящийся действительно знать и осмыслить отечественную историю, никак не может обойтись без такого ознакомления с современной ситуацией в исторической и смежных с ней науках.

[1] *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе, т. II. — М., 1967. С. 146, 147.

Уже из того, о чем было рассказано, явствует, что созданные в давние времена прославленные труды по истории России во многих отношениях «устарели», ибо наше знание прошедших эпох не стоит на месте, а непрерывно расширяется и углубляется. А между тем для не являющегося специалистом человека новые сведения и открытия, обретенные исторической наукой, в сущности, недоступны, ибо они (пока они еще не обобщены в обращенных к широким читательским кругам книгах) «разбросаны» в очень многочисленных посвященных отдельным и подчас очень узким сторонам и периодам отечественной истории работах, изданных к тому же, как правило, весьма небольшими или даже микроскопическими тиражами (несколько тысяч либо — сейчас это бывает сплошь и рядом! — всего несколько сот экземпляров). Кроме того, прийти к обоснованным выводам возможно лишь в ходе сопоставления и, так сказать, синтезирования этих отдельных работ — чем во многих случаях и занят автор данного сочинения.

Итак, чтобы обрести знание отечественной истории (и в том числе истории русского Слова), соответствующее «последнему слову современной науки», необходимо примириться с тем далеко не всегда «легким» способом изложения, которое я предлагаю читателям. Как я убежден, конечный результат при этом будет достаточно весомым и плодотворным.

Говоря о происхождении русского эпоса, нельзя не коснуться чрезвычайно существенной проблемы соотношения эпоса и христианства. В послереволюционное время усиленно насаждалось представление, согласно которому русские былины — это выражение-де чисто языческого бытия и сознания. Между тем в действительности былины, — хотя в

них, конечно же, присутствует мощный пласт древнейшего, дохристианского мировосприятия, — все же так или иначе проникнуты и духовным, и «фактическим», предметным (образы церкви, ее ритуалов и т. д.) содержанием христианства. Это проступает даже в считающихся наиболее архаичными и потому, так сказать, чисто языческих былинах — например, в записанной еще в середине XVIII века былине о Волхе Всеславьевиче, где герой отправляется в поход на «Индейского царя» потому, что царь этот

...хвалится-похваляется,
Хочет Киев-град за щитом весь взять,
А Божьи церкви на дым спустить.

В опять-таки в одной из наиболее архаических былин — о битве Ильи Муромца с «нахвальщиком» (запись 1840-х годов) — герой восклицает:

Написано было у святых отцев,
Удумано было у апостолов:
«Не бывать Илье в чистом поле убитому...»

Но дело не только в подобных прямых обращениях к христианским понятиям. Когда, например, в записанной полтора века назад былине о «первой поездке» Ильи Муромца его родители, прощаясь с сыном, избравшим богатырский удел, говорят ему:

Поедешь ты путем и дорогою,
Не помысли злом и на татарина, —

в этом, без сомнения, выражается именно православная заповедь.

Однако, настаивая на христианском содержании былин, я вроде бы подвергаю сомнению свою предшествующую систему доказательств раннего (до эпохи Ярослава) происхождения русского эпоса, ибо Крещение Руси свершилось в самом конце X века, и едва ли вероятно, что былины за столь краткий срок могли вобрать в себя дух и «предметность» христианства. На деле же определенная

часть населения Руси, — притом именно Южной, собственно Киевской Руси, где и был создан героический эпос, — начала приобщаться христианству гораздо раньше, еще в 860-х годах, то есть за сто двадцать лет до официального, государственного Крещения!

Достаточно полный свод материалов об этом собран в недавно изданном исследовании историка О.М. Рапова «Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства» (М., 1988). Стоит отметить, что в этом обширном (23 авт. листа) труде *половина* объема отведена истории христианства на Руси еще до ее официального Крещения, хотя, казалось бы, полуторавековой период после Крещения (с конца X до второй трети XII века) должен был занять в книге значительно большее место. Отмечу сразу же, что некоторые уточнения выводов О.М. Рапова даны в позднейшей работе преподавателя Московской духовной академии иеромонаха Никона (Лысенко)[1].

Но обратимся к книге О.М. Рапова. Он, в частности, приводит почти забытое, но всецело достоверное византийское свидетельство о том, что уже при императоре Льве VI Мудром, правившем с 886 по 912 год, на Руси существовала христианская *митрополия*, подчиненная Константинопольскому патриархату (указ. соч., с. 123).

В свете этого столь же достоверным представляется и сообщение Иоакимовской летописи (о ней уже шла речь выше), которое цитирует О.М. Рапов: «Блаженный же Оскольд предан киевляны и убиен бысть, и погребен на горе, иде стояла церковь святого Николая, но Святослав разруши ее»... В «Повести временных лет», — продолжает исследователь, — о том же событии сообщается так: «В лето

[1] *Иеромонах Никон.* Начало христианства на Руси. — «Вопросы истории», 1989. № 6, с. 36—54.

6390 (882)... И убиша Асколда... и несоша на гору, и погребоша на горе... иде ныне Ольмин двор, на той могиле поставил Ольма церковь святого Николу...»

«Сопоставив отрывки, — подводит итог О.М. Рапов, — мы заметим, что автору первого ничего не известно о восстановлении церкви св. Николая, разрушенной Святославом, в то время как автор «Повести временных лет» прямо указывает, что церковь св. Николая построена вновь его современником Олмой (т. е. где-то на грани XI и XII вв.)... Следовательно, первый текст более древний... Аскольд был похоронен возле церкви... Из этого факта можно сделать вывод, что он был христианином. Спустя два с лишним столетия знатный киевлянин Олма... построил новую церковь св. Николая... над могилой Аскольда... возможно... что церковь, созданная Олмой, представляла собой храм-памятник погибшему князю-христианину» (указ. соч., с., 119).

О том, что князь Руси — а это был, очевидно, Аскольд — крестился в 860-х годах вместе со своими подданными, рассказывает в одном из своих сочинений позднейший византийский император Константин VII, правивший (правда, до 945 года только номинально) с 913 по 959 год. (С. 91.)

Особенно важно выделить здесь сообщение о том, что в Киеве к 882 году — то есть за сто с лишним лет до официального Крещения — уже имелась церковь и, кстати сказать, во имя как раз того святого, который стал любимейшим на Руси, — Николая Чудотворца.

О.М. Рапов, естественно, приводит и широко известное место из обращенного к церковным иерархам «Окружного послания» Константинопольского патриарха (в 858—867 и 877—886 годах) Фотия, написанного в начале 867 года о «русах»: они «переменили ... нечестивое учение, которого держались раньше (т.е. язычество. — *В.К.*), на чистую и неподдельную христианскую веру и любовно поставили себя в ряду наших подданных (имеется в виду подчиненность русской церкви византийской. — *В.К.*) и друзей, вместо недавнего грабительства (речь идет о нападении Аскольда на Константинополь в 860 году. — *В.К.*)... они приняли епископа и пастыря и с великим усердием и ревностью приемлют христианские верования». «Патриарху не было никакого смысла обманывать церковных иерархов... Поэтому известию Фотия безусловно можно доверять» (с. 79—80), — заключает О.М. Рапов, который здесь же доказывает, что описанное Фотием первое Крещение Руси произошло «летом или ранней осенью 866 г.». (С. 88.)

Иеромонах Никон, опираясь на рассуждения митрополита Макария (Булгакова), датирует это первое Крещение Руси временем, когда в Византии совместно правили императоры Михаил III и начавший новую династию Василий I Македонянин, то есть от 26 мая 866 до 23 сентября 867 года (см. его указ. соч., с. 44). Поэтому впоследствии Константин Багрянородный утверждал, что Русь была крещена при его деде Василии I (а не при Михаиле III) и даже будто бы не Фотием, а сменившим его 25 сентября 867 года патриархом Игнатием (последний, возможно, отправил на Русь новую христианскую миссию).

Во избежание недоразумений отмечу, что в содержательном сочинении иеромонаха Никона есть одна явно неубедительная концепция, восходящая к историкам XIX века Д.И. Иловайскому и Е.Е. Голубинскому. Иеромонах Никон утверждает, что в 860-х годах были крещены не киевские, а «таманские» русы, жившие в дельте Кубани, которые, мол, и напали в 860 году на Константинополь. Но с этим никак невозможно согласиться, ибо непосредственный *свидетель* и даже *участник* «обороны» Константинополя патриарх Фотий говорил о нападав-

ших: «Откуда нашла на нас эта северная и страшная гроза?.. Народ вышел из страны северной... племена поднялись от краев земли... народ, где-то далеко от нас живущий[1]...» Про таманских русов патриарх никак не мог говорить подобным образом, ибо Таманский полуостров отстоял от границы тогдашних владений Византии в Крыму (в 833 году там был, между прочим, создан административный военный округ империи — Херсонская фема, включавшая в себя Южное побережье Крыма)[2] всего лишь на сотню километров.

Византинист М.В. Левченко со всей убедительностью писал: «Решительный удар предположению о том, что на Византию напала азово-черноморская (то есть именно Таманская. — *В.К.)* русь, наносит и патриарх Фотий, который говорит, что «напавшие на нас отделены столькими странами и народоправствами, судоходными реками...»[3]» и т. д.

Наконец, младший современник Фотия, император Лев VI Мудрый, писал в своей «Тактике» о россах, названных им «северными скифами (Фотий также называет россов «скифским народом». — *В.К.),* которые приходят в Черное море по рекам и потому не могут использовать больших судов»[4]. Вполне понятно, что речь идет не о таманской — то есть *приморской* Руси.

Довольно широко распространена точка зрения, согласно которой Русь крестили ближайшие ученики и друзья патриарха Фотия святые Кирилл

[1]Две беседы святейшего патриарха Константинопольского Фотия по случаю нашествия россов на Константинополь. — «Христианское чтение», 1882, сентябрь — октябрь, с. 419, 421, 430.

[2]*Константин Багрянородный.* Об управлении империй. — М., 1989, с. 282.

[3]*Левченко М.В.* Очерки из истории русско-византийских отношений — М., 1956. С. 62.

[4]Цит. по книге: *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. — М., 1968. С. 314.

и Мефодий сразу же после похода Аскольда, во время своей так называемой «хазарской миссии» 860—861 года (о ней еще будет речь).

Итак, не позже 867 года на Руси уже существовала христианская община, возглавляемая епископом, а в храме, — по всей вероятности, киевском храме Св. Николая, — служил пастырь (см. цитату из Фотия). А во времена императора Льва VI (886—912) епископство, по-видимому, расширилось и превратилось в митрополию Руси. Имеются также сведения и о «промежуточной» ступени — установлении на Руси архиепископства при императоре Василии I, правившем до 886 года (указ. соч., с. 96).

О.М. Рапов опирается и на целый ряд археологических работ последних десятилетий, показавших, что весьма значительное число киевлян уже в IX веке было погребено по христианскому обряду: «Основная часть славянского населения... хоронила своих покойников путем кремации. Кремация существовала и в Киеве в IX—X вв. Но в то же самое время там была широко распространена... ингумация покойников в деревянных гробах в подкурганных ямах — типичный христианский обычай, сохранившийся на протяжении многих веков». Это ясно свидетельствует о «широком распространении христианства в Киевской земле уже в IX в.» (с. 99). В X же веке, по археологическим данным, в Киевской земле «наличие христианских погребений подтверждается и находками крестов... В больших городах в это же время существовали чисто христианские кладбища».[1]

Таким образом, христианство начало свою историю на Руси еще в IX веке. Правда, история эта была сложной и подчас драматической. Выше уже приводилось летописное сообщение о том, что Святослав разрушил построенную столетием ра-

[1]*Русанова И.П.* Курганы полян X—XII вв. — М., 1966. С. 26.

нее, еще при Аскольде, церковь Святого Николая. Но есть веские основания полагать, что христианство на Руси ослабло и после кончины Олега Вещего: при нем, как уже сказано, была утверждена русская митрополия, а позднее — вплоть до конца X века — о ней нет никаких упоминаний.

О.М. Рапов пишет о Новгородской и Псковской землях, что «археологические материалы по этому региону не дают возможности сделать заключение о каком-либо распространении христианства здесь в IX столетии» — да и в X веке также (указ. соч., с. 123). Ведь в высшей степени характерно, что крещение в Новгороде в 989 году происходило совершенно не так, как в Киеве. О.М. Рапов приводит сообщение Иоакимовской летописи: «В Новеграде людие, уведавше еже Добрыня (воевода, присланный Владимиром Святославичем. — *В.К.*), идет крестити я (их. — *В.К.*)... закляшася вси не пустити во град... разметавше мост великий, изыдоша с оружием» и т. д. Затем Добрыня, дабы устрашить население, повелел жечь город, откуда и пошло выражение, что Новгород «крести... Добрыня огнем».

Достоверность этого известия (как и многих других, содержащихся в Иоакимовской летописи) подвергалась сомнению, однако крупнейший археолог В. Л. Янин, посвятивший раскопкам новгородских древностей несколько десятилетий, обнаружил несомненные следы громадного пожара, происшедшего именно в 989 году и именно в тех районах города, которые указаны в Иоакимовской летописи (Софийская сторона и Людин конец)[1].

Так проходило Крещение в Новгороде, но нет никаких сведений о сопротивлении ему в Киеве,

[1]См. *Янин В.Л.* Летописные источники о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи). — В кн.: Русский город. Исследования и материалы. Вып. 7. — М., 1984. С. 49—55.

где христианство имело уже более чем столетнюю историю, — правда, историю, не лишенную борьбы и острых противоречий.

Как уже говорилось, Аскольд вместе с определенной частью киевлян принял христианство не позже 867 года. Но сменивший его князь Олег и его ближайшее окружение были и, очевидно, остались верны русским языческим богам. Это ясно из текста договора Олега с Византией, который заключен «на укрепление и на удостоверение многолетней дружбы, существовавшей между русскими и христианами», то есть византийцами (это четкое разграничение, в котором слово «христиане» означает именно и только византийцев, проходит через весь договор). Согласно летописи, Олег «вопрошал» о своей смерти «волхвов и кудесников», а вовсе не священников.

Однако есть основания полагать, что христианство в начале правления Олега все же продолжало развиваться. Как уже говорилось, именно при Олеге христианское епископство на Руси переросло в митрополию. И многие из русских, посещавших тогда Константинополь, по-видимому, были или становились христианами. Согласно летописи, императоры Лев, а затем Александр дали следующее распоряжение о людях Руси в Константинополе: «Прибывающие сюда русские пусть обитают у церкви Святого Маманта». Надо полагать, что речь шла о не раз приезжавших в Константинополь и так или иначе причастных христианству людях. Ведь здесь же сообщается, что император Лев, приняв послов Олега, «приставил к ним своих мужей показать им церковную Красоту... уча их вере своей и показывая им истинную веру».

Распространение христианства на Руси уже в IX веке подтверждено «независимым» — арабским (точнее, персидским; но Иран тогда был в составе Арабского халифата) — источником. Это «Книга пу-

тей и стран» выдающегося географа Ибн Хордадбеха, который служил начальником почтового ведомства в Джибале — северо-западной провинции Ирана, расположенной около Закавказья, и поэтому был хорошо осведомлен о положении в Восточной Европе. В его книге, написанной, вероятнее всего, еще в 880-х годах, сказано:

«Если говорить о купцах ар-Рус, то это одна из разновидностей славян. Они доставляют заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из самых отдаленных окраин страны славян к Румийскому (Черному) морю... Если они отправляются по Танису (Дону) — реке славян, то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар (Итиля)... Затем они отправляются по морю Джурджан (Каспию) и высаживаются на любом берегу... Иногда они везут свои товары от Джурджана до Багдада... Они утверждают, что они христиане...»[1].

Точное описание путей русских купцов (начиная с того, что названные товары приходят именно из «отдаленных окраин» — то есть из Северной Руси) побуждает не усомниться и в верности определения их религиозной принадлежности. Таким образом, купцы Руси, торговавшие с Византией, а также с городами Кавказа и Арабского халифата, уже к 880-м годам были христианами. Но, конечно, христианство распространялось тогда на Руси не в одной только купеческой среде. Поэтому нет ничего неправдоподобного в византийских сведениях (относящихся ко времени после 880 года) о существовании митрополии Руси.

Правда, позднее, — по-видимому, в 930-х годах — христианство на Руси претерпело подавление (об этом еще будет речь), и русская митрополия прекратила свое существование и была возобновлена лишь после Крещения при Владимире.

[1] *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. — Баку, 1986. С. 124.

Имеем мы и свидетельства о том, что при Игоре на Руси было немало христиан. Если в договоре Олега с Византией «христианами» названы именно и только византийцы, то в позднейшем договоре Игоря русские неоднократно и последовательно делятся на два «разряда»: «те из них, которые приняли Крещение», и «те из них, которые не крещены», поклоняются Перуну; «пусть клянутся наши русские христиане по их вере, а нехристиане по закону своему» и т. д.

И под 943 годом (хотя описываемые события относятся, скорее, к 944 году) в летописи сказано, что Игорь «пришел на холм, где стоял Перун... и присягали Игорь и люди его — сколько было язычников между русскими. А христиан русских приводили к присяге в церкви Святого Ильи... это была соборная церковь, так как много было христиан...». Из этого ясно, в частности, что к тому времени в Киеве было уже несколько христианских храмов, ибо один из них был главный, соборный. С другой стороны, очевидно, что христиане были представлены в высшем слое киевлян, в окружении князя, которое непосредственно участвовало в договоре с Византией.

Следовательно, христианское содержание вполне могло проникнуть в русский эпос уже в первой половине X века, а не только после официального Крещения Руси. Не приходится уже говорить о времени правления (или, точнее, регентства) Ольги, принявшей христианство (о чем — ниже).

Правда, в последние годы правления выросшего на языческом Севере Святослава были гонения на русских христиан. Речь идет именно о самом конце его княжения (ранее он, согласно летописи, «если кто собирался креститься, то не запрещал, а только насмехался над тем»). В труде О. М. Рапова это совершенно основательно объяснено: когда Святослав, приглашенный в 967 году на помощь

византийцам, в конце концов (в 970-м) оказался в состоянии войны с ними, русские христиане начали так или иначе противостоять ему, поскольку Византия в их глазах была высшим воплощением христианства.

Как пишет О.М. Рапов, «русы-христиане, заинтересованные в упрочении русско-византийских отношений... приняли участие в походе Святослава». Но возникший позднее конфликт между Святославом и Византией «не мог быть одобрен русами-христианами, входившими в состав его войска... Святослав, придя к выводу, что русы-христиане, находящиеся в его войске, по существу, являются союзниками византийцев, тайной агентурой империи, решил с ними расправиться. Он задумал уничтожить также и главные рассадники христианства на Руси — храмы... некоторые из них, в том числе и церковь Св. Николая... были разрушены... Археологические раскопки в Киеве показали, что языческое святилище, возведенное князем Владимиром в конце 70-х — начале 80-х годов X в., было поставлено на месте христианского храма, остатки которого — камни и обломки штукатурки с фресковой живописью, — были найдены под фундаментом святилища» (указ. соч., с. 190, 191, 192).

Вместе с тем О.М. Рапов напоминает, что Святослав, посланцы которого разрушали храмы «изменников»-христиан в Киеве, сам туда уже не возвратился, погибнув в 972 году от руки печенегов, и не смог «искоренить христианство в Киевской земле». (С. 192.) А сын его Владимир, начав свой путь по языческим заветам отца, позднее крестился и крестил Русь. Тогда же, в конце X — начале XI в., завершилось формирование русского эпоса, в котором совершенно внятно христианское содержание. Но исходя из того, что известно нам о предшествующем — начиная с 860-х годов — развитии христианства на Руси, есть все основания полагать, что те или иные христианские мотивы вошли в эпос еще задолго до официального Крещения.

Нельзя, в частности, не обратить внимания на тот факт, что главная церковь в древнейшем Киеве, воздвигнутая не позже 944 года, была церковью Ильи — самого «воинствующего» из христианских пророков — и что именно богатырь по имени Илья оказался *главным героем* русского эпоса. Едва ли это чисто «случайное» совпадение. Особое признание св. Ильи в древнем Киеве ясно выразилось и в том, что Ярослав Мудрый дал это имя своему *старшему*, первому сыну, который и должен был наследовать его власть, однако рано, около 1020 года, умер (будучи наиболее важным тогда, после Киевского, князем — Новгородским).

Уместно вспомнить здесь и о том, что еще один из важнейших героев русского эпоса, Микула (то есть Николай) Селянинович, носит имя святого, которому был посвящен *древнейший* из известных нам русских храмов, воздвигнутый при Аскольде. И трудно усомниться в том, что имена основных героев эпоса, создававшегося в течение длительного времени и при участии многих людей, не могли, повторюсь, быть случайными.

Поэтому соответствие особенной «избранности» в X веке и эпических, и христианских имен Илии — Ильи и Николая — Микулы свидетельствует о глубокой связи эпического творчества с христианством, — хотя неоспорима, конечно, и достаточно мощная языческая стихия эпоса, во многом сохранившаяся в нем до нашего века. Впрочем, взаимопроникновение язычества и православия присуще отнюдь не только эпосу, но и всем восходящим к древности формам русской культуры и быта[1].

[1]См. об этом, например: *Носова Г.А.* Язычество в православии. — М., 1975.

Взаимопроникновение христианских и эпических Ильи и Николы отмечено (правда, весьма бегло) в книге Б.А. Успенского, посвященной теме «Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского». Автор показывает, что «выделение и соотнесение Ильи и Николы очень характерно вообще для русского религиозного сознания, ср., например, следующие свидетельства из Переславского уезда Ярославской губернии: «Чтим всех святых, а святителя Николая и пророка Илию на первом плане» ...отношения Ильи-Пророка и Николы... могут отражаться в фольклоре в отношениях Ильи Муромца и Микулы Селяниновича; весьма знаменательно в этом плане запрещение Илье Муромцу биться с Микулой и с родом Микулиным, мотивированное тем, что Микулу «любит матушка сыра-земля»...» (здесь ссылки на былины из собрания П.Н. Рыбникова). «Образ Микулы Селяниновича, — заключает Б.А. Успенский, — вообще непосредственно смыкается с образом св. Николая-земледельца... данная функция признается специфичной для Николы, который противопоставляется другим святым именно как покровитель земледелия... Достаточно выразительна и поговорка: «На поле Никола — общий Бог...» или в другом варианте: «На поле Никола один Бог»[1].

Словом, взаимопроникновение язычества и христианства лежит в самой основе эпического мира, поскольку это взаимопроникновение было жизненной реальностью во времена создания русского эпоса.

М.Н. Тихомиров говорил в своем докладе «Начало христианства на Руси» (на конференции русских и английских историков в Лондоне в 1958 году):

«Посвящение соборной церкви в Киеве X в. пророку Илье вводит нас в обстановку борьбы христианства с язычеством. Христианская церковь на Руси заменяла языческих богов соответствующими святыми... Так, пророк Илья, изображаемый на иконах едущим по небу на огненной колеснице, явно был призван заменить Перуна-громовержца. В древних Русских городах мы почти всюду находим церкви в честь Ильи»[1].

[1] *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. — М., 1982. С. 35, 54, 55.

Примечательно и дошедшее до нас предание о Божьем угоднике «великане и богатыре» Илье Муромце, чьи мощи еще в XVII веке находились в Антониевой пещере Киево-Печерского монастыря. Об этом сообщал, например, в своей изданной в 1638 году книге «Тератургима, или чудеса...» инок этого монастыря Афанасий Кальнофойский[2].

А.Н. Веселовский связывал это предание с былинным мотивом:

...Во Киеви богатыри ушли в монастыри[3]...

Трудно решить вопрос, насколько достоверна фигура угодника Ильи; в Киево-Печерском патерике, составленном в начале XIII века, он не упомянут. Но угодник этот еще и сегодня почитаем русской церковью (в православном календаре его память свершается 19 декабря). Возможно, что дело идет о совершенно другом человеке с именем богатыря, с которым его впоследствии отождествляли. Однако нельзя исключить и предположения о том, что в древнейшей, связанной еще с митрополитом Иларионом пещере лавры, начавшей свое существование к середине XI века, в самом деле был погребен реальный «прототип» героя эпоса. Во всяком случае, показательно это «слияние» богатыря и печерского монаха — слияние, в котором

[1] *Тихомиров М.Н.* Древняя Русь. — М., 1975. С. 266.

[2] См. *Лобода А.М.* Русский богатырский эпос. — Киев, 1896. С. 15—19.

[3] *Веселовский А. Н.* Южнорусские былины. — СПб., 1881, с. 33.

выразилось единство языческого и христианского начал.

Для более ясного понимания проблемы следует хотя бы очень сжато очертить ход «борьбы» христианства и язычества после гибели Святослава. Как уже говорилось, его посланцы в 970 (или 971) году пытались искоренить христианство в Киеве. Однако в 972 году в Киеве начал править его старший сын Ярополк, воспитанный своей умершей в 969 году бабкой христианкой Ольгой (Святослав ведь все последние годы провел в дальних походах) и женатый, по сообщению «Повести временных лет», на гречанке, к тому же — бывшей монахине. Поэтому вполне достоверными, как доказывает в своем исследовании О.М. Рапов, являются сведения Иоакимовской и Никоновской летописей (нередко, как известно, оспариваемые), согласно которым Ярополк «любяше христианы, аще сам не крестися народа ради, но никому претяше», и «христианам даде волю велику», а, кроме того, в 973—976 годах «приидоша послы от греческого царя к Ярополку» (см. О.М. Рапов, указ. соч., с. 196—200).

Но в 978 (или, по другим данным, в 980-м) году Ярополка свергнул его младший брат Владимир Святославич, который с 969 или 970 года правил на севере, в Новгороде, куда — о чем уже шла речь — христианство еще почти не проникло. Владимир прочно утвердил язычество, создав в Киеве целое святилище, увенчанное монументальным идолом Перуна. Как говорил М.Н. Тихомиров, «проводниками языческой реакции были Владимир и его дружина, приведенная с Севера». Но «Владимир утвердился в Киеве в 980-м, а уже через 9 лет принял христианство. Объяснить такой быстрый переход от язычества к христианству легче всего тем, что Владимир нашел в Киеве среду, прочно связанную с христианством» (цит. соч., с. 268, 269).

Одним из убедительнейших доказательств существенной развитости христианства на Руси еще до официального Крещения является исключительно быстрый расцвет Русской церкви после 988 года. К середине XI века, то есть при всего-навсего втором поколении после Крещения, уже был сотворен высочайший образец христианской литературы — «Слово» митрополита Илариона, начала создаваться Киево-Печерская лавра — истинный светоч новой Веры (уже в XI веке давший таких людей, как преподобные Антоний, Феодосий, Никон Великий, Нестор и др.), а к 1072 году были окончательно канонизированы (почитание их начало складываться еще в 1020-х годах) русские святые — Борис и Глеб, и готовилась канонизация равноапостольных святых Ольги и Владимира и т. д.[1]

Едва ли возможно было столь скорое становление православной Руси, если бы ему не предшествовало двухвековое (а не полувековое, если исходить из официальной даты) развитие христианства. Вместе с тем, как уже отмечалось, нельзя закрывать глаза и на тот факт, что в IX—X веках христианство тесно переплеталось с язычеством, ибо не было господствующей, государственной религией. Это переплетение рельефно запечатлелось в русском эпосе.

Говоря о взаимодействии христианства и язычества, мы должны иметь в виду, что дело идет при этом о *«верхних» слоях* населения Киевской Руси IX—X века, непосредственно влиявших на государственную политику и приведших в конце концов к официальному принятию христианства. Но именно в этих слоях сложился, очевидно, и эпос.

Ставя вопрос о том, в какой социальной среде был создан эпос, «классик былиноведения» В.Ф. Миллер писал в своем «Очерке истории рус-

[1] См.: *Хорошев А.С.* Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.). — М., 1986. Глава 1.

ского былинного эпоса», подытожившем его многолетние исследования:

«...эта поэзия носила аристократический характер, была, так сказать, изящной литературой высшего, наиболее просвещенного класса, более других слоев населения проникнувшегося национальным самосознанием». Былины «были слагаемы и распространялись в среде населения... по современным понятиям, принадлежавшего к «интеллигенции»... Если эти эпические песни... и доходили до низшего слоя народа — до земледельцев, смердов и рабов, то могли только искажаться в этой темной среде, подобно тому, как искажаются в олонецком и архангельском простонародье современные былины, попавшие к нему из среды... более богатого и культурного класса»[1].

К 1930-м годам эта точка зрения была более или менее общепринятой. Однако в середине тридцатых она подверглась столь сокрушительному идеологическому разгрому — как «вреднейшая» теория «аристократического происхождения» эпоса, — что и вся историческая школа изучения былин, в русле которой родилась эта самая теория, была сочтена чуждым и враждебным явлением. И только через несколько десятилетий совершилась «реабилитация» исторической школы[2].

В процитированных суждениях В.Ф. Миллера есть небрежные и слишком заостренные формулировки, но в принципе он, без сомнения, прав. Эпос сложился к началу XI века именно в наиболее «просвещенной» (разумеется, для того времени) среде, а к концу эпохи Ярослава Мудрого, когда митрополит Иларион, обращаясь к современной ему «просвещенной» среде, мог уже сказать:

[1] *Миллер Вс.* Очерки русской народной словесности, т. III. — М., 1924. С. 27, 28.

[2] См. об этом: *Емельянов Л.И.* Методологические вопросы фольклористики. — Л., 1978, с. 123—163.

...что в иных книгах писано
и вам ведомо,
то здесь излагать — пустая дерзость
и желание славы.
Ведь не к несведущим пишем,
но к преизобильно насытившимся
сладостью книжной, —

былины, так сказать, сошли с авансцены культуры в менее «просвещенную» среду.

Это ясно выразилось, между прочим, в судьбе культа святого Ильи. Он утвердился вначале как «замена» Перуна-громовержца и, без сомнения, не случайно имя Илья получил (в начале XI века) первенец Ярослава Мудрого. Однако во второй половине XI—XIII вв. не известен ни один князь с этим именем — едва ли не потому, что культ Ильи, в котором переплелись язычество и христианство, перешел в менее просвещенные слои населения. Но такова же была, по всей вероятности, судьба эпических сказаний об Илье. Стоит отметить, что явный отход от культа Ильи в верхних слоях киевского общества представляет собой еще один «датирующий» признак: эпос, в котором главный герой — Илья, сложился, очевидно, в доярославово время.

Если же говорить о доярославовом времени вообще, сплетение языческих и христианских воззрений было присуще тогда именно наиболее просвещенной, связанной с *византийской* культурой среде, в которой и сложился героический эпос, оказавшийся в конце концов достоянием крестьянства Поморья.

Уже шла речь о невозможности создания эпоса в самой этой крестьянской среде — хотя бы в силу того, что в былинах с полным знанием дела воссоздано *вооружение* древних воинов. В.Ф. Миллер (см. выше) счел нужным заявить, что былины «могли только искажаться в этой темной (крестьянской. — *В.К.*) среде». Его ученик и продолжатель Б.М. Соколов в рассуждении, озаглавленном «Кре-

стьянский слой в былинах», утверждал, что эпос «отнюдь не является продуктом творчества крестьянского класса. Последний является лишь наследником поэтического былинного творчества других социальных групп. На долю крестьянства едва ли придется сложение хоть одного былинного сюжета. Не так сильно сказалась на былинах и творческая переработка и приспособление к новой социальной среде старых сюжетов. Наиболее существенным фактом этой крестьянской переработки является превращение важнейшего былинного героя Ильи Муромца в крестьянского сына из города Мурома села Карачарова вместо прежнего Муравленина из Муровийска и г. Карачева Черниговщины... Есть основания сближать некоторые другие черты и даже сюжеты былин об Илье Муромце... с подробностями из деятельности одного из казацких самозванцев Лжепетра Илейки, то есть Ильи Ивановича Коровина, родом из Мурома»[1] (отсюда — эпитет к Илье — «старый казак»).

В этих суждениях есть излишняя полемическая резкость, но в принципе их едва ли можно оспорить. Героический эпос сложился, без сомнения, не в крестьянской среде, но, впоследствии усвоенный ею, испытал существенное переосмысление. Б.М. Соколов явно недооценивает факт превращения *главного героя* эпоса в «крестьянского сына» и «старого казака».

Мнение о том, что первоначальный «Илья Муравленин» (другие варианты — Моровлин, Моровец, Муровец) стал значительно позднее Ильей Муромцем, по-видимому, бесспорно. Все упоминания об этом герое эпоса до XVII века, а нередко и позже, не связаны с именем города Мурома. Да и едва ли Муром, расположенный — даже если двигаться по прямой линии — за тысячу верст от Киева и являвшийся вначале племенным центром финского племени (муромы), фигурировал в древнем эпосе. По-видимому, Илья стал «Муромцем» именно после Смутного времени, когда прославился один из тогдашних самозванцев — Илейка Муромец, возглавлявший в 1605 году отряды донских и волжских казаков. «Сплетение» героя древнего эпоса и казачьего предводителя, скорее всего, и породило представление об Илье как о муромском уроженце и «старом казаке». Во всяком случае, более достоверна версия о происхождении эпического героя из округи городка Муровийска, или Моровийска (впоследствии — Моровска), расположенного между Киевом и Черниговом на реке Десне. Кстати сказать, в некоторых — даже и поздних (XX века) — записях былин Илья назывался не «Муромцем», а «Муровцем».

Но важно не упустить более существенный смысл изменения имени богатыря: «перенос» его происхождения в далекий «провинциальный» Муром, да еще и в село Карачарово, без сомнения, связан с его превращением в «крестьянского сына» и «старого казака», то есть в истинно народного героя. Это помогло сохранности эпоса в крестьянской среде.

Вместе с тем важно отметить, что христианское содержание эпоса было, скорее всего, изначальным. Малоправдоподобно представление, согласно которому христианскую «тему» внесли поморские крестьяне; выше уже приводились авторитетные суждения о почти полной «неизменности» эпоса в крестьянской среде. Если бы первоначальный эпос был чисто «языческим», он, вероятнее всего, сохранил бы это качество в бережной передаче, осуществлявшейся династиями сказителей Поморья.

Не исключено, что в моих суждениях усмотрят определенное противоречие: с одной стороны, я говорю об очень раннем проникновении в Поморье былин с их христианско-языческой природой, но

[1] *Соколов Б.М.*, проф. Русский фольклор. Вып. 1. — М., 1929. С. 35, 36.

вместе с тем полагаю, что христианство утвердилось в Северной Руси (в частности, в Новгороде) намного позднее, чем в Киевской земле. Уместно ли считать, что население Поморья могло усвоить и сохранить несущее в себе *христианское* (а не только языческое) содержание былины?

До недавнего времени действительно считалось, что в Северную Русь, взятую в целом, христианство продвигалось весьма медленно. Даже находя в северных погребениях XI—XII веков кресты и образки (иконки), археологи стремились доказать, что эти предметы христианского культа являли собой в глазах их владельцев либо «украшения» (то есть «чисто декоративные предметы»), либо «амулеты-обереги» (которые воспринимались только в «языческом» плане)[1]. Но в самое последнее время тщательно изучивший множество погребений в юго-западных районах Поморья археолог Н.А. Макаров обоснованно показал, что кресты и иконки (среди них образки Богоматери, Спасителя и — это существенно — святого Георгия), найденные им в древних захоронениях середины XI—XII веков, «отражают стремление новообращенных христиан найти элементы обрядности, символизирующие переход к новой религии». Притом, что особенно важно отметить, «местом изготовления крестиков с эмалью считают Киев, отсюда же происходят, очевидно, инкрустированные образки с изображением Спаса»[2].

[1]См. *Мальм В.А.* Крестики с эмалью. — В кн.: Славяне и Русь. — М., 1968. С. 116; *Седова М.В.* О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси. — В кн.: Культура Средневековой Руси. — Л., 1974. С. 194.

[2]*Макаров Н.А.* К оценке христианизации древнерусской деревни в XI—XIII вв.(погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополья). — В кн.: Славяно-русские древности. Краткие сообщения Института археологии. Вып. 205. — М., 1991. С. 20.

Общая картина вырисовывается достаточно ясно: в Северной Руси в целом и особенно в Новгороде христианство утверждалось не столь уж быстро, но в Поморье — о чем подробно говорилось — первоначально (до последней четверти XI века) шли — через Ладогу — выходцы из Киевской Руси, приносившие с собой оттуда и христианство, и героический эпос. Правда, в тех районах, которые исследовал Н.А. Макаров, поток ладожских переселенцев был позднее, в XII веке, «перекрыт» более мощным потоком из Ростовской земли, и поэтому былины здесь почти не сохранились. Но изученные археологом погребения новообращенных христиан в этих местах (наиболее ранние из этих погребений относятся к середине XI века) свидетельствуют, очевидно, о появлении здесь переселенцев из Киевской земли (откуда были принесены и упомянутые выше иконки).

В цитированном труде А.Н. Насонова доказывается, что «на новгородский север (то есть Поморье. — *В.К.)* первоначально распространялось влияние Ладоги»; только «к концу 70-х годов XI в. Новгород уже распространил свои «становища» в Заволочье»[1]. (Заволочье — земли к востоку от Белого и Онежского озер.) Ладога же была своего рода северным филиалом Киева, и именно ладожане столь рано принесли в Поморье христианство — в том числе и христианское содержание былинного эпоса.

* * *

Выше уже говорилось, что героический эпос может родиться и рождается на почве героического века, когда, в частности, государственность еще не

[1]*Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. — М., 1951. С. 104, 105.

устоялась, не отвердела так, как это свершилось на Руси в эпоху Ярослава Мудрого (кстати сказать, само это прозвание верховного правителя не соответствует веку героики; мудрость означает уравновешенность, определенное спокойствие, примиренность). И вполне закономерно, что имя Ярослава, несмотря на всю его значительность, ни разу не упоминается в былинах.

Понятие же о героическом веке (и эпосе) имеет один очень важный сопровождающий его, соответствующий ему признак. В трактате А.Н. Робинсона «Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI—XIII вв.» (1980) есть раздел «Древнерусский народный эпос в соотношениях с эпосом Востока и Запада», в начале которого приведен известный тезис А.Н. Веселовского:

«Народный эпос всякого исторического народа по необходимости международный». В этом блестящем афоризме А.Н. Веселовского заключены проблема и программа непреходящего значения»[1]. Это действительно так. Одно из условий величия эпоса состоит в том, что он не замыкался в бытии одного народа, тяготел в конечном счете к общечеловеческому, всемирному бытию, — хотя в тот или иной исторический период «мир» имеет, понятно, определенную «ограниченность», за рамки которой взор творцов эпоса не может выйти. Так, для русского эпоса «мир» — это западная часть Евразии (и то не во всей ее цельности, а, скажем, на пространстве с запада на восток от Священной Римской империи германской нации до Хорезма и с севера на юг от Скандинавии до Арабского халифата).

Историю Руси IX—X веков, а также и создававшийся в это время русский эпос, как уже говорилось, нельзя понять без осознания действовавших в непосредственном (или, во всяком случае, оказывающем прямое влияние) соприкосновении с ней исторических сил — Скандинавии с ее чрезвычайно активными отрядами викингов, Хазарского каганата, Византийской империи, а также и более отдаленных — Священной Римской империи, государственных образований Закавказья, неразрывно связанных с Арабским халифатом и культурой Ирана, и т. д. Весь этот мир, вся эта, пользуясь словом А.Н. Веселовского, «международность» так или иначе содержится в русском эпосе, хотя и воплощена нередко в специфических — фольклорных и мифотворческих — образах.

Одним из ярчайших и убедительнейших подтверждений «международности» русского эпоса является тот давно установленный факт, что Русь, а подчас даже и сами герои ее эпоса вошли в *эпосы других народов* Евразии. Так, объединяющий герой русского эпоса князь Владимир является (под именем Вальдемар) и героем исландского[1] эпоса, прежде всего «Саги об Олафе Трюггвассоне», записанной в XII веке, но в устной традиции возникшей, несомненно, раньше (норвежский король Олаф был современником Владимира)[2].

А в норвежской (правда, исходящей из немецких преданий) «Саге о Тидреке Бернском» Владимир (Вальдемар) выступает уже рядом с Ильей (Илиас), который представлен здесь как побочный брат Владимира. Действие саги развертывается непосредственно на Русской земле (Ruszialand), упоминаются Новгород (Holmgard), Смоленск (Smaliski), Полоцк (Palltaeskiu) и т. п. Сага была записана

[1] *Робинсон А.Н.* Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI—XIII вв. — М., 1980. С. 116.

[1] Как уже говорилось, Исландия сыграла для скандинавского и, шире, германского эпоса ту же роль. что и Поморье для русского.

[2] См.: *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. (материалы и исследования). — М., 1976. С. 27, 29, 30 и др.

в 1250 году, но западные исследователи относят ее возникновение ко времени не позже X века[1]. Наконец, Илья Русский (Ilias von Riuzen) — герой ряда произведений германского эпоса, прежде всего поэмы «Ортнит», записанной в 1220—1230-х годах, но сложившейся намного ранее[2].

Итак, русский эпос непосредственно проник в эпический мир Севера и Запада. На Юге, то есть в Византии, это едва ли могло произойти, так как византийская литература (в частности, эпическая) была тогда на совершенно иной стадии развития. Русь достаточно рельефно отразилась в византийской историографии IX — начала XI века (особенно в «Истории» Льва Диакона, написанной в конце X века), а еще ранее — в религиозно-поэтических сочинениях выдающегося патриарха Константинопольского Фотия (820—891). И можно утверждать, что в византийском изображении Русь тоже предстает как героико-эпическая сила, хотя речь идет о сочинениях совсем иных жанров.

Далее, что касается Востока, у нас нет сведений о наличии эпоса в Хазарском каганате, скорее всего его не было и не могло быть из-за самого характера этого государства. Но в дошедших до нас хазарских документах («письмах») Русь опять-таки является в качестве очень весомой и активной исторической силы.

Наконец, Русь заняла выдающееся место в эпосе Юго-Востока, правда, в уже не устном, а *литературном эпосе* — поэме Низами Ганджеви «Искендер-наме», созданной в конце XII века. Собственно говоря, речь должна идти о первой книге этого произведения — «Шараф-наме» («Книга о славе»), ибо вторая книга, «Икбал-наме» («Книга о счастье») — это, по сути дела, не эпос, а своего рода философический комментарий к нему.

«Шараф-наме» — повествование о деяниях и подвигах идеального правителя и полководца, которому Низами дал имя величайшего из великих Искендера (то есть Александра Македонского), что имело не столько «историческое», сколько символическое значение. И ни много ни мало шестая часть «Шараф-наме» (более 2000 строк) посвящена изображению битв Искендера с русскими[1], которые во главе с Кинтал-Русом вторглись[2] в Закавказье. Речь идет о действительно имевших место нескольких походах Руси в города восточной части Закавказья, совершившихся в первой половине X века (один из них, по-видимому, относится даже еще к IX веку[3]). Подробность, конкретность повествования Низами о войне с русами убеждает в том, что он, создавая свою поэму через четверть тысячелетия после этих походов Руси, опирался на не дошедшие до нас предания — то есть, по-видимому, *устный* эпос, восходящий к X веку. Истинной ге-

[1]См. обстоятельное исследование: *Веселовский А.Н.* Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском (Вероншком). — СПб., 1908. С. 1—9 и далее; в книге опубликован перевод «русских» частей саги. Тема эта породила весьма большую отечественную и зарубежную литературу.

[2]См., например, новейшую работу: *Глазырина Г.В.* Илья Муромец в русских былинах, немецкой поэме и скандинавской саге. — В кн.: Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. — М., 1978. С. 192—202.

[1]См.: *Низами.* Искендер-наме. — М., 1953. с. 353—423.

[2]Н. Я. Половой считает, что речь шла об известном воеводе князя Игоря, а затем Святослава, Свенельде (он сопоставляет разные формы написания его имени: Свенгельд, Свангельд, Сфанкел, Свангелд с данным у Низами Кинтал, Квинтал) — см. его работу «О русско-хазарских отношениях в 40-х годах X века». — «Записки Одесского Археологического общества», т. 1 (34), 1969, с. 353; но исследователь творчества Низами Рустам Алиев утверждает, что «в оригинале было слово «Киниаз-е Рус», что означает «русский князь» (см. Низами. Стихотворения и поэмы. Л., 1981. с. 763).

[3]См., например: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI веков. — М., 1963, с. 150.

роикой отмечены образы не только Искендера и его сподвижников, но и русских воинов: они предстают как настоящие «богатыри», и лишь в седьмом по счету сражении Искендер побеждает Кинтала, а затем заключает с ним почетный мир.

Итак, героико-эпическая реальность Руси IX—X веков нашла самое весомое воплощение в эпосах соседних и даже более отдаленных народов и племен. Кстати сказать, время создания этих эпосов либо, по крайней мере, время запечатленных в них событий так или иначе совпадает с намеченной выше датировкой самого русского эпоса (IX—X вв.).

Выше приводились произнесенные в 1037 году слова митрополита Илариона о Русской земле, которая, мол,

> ведома и слышима
> всеми четырьмя концами земли.

Но надо сказать, что ко второй трети XI века это утверждение было уже как бы подведением итогов тех судеб Руси, которые свершились в IX — начале XI века; Русь послеярославовых времен в значительной мере замкнулась на своих «внутренних» делах. А это значит, в частности, что период после XI века не был благоприятным для творения эпоса в истинном смысле этого слова, который (вспомним слова Веселовского) есть явление принципиально «международное».

Очерченные выше проявления русской эпической «темы» на громадном пространстве от Норвегии до Византии и от германских земель до границы Ирана (если обозначить на карте «круг» распространения этой «темы», его диаметр будет равен 3000 км) достаточно ясно говорят об энергии и активности исторического бытия Руси в героическую эпоху ее юности.

Далее, судьба Руси в это время неотделима от трех чрезвычайно мощных (каждая — по-своему)

исторических сил тогдашнего мира — Византийской империи, Хазарского каганата и динамической, движущейся через земли и страны силы викингов, норманнов, а в древнерусском словоупотреблении — варягов (сравнительная малочисленность и раздробленность этого скандинавского феномена как бы компенсировалась его ни с чем не сравнимым в то время динамизмом, который позволил викингам оказывать существенное воздействие на жизнь почти всей Европы и в определенной степени даже за ее пределами).

В последние десятилетия представления о значении, а нередко и самом фактическом участии этих трех сил в истории Руси IX — начала XI века были во многом расширены, углублены или даже подверглись существенному пересмотру (в крайнем случае, такой пересмотр начался, открывая новые перспективы). Между тем в изучении литературы и культуры в целом это более объективное и глубокое историческое видение пока еще не нашло должного выражения. Поэтому необходимо обратиться к самой *реальности* истории, породившей те или иные тенденции и явления в искусстве слова и культуры в целом.

«МОНГОЛЬСКАЯ ЭПОХА» В ИСТОРИИ РУСИ И ИСТИННЫЙ СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Публикуется по изданию: Кожинов В.В. История Руси и русского Слова. (Опыт беспристрастного исследования). — М., Алгоритм, 1999.

В конце 1237 года монгольские войска вторглись в пределы Руси и к концу 1240 года, одержав победы во многих сражениях, фактически подчини-

ли себе всю страну (хотя и отказались от похода на Новгород и Псков). К сожалению, до сего дня широко распространены поверхностные, подчас даже наивные представления о причинах победы монголов. Так, ее постоянно объясняют все той же «феодальной раздробленностью» Руси, не позволившей, мол, дать сокрушительный отпор завоевателям.

При этом как-то ухитряются «не заметить», что монголы за предшествующие их приходу на Русь двадцать шесть лет покорили почти весь Азиатский континент — от Тихого океана до Урала и Кавказа, — континент, на гигантском пространстве которого было немало мощных государств. Это неоспоримо свидетельствует об *исключительных* возможностях монгольского войска. Сами монголы были сравнительно небольшим народом, но, во-первых, весь его материальный и духовный потенциал был целиком и полностью претворен в военную силу (в частности, все мужское население с юных лет или непосредственно служило в войске, или обслуживало его), а во-вторых, монголы обладали редкостным умением использовать в своих целях покоренные ими страны, вовлекая их население в свое войско, заимствуя военную технику и т. д., и есть все основания утверждать, что в 1237 году на Русь обрушилась концентрированная мощь *всей* Азии.

Любое серьезное исследование подтверждает, что войско монголов далеко превосходило все тогдашние войска. Специально развиваемый в воинах боевой азарт сочетался с железной дисциплиной, бесстрашие — с хитроумной тактикой. В свою лучшую пору монгольское войско было заведомо непобедимо.

С другой стороны, Русь к 1237 году была не более раздробленной, чем какое-либо развитое средневековое государство вообще. Здесь следует вернуться к Андрею Боголюбскому, который, перенеся центр Руси во Владимир, создал тем самым основу

для нового объединения страны. В уже упомянутом исследовании Ю.А. Лимонова это убедительно показано. Историк делает вывод о положении Новгорода в 1170-х годах: «...никогда еще крупнейший торговый и экономический центр Древней Руси и Северной Европы не был в такой зависимости от великих князей. «Самовластец» (так называли Андрея. — *В.К.)* владимирский буквально диктовал свои условия городу» (с. 69). И Киевская земля «постоянно ощущала влияние владимиро-суздальского князя... Киев... превратился в обыкновенный, совершенно заурядный объект вассального держания». (С. 72, 73.)

Как уже говорилось, многие историки прямо-таки проклинают Андрея за его «самовластие», хотя вместе с тем возмущаются и предшествующей раздробленностью (словом, все безобразно в этой самой Руси!). Определенное единство страны — несмотря на все противоречия и раздоры, — сохранялось и при младшем брате Андрея Всеволоде Большое Гнездо (правил во Владимире в 1176—1212 годах), и при его сыне Юрии (правил в 1212—1238 годах), погибшем в битве с монголами.

Действительный распад Руси произошел во времена монгольской власти, когда резко ослабились и политико-экономические, и — что не менее важно — нравственные устои бытия страны. Только такие люди высшего уровня, как Александр Ярославич Невский, не поддавались общему смятению.

Но понять судьбу и волю этого великого деятеля не так легко. Он был исключительно ценим на Руси, но в XIX—XX веках не раз подвергался весьма резким нападкам и за свои тесные взаимоотношения с монголами, и за бескомпромиссное противостояние католическому Западу. Ведь Александр Ярославич стал побратимом хана Сартака, сына самого Батыя (и, по тогдашним понятиям, считался поэтому *сыном* последнего!), а с другой стороны, отверг

лестные предложения о союзе, выдвинутые в 1248 году в послании к нему римского папы Иннокентия IV.

Правда, образ Александра Невского, живущий в глубинах национальной памяти, был столь высоким и значительным, что историки, в сознании которых сохранялись народные нравственные устои, не пытались «обличать» Александра Ярославича, и, в общем и целом, представление о нем было «положительным», — кроме разве периода 1920 — начала 1930-х годов, когда, например, в энциклопедической статье его деятельность сводилась к следующему:

«Александр Невский (1220—1263) княжил в Новгороде, оказал ценные услуги новгородскому торговому капиталу, победоносно отстоял для него побережье Финского залива... В 1252 году достает себе в Орде ярлык на великое княжение. Александр умело улаживал столкновения русских феодалов с ханом («феодалы» эти, следовательно, в отличие от Александра, выступали против монголов! — *В.К.)* и подавлял восстания русского населения, протестовавшего против тяжелой дани»[1].

Нередко «критицизм» проявлялся в смягченной или уклончивой форме. Так, например, в широко известной сейчас книге эмигранта Георгия Федотова «Святые Древней Руси» (1931) подвергается «критике» как бы не сам Александр Невский, а «информация», предложенная в его житии: «Унижение ордынского поклона ханской власти искусно маскируется славой имени Александра... Об отношении Александра к русским князьям (то есть к тем же противостоявшим-де монголам «феодалам» из советской энциклопедии. — *В.К.*), о татарской помощи в борьбе с соперниками, о наказании мятежных новгородцев, словом, о том, что могло бы омрачить

[1]Малая советская энциклопедия, т. 1, М., 1929. С. 216.

славу национального героя... в повести-житии не говорится ни слова» (Федотов Георгий. Святые Древней Руси. — М., 1990. С. 100). И в подтексте таится: «национальный герой»-то сомнителен (как, по мнению федотовых, и почти все в России, исключая разве курбских и герценов).

Объективно и доказательно выявить истинный смысл судьбы и воли Александра Невского непросто. И для этого выявления я обращусь к наиболее значительному (это, надо думать, неоспоримо) событию всей «монгольской эпохи» (с 1237 по 1480 год) — Куликовской битве.

Такой «метод» может показаться неоправданным. Ведь это событие совершилось спустя почти 120 лет после кончины Александра Невского. Однако именно непосредственно перед Куликовской битвой была провозглашена *святость* Александра! (см. об этом: Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. — Л., 1978. С. 107). И в «Сказании о Мамаевом побоище», повествующем об этой битве, имя Александра Невского является неоднократно. Соратники Дмитрия Донского говорят ему: «...новый еси Александр!» Сам он молится: «Владыко Господи человеколюбче! ...помози ми, яко же... прадеду (точнее, прапрадеду. — *В.К.)* моему великому князю Александру».

Дмитрий Донской не мог не знать, что его прапрадед никогда не воевал (и даже не имел намерения воевать) с монголами, а он, Дмитрий (что вроде бы бесспорно!), идет на смертельный бой с ними... Не странна ли эта обращенность праправнука к побратиму Сартака?.. Чтобы понять суть дела, обратимся к Куликовской битве.

Сражение, свершившееся 8 сентября 1380 года у реки Непрядвы, — одно из наиболее памятных и прославленных событий отечественной истории. Но вот характерный факт. Александр Блок, внимательно изучавший это сражение и создавший в 1908 го-

ду цикл стихотворений «На поле Куликовом», признанный самым значительным поэтическим воссозданием великой битвы, позже, в 1912 году, причислил ее к таким событиям, «разгадка» которых — «еще впереди». И поныне Куликовская битва остается во многом «загадочной». Чтобы показать это, уместно будет для начала обратиться к двум статьям последнего издания Большой советской энциклопедии, ибо энциклопедические статьи лаконично выражают более или менее общепринятые, господствующие представления о своем «предмете».

В одной из статей, «Куликовская битва», утверждается, что битва эта «имела большое историческое значение в борьбе русского и других народов с монгольско-татарским гнетом... на Куликовом поле был нанесен сильный удар по господству Золотой Орды, ускоривший ее последующий распад» (т. 13, с. 587). Однако в другой статье, «Золотая Орда», констатируется, что сам хан Золотой Орды Тохтамыш «в 1380 (в конце года, то есть уже после Куликовской битвы. — *В.К.)* разгромил войско Мамая», и именно потому «при хане Тохтамыше (1380—1395) прекратились смуты и центральная власть стала контролировать основную территорию Золотой Орды». Что же касается «распада», то здесь сообщается: «В начале 20-х гг. XV века образовалось Сибирское ханство... затем возникли Казанское ханство (1438) и Крымское ханство (1443)» (т. 9, с. 561, 562), — т. е. Золотая Орда действительно начала распадаться только спустя почти полстолетия после Куликовской битвы.

Словом, положение о том, что эта битва способствовала распаду Золотой Орды, едва ли основательно. Как раз напротив, обеспечив (или хотя бы всемерно облегчив) победу Тохтамыша над Мамаем, который ранее сумел отторгнуть от Золотой Орды весьма значительную часть ее территории, Куликовская битва способствовала *преодолению* распада, и, если уж на то пошло, именно прежние *победы* Мамая (а вовсе не его поражение в 1380 году) привели к временному распаду Золотой Орды!

Итак, две статьи БСЭ с очевидностью противоречат друг другу: в одной утверждается, что разгром Мамая ускоряет распад Золотой Орды, а в другой — что он как раз замедляет этот распад. И, пожалуй, особенно удивительно, что обе статьи принадлежат перу одного историка — В.И. Буганова. Подобное противоречие, естественно, требует «разгадки».

Или еще одно — правда, совсем иное по своему характеру противоречие. Автор целого ряда сочинений о борьбе Руси с Золотой Ордой, В.В. Каргалов, утверждал в связи с 600-летием Куликовской битвы, в 1980 году: «Трудно назвать какое-либо другое событие отечественной истории, о котором написано больше, чем о Куликовской битве»[1]. При этом автор под «написанным» имел в виду исследования историков, а не, скажем, повести и поэмы.

Однако выразившееся в этих словах представление является, по сути дела, совершенно иллюзорным — хотя его и разделяют многие. Характерно, что историк А.Д. Горский в 1983 году написал следующее: «Как это ни странно, несмотря на давний интерес исторической науки к Куликовской битве, до самого последнего времени не было работ по историографии, а также сколько-нибудь развернутой библиографии по самой Куликовской битве. В исторических трудах, даже специально ей посвященных, предшествующая литература, как правило, не рассматривалась... Специальные же биб-

[1] *Каргалов В.В.* Конец ордынского ига. — М., 1980. С. 43.

лиографические указатели... крайне невелики по объему»[1].

Итак, работы о Куликовской битве вроде бы имеются, по мнению А.Д. Горского, в немалом количестве, но историки почему-то не обращают на них внимания... Правда, А.Д. Горский далее отметил, что к 600-летию великого сражения был наконец издан «обширный (более 450 названий) библиографический указатель... в который вошли... издания источников и исследования, относящиеся к Куликовской битве и ее эпохе». (Там же.) Но, во-первых, едва ли случайно историк употребил слово *«относящиеся к»* (вместо «посвященные» Куликовской битве), а во-вторых, он вряд ли оправданно воспользовался словом *«исследования»*.

Ибо внимательное ознакомление с этим самым «обширным» библиографическим указателем убеждает, что преобладающее большинство перечисленных в нем сочинений либо имеет весьма косвенное «отношение» к Куликовской битве, либо представляет собой статьи и брошюры чисто публицистического характера, которые никак нельзя отнести к категории «исследований»[2].

Совершенно очевидно, что составители сего библиографического указателя, взявшись исполнять свою задачу, столкнулись с крайней немногочисленностью исследований, действительно посвященных великой битве, и решили выйти из трудного положения путем привлечения в свой указатель любых публикаций, имеющих хоть какое-либо «отношение» к событию на Куликовом поле. В результате в составленной ими библиографии оказались поистине курьезные «пункты» —

[1] *Горский А.Д.* Куликовская битва 1380 г. в исторической науке. — В кн.: Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. — М. 1983. С. 19.

[2] См.: Куликовская битва. Сб. статей. — М., 1980, с. 289—318.

как, например (привожу библиографические описания целиком):

«Кузнецов К. Из музыкального прошлого Москвы: этюд первый. — Сов. музыка, 1947, № 5. С. 35—41, с. 36: Свидетельство о музыке в «Задонщине» (то есть — в древней повести о битве; притом этому «сюжету» уделено всего несколько фраз на одной странице указываемой статьи! — *В.К.*)...

Котков С.И. Еще одно древнерусское свидетельство о «зегзице». — Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, 1956, № 10. С. 81—83 (речь идет об употребленном в сказаниях о Куликовской битве слове «зегзица», т. е. «кукушка». — *В.К.*)...

Данилов В.В. Чешский славист Ян Фрчек — Труды Отдела древнерусской литературы. — Ин-т рус. лит. АН СССР, 1956, т. 12, с. 642—644 (этот славист, в частности, издал в Праге текст «Задонщины» — *В.К.)* и т. д. и т. п.

По-видимому, не надо доказывать, что названные публикации заведомо неправомерно введены в библиографию о *Куликовской битве* как таковой. Но, увы, абсолютное большинство указанных в ней сочинений не являет собой действительные *исследования* великого события. Из вошедших в указатель 430 публикаций 26 представляют собой различные библиографические справочники о Древней Руси и древнерусской литературе вообще, а 51 — издания исторических источников, так или иначе касающихся Куликовской битвы. Из остальных же 373 публикаций всего лишь 30—40 могут быть причислены к исследованиям великого сражения, да и то в большинстве своем с очень существенными *оговорками*.

Что же касается основной массы представленных в указателе сочинений, опубликованных почти за *двести* (!) лет — с 1781 по 1979 год, — это, во-первых, работы *филологов*, анализирующих язык, стиль, образность древнерусских сказаний о Кули-

ковской битве, а вовсе не отраженную в них *реальность самого исторического события* (например: Виноградова В.П. Некоторые замечания по лексике «Задонщины»; Дмитриев Л.А. Описание рукописных списков «Сказания о Мамаевом побоище»; Котляренко А. Н. «Задонщина» как памятник русского языка конца XIV века, и т. д., и т. п.), либо, во-вторых, чисто *публицистические* статьи и брошюры, написанные в большинстве своем не историками, а журналистами (Головкин А. Куликовская битва. К 560-летию со дня сражения. — «Моск. большевик», 1940, 8 сентября; Котенко И., Семенов И. Письма с дороги: Здравствуй, Куликово поле! — «Правда», 1968, 14 ноября; Ивлев А. Куликовская битва. — М... Воениздат, 1938, 32 с. с илл., и т. п.).

Словом, если бы составители библиографии ограничились теми публикациями, которые действительно являются *исследованиями* историков о Куликовской битве, перечень получился бы предельно кратким.

(Стоит отметить, что в 1981 году в «Богословских трудах» был напечатан другой указатель — «600 лет победы на Куликовом поле. Библиография», — в котором представлено даже «свыше 1500 (!) наименований», но в него включена масса литературно-художественных произведений, в том числе все лирические *стихотворения*, в которых хотя бы только *упомянута* эта победа.[1])

Однако дело не только в этом. Даже и те немногочисленные появившиеся с конца XVIII века и до наших дней публикации, которые все же могут быть квалифицированы как *исследования* историков о Куликовской битве, чаще всего не имеют существенной научной ценности. Выше были приведены слова А.Д. Горского о том, что в нынешних исторических трудах о Куликовской битве «предшествующая литература, как правило, не рассматривается». Но причина здесь в том, что нет смысла ее «рассматривать».

[1]См.: Богословские труды. Сб. 22-й. — М., 1981. С. 178-237.

Так, скажем, в 1880 году немало авторитетных историков (Н.П. Барсов, Н.И. Веселовский, Д.И. Иловайский, М.О. Коялович, Д.Ф. Масловский, П.П. Мельгунов, С.М. Соловьев и др.) выступили со статьями и брошюрами, посвященными Куликовской битве. Но перед нами, по сути дела, «юбилейные слова» в связи с 500-летием события, не опирающиеся на основательное изучение предмета. Конечно, эти «слова» правомерно введены в библиографию о битве, однако современный читатель, и тем более историк, не найдет в них содержательного анализа великого события (поэтому они и «не рассматриваются», как заметил А.Д. Горский, в современных работах о битве).

Далее, хотя это также странно, в фундаментальных трудах, воссоздающих взаимоотношения Золотой Орды с Русью, сражению на Куликовом поле уделено, как правило, очень мало внимания. Так, в ценном исследовании А.Н. Насонова «Монголы и Русь (история татарской политики на Руси)», изданном в 1940 году, это сражение, по существу, лишь упоминается на *четырех* (из 178) страницах книги; в объемистом трактате Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского «Золотая Орда и ее падение» (1950) Куликовской битве посвящено всего лишь 8 (из 428) страниц; в труде М.Г. Сафаргалиева «Распад Золотой Орды» (1960) — 3 (из 276) страницы и т. д.

Исходя из всего вышеизложенного, нельзя не прийти к выводу, что процитированное утверждение В.В. Каргалова, согласно которому о Куликовской битве «написано больше», чем о каком-либо другом событии отечественной истории, явно не соответствует действительности. И сам тот факт, что оказалось возможным подобное *иллюзорное* представление, опять-таки являет собой «загадку»...

Впрочем, ее, пожалуй, не так трудно объяснить. Куликовская битва — что очевидно — занимает громадное место в русском сознании, составляет одну из немногих главнейших основ *национально-исторической памяти.* И потому как бы само собой возникает убеждение, что об этой битве сказано очень много или даже вообще «все», — хотя на деле это не совсем так, или даже совсем не так, и «загадки» подстерегают нас буквально на каждом шагу.

Считаю уместным сказать, что именно эта «загадочность» побудила меня уже сравнительно давно, в конце 1970-х годов, заняться внимательным изучением Куликовской битвы и самой исторической ситуации того времени, и должен признаться, что лишь после столь долгих разысканий и размышлений я решился написать нижеследующий текст (впервые я кратко высказал свои представления о Куликовской битве еще в 1981 году в ноябрьском номере журнала «Наш современник»).

* * *

Обратимся к самой, пожалуй, существенной из «загадок» Куликовской битвы. Монгольская армада окончательно покорила Русь в 1240 году, и выходит, что почти полтора столетия, до 1380-го, Русь не предпринимала попыток начать войну за освобождение. Отдельные «местные» бунты, вызванные обычно какими-либо злоупотреблениями представителей золотоордынской власти, не меняют общей картины; к тому же эти бунты нередко подавляли сами русские князья, не имевшие целью свергать власть Золотой Орды (впоследствии, в XIX—XX веках, Александра Невского, например, не раз клеймили за это как пособника врага...).

Авторитетнейший В.О. Ключевский стремился объяснить «покорность» Руси Золотой Орде фа-

тальным «ужасом» народа перед грозными завоевателями, а Куликовская битва, с его точки зрения, свершилась потому, что к 1380 году «успели народиться и вырасти целых два поколения, к нервам которых впечатления детства не привили безотчетного ужаса отцов и дедов перед татарином: они и вышли на Куликово поле... Почти вся северная Русь под руководством Москвы стала против Орды на Куликовом поле и под московскими знаменами одержала первую народную победу над агарянством»[1], то есть исламом.

(Между прочим, процитированные две фразы — это все, буквально все, что сказано во 2-м томе «Курса русской истории» В.О. Ключевского, занимающем 398 страниц, о Куликовской битве — однако том этот все же введен в не раз упомянутый выше библиографический указатель...)

Допустим, что крупнейший историк — хотя он и не изучал специально Куликовскую битву — поставил верный диагноз, и столь длительная (с 1240-го по 1380 год) покорность Руси золотоордынской власти была обусловлена этим самым непреодолимым, «безотчетным ужасом». Но почему же Русь и после Куликовской битвы продолжала терпеть свою вассальную зависимость еще целое столетие (до 1480 года) и не предприняла за такой долгий срок ничего подобного этой битве? Словом, предложенная Василием Осиповичем «разгадка» Куликовской «загадки» едва ли убедительна...

Целесообразно теперь же, еще до предоставления конкретных доказательств, выдвинуть тезис, объясняющий эту «загадку»: Русь сражалась на Куликовом поле *вовсе не с Золотой Ордой.* Это вполне очевидно, например, из краткого «отчета» летописи о действиях Руси сразу после победы на Ку-

[1] *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 2. — М., 1957. С. 21, 23.

ликовом поле, а также о последующих действиях тогдашнего хана Золотой Орды Тохтамыша.

Выше приводилось «общепринятое» положение из статьи БСЭ «Куликовская битва» о том, что-де «на Куликовом поле был нанесен сильный удар по господству Золотой Орды». А между тем, после победы, одержанной 8 сентября 1380 года, сообщает летопись, «на ту же осень князь великий (Дмитрий Иванович) отпустил (отправил) в Орду своих киличеев (послов) Толбугу да Мокшея (очевидно, предки известных впоследствии родов Толбузиных и Макшеевых. — *В.К.)* с дары и поминки» (податями); послы долго гостили у «царя» и «выидоша из Орды киличееве князя великого Толбуга да Мокшей к госпожину дни» (то есть они вернулись в Москву лишь 15 августа 1381 года. — *В.К.)*. Но еще в конце 1380 (или в самом начале 1381-го) года «царь» Тохтамыш, как известно, окончательно добил Мамая «на Калках» (по-видимому, там же, где в 1223 году монголы впервые разбили русско-половецкое войско), «и оттуду послы своя отпусти... ко князю великому Дмитрию Ивановичю и ко всем князем русским, поведая им... како *супротивника своего и их врага* Мамая победи (вернее, добил. — *В.К.)*... Князи же русстии послов его отпустиша с честью и с дары, а сами на зиму ту и на ту весну (уже 1381 года. — *В.К.)* за ними отпустиша... своих киличеев со многыми дары ко царю Тохтамышю»[1] (то есть это было уже второе посольство Руси к «царю»).

Общеизвестно, что впоследствии, в августе 1382 года, тот же самый хан Тохтамыш совершил неожиданный сокрушительный набег на Москву. Но об этом — достаточно сложном по своему смыслу — событии речь пойдет ниже. Сейчас же следует

[1] *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. — М., 1950. С. 421. См. также: Полное собрание русских летописей. Т. XV, вып. 1. — М., 1965. Стб. 141, 142.

вдуматься в процитированные — запечатлевшие происходившее по горячим следам — летописные сообщения, которые историки, пишущие о Куликовской битве, почти никогда не приводят, ибо из них недвусмысленно явствует, что и великий князь Дмитрий Иванович, и хан (по-русски — царь) Тохтамыш отнюдь не полагали, что на Куликовом поле Русь сражалась *против* Золотой Орды.

Русь действительно самоотверженно сражалась с уже покорившими полмира монгольскими войсками почти на полтора века ранее, в 1237—1240 годах, непосредственно во время нашествия. Но затем она так или иначе вошла в состав Золотой Орды и никогда не преследовала цель выйти из нее посредством войны. Мне могут возразить, что Иван III в 1480 году все же выступил с мощной военной силой против хана Ахмата и заставил его удалиться. Однако к этому времени Золотая Орда уже не существовала: она уже сравнительно давно распалась на несколько то и дело воюющих между собой самостоятельных ханств — Сибирское, Казанское, Крымское, Астраханское и т. д. И Ахмат являлся ханом не оставшейся в былом Золотой, а просуществовавшей недолгое время так называемой Большой Орды, занимавшей сравнительно малую территорию между Днепром и Доном и подвергавшейся нападениям других ханов — и из Крыма, и с Волги.

В написанной почти через столетие после обретения Русью независимости, в 1364—1365 годах, «Казанской истории», как бы подводившей итоги взаимоотношений Руси и монголов, с полной ясностью утверждалось, что после разгрома и гибели в битве 1238 года на реке Сити великого князя Юрия Всеволодовича «покорился великий князь Ярослав Всеволодович Владимирский (брат Юрия и отец Александра Невского. — *В.К.)* и начал платить дань царю Батыю в Золотую Орду... И после него наши русские князья, сыновья и внуки его многие годы

выходы и оброки платили царям в Золотую Орду, повинуясь им, и все принимали от них власть...»[1] (перевод Т. Ф. Волковой).

Многие патриотически настроенные публицисты и даже историки склонны не считаться с этим реальным положением дел и пытаются доказывать, что Русь в 1240—1480 гг. ни о чем ином и не помышляла, как только о свержении власти золотоордынских «царей»; главное доказательство сей точки зрения — конечно, та же Куликовская битва. И представление, согласно которому Русь все же «покорилась» Золотой Орде, гневно отвергается при этом как антипатриотическое, позорящее русский народ и его князей. Пытаясь рассматривать историю Руси XIII—XV вв. как постоянную борьбу с властью Золотой Орды, почему-то не замечают, что именно подобная точка зрения действительно дает основания для принижающего Русь вывода: сто сорок лет до 1380 года и еще сто лет — после него — прилагала она, мол, все свои силы для свержения власти монгольских «царей», но сумела осуществить это свое настоятельнейшее устремление лишь после полного *распада* Золотой Орды...

Безымянный автор, создавший 430 лет назад «Казанскую историю», предстает в ней как поистине пламенный патриот Руси, но он безоговорочно признал исторический факт ее длительного *подчинения* Золотой Орде.

Чрезвычайно показательна в этом отношении также и постановка вопроса о противоборстве Ивана III с ханом Ахматом в послании архиепископа Ростовского Вассиана (1480 год). Он резко осуждает великого князя, «смиряющуся и о мире молящуся». При этом Вассиан ясно предвидит возражение Ивана III: «Под клятвою есмы от прародителей, —

[1] Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. — М., 1985. С. 305.

скажет, мол, в ответ тот, — еже не поднимати рукы противу царя (Золотой Орды. — *В.К.*), то како аз могу клятву разорити и съпротив царя стати?» И Вассиан отвечает: «...не яко на царя, но яко на разбойника, и хищника...» И нечего «сему богостудному и скверному самому называющуся (т. е. самозванному. — *В.К.*) царю повиноватися тебе, великому Русских стран христьанскому царю!»

Архиепископ Вассиан был всецело прав в этой своей «характеристике» Ахмата, ибо тот, как уже сказано, не являлся ханом Золотой Орды, необратимо распавшейся к середине XV века, и, следовательно, не принадлежал к тем «царям», которым клялись «повиноваться» прародители Ивана III, начиная с Ярослава Всеволодича и его сына — Александра Невского (Иван III был его прямым потомком в седьмом поколении).

«Прародители» отнюдь не ставили перед собой цель путем войны освободиться от власти золотоордынских «царей», хотя и не считали, что власть эта будет неизменной. В «духовной грамоте» прадеда Ивана III, героя Куликовской битвы Дмитрия Донского, составленной накануне его смерти, в апреле — мае 1389 года (великий князь скончался 19 мая), содержится уверенное предвидение: «А переменит (то есть — см. Словарь русского языка XI—XVII вв. вып. 14, с. 260 — «лишит мощи». — *В.К.*) Бог Орду, дети мои не имут давати выхода (дани. — *В.К.*) в Орду» (здесь и далее — цит. по изданию: «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». — М. — Л., 1950. С. 36). Итак, только Бог может освободить Русь от власти «царей». И эта «формула» повторяется в духовных грамотах сына и, далее, внука Дмитрия Донского; даже и в 1462 году этот внук — отец Ивана III Василий II, — умирая, завещает: «А переменит Бог Орду, и моя княгиня и мои дети возмут дань собе...». (С. 197.)

Однако вскоре же после начала своего правления (1462), не позднее сентября 1464 года, Иван III дает в своей грамоте иную формулу: «А коли аз, князь великий, выхода в Орду не дам...» (с. 209).

Золотая Орда распалась уже в 1440-х годах, при Василии II, правившем в 1425—1462 годах; однако двухвековое «повиновение» сохранялось как бы в силу мощной инерции. И даже Иван III, в самом начале своего правления заявивший о том, что изменение сложившегося порядка находится теперь в его, а не Божьей воле, решился на действительное, практическое изменение не без колебаний, — чем и было вызвано весьма резкое послание к нему архиепископа Ростовского Вассиана.

И тщетные попытки историков доказать, что-де Русью неотступно владело стремление вырваться из-под власти золотоордынских «царей», начались лишь в XVIII и, особенно, XIX столетии, когда в России сложилось крайне негативное мнение о Монгольской империи.

Нетрудно показать, что мнение это было, по сути дела, внушено западноевропейской идеологией, которая в послепетровскую эпоху оказывала огромное воздействие на большинство идеологов России — о чем подробно говорится в главе этой книги «Византийское и монгольское «наследства» в судьбе России».

Здесь напомню только об одном: о характернейшем *двойном счете* в отношении западноевропейских и, с другой стороны, азиатских и, в особенности, *евразийских* империй. Этот двойной счет, усвоенный когда-то из западной идеологии, совершенно очевидно выразился, например, в статьях того же новейшего издания БСЭ, посвященных западноевропейской империи, основанной Карлом Великим, и евразийской империи, которую основал Чингисхан.

Первая, согласно энциклопедической статье,

представляла собой сложившееся «в ходе многолетних войн» великое государство, которое «в период наибольшего расширения охватывало всю Западную и часть Центральной Европы... Несмотря на то, что империя Карла Великого была непрочным политическим образованием, резкое ускорение в ее рамках процессов феодализации *благотворно* сказалось на экономическом и культурном *развитии*» и т. д. (Т. 27, 1977, с. 621, 622.)

Но вот энциклопедическая статья о другой — евразийской — империи: «Золотая Орда была искусственным и непрочным государственным объединением... После завоеваний, сопровождавшихся *чудовищными разрушениями* и человеческими *жертвами*, главной целью золотоордынских правителей было *ограбление* порабощенного населения» и т. д. (Т. 9, 1972, с. 361.)

Кардинальное различие в «оценке» двух империй очевидно. В частности, нет и намека на те громадные «жертвы», которыми сопровождалось создание западноевропейской империи...

Впрочем, идеологи Запада считают эти жертвы вполне оправданными и, более того, не без гордости говорят о целых народах, уничтоженных в ходе создания империи! Вот, например, что писал на рубеже 1920—1930 гг. один из самых авторитетных представителей западноевропейской историософии Арнольд Тойнби (1889—1975)[1].

«Обратившись к рассмотрению нашей собственной западной цивилизации, — говорит он в своем знаменитом трактате «Постижение истории», — мы обнаруживаем, что... уязвимым местом была граница с континентальными европейскими варварами (имеются в виду, как становится ясно из дальнейшего, кельтские, балтийские, славян-

[1]Правда, после Второй мировой войны Тойнби обрел иное понимание истории.

ские и даже восточногерманские народы. — *В.К.).* Вскоре западное общество обнаружило, что оно находится в контакте не просто с варварами, а с *иной Цивилизацией* (выделено мной. — *В.К.).* Постоянное напряжение стимулировало жизненную силу западного общества... Мощь стимула... ярко выражена в достижениях Карла Великого. Восемнадцать саксонских кампаний Карла могут сравниться лишь с военными успехами Тамерлана (вот именно! — *В.К.)*... Отгон (правил империей позднее, в X веке. — *В.К.)* уничтожил вендов (балтийских славян. — *В.К.),* как Карл Великий уничтожил своих собственных саксонских предков. Континентальные границы западного христианства неуклонно перемещались на восток — частично благодаря добровольному обращению варваров в христианство, частично (вернее, большей частью. — *В.К.)* с помощью силы... Саксонский форпост призван был продолжить борьбу против вендов, которые в упорных сражениях продержались два столетия, пока западное христианство не продвинулось с линии Эльбы на линию Одера. Окончательная победа была достигнута... *уничтожением* непокорных в Бранденбурге и Мейсене... Города Ганзы и походы тевтонских рыцарей обеспечили продвижение границы западного христианства от линии Одера до линии Двины... К концу XIV века континентальные европейские варвары, противостоявшие... развитым цивилизациям, *исчезли с лица земли*... Западное и православное христианство, ранее полностью изолированные друг от друга (их отделяли земли тех, кого Тойнби называет «европейскими варварами». — *В. К.),* оказались в прямом соприкосновении по всей *континентальной* линии от Адриатического моря до Северного Ледовитого океана»[1].

[1] *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. — М., 1991, с. 142, 143, 144.

(Уместно сообщить, что в упомянутом Тойнби — как месте «окончательного уничтожения непокорных» — городе Мейсен на Эльбе на стенах одного из главных залов воздвигнутого здесь в XIV—XV вв. грозного замка еще и сегодня красуются громадные средневековые гобелены, на которых отважные рыцари беспощадно убивают полабских славян, изображенных в виде неких злобных полузверей. Мой немецкий друг, уроженец Мейсена, видный филолог Эберхард Дикман, показывая мне лет пятнадцать назад свой любимый замок, хотел — в чем он потом признался — миновать этот зал, но я все же осмотрел его... Напомню еще, что Эльба и Мейсен — это онемеченные славянские названия Лаба и Мишен — как, впрочем, и почти все топонимы восточной части Германии...)

Вдумаемся в процитированное рассуждение Арнольда Тойнби. Имеет смысл, забегая вперед, отметить следующее: Тойнби или не знает, или — это правдоподобнее — не хочет признать, что западная цивилизация, продвинувшись с «тамерлановской» (по определению самого историософа) жестокостью на восток, вплоть до «линии», за которой начинались территории *православной цивилизации* (Византии и Руси), отнюдь не была намерена *остановить* свое движение на этой линии. Но об этом мы еще будем говорить подробно.

Сейчас же необходимо сосредоточиться на других сторонах проблемы. Арнольд Тойнби вполне прав, утверждая, что Империя Карла Великого (имея в виду, конечно, и его преемников) создала, сотворила западноевропейскую цивилизацию и культуру во всем объеме этого понятия. Об этом же сказано и в цитированной выше статье БСЭ; однако о евразийской империи Чингисхана, Батыя и их преемников в той же БСЭ говорится как о неком «искусственном» явлении, которое к тому же выра-

зилось лишь в «разрушениях», «жертвах», «ограблении»...

Такой «приговор» вынес еще Гегель в своей «Философии истории», заявив, что Монгольская империя не привела «ни к каким иным результатам, кроме разорения и опустошения», что «движения народов под предводительством Чингисхана... все растаптывали, а затем опять исчезали, как сбегает опустошительный лесной поток, так как в нем нет жизненного начала»[1].

Надо прямо сказать, что эта характеристика ни в коей мере не соответствует действительности. Во-первых, Монгольская империя представляла собой высокоорганизованное государство, сумевшее установить единый и прочный порядок на гигантской, не имеющей прецедентов территории — от Тихого океана до Карпат. Сложнейшая социально-политическая структура этой империи очень существенно отличалась от структуры западноевропейской империи, но нет оснований «принижать» первую, сопоставляя ее со второй.

Здесь целесообразно сделать одно отступление. В настоящее время любое «позитивное» суждение о монголах, как правило, вызывает в сознании читателей имя Л.Н. Гумилева, чьи сочинения приобрели самую широкую популярность, — в отличие от трудов других выдающихся русских историков, изучавших Монгольскую империю. Господствует представление, что именно и только Лев Николаевич выступил против ходячей «негативной» оценки этой империи. Но такое представление объясняется элементарным незнанием основных предшествующих трудов об истории монголов. Еще в конце прошлого века один из крупнейших востоковедов мира академик В.В. Бартольд (1869—1930) решительно опроверг внедренный с Запада миф о

[1] *Гегель.* Сочинения. Т. VIII. —М. 1935. С. 85.

государстве монголов как о некой чисто «варварской» и разрушительной силе.

Он вполне определенно констатировал: «Русские ученые следуют большею частью по стопам европейских и большей же частью принимают взгляды, установившиеся на Западе». В действительности же (и В.В. Бартольд конкретно доказал это в целом ряде своих тщательных исследований) «монголы принесли с собою очень сильную государственную организацию, которая, несмотря на все недостатки, была более стройно выражена, чем прежние государственные системы, и она оказала сильное влияние во всех областях, вошедших в состав Монгольской империи. Везде вы видите после монголов большую политическую устойчивость, чем до монголов».

В.В. Бартольд показал несостоятельность предшествующих — не основанных на подлинном изучении исторической реальности — сочинений, в которых о монголах говорили, как он отметил, «безусловно враждебно, отрицая у них всякую культуру, и о завоевании России монголами говорили только как о варварстве и об иге варваров... Золотая Орда... была культурным государством; то же относится к государству, несколько позднее образованному монголами в Персии... И если можно сказать, что Персия когда-нибудь занимала *первое место* по культурной важности и стояла *во главе всех стран* в культурном отношении, то это был именно монгольский период».

Верно, что собственно монгольская национальная культура не являлась высокоразвитой; однако монголы обладали редкостной способностью усваивать достижения культур покоренных ими народов. В.В. Бартольд особо подчеркивал присущую монголам «*веротерпимость*» и их стремление «править каждой областью сообразно национальностям и привычкам ее населения. С этой целью в канце-

лярию при дворе великого хана были приняты писцы из представителей всех религий и всех национальностей... Указы, обращенные к населению какой-нибудь страны, писались на местном языке и местными письменами»[1].

Ханы Золотой Орды, начиная с 1267 года, предоставляли, например, Русской церкви специальные «ярлыки», согласно которым, в частности, «за оскорбление церквей, хуление веры, уничтожение церковного имущества (книг и т. д.) полагалась смертная казнь» (Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. — М., 1978. С, 23; А.П. Григорьев доказывает, что дошедший до нас русский перевод ханских ярлыков значительно «ужесточал» меры в защиту Церкви, но это не отменяет самой сути дела).

Все это разительно отличалось от политики западноевропейской империи, которая — о чем ясно сказано в цитированном выше трактате А. Тойнби — не только не проявляла терпимости к людям «иной цивилизации», но попросту стирала их «с лица земли»...

В.В. Бартольд заложил основы действительного понимания высокоорганизованной монгольской государственности, и его исследования были так или иначе продолжены в трудах академиков Б.Я. Владимирцова «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» (1934), Г.А. Федорова-Давыдова «Общественный строй Золотой Орды» (1973) и др. Но эти труды, увы, известны, по сути дела, только специалистам, а в массовом сознании Монгольская империя по-прежнему предстает как нечто сугубо примитивное и способное-де только все рушить и грабить.

Одним из наиболее существенных последствий

[1] *Бартольд В.В.*, академик. Сочинения. — М., 1963. Т. 1, с. 563; Т. 2, Ч. 1, с. 712, 715, 717, 718, 719.

рождения Монгольской империи было создание исторического феномена *Евразии,* которая ранее являла собой только географическую — то есть чисто природную — реальность. Вспомним, что лишь после 1240 года европейцы *впервые* смогли добраться до Восточной Азии и по пути были, между прочим, прямо-таки поражены целым рядом достижений евразийской цивилизации, например ее транспортными и почтовыми коммуникациями.

Знаменитый венецианский путешественник Марко Поло, достигший в 1270-х годах дальних восточных пределов империи, восхищенно писал, как «много дорог в разные области... и на всякой дороге написано, куда она идет... По какой бы дороге ни выехал... гонец великого хана, через двадцать пять миль (примерно 40 км. — *В.К.)* он приезжает на станцию, по-ихнему, янб (вошедшее в русский язык «ям». — *В.К.),* а по-нашему — конная почта; на каждой станции большой, прекрасный дом, где гонцы пристают... на каждой станции от трехсот до четырехсот лошадей, всегда наготове для гонцов... Вот так-то ездят по всем областям и царствам великого хана... Такого величия, такой роскоши не было ни у какого императора, ни у одного короля... Еле под силу рассказывать или описывать это... Когда нужно поскорее доложить великому хану... гонцы... мчатся до тех пор, пока не проедут двадцать пять миль на станцию, тут им готовы другие лошади, свежие скакуны... Вот так-то... гонцы проезжают двести пятьдесят миль... а коли нужно и весть важная, так и по триста миль проезжают»[1] (то есть 500 км в сутки!).

Другой европейский «открыватель» Монгольской империи, Гильом Рубрук, поведал, что он со своим посольством (а не ханские гонцы) двигался в 1230-х годах по имперским дорогам со скоростью

[1] Книга Марко Поло. — М., 1955. С. 121, 122.

80—100 км в день — но и это было для тех времен удивительным[1].

Однако Запад, несмотря ни на что, всегда был уверен, что, в принципе, только его цивилизация и созданные им империи представляют действительную ценность. Даже и современный, недавно скончавшийся английский историк Джон Феннел в книге об эпохе монгольской власти над Русью (книга эта, кстати сказать, роскошно и массовым тиражом издана в 1989 году в Москве) заявил, что «находиться в вассальной зависимости от Золотой Орды было *позорно и бессмысленно*», и «осудил» Александра Невского за его тесное сотрудничество с монгольской властью[2]. Между тем ни Феннелу, ни какому-либо другому западному историку никогда не пришло бы на ум назвать «позорной» и «бессмысленной» вассальную зависимость многих европейских народов от империи Карла Великого и его преемников, не только подчинявших себе громадную территорию, но и беспощадно уничтожавших непокорных представителей «иной цивилизации»...

И в России всегда признавали, что империя Карла Великого сыграла плодотворную роль, заложив основы цивилизации и культуры Запада, и готовы были понять (и, в каком-то смысле, «простить») все насилия и жестокости имперской политики. Но, как мы видим, западный историк, не утруждая себя аргументацией, объявляет долгий период бытия Руси в составе евразийской империи XIII—XV веков только «позором» и «бессмыслицей»... И с прискорбием приходится признать, что этот высокомерный «приговор» прочно внедрен в сознание множества русских людей.

[1]Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. — М., 1957. С. 123, 231.

[2]*Феннел Джон.* Кризис средневековой Руси. — М., 1989. С. 213.

Отсюда и проистекает настоятельная потребность безосновательно утверждать, что Русь будто бы с 1240 по 1480 год только к тому и стремилась, чтобы свергнуть монгольскую власть. Но, во-первых, такая цель была совершенно утопической. Никто не мог действительно противостоять этой власти до окончательного распада Золотой Орды в середине XV века. В.В. Бартольд писал о Чингисхане, что его «деятельность имела более прочные результаты, чем деятельность других мировых завоевателей (Александра Македонского, Тимура, Наполеона). Границы империи после Чингисхана не только не сократились, но значительно расширились, и по обширности Монгольская империя превзошла все когда-либо существовавшие государства[1]».

Во-вторых, империя — в силу ее охарактеризованной выше «терпимости» — отнюдь не ставила задачи уничтожить культуру вошедших в нее стран, и в том числе Руси, которая в условиях вассалитета пережила один из наивысших своих взлетов, столь очевидно воплотившийся в личностях преподобных Сергия Радонежского и Андрея Рублева и целого ряда других их выдающихся современников.

Общеизвестно, что Русь платила империи дань, но мало кому известны ее конкретные размеры. В исследовании С.М. Каштанова «Финансы средневековой Руси» показано (с опорой на предшествующие исследования), что дань составляла в XIV веке 5000 рублей, а в XV — 7000 рублей в год[2]. По тем временам, это, конечно, огромные суммы; так, на 1 рубль можно было купить тогда в среднем 100 пудов, то есть более 1600 кг хлеба. Но необходимо

[1]Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXXVIII — СПб., 1903. С. 843.

[2]*Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. — М., 1988. С. 9, 10.

учитывать, что дань была весьма обременительна только для русских *князей,* которые, собрав с населения эти тысячи рублей, отдавали их «царю», вместо того чтобы вложить в собственные государственные дела. Что же касается народа, он не мог испытывать из-за этой дани особых тягот, ибо население Руси насчитывало тогда примерно пять миллионов человек, и на душу в XIV веке приходилась, следовательно, всего лишь 1/1000 тогдашнего рубля в год — то есть цена 1,6 кг хлеба (конечно, подушная подать в целом была намного более значительна; речь идет только о той ее доле, которая предназначалась именно для монгольской власти).

Поэтому весьма широко распространенное представление, согласно которому золотоордынская дань обрекала русский народ на нищету, явно не соответствует реальному положению вещей. Не следует сводить к крайней скудости и те денежные средства, которые оставались в руках князей после уплаты дани; известно, например, что великие князья Семен Гордый (правил в 1341—1353 гг.) и Василий I Дмитриевич (1389—1425), платившие дань ханам, тем не менее имели возможность выделять тысячные суммы для поддержки находившейся тогда в труднейших обстоятельствах Константинопольской патриархии, исполняя тем самым свой христианский долг (разумеется, по доброй воле).

* * *

Конечно, то, что было сказано выше о Монгольской империи и ее «ответвлении» — Золотой Орде, только намечает некоторые контуры темы. И, отсылая интересующихся читателей хотя бы к упомянутым выше специальным трудам историков, я перехожу непосредственно к Куликовской битве.

Противником Московского войска на притоке Дона реке Непрядве была — о чем уже сказано —

не Золотая, а как называет ее летопись — *Мамаева Орда,* которая в целом ряде отношений кардинально отличалась от первой, и великий князь Дмитрий Иванович, вошедший в историю под именем Дмитрий Донской, как мы еще увидим, достаточно ясно осознавал это глубочайшее отличие.

Правда, такое осознание пришло к нему и его сподвижникам, вероятно, не сразу, а для многих современников и в особенности потомков осталось вообще недоступным — что отразилось и в тех или иных литературных произведениях о Куликовской битве, созданных в конце XIV — начале XVI века, хотя произведения эти, в общем и целом, содержат весомую «информацию», раскрывающую суть дела. Нельзя не отметить, что историки — хоть это и странно — словно не замечают — как говорится, в упор не видят — многие существеннейшие сообщения, имеющиеся в тех давних повестях и сказаниях о битве; впрочем, на то есть свои причины, о которых еще пойдет речь.

Но начнем по порядку. В течение первой половины XIV века Золотая Орда была могучим и, казалось, цветущим государством; «нормальными» — если воспользоваться емким современным словечком — были и ее взаимоотношения с вассалом — Русью. Так, хан Узбек (правил в 1313—1342 гг.) выдал свою сестру Кончаку за Московского князя Юрия Даниловича, продемонстрировав тем самым высокую меру уважения к своему вассалу (в святом крещении Кончака приняла имя Агафьи), а следующий хан Джанибек (1342—1357) и его ханша Тайдула находились в своего рода дружбе с одним из наиболее выдающихся деятелей Руси — митрополичьим наместником (с 1340-го) и митрополитом всея Руси (с 1334 года) Алексием.

Впоследствии историки не раз «обличали» Алексия за его добрые отношения с монголами, но такого рода нападки решительно противоречили соб-

ственно русской точке зрения, ибо еще в 1447 году Алексий был причислен к лику святых и даже занял в их сонме одно из высших мест. А позднее, в начале XVI века — когда монгольская власть над Русью уже давно не существовала, — великий иконописец Дионисий создал для Успенского собора в Кремле «житийный» образ митрополита Алексия, в котором святитель наглядно прославлялся и за свои отношения с повелителями Золотой Орды (пять из 20 «клейм», то есть эпизодов жития, посвящены именно этому), — что следовало бы учитывать историкам, пытающимся доказывать «непримиримость» Руси к монголам, которую, мол, скрывали только по необходимости (между тем в 1506—1508 гг., когда гениальный иконописец осуществлял свой замысел, скрывать это было незачем).

Но вернемся в середину XIV века. Как известно, в 1357 году, ровно через сто двадцать лет после вторжения Батыя в пределы Руси, Золотая Орда оказалась в состоянии длительного и тяжкого кризиса. Началом его послужило убийство хана Джанибека и двенадцати его сыновей (не исключено, впрочем, что 12 — это использованное в рассказах о событии символическое число и в действительности их было меньше), притом в заговоре непосредственно участвовал один из сыновей хана — Бердибек, который и сел на место отца.

Уже сам по себе вопиющий факт *отцеубийства* не мог не привести к «дестабилизации» Золотой Орды, хотя, по всей вероятности, он не только породил смуту, но и сам был порожден теми или иными кризисными обстоятельствами, которые уяснять здесь нет ни места, ни необходимости. Вскоре, в 1339 году, и сам Бердибек был убит — по-видимому, своим братом Кулпой (Кульной), уцелевшим в резне 1337 года. И на протяжении следующих двух десятилетий на золотоордынском престоле сменили друг друга более двадцати (!) ханов — пока к

власти не пришел Тохтамыш, сумевший править не менее чем полтора десятилетия. В русских летописях период от Джанибека до Тохтамыша обозначен выразительным словом *«замятня»* (не так давно период этот был тщательно исследован в работе высококвалифицированного востоковеда А.П. Григорьева «Золотоордынские ханы 60—70-х годов XIV в. Хронология правлений»)[1].

В сложившейся ситуации исключительную роль стал играть выдающийся военачальник и политик Мамай. До прихода к власти Бердибека Мамай был, как явствует из ряда источников, *крымским* темником — то есть командовал расположенным в Крыму и прилегающей к нему степи золотоордынским войском. Хан Бердибек выдал за Мамая свою дочь и предоставил ему высший государственный пост беглербека; Мамай, естественно, находился теперь не в Крыму, а в столице на нижней Волге.

Убийство Бердибека, очевидно, прервало карьеру Мамая, но в условиях «замятни» он уже в 1361 году выдвинул своего «кандидата» в ханы Золотой Орды — потомка Чингисхана Абдуллу (в русских летописях — Авдуля), который в 1362 году на несколько месяцев стал ханом, будучи в действительности марионеткой Мамая (последний, не принадлежа к роду Чингизидов, никак не мог претендовать на официальную верховную власть в Золотой Орде).

В конце 1362 года Абдулла (то есть фактически — Мамай) был свергнут другим потомком Чингисхана, Мюридом, и вместе с Мамаем вынужден был удалиться в Крым. Правда, чрезвычайно энергичный Мамай и в дальнейшем неоднократно предпринимал попытки захватить власть в Золотой Орде, а в 1370 году счел, вероятно, Абдуллу негодным «претендентом» и, убив его, стал продвигать на

[1] В кн.: Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. VII. — Л., 1983, с. 9-53.

престол другого чингизида — Бюлека (в русских летописях — Тюляк-Тюлек).

Однако и из этого замысла ничего не вышло. И причина неудач, по-видимому, была не в том, что у Мамая недоставало воинских сил; согласно упомянутому выше исследованию А.П. Григорьева, он в течение 1360-х — первой половины 1370-х гг., обладая первоклассной военной мощью, сумел захватывать столицу Золотой Орды четыре *или* даже пять раз, но все-таки вынужден был вскоре же покидать ее. Причину этого помогает уяснить сообщение летописи о том, как позже, в конце 1380 года, Мамай вступил в бой с Тохтамышем, который был «законным» ханом: «Мамаевы же князья, сойдя с коней, изъявили покорность царю Тохтамышу и поклялись ему по своей вере и стали на его сторону, а Мамая оставили поруганным»[1].

Естественно прийти к выводу, что примерно то же самое происходило и ранее: Мамай неоднократно захватывал власть в Золотой Орде, однако при появлении того или иного законного хана ему просто переставали повиноваться. Этому вроде бы противоречит тот факт, что официально власть принадлежала чингизидам Абдулле и, позднее, Бюлеку. Однако даже в русской летописи под 1378 годом сказано, что «царь (то есть хан, выдвинутый Мамаем. — *В.К.)* не владеяше ничим же, и не смеяше ничто же сотворити пред Мамаем, но всяко старейшинство держаше Мамай, и всеми владеяше». В Золотой Орде об этом знали, конечно, еще точнее, чем на Руси.

И к середине 1370-х гг. Мамай, как следует из источников, прекращает бесплодные попытки захвата власти в Золотой Орде и обращает свой взгляд на *Москву.* Важно иметь в виду отсутствие каких-либо сведений о том, что Мамай проявлял

[1] Повести о Куликовской битве. — М., 1959. С. 237, 238.

враждебность в отношении Москвы *ранее,* до 1374 года; напротив, он, например, по собственному почину посылал Дмитрию Ивановичу «ярлык на великое княжение», хотя полагалось, чтобы русские князья сами обращались с просьбой об этом ярлыке. Известно также, что в 1371 году Дмитрий Иванович навестил Мамая и «многы дары и великы посулы (подати) подавал Мамаю». Но под 1374-м годом летопись сообщает о бесповоротном *«розмирии»* Дмитрия Ивановича с Мамаем. которое, в конечном счете, и привело к Куликовской битве.

Как уже сказано, это начавшееся в 1374 году противостояние Руси и Мамая вовсе не являлось борьбой великого князя Дмитрия Ивановича с Золотой Ордой. И не только потому, что Мамай не был ханом Золотой Орды. Сама *Мамаева орда* — по крайней мере ко времени ее «розмирия» с Русью — представляла собой совершенно особенное явление, о чем достаточно ясно сообщают известные всем источники. Но историки, как правило, игнорируют эту «информацию», поскольку они не усматривают и словно бы даже не желают усмотреть существенное различие между Мамаем и ханами Золотой Орды (так, в уже цитированной статье из БСЭ победа Руси над Мамаем определена как «удар по господству Золотой Орды»).

В «Сказании о Мамаевом побоище» изложена следующая «программа» собравшегося в поход на Москву Мамая — программа, которую у нас нет никаких оснований считать произвольным вымыслом автора «Сказания»:

«Мамай... нача глаголати ко своим упатом (правителям) и князем и уланом (члены княжеских семей): «Аз тако не хощю творити, како Батый; како изждену князи (изгоню князей — имеется в виду русских) и которые городы красны довлеют (пригодны) нам, и ту(т) сядем, тихо и безмятежно поживем... И многи Орды присовокупив к себе и рати

ины понаимова, Бесермены и Армены, Фрязы, Черкасы, Ясы и Буртасы... И поиде на Русь... и заповеда улусом (здесь: селеньям) своим: «Ни един вас не пашите хлеба, да будете готовы на Русские хлебы»...

То есть Мамай, в отличие от создателя Золотой Орды Батыя (и, конечно, от его преемников), намеревался не просто подчинить себе Русь, а непосредственно поселиться со своим окружением в ее лучших городах, к чему золотоордынские правители никогда не стремились; столь же несовместимы с образом жизни Золотой Орды *наемные* иноплеменные войска, на которых, очевидно, возлагал большие или даже основные свои надежды Мамай. Словом, Мамаева орда была принципиально другим явлением, нежели Золотая Орда, и ставила перед собой иные цели. Но в работах о Куликовской битве, как это ни удивительно, почти нет попыток осмыслить процитированные только что сведения, подкрепляемые и другими источниками.

Поход Мамая на Москву истолковывается обычно только как средство заставить Русь платить ему дань в том же объеме, в каком ее получала Золотая Орда при «благополучных» ханах — Узбеке и Джанибеке. Так, автор ряда сочинений о Куликовской битве В.В. Каргалов утверждает:

«По свидетельству летописца, послы Мамая «просили дань, как при хане Узбеке и сыне его Джанибеке»... Требование Мамая было явно неприемлемым, и Дмитрий Иванович ответил отказом. Послы, «глаголяху гордо», угрожали войной, потому что Мамай уже стоит «в поле за Доном со многою силою». Но Дмитрий Иванович проявил твердость»[1].

Здесь мы сталкиваемся с прямо-таки поразительным фактом. Поскольку В.В. Каргалов, подобно

[1] *Каргалов В.В.* Куликовская битва — М., 1980. С. 63.

многим другим историкам, не видит в Мамае деятеля, по своей сути совершенно иного, чем золотоордынские правители, он «сумел» попросту «не заметить», что *на той же самой странице* цитируемого им источника сообщено как раз об *уплате* Мамаю требуемой им дани!

Поначалу Дмитрий Иванович действительно не хотел ее платить, поскольку знал действительный «статус» Мамая, не являвшегося ханом Золотой Орды и, следовательно, не имевшего «права» на ту дань, которую он требовал. Однако затем, посоветовавшись с митрополитом, который сказал, что Мамай «за наша согрешениа идет пленити землю нашу» и «вам подобает, православным князем, тех нечестивых дарми утоляти четверицею...» (то есть дарами удовлетворить вчетверо большими, чем прежде), Дмитрий Иванович «злата и сребра много отпусти Мамаю». И это было, несомненно, разумное решение государственного деятеля, который предпочел платить золотом и серебром, а не многими жизнями своих подданных (к тому же в случае победы «многой силы» Мамая все равно пришлось бы отдать «злато и сребро»...).

Однако сразу же после уплаты требуемой дани снова пришли «вести, яко Мамай неотложно хощет итти на великого князя Дмитрия Ивановича». (Там же.) Это, понятно, означает, что истинная цель Мамая была вовсе не в получении богатой дани, — хотя не только В.В. Каргалов, но и подавляющее большинство историков решает проблему именно так. Тем самым, кстати сказать, явно и крайне принижается сам смысл Куликовской битвы, ибо все, в сущности, сводится к спору о количестве дани: Мамай требует ее в «полном» размере, а Дмитрий Иванович не хочет удовлетворить это требование, и в результате гибнут тысячи русских людей...

В национально-историческом сознании — или хотя бы *чувстве* — Куликовская битва являет собой

громадное судьбоносное событие, имевшее *всемирное* значение — и это, как я постараюсь доказать, полностью соответствует политической или, вернее, *геополитической* действительности той эпохи. И поистине грустно видеть, как в сочинениях множества историков, не желающих, в частности, вчитаться с должным вниманием даже в известные источники, это событие оказывается всего-навсего результатом «полемики» вокруг вопроса о размере дани...

Для понимания истинного смысла и значения Куликовской битвы необходимо прежде всего более или менее конкретное представление о «своеобразии» Мамаевой орды, которую, как уже говорилось, совершенно безосновательно отождествляют с Золотой Ордой (или же говорят об Орде «вообще»).

Начнем с того, что Мамаева орда занимала совсем иное географическое и, в более глубоком смысле, геополитическое положение: ее центром, ее средоточием являлось не Нижнее Поволжье, а Крым, отделенный от золотоордынского центра в Поволжье *тысячекилометровым* пространством.

Это ясно видно, в частности, из исторических источников, которые, к сожалению, неизвестны русским исследователям, — так называемых «Памятных записей армянских рукописей XIV века», изданных в 1950 году в Ереване, но только в оригинале. Виднейший исследователь истории армянских поселений в Крыму В.А. Микаелян любезно предоставил мне свои переводы интересовавших меня «записей»:

а) «...написана сия рукопись в городе Крым (ныне — Старый Крым. — *В.К.)* ...в 1365 году, 23 августа, во время многочисленных волнений, потому что со всей страны — от Керчи до Сарукермана (Херсонес, ныне в Севастополе. — *В.К.)* — здесь собрали людей и скот, и находится Мамай в Карасу (ныне г. Белогорск, в 45 км к западу от Старого

Крыма. — *В.К.*) с бесчисленными татарами, и город в страхе и ужасе»;

б) «завершена сия рукопись в 1371 году во время владычества Мамая в области Крым...»

в) «...написана сия рукопись в 1377 году в городе Крыме во время владычества Мамая — князя князей...»[1].

Как видим, в период с 1365 по 1377 год Мамай, согласно этим, сделанным тогда же, армянским записям, был властителем Крыма, притом есть все основания полагать, что его владычество началось здесь значительно раньше, а завершилось только в конце 1380 года. Опираясь на другие сведения, можно утверждать, что «волнения» и «сборы» 1365 года, о которых говорится в первой из записей, связаны с очередной попыткой Мамая захватить власть в Золотой Орде, с подготовкой его похода в Поволжье.

Но об этом — ниже. Важно прежде всего установить, что средоточием деятельности Мамая был именно Крым, и только в связи с этим можно понять тогдашнюю ситуацию в целом (следует, правда, оговорить, что огромное конное войско Мамая не могло находиться постоянно и целиком в засушливых крымских степях, и основным местопребыванием этого войска был обладавший пышным травяным покровом Великий Луг, простиравшийся к северу от Крыма вдоль левого берега Днепра, — что недавно было точно установлено)[2].

Поскольку Мамай, как известно, начал свою

[1] *Хачикян Л.С.* Памятные записи армянских рукописей XIV в. — Ереван, 1950. С. 468, 496, 524 (на древнеарм. яз.; пер. — в письме В.А. Микаеляна к автору, от 3 июня 1984 г.).

[2] См. об этом: *Довженок В.Й.* Татарське місто на Нижньому Дніпрі, часів пізнього середньовіччі — Археологічні памятки УРСР. — Киев, 1961. Т. 10, с. 175—193 (исследования «ставки» Мамая проводились еще в 1953 году, незадолго до затопления этого района Каховским водохранилищем в 1955-м); *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XV вв. — М., 1985. С. 84, 85; *Григорьев А.П.* Указ. соч., с. 34, 35.

карьеру в качестве «крымского темника», он имел, так сказать, глубокие корни в Крыму, ибо появился там не позднее первой половины 1350-х годов. А Крым представлял собой совершенно особенную в геополитическом плане территорию — как с точки зрения многовековой истории, так и с точки зрения тогдашней ситуации в Европе и Азии.

Но, как это ни прискорбно, многие из тех, кто изучал деятельность Мамая, вообще не обращались к «крымской» теме. Вот чрезвычайно выразительный пример. Автор ряда ценных трудов о Золотой Орде В.Л. Егоров не раз затрагивал проблемы, связанные с Мамаем, и, в частности, вопрос об осуществленном им перед походом на Куликово поле «найме» разноплеменных военных отрядов, в том числе «Бесермен (то есть мусульман) и Армен». И историк утверждал, что-де это «летописное указание может относиться к мусульманским отрядам, навербованным в Азербайджане... Такой же отряд наемников был приглашен из Армении»[1].

Не буду касаться «азербайджанской» темы (ибо и сам В. Л. Егоров явно не уверен, что «бесермен» вербовали именно в Азербайджане), но поистине печальна неосведомленность историка о том, что в самом Крыму, откуда Мамай начал свой поход на Куликово поле, имелось тогда многочисленное *армянское* население, сложившееся главным образом в результате изгнания или бегства армян в XI веке и позже с их исторической родины, завоеванной тюркской империей Сельджукидов; Крым даже называли тогда «Приморской Арменией». Между тем квалифицированный историк В.Л. Егоров полагает, что Мамай мог привести наемных армянских воинов на Куликово поле только с их далекой (даже по

[1] *Егоров В.Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой. — В кн.: Куликовская битва. Сб. статей. — М., 1980. С. 212.

прямой линии — 1700 км!) и отделенной Кавказским хребтом исконной земли...

И это всего лишь один яркий «пример» тех ошибочных представлений о Мамае, к которым неизбежно приводит недостаточное (или вообще отсутствующее) внимание к тому факту, что этот исторический деятель был нераздельно связан с Крымом; без глубокого и тщательного изучения «крымской» проблемы вообще невозможно понять феномен Мамаевой орды.

* * *

Что же касается общего положения в Крыму в XIV веке, в нем нельзя разобраться без уяснения тогдашней роли *итальянцев*, главным образом генуэзцев, — роли, поистине определяющей, оказывавшей властное воздействие на все основные крымские — хотя, конечно, не только крымские — события. О том, что итальянцы прочно утвердились еще в XIII веке в Крыму, знают, как говорится, все и каждый — хотя бы по остаткам их мощных крепостей в Феодосии, Судаке или Балаклаве, мощь которых ясно видна и теперь, в наши дни. Однако полное, всестороннее и действительно глубокое, схватывающее суть событий понятие об «итальянском присутствии» в Крыму нехарактерно даже и для профессиональных историков. Правда, в целом ряде исследований, обращающихся к теме этого «присутствия», содержится и верное освещение тех или иных фактов, и истинное истолкование их смысла (примеры еще будут приведены). Но чрезвычайно редки случаи, когда понимание отдельных сторон проблемы, так сказать, вписано в *общую картину* мировой истории XIV века.

Здесь необходимо еще раз вспомнить о цитированном выше трактате Арнольда Тойнби «Постиже-

ние истории», в котором признано, что «западная цивилизация» последовательно «продвигалась» на восток — к «линии» Эльбы, затем — Одера и, далее, Двины, и *«к концу XIV века* (то есть, отмечу, как раз ко времени Куликовской битвы! — *В.К.)* континентальные европейские варвары, противостоявшие... развитым цивилизациям, исчезли с лица земли». В результате «западное и православное христианство... оказались в прямом соприкосновении по всей континентальной линии от Адриатического моря до Северного Ледовитого океана».

Тойнби, как уже говорилось, предпочел, в сущности, промолчать о том, что имели место и очень многочисленные, и чрезвычайно активные «продвижения» Запада дальше этой существеннейшей «линии». Он сказал, правда, что «литовцы последними из европейских язычников испытали в XIII—XIV вв. порыв крестовых походов (с Запада. — *В.К.)*... и внимание Тевтонского ордена целое столетие было приковано к Литве. Это смертельное давление (! — *В.К.)* Запада на литовцев стало причиной того, что и литовцы получили стимул к завоеванию и, в свою очередь, двинулись в земли русского православного христианства»; кроме того, по словам Тойнби, «скандинавы также расширяли свои владения за счет Эстонии... Финляндии»[1] и т. д.

Таким образом, Тойнби истолковывает «движение» Литвы на Русь как уже собственно *литовское* дело (хотя «смертельное давление Запада» и явилось «стимулом» для него), а «расширение» своих владений скандинавами — как «давление» на эстонцев и финнов, а не на православную Русь. Однако в ряде исследований историками неопровержимо показано, что в действительности и то, и другое «движения» направлялись из «центра» западной цивилизации — Римского папства — и, кроме того, отнюдь

[1] *Тойнби А. Дж.* Цит. соч., с. 144, 145.

не ограничивались «давлением» на «европейских варваров» (прибалтов, финнов и т. п.), а имели своей подлинной целью именно православную Русь. Назову хотя бы следующие труды: Б.Я. Рамм. Папство и Русь в X—XV веках (1959); В.Т. Пашуто. Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов в XIII—XV вв. (1969); И.П. Шаскольский. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке (1982).

Но наиболее уместно будет сослаться на рассматривающего проблему с должной объективностью *германского* историка Эдварда Винтера, автора двухтомного трактата «Россия и папство» (1960). Этот исследователь доказывает, что «в XIV столетии папство в своей политике широко использовало... планы, в которых не последнее место занимало завоевание, при посредстве Литвы, России... На протяжении всего XIV столетия сохраняло силу обращение (папское. — *В.К.)* к Миндовгу (литовский князь в 1239—1263 гг. — *В.К.)* об отторжении от России во имя пап и с их благословения одной области за другой. Литовские князья действовали так усердно, что образовавшееся Великое княжество Литовское состояло в XIV веке примерно на 9/10 из областей Древней Руси... В середине XIV столетия... особенно при Клименте VI (папа в 1342—1352 гг. — *В.К.),* Литва заняла центральное место в планах захвата Руси... Немецкий Орден... должен был служить связующим звеном с фронтом наступления на севере, который был организован шведами против Новгорода... На эту роль пап по координации различных фронтов против Руси до сих пор обращалось мало внимания...» Между тем именно такое координирование «ясно видно из обращения папы Климента VI к архиепископу упсальскому (то есть шведскому. — *В.К.),* относящегося примерно к тому же времени, к 1351 году... «Русские — враги католической церкви»

(это — цитата из папской буллы к шведскому архиепископу от 2 марта 1351 г. — *В.К.).* Это обращение папы явилось по меньшей мере призывом к крестовому походу против русских в Северо-Восточной Руси. Вновь оживает фронт на Неве... Мы видим здесь, таким образом, линию нападения против Руси, которая тянулась от Невы до Днестра»[1].

Итак, германский историк, независимо от Тойнби, сформулировал тот же самый тезис о чрезвычайно существенной «линии» между Западом и Русью (или, вернее, Евразией), но, в отличие от англичанина, показал, что Запад, особенно в лице его «идеологического центра» — папства, отнюдь не имел намерения «остановиться» на этой «линии». Подробное исследование политики и, шире, геополитики Запада по отношению к Руси в XIV веке читатель найдет в названных выше работах отечественных историков.

Как ни удивительно, мало кому известно (кроме, конечно, профессиональных историков), что в результате всего вышеописанного *граница* Руси с Литвой и Польшей передвинулась в течение второй половины XIII—XIV века с Западной Двины и Западного Буга до верхней Волги и верхней же Оки — то есть на 600—800 (!) километров к востоку. И Полоцкое, Киевское, Смоленское, Черниговское, Переяславское (на Днепре) и другие западные княжества Руси стали частями Великого княжества Литовского...

Но обратимся опять к той «линии», о которой говорили и Тойнби, и германский историк Винтер. Важно отметить, что Тойнби был более точен, утверждая, что эта самая «линия» тянулась не от Невы до Днестра (как у Винтера), а от Ледовитого океана (Тойнби указал на вовлечение в противостояние Запад — Русь и территории Финляндии) и до Адриатического моря, ибо на юге «линия» проходила не между Западом и православной Русью, а

между Западом и православной Византийской империей. И еще в самом начале XIII века Запад крайне агрессивно «переступил» здесь, на юге, эту заветную «линию», направив мощный и разрушительный крестовый поход 1204 года не в Иерусалим, а в Константинополь (см. главу «Византийское и монгольское «наследства» в судьбе России»).

Теперь мы можем вернуться к проблеме «итальянского присутствия» в Крыму. Чтобы оказаться там, итальянцы должны были очень далеко зайти за «линию», проходившую по западной границе Византии. И они не просто пересекли эту границу, а, в сущности, обессилили и поставили на грань гибели великое государство.

Наиболее квалифицированный исследователь проблемы «Византия — Италия» Е.Ч. Скржинская писала в своей превосходной работе «Генуэзцы в Константинополе в XIV веке», что в течение последних столетий своего существования «Византия получала удары со всех сторон и, быть может, ее история этих столетий являет собой один из самых поразительных примеров колоссальной жизнеспособности. Редко бывало, чтобы культура и ее фокус, коим была византийская столица, так продолжительно и ярко сияли, так прочно воспринимались и зарождали новые пышные расцветы в других странах, когда.. враги наседали, а территория того, что продолжало носить гордое имя империи ромеев, бесконечно сжималась»[1].

Но самые гибельные последствия имело «продвижение» итальянцев: «Внедрение генуэзцев в Константинополь было обдуманным, упорно и неутомимо проводимым предприятием. Их исключи-

---

Винтер Е. Россия в политике папской курии в XIV в. — В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей. VI. — М., 1958. С. 291—292, 294, 296, 297.

[1] Византийский временник. Т. 1 (XXVI). — М., 1947. С. 213.

тельная энергия, их огромные денежные средства были направлены на то, чтобы укрепить себя, а с другой стороны — ослабить Византию в самом ее центре...» Генуэзская колония в Константинополе, «с ее обитателями, ничем не связанными с великим очагом византийской жизни и культуры, кроме только того, что они медленно, но верно губили его, была подобна неизлечимой язве на усталом, теряющем силы для борьбы организме. «Установку» генуэзцев в отношении византийцев можно определить словами Иоанна Кантакузина (крупнейший византийский деятель того времени. — *В.К.):* «задумали они не малое: они желали властвовать на море (Черном. — *В.К.)* и не допускать византийцев плавать на кораблях, как будто море принадлежит только им»...» (Там же, с. 228.)

И они действительно полностью завладели морем, в том числе и побережьем Крыма, — что имело тяжелейшие последствия для Византии. Еще в 1206 году венецианцы появились в Сугдее (это — византийское название города, который русские называли Сурож, итальянцы — Солдайя; ныне Судак), откуда, правда, их впоследствии вытеснят генуэзцы, а в 1266-м Генуя начинает создавать свою опору в Крыму — Кафу, или иначе Каффу (Феодосия). И, следовательно, та «линия», о которой говорил Тойнби, передвинулась теперь с Адриатического моря на Черное — аж на 1500 км к востоку!

Обычно полагают, что итальянское внедрение в Крым имело единственную цель — торговлю, в том числе работорговлю. Однако и здесь — как и в «продвижении» Запада на более северных «участках» той самой «линии» — ясно видна направляющая роль папства.

Так, уже в 1253 году папа Иннокентий IV (тот самый, который в 1248 году призывал Александра Невского обратить Русь в католицизм) издал буллу о приобщении к римской вере населения Крыма, а

в 1288-м то же требование повторил папа Николай IV[1]. И «в 1320 г. в Кафе было основано католическое епископство; его епархия простиралась от Сарая на Волге до Варны в Болгарии»[2].

В недавнем исследовании Н.М. Богдановой «Церковь Херсона в X—XV вв.» приведены многочисленные факты, свидетельствующие о воистину мощном «наступлении» католицизма в Крыму, начавшемся в 1330-х годах, то есть за полвека до Куликовской битвы. Причем надо оговорить, что объектом этого исследования была главным образом ситуация только в одном из крымских городов, Херсоне, чьи остатки находятся на окраине нынешнего Севастополя.

«Одним из известных источников, освещающих деятельность католических миссионеров ... в Крыму, — говорится в исследовании, — являются письма папы Иоанна XXII (1316—1334), написанные в июле—августе 1333 г. 5 июля Иоанн XXII сообщает о том, что создана митрополия с центром в Воспоро (ныне — Керчь. — *В.К.)*... Этой митрополии подчинялся и Херсон. Спустя несколько дней — 16 июля — папа пишет, что «в Херсоне ... уже основана епископская кафедра и уже принято решение воздвигнуть там собор в честь св. Климента»; херсонским епископом назван брат Ордена Проповедников Ричард Английский. О деятельности двух архиереев — Франциска и Ричарда — в письмах папы

[1]См.: *Григорьев В.* Обзор политической истории хазаров — СПб., 1835. С. 26, 34. Следует напомнить, что основная территория Крыма была в свое время частью Хазарского каганата. Во время его разгрома (в 960-х годах) князь Святослав миновал в своем походе Крым, и местное население продолжало называть себя «хазарами» — как оно, очевидно, и «представилось» прибывшим в Крым итальянцам, которые усвоили это название: для них Крым был «Газарией». И римские папы в своих буллах настаивали на крещении именно «газар», понимая под ними основное население Крыма.

[2]*Тунманн.* Крымское ханство. — Симферополь, 1991. С. 35.

сообщается, что они уже давно вели миссионерскую деятельность в Крыму, обратили в католичество алан во главе с их правителем Милленом и подвластные ему народы...

Необходимо учесть, что, во-первых, учреждение епископии — свидетельство важности кафедры и значительности числа католиков и, во-вторых, то, что центрами и организующими началами миссионерских конгрегаций были их монастыри... Уже в конце XIII в. ... были основаны монастыри в Каффе, возможно, в Херсоне, Солхате и Сарае... ко времени около 1320 г. ... братья минориты имели 18 монастырей... К 30-м годам XIV в. число католиков... увеличилось, поэтому два епископа — Франциск и Ричард — прибыли к папе 28 апреля 1333 г., чтобы обрисовать сложившуюся ситуацию и просить помощь. Именно это и послужило, вероятно, поводом к возведению Воспоро в ранг *митрополии* и принятию решения о строительстве в Воспоро и Херсоне кафедральных соборов. Известны некоторые сведения о Ричарде Английском, епископе Херсонском, и после 1334 г., когда... он принял участие в богословском диспуте в Константинополе. 30 сентября 1335 г. Ричард Херсонский присутствовал на собрании епископов в Авиньоне (Франция). Затем он вновь отправляется на Восток...»[1]

Уже из этих фактов ясно, сколь значительными были усилия папства, направленные на овладение Крымом и дальнейшее продвижение к северу и северо-востоку; как сформулировал видный историк В.Т. Пашуто, «щупальца папства в виде его епископств протянулись от Крыма (Кафа, Херсонес, Чембало, Тана) в Сарай»[2].

[1] *Византия.* Средиземноморье. Славянский мир. — М., 1991. С. 33, 34.

[2] Итоги и задачи изучения внешней политики России. — М., 1981. С. 55.

Когда же в 1344 году войско Золотой Орды осадило Кафу (о взаимоотношениях итальянцев с монголами мы будем подробно говорить в дальнейшем), тогдашний папа Климент VI объявил (13 июля 1345 года) «крестовый поход» против хана Джанибека[1]. Поход не состоялся, но в 1347 году Золотая Орда все же прекратила войну с Кафой. И благодарные генуэзцы в 1348 году присвоили имя Климента VI одной из главных башен цитадели Кафы (башня эта и сегодня горделиво возвышается над всей Феодосией, а в музее города хранится снятая с башни мраморная плита с посвящением папе)[2].

И вот в связи с этим мы получаем возможность наглядно представить себе историческую ситуацию той эпохи во всей ее целостности.

Ибо, как показано в трактате Б.Я. Рамма «Папство и Русь в X—XV веках», именно в том самом 1348 году на севере *тот же* «папа Климент VI предпринял новое наступление на Русь... Он поддержал шведского короля Магнуса Эриксона, вознамерившегося захватить Прибалтику. Король начал в 1348 г. агрессию против Новгорода... В связи с этим... в папской курии было составлено 7 булл, имевших целью помочь Магнусу в его войне против русских. Одна из них была адресована епископам эзельскому, дерптскому и препозиту рижской церкви, которым предлагалось принять строгие меры к недопущению продажи оружия, железа, лошадей и продовольствия русским — «врагам католической веры». В этой булле рисуются всевозможные ужасы, которые якобы ожидают чуть ли не весь «христианский мир», если русские не будут побеждены... Вторая булла в адрес ордена предлагала рыцарям оказать

[1] *Гейд В.* Итальянские колонии на побережье Черного и Азовского морей. — Симферополь, 1915. С. 47.

[2] *Барсамов Н.* Феодосия. Историко-краеведческий очерк. — Симферополь, 1957. С. 31, 32.

шведскому королю помощь в его войне против русских. В третьем и четвертом посланиях папа адресуется к польским прелатам. Своими посланиями папа стремился создать единый фронт антирусской агрессии, связав шведское наступление с захватническими действиями польского короля Казимира III... Папа в своей булле устанавливает на четыре года во владениях Казимира особый сбор, в размере 1/10 всех церковных доходов, на помощь польскому королю в его «священном» деле «обращения русских»... Наконец, пятое, шестое и седьмое послания содержат распоряжения, адресованные архиепископам трех скандинавских церквей... о том, что... «крестоносцам против русских» даруется такое же отпущение грехов, какое получали крестоносцы, отправлявшиеся в Палестину»[1].

Итак, политика папства совершенно однородна и едина на всем протяжении «линии» — от Скандинавии до Крыма. Могут возразить, что на севере дело шло о войсках, а на юге — всего только о *купцах*. Но, во-первых, и на севере в роли «первопроходцев» на Восток нередко выступали именно купцы (принадлежавшие к знаменитой Ганзе и более ранним торговым объединениям), вместе с которыми появлялась и военная сила; это показано, например, в труде Н.А. Казаковой «Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения» (1975). Как писал позже В.Т. Пашуто, «Н.А. Казакова прекрасно раскрыла взаимосвязь торговой монополии Ганзы с агрессивной политикой Ордена»[2] (Ливонского).

Во-вторых, итальянских купцов с самого начала всегда и повсюду сопровождали внушительные боевые отряды, прекрасно обученные и снабженные наилучшим тогдашним вооружением; см. об этом новейшее скрупулезное исследование историка С.П. Карпова[1].

Наконец, своего рода подосновой «продвижения» итальянских купцов и воинов (нередко эти профессии сливались в одном лице) было все же продвижение католицизма. Как сформулировал известный историк Крыма С.А. Секиринский: «Крым и его приморские города являлись одним из путей экспансии римско-католической церкви на Север и Восток. Отсюда такой интерес папства к крымским делам»[2].

Вполне вероятно и еще одно возражение: «продвижение» Запада в северных областях было непосредственно направлено на Русь; между тем итальянцы в Крыму имели дело прежде всего с Золотой Ордой, а граница Руси находилась тогда весьма далеко от Крыма. Проблему проясним эта глава в целом. Но не следует забывать, что продвижение итальянцев в Крым подразумевало, как уже отмечалось, беспощадное разорение Византии, которая была в то время нераздельно связана с Русью, прежде всего с ее Церковью. Кроме того, итальянцы в Крыму оказались в прямом соприкосновении с многочисленным армянским населением, принадлежавшим — так же, как и русские, — к церкви, которая была «дочерней» по отношению к византийской.

Исследователь истории крымских армян В.А. Микаелян воссоздал то давление папства, в результате которого «часть армянской торговой верхушки, связанная с генуэзским капиталом, в XIV—XV вв. поддалась католической пропаганде, и последняя

[1] *Рамм Б.Я.* Папство и Русь в X—XV веках. — М. — Л., 1959. С. 211, 212.

[2] *Пашуто В.Т.* Возрождение Великороссии и судьбы восточных славян. — В кн.: Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. — М., 1982. С. 25.

[1] *Карпов С.П.* Путями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII—XV вв. — М., 1994.

[2] *Секиринский С.А.* Очерки истории Сурожа IX—XV веков. — Симферополь, 1955. С. 28.

имела среди крымских армян некоторый успех... Часть богачей из каффских армян еще в 1318 г. дала римскому епископу Еронимии свое согласие признать верховенство римского папы. В связи с этим в 1318 г. папа Иоанн XXII обратился к каффским армянам со словами: «Мы получили великое удовлетворение, — писал он, — узнав о том, что... вы клятвенно обещали незыблемо исповедовать ту католическую веру, которую истинно имеет святая римская церковь... и обещали покорность римскому папе и его церкви»[1].

В.А. Микаелян пишет также, что для достижения своих целей «миссионеры и латинские епископы в Каффе нередко прибегали и к насилию... даже к подкупу отдельных служителей армянской церкви... Армяне в знак пассивной борьбы уходили из Каффы к своим соотечественникам в другие части Крыма. Вероятно, это вызвало необходимость основания в тот период — в 1358 г. — недалеко от Старого Крыма знаменитого армянского монастыря Сурб-Хач (Св. Крест)». (С. 69, 70, 72.)

Итак, внедрение итальянцев в Крым имело, как мы видим, далеко идущие последствия. Но необходимо выяснить вопрос о взаимоотношениях итальянцев с Золотой Ордой.

Целесообразно еще раз обратиться к соответствующей статье БСЭ, поскольку она в сжатом виде выражает более или менее «общепринятые» представления:

«Генуэзцы в 1266 г. добились от ставленника Золотой Орды в Крыму Мангу-хана передачи им во владение Кафы (совр. Феодосия), ставшей позже центром их колоний. В 1357 г. генуэзцы захватили Чембало (Балаклаву), в 1365-м — Солдайю (Судак)... Генуэзцы поддерживали союзнические отно-

[1] *Микаелян В.А.* На Крымской земле. История армянских поселений в Крыму. — Ереван, 1974. С. 72.

шения с монгольско-татарскими ханами. В 1380 генуэзская пехота участвовала на стороне Мамая в Куликовской битве». Правда, тут же в статье сообщается нечто прямо противоположное: «Тем не менее генуэзские колонии неоднократно подвергались нападениям и разорению со стороны татарских ханов (1299, 1308, 1344—1347, 1396—1397 и др.)» (Т. 6, с. 248, 249.) Следует добавить, что Золотая Орда атаковала пришельцев из Италии также в 1317—1318, 1322, 1327 и 1338 годах[1], то есть нападения были при *всех* ханах конца XIII — первой половины XIV века — Токте (1291—1312), Узбеке (1313—1342) и Джанибеке (1342—1357) — и не реже чем через девять лет. Только после гибели Джанибека наступает долгий перерыв в этих нападениях — до 1396 года.

Словом, утверждение БСЭ о «союзнических отношениях» генуэзцев с Золотой Ордой по меньшей мере сомнительно: оно основано только на одном факте — участии генуэзской пехоты в походе Мамая на Москву. Но об этом еще пойдет речь.

При первом появлении генуэзцев в Кафе в 1266 году крымский наместник Золотой Орды предоставил им — очевидно, не без выгодных обещаний с их стороны — возможность обосноваться здесь, на окраине монгольского государства.

Но довольно скоро, уже в 1280-х гг., как писал выдающийся востоковед А.Ю. Якубовский, «отношения между монголами и генуэзскими властями настолько обострились, что обе стороны были долгое время во вражде и борьбе... Враждебные отношения продолжились и при хане Токте»[2].

Ясно, что деятельность пришельцев оказалась

[1] См. об этом: Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. Ч. II, с. 446; *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. — М. — Л., 1964. С. 176.

[2] *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. — М — Л., 1950. С. 88.

неприемлемой для Золотой Орды. Может, впрочем, возникнуть вопрос: почему же тогда могучее монгольское государство не изгнало нежелательных пришельцев из Крыма вообще? Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что это вовсе не так уж просто было осуществить.

Арабский хронист рассказывает, например, как в 1308 году хан Токта собрался отомстить «Генуэзским Франкам в Крыму, Кафе и Северных владениях за разные дела, о которых ему сообщили, в том числе за захват ими детей Татарских и продажу их в мусульманские земли». Но когда к Кафе двинулись войска, генуэзцы «узнали о прибытии их, приготовили свои корабли, отплыли в море и ушли в свои земли, так что Татары не захватили ни одного из них. Тогда Токта забрал имущество тех из них, которые находятся в городе Сарае (на Волге. — *В.К.)* и примыкающих к нему местах»[1]. Позднее генуэзцы, разумеется, возвратились в Кафу, а Золотая Орда не могла постоянно держать воинские силы на черноморском берегу для предотвращения их возврата.

Или другой, позднейший пример. Хан Джанибек в 1344 году отдал приказ о взятии Кафы. Но к тому времени город уже окружала неприступная крепость, в которой имелось весьма значительное, вооруженное по тогдашнему «последнему слову», вышколенное и высокооплачиваемое войско, не раз совершавшее сокрушительные вылазки; оно жгло осадные машины и убивало множество нападающих, в конце концов вынужденных снять осаду[2].

И по сей день остатки крепости свидетельствуют о ее неприступности; внутри нее был, помимо прочего, водопровод, который обеспечивал жизнеспособность обороняющихся. Нельзя не сказать и о том, что длина мощной оборонительной стены вокруг Кафы составляла в целом около пяти километров — то есть в *два раза* превышала длину стен Московского Кремля! Кафа по укрепленной площади и количеству населения уступала в то время только Константинополю...

Уже одно это показывает, какая сила внедрилась с Запада в Крым. Это, в конечном счете, была сила не одних генуэзцев и даже не одной Италии — хотя она была, конечно, «авангардом», — а сила Запада в целом, и направлял ее, как уже говорилось, центр западной цивилизации — папство.

Основываясь на генуэзских архивных документах, С.П. Карпов пишет: «Итальянская колонизация вовлекала в свою орбиту самые разные слои населения Генуи, Венеции, многих областей Северной Италии. Встречались среди колонистов и жители Франции, Германии, Сицилийского королевства, государств Пиренейского полуострова, венгры, англичане и другие западноевропейцы»[1].

В Золотой Орде, без сомнения, видели и понимали это упорное движение Запада в пределы ее интересов. Известный современный историк и археолог М.Д. Полубояринова утверждает в своей книге «Русские люди в Золотой Орде» (1978), что одной из причин очевидного стремления духовенства Руси «к усилению влияния в Золотой Орде» была именно «борьба с католицизмом, который к XIII в. осуществлял постоянный натиск на восток»[2], — то есть русские митрополиты и епископы стремились «открыть глаза» золотоордынским правителям на эту «опасность».

[1] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1 — СПб., 1884. С. 162.

[2] *Гейд В.* Цит. соч., с. 48.

[1] *Карпов С. П.* Источники по истории Причерноморья и Древней Руси в итальянских архивах. — Вестник Московского университета. Сер. 8. История. — 1994, № 1. С. 5.

[2] *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. — М., 1978. С. 25.

Ханы Золотой Орды, вопреки нынешнему мнению об их «варварстве», вполне «цивилизованно» поддерживали дипломатические отношения с Западом, принимали посланцев римских пап, вели соответствующую переписку и т. д. В труде М.Д. Полубояриновой сообщается: «Папа Иоанн XXII (1316—1334) писал в 1318 г., что хан Узбек «не без наития, внушенного ему Господом... предоставил привилегии христианам» (имелись в виду католики. — *В.К.*). Хан Узбек (1313—1342) был в переписке и с папой Бенедиктом XII (1334—1342), отправлял к нему послов. Известны письма этого папы к самому Узбеку, сыну его Джанибеку и жене Тайдуле, в которых папа... выражает надежду на обращение всей ханской семьи в католичество.

Все это, однако, — продолжает М.Д. Полубояринова, — не помешало Узбеку в 1324 г. организовать поход русских князей против Литвы, чтобы запретить Гедимину (великий князь Литовский в 1316—1341 гг. — *В.К.*) принять католичество. В 1340 г. Узбек помог русским князьям в их борьбе против польского короля Казимира, в результате чего Казимир вынужден был признать свободу православных обрядов. Эти акции в защиту православия и против католицизма были совершены, без сомнения, не без влияния русских церковников в Золотой Орде. Ту же линию в отношении православия занимал в силу необходимости и Джанибек (1342—1357), ведя в союзе с Византией войну с венецианскими генуэзскими колониями в Крыму (с 1343 г.)» (Там же, с. 27.)

Здесь обрисовано соотношение «православие — католицизм (и вообще Запад) — Золотая Орда» за несколько десятилетий до Куликовской битвы. Но следует сказать, что подобная ситуация выявилась значительно раньше.

По сведениям германского хрониста Рейнгольда Гейденштейна, русский Псков «был взят немцами,

как гласит предание, около 6750 года (то есть 1242-го, года «Ледового побоища». — *В.К.)*. Однако немного спустя после того Александр Ярославич (Невский. — *В.К.)* из рода Мономахова возвратил свободу городу; будучи отправлен ханом татарским Батыем и получивши в подмогу татарские вспомогательные войска, он победил в сражении ливонцев и затем по договору возвратил город (Псков. — *В.К*)»[1].

Выражение «отправлен ханом Батыем» означает, очевидно, лишь то, что Александр Невский признавал верховную власть Золотой Орды и, так или иначе, «советовался» с Батыем о предпринимаемых действиях. Но золотоордынская военная поддержка борьбы Руси с натиском Запада началась, следовательно, уже при Батые. Кстати сказать, многие историки считают только что приведенное сообщение недостоверным, однако их сомнения обусловлены присущим им ложным представлением о взаимоотношениях Руси и Золотой Орды вообще (о чем уже подробно говорилось); кроме того, как мы видели, политика, начатая Батыем, продолжалась и через столетие — при Узбеке и Джанибеке, о чем есть неоспоримые сведения.

В свете всего вышеизложенного становится возможным действительно понять сущность Мамаевой орды и ее похода на Москву. В высшей степени знаменательно, что историки, смотревшие на эту проблему *из Крыма*, гораздо яснее понимали ее истинное содержание. Так, известный крымский историк П.Н. Надинский, автор изданных еще в 1950-х годах «Очерков по истории Крыма» в четырех томах, писал:

«Генуя и Венеция являлись крупнейшими колониальными государствами Средневековья. В руках этих государств находилась почти вся мировая тор-

[1] *Гейденштейн Рейнгольд.* Записки о Московской войне (1578—1582). — СПб., 1889. С. 195.

говля. Значение этих государств особенно возросло в связи с Крестовыми походами... Эти грабительские походы, освященные религией, прокладывали пути для генуэзских и венецианских купцов-колонизаторов в страны Ближнего Востока и Причерноморья... В XIII веке, после взятия крестоносцами Константинополя (в 1204 году. — *В.К.)* и разгрома Византийской империи, венецианцы, а следом за ними и генуэзцы, проникли на побережье Черного моря... И совершенно не случайно, что генуэзцы оказались в числе *вдохновителей,* а может быть, и прямых *организаторов* похода незадачливого татарского полководца Мамая на Москву»[1].

Впрочем, еще раньше П.Н. Надинского, в 1940-х годах, о тесной связи Мамая с генуэзцами говорил один из значительнейших наших историков академик М.Н. Тихомиров[2], развивавший эту тему и позднее. Вообще я отнюдь не являюсь неким «первооткрывателем» предлагаемого понимания Мамаева похода. Это понимание так или иначе намечено в исследованиях ряда видных историков: Ю.К. Бегунов «Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» (1966), И.Б. Греков «Восточная Европа и упадок Золотой Орды» (1975), Г.М. Прохоров «Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы» (1978).

Позже, в 1980-х годах, появились статьи и затем книга Л.Н. Гумилева, в которых особенно последовательно выдвигалось именно такое понимание[3]. Эти публикации вызвали очень широкий интерес,

[1] *Надинский П.Н.* Очерки по истории Крыма. Ч. 1. — Симферополь, 1951. С. 59, 61.

[2] *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва (XIII—XV вв.). — М., 1947. С. 93, 94.

[3] *Гумилев Л.Н.* Год рождения 1380... — «Декоративное искусство», 1979, № 8. С. 34—37; *он же:* Эпоха Куликовской битвы. — «Огонек», 1980, № 36. С. 16, 17; *он же:* Древняя Русь и Великая Степь. — М., 1989. С. 617—640.

но нельзя не сказать, что перед нами произведения человека, который был, если угодно, в равной мере и историком, и *поэтом* (кстати сказать, несколько опубликованных в последние годы его *стихотворений* уступают по своей художественной силе поэзии его прославленных родителей). И в трудах Л.Н. Гумилева первостепенную роль играет «домысел» и даже прямой «вымысел».

Это позволяет ему не только властно захватывать сознание читателей, но и нередко замечательно «угадывать» скрытое, подспудное движение истории. Но в то же время именно эти качества вызывают неудовлетворенность (или даже негодование) у людей, которые считают обязательным строгую документированность, не приемлют никакого «интуитивного» домысливания в изучении истории. Впрочем, при всех возможных оговорках, несомненно одно: статьи и книги Л.Н. Гумилева способны пробуждать мощный и страстный интерес к истории, в том числе к истории эпохи Куликовской битвы.

Вот чрезвычайно выразительный факт. В авторском «Введении» к только что названной книге Г.М. Прохорова «Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы» сказано: «Благодарю от души моего первого учителя, доктора исторических наук Л.Н. Гумилева за привитый мне вкус к историческому исследованию...»[1] Однако в самой этой книге, где есть, например, ссылки на упомянутые выше работы М.Н. Тихомирова, Ю.К. Бегунова и И.Б. Грекова, автор ни разу не ссылается на Л.Н. Гумилева!..

Словом, имеет место специфическая ситуация: высокая одаренность и размах мысли Л. Н. Гумилева дали ему возможность во многих отношениях

[1] *Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. — Л., 1978. С. 5.

верно и глубоко охарактеризовать сущность Куликовской битвы, но недостаточность, а порой и прямая недостоверность фактической аргументации отвращает тех или иных читателей (прежде всего — профессиональных историков), и в результате отчасти дискредитируется то истинное в своей основе представление о причинах и значении великой битвы, которое выразилось в гумилевских статьях и книгах. И как-то уже не обращают внимания на тот факт, что концепция Л.Н. Гумилева *подтверждается* (а не опровергается) в ряде работ таких историков, которым отнюдь не свойственно «вольное» обращение с источниками.

Но обратимся непосредственно к Мамаю. Еще полвека назад, в 1946 году, М.Н. Тихомиров утверждал, что Мамай перед Куликовской битвой заключил договор с Кафой. А в 1994 году С.П. Карпов, давно занятый тщательными разысканиями в генуэзских архивах, сообщил, что в своего рода бухгалтерских книгах Кафы, массариях, оказывается, «есть сведения и о переговорах с Мамаем», хотя в то же время «не обнаружено следов... участия генуэзцев в Куликовской битве»[1]; между тем, согласно русским источникам, в ней участвовали и «фряги», то есть итальянцы.

Но, во-первых, не исключено, что такие «следы» еще отыщутся; ведь сам С.П. Карпов в той же статье отмечает: «Разумеется, богатство архивных собраний Венеции и Генуи не исчерпывается» теми, «с которыми нам довелось работать в Италии. В стороне остались, например, собрания Ватиканского архива с его материалами по истории церкви и религиозных миссий на Востоке (а как мы видели, представители папства постоянно вступали в контакты с золотоордынскими правителями. — *В.К.),* собрания рукописей в различных библиоте-

[1] *Карпов С.П.* Цит. соч., с. 10.

ках... Не одному поколению историков и архивистов хватит материалов для будущих исследований». (Там же, с. 15.)

А во-вторых, при *верном* понимании *общей картины* открывается ранее почти или совсем «не замечаемая» весомая «информация», содержащаяся в давно известных источниках. Обратимся к наиболее объемному источнику сведений о Куликовской битве — «Сказанию о Мамаевом побоище».

Здесь сообщается, что, узнав о движении Мамая к Москве, Дмитрий Иванович посылает навстречу ему — в качестве, выражаясь современным языком, дипломата и разведчика (в частности, сообщившего точные известия о союзе Мамая с великим князем Литовским Ягайлом) — «избранного своего юношу, довольно суща разумом и смыслом, имянем Захарию Тютьшова» (это был, как известно, далекий предок великого поэта и мыслителя Ф.И. Тютчева). Автор «Сказания» явно стремится «оправдать» решение князя поручить столь ответственную задачу именно *юноше,* подчеркивая, что он — «избранный», что он особо разумный и смышленый. И все же — почему юноша, а не богатый опытом муж?.. Характерно, что автор изданного в 1985 году сочинения о Куликовской битве, невзирая на вполне определенное сообщение «Сказания», написал о княжеском после: «...уже *пожилой* и сметливый боярин Захар Тютчев»... Но в другой современной книге дана верная «разгадка»: Захарий был сыном *итальянца* Дудже, или Тутче, поселившегося в Москве в 1350-х годах[1], и, очевидно, владел языком своих предков.

И другая «информация» из «Сказания»: отправляясь в поход на Мамая, Дмитрий Иванович взял с

[1] См.: *Соловьев Михаил.* У Дона Великого. Историческая повесть о Куликовской битве. — М., 1983. С. 146 и *Рабинович М.* Не сразу Москва строилась. — М., 1982. С. 34.

собой десяток «московских гостей сурожан». Обычно историки полагают, что речь шла о купцах, осуществлявших торговые отношения между Москвой и крымским городом Сурож (ныне Судак). Но, как убедительно показал Л.С. Хачикян в исследовании «Гости-сурожане» в русских летописях и «Сказании о Мамаевом побоище» (в кн. Русская и армянская средневековые литературы. — Л., 1982. С. 335), эти историки «не учитывают того обстоятельства, что... весь Крымский полуостров называли Сурожским полуостровом» (и даже само Черное море — Сурожским), и потому «гостями-сурожанами» наверняка именовались и те, кто имел дело непосредственно с Кафой.

Пытаясь объяснить причину введения этих людей в состав княжеской свиты и особую важность самого их присутствия в ней (ведь их имена в «Сказании» удостоены специального упоминания в одном ряду с именами главных героев битвы!), А.Ю. Якубовский утверждал, что это-де были люди, «знающие нравы, обычаи и язык татар» и «имеющие более или менее точные сведения о дорогах, мостах, бродах на пути в Орду»[1]. Другой широко известный историк Л.В. Черепнин так определял «мотив, которым руководствовался московский князь, делая своими спутниками гостей: они могли быть использованы как проводники, толмачи, как люди, осведомленные о нравах и привычках ордынцев»[2] и т. п.

Однако эти объяснения едва ли хоть сколько-нибудь основательны. Во-первых, в окружении Дмитрия Ивановича было немало людей, постоянно имевших дело и с Золотой, и с Мамаевой ордой (к таким людям, кстати сказать, принадлежал и сам

[1] *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* цит. соч. С. 292.

[2] *Черепнин Л.В.* Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. — М., 1960. С. 610.

великий князь, с юных лет не раз посещавший обе орды). Когда в 1380 году потребовалось сообщить хану Тохтамышу радостную весть о победе на Куликовом поле и наладить дальнейшие отношения, Дмитрий Иванович послал к нему, как уже говорилось выше, испытанных знатоков золотоордынских дел Толбугу и Мокшея, а не каких-либо сурожских купцов. Во-вторых, главный опыт и главные знания этих купцов были связаны, конечно же, с крымскими генуэзскими центрами, и, беря их с собой в поход на Мамая, Дмитрий Иванович исходил именно из этого; в «Сказании о Мамаевом побоище» ясно сказано, что гости-сурожане «знаемы... в фрязех» (то есть в итальянцах).

А отсюда, без сомнения, следует, что Дмитрию Ивановичу была *вполне известна* огромная роль итальянцев Кафы в стане Мамая.

Не приходится уже говорить о том, что, согласно тому же «Сказанию», Мамай после Куликовской битвы сделал не что иное, как «прибеже ко граду Кафе... И собрав остаточную свою силу, и еще хотяше изгоном (набегом) итти на Русскую землю», — то есть именно в Кафе «организовывался» его новый поход. И когда затем по дороге на Русь он был в причерноморской степи перехвачен и окончательно добит Тохтамышем, «Мамай же прибеже пакы (снова, опять) в Кафу... ту(т) убиен бысть фрязи» (то есть убит итальянцами — очевидно, как не оправдавший возлагавшихся на него надежд воитель).

Итак, целая цепь исторических фактов, запечатленных в «Сказании о Мамаевом побоище», свидетельствует о ведущей, определяющей роли итальянцев в походе Мамая на Москву: «фрязы» упомянуты и на первой, и на последней страницах «Сказания».

При этом необходимо иметь в виду, что, согласно современным представлениям, «информация»,

содержащаяся в «Сказании», почти всецело *достоверна*. Много лет изучавший «историю» создания самого этого «Сказания» член-корреспондент РАН Л.А. Дмитриев доказывал, что в основу его легло произведение, написанное вскоре же после Куликовской битвы, в конце XIV века:

«И у нас есть основания, — заключал исследователь, — утверждать, что в большинстве подробностей и деталей «Сказания» исторического характера, не имеющих соответствий в пространной летописной повести, перед нами не поздние домыслы, а отражение фактов, не зафиксированных другими источниками»[1].

Наряду с ведущей ролью итальянцев по-своему не менее существенна другая тема — союз Мамая с великим князем Литовским Ягайлом. Правда, именно в связи с этим нередко ставился вопрос о «недостоверности» сведений «Сказания». Ибо во многих списках «Сказания» вместо Ягайла, который правил Литвой в 1380 году, выступает его гораздо более известный на Руси отец — Ольгерд, умерший еще в 1377 году. И стремясь продемонстрировать недостаточную надежность «информации», содержащейся в «Сказании», Л.А. Дмитриев называет три «анахронизма»: Ольгерд вместо Ягайла, присутствие в Москве во время Куликовской битвы митрополита Киприана, который, мол, находился тогда в Киеве, и, наконец, молитва Дмитрия Ивановича перед Владимирской иконой Богоматери, приносившейся в Москву только в 1395 году, во время движения к Руси войск Тимура.

Однако сам Л.А. Дмитриев здесь же признает вероятность принесения в Москву в 1380 году наиболее чтимой иконы — с последующим возвратом ее во Владимир (как было и в 1395 году). Далее,

[1]Сказания и повести о Куликовской битве. — Л., 1982. С. 347.

украинский историк Ф.М. Шабульдо в 1987 году убедительнейшим образом доказал, что митрополит Киприан прибыл в Москву уже 3 мая 1380 года — то есть за четыре месяца до битвы — и, кстати сказать, еще в Киеве во многом содействовал укреплению сил Дмитрия Ивановича[1].

Наконец, в тех списках «Сказания», где в качестве союзника Мамая предстает Ягайло, он не раз именуется «Ягайло Ольгердовичем», и не исключено, что переписчики, которым было хорошо известно имя Ольгерда (Ягайло, как уже говорилось, был знаком Руси гораздо меньше), приняв слово «Ягайло» за некую добавку к знакомому имени, превратили отчество в имя.

Впрочем, если уж говорить о неверных сведениях в «Сказании», к таковым можно отнести, как видим, только одну эту замену Ягайло на Ольгерда (ибо сведения «Сказания» о Киприане всецело достоверны, а Владимирская икона вполне могла на время появиться в 1380 году в Москве).

Весьма существенно, что о союзнике Мамая «Ольгерде» — то есть в действительности о Ягайло Ольгердовиче — в «Сказании» сообщено: «...он почитает закон латыньский» — то есть католицизм. Правда, Ягайло официально принял католичество уже после Куликовской битвы, но склонялся он к этому с самого начала своего правления.

Как писал В.Т. Пашуто, посвятивший много лет изучению истории Великого княжества Литовского, Ягайло сразу же после прихода к власти в 1377 году, «видя неуспех восточной политики Ольгерда, твердо решил добиваться ее поддержки католическими державами и папством ценою принятия христианства»[2] (католического).

[1]*Шабульдо Ф.М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского, — Киев, 1987. С. 118—129

[2]*Пашуто В.Т.* Цит. соч., с. 41.

И вот что необходимо принять во внимание. Выше было показано, что папа Климент VI (1342—1352) во второй половине 1340-х годов, то есть за четыре десятилетия до Куликовской битвы, «направлял» *одновременно* действия и западных соседей Руси, и итальянцев в Крыму; это была единая политика на всем протяжении не раз упоминавшейся «линии» между Западом и Евразией.

Во время Куликовской битвы на папском престоле находился Урбан VI (1378—1389), который, как сообщает Б.Я. Рамм, издал буллу, предписывающую «магистру Ордена доминиканцев назначить специального инквизитора «для Руси и Валахии» (область между Карпатами и Дунаем. — *В.К.*). В булле подчеркивается право и обязанность инквизитора, пользуясь всеми средствами, какими инквизиция располагает, искоренять «заблуждения» на Руси... Тот же папа предложил насильственно обращать в католичество русских на землях, подвластных Литве, Польше и т. п., применяя со всей строгостью принудительные меры вплоть до телесных наказаний»[1]. Точно известно, что сразу же после того, как Ягайло стал Великим князем Литовским, он завязывает отношения с папой Урбаном VI и направляет своего брата и единомышленника Скиргайло (в 1378 году) в Польшу для встречи с представителями Рима.

Прямых сведений о «направляющих» указаниях Урбана VI в адрес крымских итальянцев не имеется, однако союзничество Ягайло и находившегося в Крыму, на расстоянии 1300 км (по прямой) от Вильно, Мамая едва ли обошлось без папской «координации» усилий на севере и на юге (которая, как мы *точно* знаем, имела место ранее, при Клименте VI).

В «Сказании о Мамаевом побоище» в качестве единственного «посредника» между Ягайлом и Мамаем представлен рязанский князь Олег. Находясь поблизости от тогдашней литовской границы, Олег мог играть роль определенного связующего звена между двумя союзниками, но едва ли он был способен «устроить» сам этот союз, в результате которого, как сообщается в «Сказании», «поиде к Мамаю на помощь... великий князь Ягайло Литовский с своею силою: литвою, и жмоти (жмудью), и ляхи, и немцы». За этим явственно видны направляющие действия папства (не раз описанные выше), которое в то же время воздействовало и на Мамая — через крымских итальянцев.

[1] *Рамм Б.Я.* Цит. соч., с. 214.

Ягайло, как известно, немного не поспел привести свои войска на Куликово поле. Но он шел с запада туда же, куда и Мамай с юга. И теперь следует подвести определенные итоги вышеизложенному. Как было показано, генуэзская Кафа с конца XIII и до середины XIV века постоянно подвергалась нападениям золотоордынских войск, но после убийства хана Джанибека (1357 г.) они прекращаются, и нет никаких сообщений о подобных нападениях вплоть до Куликовской битвы. Естественно прийти к выводу, что любимец нового хана Бердибека, Мамай, давно находившийся в Крыму, кардинально изменил политику в отношении пришельцев из Италии. Уже в 1357 году генуэзцы, которые в течение предыдущих почти ста лет своего присутствия в Крыму владели *только одной Кафой*, основывают свою колонию в Чембало (Балаклава, недалеко от нынешнего Севастополя) и начинают воздвигать здесь неприступную цитадель. В 1365 году они овладевают Солдайей (Судаком), где создается монументальная крепость, а затем — в период не позднее 1374 года — их «консульства» размещаются, как сообщено в трактате видного исследователя средневекового Крыма А.Л. Якобсона, в Горзоне (Херсонесе, ныне в пределах Севастополя), Ялите (Ялте), Пертинике (Партените, вблизи Гурзуфа),

Луске (Алуште), Воспоро (Керчи) — то есть на протяжении всего побережья Крыма[1]!

Некоторые историки утверждали, что это решительнейшее расширение генуэзских владений было обусловлено начавшейся после убийства хана Бердибека смутой в Золотой Орде, которая теперь-де уже не могла сопротивляться натиску генуэзцев. Однако, во-первых, Чембало оказалось в их руках еще при Бердибеке (который высоко вознес Мамая), а во-вторых, как явствует из цитированных выше армянских «памятных записей», обладавший мощной военной силой Мамай властвовал в Крыму и в 1365 году, когда генуэзцы завладели Солдайей (Судаком), и позднее.

И едва ли можно усомниться в том, что Мамай, в отличие от золотоордынских правителей, находился в теснейшем союзе с генуэзцами, и, в частности, его зафиксированные в приведенной выше армянской записи «сборы» в 1365 году в очередной поход на Золотую Орду проходили, по всей вероятности, при активной поддержке генуэзцев; как пишет в своем исследовании Г.М. Прохоров, «с генуэзцами он (Мамай. — *В.К.)* мог расплачиваться землями своих крымских владений»[2].

Но, как уже говорилось, неоднократные попытки Мамая захватить власть в Золотой Орде оказались тщетными. И тогда его направили на Русь.

М.Н. Тихомиров доказал, что итальянцы, «фряги» русских источников, появляются в Москве и на севере Руси уже в первой половине XIV в., как показывает грамота Дмитрия Донского. Великий князь ссылается на старый порядок, «пошлину», существовавшую еще при его деде Иване Калите, следовательно, до 1340 г. Великий князь жалует «Печорою» некоего Андрея Фрязина и его дядю

[1] *Якобсон А.Л.* Цит. соч., с. 173.

[2] *Прохоров Г.М.* Цит. соч., с. 108.

Матвея. Обоих «фрязинов» привлекли на далекий север, в Печору, вероятно, поиски дорогих и ходовых товаров Средневековья: пушнины, моржовых клыков и ловчих птиц»[1].

Отдельные купцы, — к тому же, конечно, покупавшие у великого князя за большую плату «лицензии», — разумеется, не представляли для Руси никакой опасности. Но появление их даже и на дальнем русском Севере свидетельствует о стратегической «устремленности» крымских «фрягов».

Выше цитировалось сообщение «Сказания» о том, что Мамай шел на Москву, дабы изгнать русских князей и сесть на их место. Ханы Золотой Орды никогда не имели подобных намерений, и цель эта была поставлена, надо думать, генуэзцами.

Все это объясняет главную «загадку»: почему Русь только один раз за почти два с половиной столетия «монгольской эпохи» вышла в широкое поле для смертельной схватки?.. В связи с этим нельзя не упомянуть, что преподобный Сергий Радонежский за какое-то время до Куликовской битвы отказался благословить великого князя на войну с Мамаем. В одной из рукописей жития величайшего русского святого приведено его прямое возражение Дмитрию Ивановичу: «...пошлина (исконный порядок, установление) твоя держит (удерживает, препятствует), покорятися ордынскому царю должно[2]». Нет оснований сомневаться, что преп. Сергий действительно сказал так. Однако, по всей вероятности, слова эти были произнесены за достаточно длительное время перед Куликовской битвой, когда, надо думать, в Троицкой обители еще не знали со всей ясностью, что представляет собой в дейст-

[1] *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией, — М., 1969. С. 32, 33.

[2] *Тихонравов Н.* Древние жития Сергия Радонежского. Т. 1. — М., 1892. С. 137.

вительности Мамай, и видели в нем «традиционного» хана Золотой Орды, «царя».

Накануне же Куликовской битвы Сергий Радонежский сказал совсем иное: «Подобает ти, господине, пещися о врученном от Бога христоименитому стаду. Пойди противу безбожных, и Богу помогающи ти, победиши».

В связи с этим весьма многозначительно то место из «Сказания», в котором сообщается о реакции рязанского князя Олега на выступление Дмитрия Ивановича против Мамая. Я стремился на протяжении своей работы цитировать «Сказание» в подлиннике, полагая, что древнерусская речь понятна и без перевода. Но эпизод с Олегом сложен по своему языку, и потому даю его в переводе М.Н. Тихомирова.

Узнав о решении Московского князя, Олег говорит: «Я раньше думал, что не следует русским князьям противиться восточному царю. А ныне как понять? Откуда такая помощь Дмитрию Ивановичу?..» И бояре его (Олега. — *В.К.)* сказали ему: «...в вотчине великого князя близ Москвы живет монах, Сергием зовут, очень прозорливый. Тот вооружил его и дал ему пособников из своих монахов»[1].

Уже говорилось, что Куликовская битва имела *всемирное* значение. Об этом провозглашено в «Задонщине» (близкий текст есть и в списках «Сказания»). После победы Руси, утверждается здесь, «шибла понеслась слава к Железным Вратам и к Караначи (Орнач, Ургенч), к Риму и к Кафе по морю, и к Торнаву и оттоле ко Царьграду». Таким образом, указаны три «направления» пути славы: на восток — к Дербенту (Железные Ворота) и Ургенчу (столице Хорезма), которые входили тогда в «монгольский мир», на запад, в католический мир — к Риму через Кафу (связывание Кафы с папским Римом многозначительно), и на православный юг — через древнюю болгарскую столицу Тырново к Константинополю.

[1]Повести о Куликовской битве. — М., 1959. С. 258.

Кто-либо может подумать, что утверждение о столь широком распространении «славы» представляет собой только торжественную риторику — и глубоко ошибется, ибо весть о разгроме Мамая достигла и намного более *дальних* городов, нежели названные в «Задонщине». Так, об этом писал в расположенном в 1500 км к югу от Ургенча, уже недалеко от Индийского океана, городе Ширазе виднейший персидский историк конца XIV — начала XV века Низам-ад-дин Шами[1]. И на другом направлении эта слава достигла города, расположенного в 1500 км к югу от Константинополя: о разгроме Мамая сказано в трактате жившего в Каире выдающегося арабского историка Ибн Халдуна (1332—1406)[2]. Что же касается Константинополя, огромное значение Куликовской битвы сознавали там во всей полноте; это показано в уже упоминавшемся замечательном труде Г.М. Прохорова «Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы» (1978).

У нас нет прямых сведений о реакции Рима на великую битву, но выше приводилось суждение много работавшего в итальянских архивах С.П. Карпова о неизученных «богатствах» тамошних материалов, которых хватит «не одному поколению историков и архивистов». Впрочем, мы располагаем вполне достаточными для понимания существа дела сведениями из германской части католического мира. О Куликовской битве писал, например, ее современник монах-францисканец и хронист Дитмар Любекский, а позднее «обобщающую» характеристику в своем сочине-

[1]*Тизенгаузен В.Г.* Цит. соч. Т. II, с. 109.

[2]*Там же.* Т. 1, с. 389.

нии «Вандалия» дал ей виднейший германский историк XV века Альберт Кранц, который являлся «деканом духовного капитула» Гамбурга — то есть вторым лицом в католической иерархии этого германского города:

«В это время между русскими и татарами произошло величайшее в памяти людей сражение... Победители русские захватили немалую добычу... Но недолго русские радовались этой победе,потому что татары, соединившись с литовцами, устремились за русскими, уже возвращавшимися назад, и добычу, которую потеряли, отняли и многих из русских, повергнув, убили. Было это в 1381 г. (ошибка на один год. — *В.К.)* после рождения Христа. В это время в Любеке собрался съезд и сходка всех городов общества, которое называется Ганза»[1].

Сведения о битве и были получены, очевидно, от ганзейских купцов, торговавших с Новгородом, о чем убедительно писал С.Н. Азбелев, специально изучавший вопрос о роли новгородцев в Куликовской битве.

В сообщении Альберта Кранца, доказывает С.Н. Азбелев, речь идет «о нападении литовского войска на новгородский отряд, возвращавшийся... в Новгород вдоль литовского рубежа. Весьма возможно, что справедливо и дополнительное указание Кранца, который пишет, что в этом нападении участвовали также и татары: часть бежавших с Куликова поля татар могла присоединиться к литовским отрядам... Сохранилась запись Епифания Премудрого, датированная 20 сентября 1380 г. (т. е. через 12 дней после Куликовской битвы): «...весть приде, яко литва грядут с агаряны» (т. е. с

[1]См.: *Бегунов Ю.К.* Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. — М. — Л., 1966. С. 508.

татарами)... однако столкновение с новгородцами, очевидно, исчерпало военный потенциал литовского войска»[1].

Германская «информация» о великой битве особенно существенна в том отношении, что иерарх католической церкви Альберт Кранц явно недоволен победой русских в «величайшем в памяти людей» (по его определению) сражении и не без злорадства сообщает о мести победителям, стремясь к тому же преувеличить ее действительные масштабы и значение.

Между тем в монгольском мире (например, в упомянутой ширазской хронике), не говоря уже о византийском, православном мире, разгром Мамая был воспринят совсем по-иному. И тут нельзя не вспомнить суждения о смысле Куликовской битвы, принадлежащие С.М. Соловьеву.

В своей знаменитой «Истории...» он писал, что «такой битвы, как Куликовская, еще не бывало прежде на Руси; от подобных битв давно уже отвыкла Европа. Побоища подобного рода происходили... в начале так называемых средних веков... во время страшных столкновений между европейскими и азиатскими народами... Куликовская победа... была знаком торжества Европы над Азиею...» Она должна была «решить великий в истории человечества вопрос — которой из этих частей света восторжествовать над другою? Таково всемирно-историческое значение Куликовской битвы»[2].

В этом несомненно ложном истолковании всемирно-исторического значения (опять-таки — несомненного!) Куликовской битвы выразилось, во-первых, мощное воздействие идеологии Запада

[1]*Азбелев С.Н.* Историзм былин и специфика фольклора. — Л., 1982. С. 162, 163.

[2]*Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. II — М., 1960. С. 287.

(С.М. Соловьев, в сущности, преподносит Европу в качестве безусловного воплощения добра, а Азию — как бы «абсолютного зла»), и, во-вторых, недостаточная изученность реальной истории XIV века. Многочисленнейшие отдельные факты и, шире, тенденции этой истории, представленные на предыдущих страницах, опровергают господствующее до сих пор понимание Куликовской битвы как противоборства Руси с Золотой Ордой или — в глобальном смысле — Европы с Азией.

Мамаева орда, конечно, имела азиатское происхождение, но всецело оторвавшийся и отчужденный от монгольского государства Мамай вступил в теснейший союз с генуэзцами Кафы, то есть с авангардной силой *Запада,* и стал выполнять его волю, его «задания», включился в ту политику, или, вернее, геополитику, которую Запад, руководимый папством, осуществлял в XIV столетии на всем протяжении «линии», отделявшей его от православной цивилизации.

В повестях и сказаниях конца XIV — начала XVI века не раз с полной определенностью утверждается, что Мамай имел целью сокрушение Православия, что он шел на Русь, дабы «разорити Православную Веру и оскверънити Святые Церкви и всему Христианству хощеть покорену от него быти».

Особенно примечательно в этом отношении одно место из «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» (ввиду архаичности текста цитирую перевод М.А. Салминой): «Мамай же, подстрекаемый лукавыми советниками, которые христианской веры держались, а сами творили дела нечестивых (о том, кто же были эти «советники», стоит поразмыслить... — *В.К.),* сказал князьям и вельможам своим: «Захвачу землю Русскую, и церкви христианские разорю...»[1].

Золотая Орда вовсе не преследовала подобную цель; более того, XIV—XV века были периодом высочайшего расцвета Православия на Руси, что доказывается, например, в известном сочинении «Святые Древней Руси» Георгия Федотова — хотя этот автор, будучи принципиальным «западником», крайне негативно относился к Золотой Орде.

И еще одно. В знаменитом сборнике Владимира Даля «Пословицы русского народа» содержится (даже в двух вариантах) пословица: «Много нам бед наделали — хан крымский да папа римский» (издание 1957 г., с. 348; см. также с. 144). Объединение, сближение столь далеких друг от друга, казалось бы, не имеющих ничего общего источников «бед» было бы не очень логично, если бы не имела места та историческая реальность, о которой идет речь и которая запечатлелась так или иначе в сказаниях о Куликовской битве, где связаны, соединены хозяин Крыма Мамай, «фряжская» Кафа и Рим. Я отнюдь не утверждаю, что приведенная пословица непосредственно «отразила» реальность 1380 года, но все же считаю возможным усматривать в ней связь и с этой реальностью, след своего рода исторической прапамяти о ней.

В свете всего вышеизложенного становится всецело ясной «загадка», о которой мы говорили в самом начале: почему Русь почти полтора столетия не вступала в противоборство с Золотой Ордой, а против Мамая вышла на бой столь решительно. Точно так же ясно и позднейшее — столетнее — «покорство» Руси Золотой Орде.

Но, как уже отмечалось, набег Тохтамыша на Москву через два года после Куликовской битвы

[1]Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. — М., 1981. С. 211.

вроде бы категорически противоречит предлагаемому пониманию исторической ситуации. И господствует представление, что этот набег был своего рода местью за поражение Мамая и актом восстановления якобы утраченной Золотой Ордой власти над Русью, хотя два описанных выше русских посольства к Тохтамышу — осенью 1380 года, сразу после битвы, и в начале 1381 года, после окончательного разгрома Мамая самим Тохтамышем — свидетельствуют, что Москва вовсе не имела намерения разорвать свои вассальные отношения с Золотой Ордой.

Пути к пониманию существа дела достаточно четко намечены в уже упомянутом исследовании И. Б. Грекова «Восточная Европа и упадок Золотой Орды» (1975), где показано, что Куликовская победа коренным образом изменила все соотношение сил.

Дмитрий Донской стал после нее, писал исследователь, «наиболее могущественной политической фигурой Восточной Европы», что особенно очевидно выразилось в событиях в Великом княжестве Литовском: «Если накануне битвы лишь отдельные литовско-русские князья (речь идет о Гедиминовичах, правивших на землях с русским, точнее, с западнорусским населением. — *В.К.)* сотрудничали с Москвой... то после победы на Куликовом поле заметно сократилось число активных сторонников Ягайло в Литовской Руси, а вместе с тем резко увеличился круг явных союзников Дмитрия Донского из среды феодалов, православного духовенства и горожан Литовско-Русского государства»[1].

Особенно существенно, что активным сторонником прочного союза с Москвой явился князь Кейстут (сын Гедимина, дядя Ягайлы), о чем подробно

[1] *Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). — М., 1975. С. 137.

говорится и в книге И.Б. Грекова, и в развивающем эти ее идеи тщательном исследовании украинского историка Ф.М. Шабульдо «Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского (Киев, 1987), который пишет, в частности:

«В октябре 1381 г. князь Кейстут, опираясь на поддержку группировавшихся вокруг него русских и литовских феодалов, захватил Вильно и отстранил от власти Ягайло, дискредитировавшего себя союзом с Мамаем. Став великим князем литовским, Кейстут проводил политику сближения с Московским великим княжеством». (С. 132.)

Если ранее Русь постоянно ослаблял непрекращавшийся натиск со стороны Литвы, то после Куликовской победы Москва обрела возможность стать объединяющим центром Восточной Европы в целом. Очень характерно, что ближайшим сподвижником Дмитрия Ивановича стал тогда *литовский* князь Остей — внук того самого Ольгерда, который многократно предпринимал агрессивные походы на Москву; и особенно знаменательно, что именно Остею Дмитрий Иванович — который, как сказано в летописи, сам «не подъя рукы на царя» — поручил *возглавить* оборону Москвы во время набега Тохтамыша!

Выразившееся в обрисованных только что фактах небывалое до того возвышение роли Москвы, надо думать, глубоко обеспокоило искушенного в политических делах Тохтамыша, и он счел необходимым нанести жестокий удар по Москве, опасаясь дальнейшего расширения ее политической роли и роста ее могущества. Почти одновременно с набегом Тохтамыша, в том же августе 1382 года, Ягайло в Литве сумел свергнуть и убить союзника Москвы Кейстута...

И то и другое являло собой, конечно, поражение Москвы; однако плоды победы на Куликовом поле, во всем ее охарактеризованном выше значении и

смысле, эти поражения не перечеркивали. Московская Русь обрела в этой победе незыблемую основу грядущей великой мировой державы, что стало выявляться уже при Иване III. Это было бы, конечно, невозможно, если бы Дмитрий Иванович выходил на Куликово поле, чтобы не платить большую дань Мамаю (а именно так, увы, толкуют причину столкновения многие нынешние историки).

Стоит в связи с этим сказать, что сам поэтический образ Куликовской битвы в «Сказании о Мамаевом побоище» представляет ее как грандиозное, прямо-таки «геологическое» потрясение. Накануне битвы — воистину прекрасное природное бытие: «...осень же бе тогда долга, и днем летним еще сияющим и теплота бысть и тихость»; однако на рассвете 8 сентября «земля гремит, а ту грозу подает на восток до моря, назапад же паки до Дуная. Поле же то Куликово пригибающися, вострепета лузи (луга) и болота, реки и езера из мест своих выступиша...» Слово здесь как бы само по себе воплотило осознание великого значения битвы...

Господствующее представление о Куликовской битве, в сущности, сводит ее к «внутреннему» конфликту в Золотой Орде: одно из входивших в эту Монгольскую империю государственных образований «взбунтовалось» против верховной власти.. На деле же, как я стремился показать, Русь в 1380 году выступила против, в полном смысле слова, *всемирной* силы, в которой объединились воля авангарда тогдашнего Запада и мощь азиатского воинства. И Куликовская битва явилась непосредственным выходом Московской Руси на мировую арену и победоносным ее утверждением во всемирной истории — о чем, в частности, осязаемо свидетельствуют отзвуки этой битвы на громадном евроазиатском пространстве от Гамбурга до Шираза (о чем есть точные сведения). Этот истинный смысл сражения на Непрядве всегда так или иначе присутствовал в национальном сознании, но начиная с XVIII века историки, находившиеся под своего рода излучением западной идеологии, затемняют его, толкуя великую битву как попытку свержения азиатской золотоордынской власти, к тому же не достигшую своей цели попытку.

Не исключено, что те или иные читатели воспримут как некую странность или даже нелепость свершившееся в 1370-х годах объединение Запада (прежде всего — в лице генуэзцев) с азиатской Мамаевой ордой в походе на Русь. Но есть ведь и другой, позднейший и не менее яркий пример: объединение Запада с Турецкой империей в Крымской войне против России в 1830-х годах (и опять-таки «узел» — Крым!). Сопоставление этих событий способно многое прояснить. И такого рода ситуация может возникнуть и в наше время. Куликовская битва — не только слава прошлых времен, но и *урок на будущее.*

В истории можно обнаружить поистине удивительные соответствия и переклички. Как показано выше, одним из виднейших деятелей эпохи Куликовской битвы был москвич итальянского происхождения Захарий Тютчев. А наиболее глубокое понимание сущности *Крымской войны* 1830-х годов высказал его прямой потомок (в пятнадцатом поколении) Федор Тютчев, который затем в качестве главного советника министра иностранных дел А.М. Горчакова сыграл самую весомую роль в дипломатическом преодолении тяжких последствий этой войны; все это подробно освещено в моей книге «Тютчев» (1988, 2-е изд. — 1994).

Как ни странно (и как ни прискорбно), преобладающее большинство русских людей не имеет верного представления о Крымской войне, которая была атакой на Россию объединившихся сил Запада и Востока. Авторитетный — и, надо признать, весьма объективный — английский историк Алан Тейлор

писал об этой войне через сто лет после нее, в 1954 году:

«Крымская война... стоила жизни почти полумиллиона (! — *В.К.)* человек, и общее число потерь превысило потери, понесенные в результате любой войны из тех, что велись на протяжении ста лет после Венского конгресса (то есть на протяжении 1815—1914 годов. — *В.К.*)... Из пяти вторжений в Россию, совершенных в современную эпоху — вторжение Наполеона в 1812 году, Англии и Франции (разумеется, совместно с Турецкой империей. — *В.К.*) в 1854 году, Германии — в 1916—1918 гг., державЯ Антанты — в 1919—1920 гг., Гитлера — в 1941 г. — это было, безусловно, *самое успешное*. После 1856 года Россия оказывала на европейские дела меньше влияния, чем в любой период...» (Тейлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе. — М., 1958. С. 120. — Курсив мой. — *В.К.*)

То, что Тейлор сформулировал в 1950-х годах, Тютчев высказал еще в 1850-х, и он глубоко и остро воспринимал вроде бы неожиданный и даже несообразный союз христианских стран Запада с мусульманской Турцией против христианских же России и славянских народов, выразив свое отношение к этому союзу, в частности, в саркастическом и гневном стихотворении под названием «Современное»:

Флаги веют на Босфоре,
Пушки празднично гремят,
Небо ясно, блещет море,
И ликует Цареград.
И недаром он ликует:
На волшебных берегах
Ныне весело пирует
Благодушный падишах.
Угощает он на славу
Милых западных друзей —
И свою бы всю державу
Заложил для них, ей-ей...
Пушек гром и музыкия!

Здесь Европы всей привал,
Здесь все силы мировые
Свой справляют карнавал...
Как в роскошной этой раме
Дивных гор и двух морей
Веселится об исламе
Христианский съезд князей!
И конца нет их приветам,
Обнимает брата брат...
О, каким отрадным светом
Звезды Запада горят!..
Только там, где тени бродят
По долинам и горам
И куда уж не доходят
Эти клики, этот гам, —
Только там, где тени бродят,
Там, в ночи, из свежих ран
Кровью медленно исходят
Миллионы христиан...[1]

Уместно обратиться здесь и к творчеству выдающегося современного поэта Юрия Кузнецова, который, пожалуй, более чем кто-либо продолжает тютчевские традиции. В 1986 году он создал стихотворение «Петрарка», имеющее прямое отношение к обсуждаемым проблемам. В главе «Византийское и монгольское «наследства» в судьбе России» было показано, что «великий гуманист» Франческо Петрарка (1304—1374) яро призывал генуэзцев громить «малодушных гречишек» и вообще «выкорчевать» их «позорную империю» — Византию. В другом своем послании в Геную, отправленном незадолго до Куликовской битвы, он писал о массе привезенных генуэзцами из «Скифии» (то есть, в частности, из Руси) рабов как об отвратных «недочеловеках»; Петрарку возмущал не сам факт работорговли, но обилие на улицах Генуи «люда» со «скифскими чертами».

[1]Под властью турецкого султана находились тогда 12 млн. православных христиан...

В поэтическом мире стихотворения Юрия Кузнецова «гуманист» XIV века Петрарка «перенесен» в 8-ю итальянскую армию, которая в конце 1942 года пришла на Дон и вскоре была полностью разгромлена недалеко от Куликова поля, куда в 1380 году также заявились соплеменники Петрарки (их в Мамаевом войске было, очевидно, немного, но их политическая роль была первостепенной). Вот это подлинно гуманистическое стихотворение, предваренное эпиграфом: Петрарка. И вот непривычная, но уже нескончаемая вереница подневольного люда того и другого пола омрачает этот прекраснейший город скифскими чертами лица и беспорядочным разбродом, словно мутный поток чистейшую реку; не будь они своим покупателям милее, чем мне, не радуй они их глаз больше, чем мой, не теснилось бы бесславное племя по здешним узким переулкам, не печалило бы неприятными встречами приезжих, привыкших к лучшим картинам, но в глубине своей Скифии вместе с худою и бледною Нуждой среди каменистого поля, где ее (Нужду) поместил Назон, зубами и ногтями рвало бы скудные растения. Впрочем, об этом довольно.

Петрарка. Из письма Гвидо Сетте, архиепископу Генуи. 1367 г. Венеция

Так писал он за несколько лет
До священной грозы Куликова.
Как бы он поступил — не секрет,
Будь дана ему власть, а не слово.
Так писал он заветным стилом.
Так глядел он на нашего брата.
Поросли б эти встречи быльем,
Что его омрачали когда-то.
Как-никак шесть веков пронеслось
Над небесным и каменным сводом.
Но в душе гуманиста возрос
Смутный страх перед скифским разбродом.
Как магнит потянул горизонт,
Где чужие горят Палестины.

Он попал на Воронежский фронт
И бежал за дворы и овины.
В сорок третьем на лютом ветру
Итальянцы шатались как тени,
Обдирая ногтями кору
Из-под снега со скудных растений.
Он бродил по тылам, словно дух,
И жевал прошлогодние листья.
Он выпрашивал хлеб у старух —
Он узнал эти скифские лица.
И никто от порога не гнал,
Хлеб и кров разделяя с поэтом.
Слишком поздно других он узнал.
Но узнал. И довольно об этом.

Выше приводились суждения из «ранних» сочинений выдающегося английского историософа Арнольда Тойнби, в которых он «оправдывал» завоевание Западом восточноевропейских земель, не входивших в пределы православной цивилизации и, по сути дела, «замалчивал» факты мощной западной агрессии в отношении самой этой цивилизации — то есть прежде всего Руси-России.

Но в написанном позднее, в 1952 году, кратком рассуждении «Россия и Запад» Тойнби сумел преодолеть свою прежнюю, скажем так, «слепоту», 1941-й год словно бы заставил его открытыми глазами вглядеться в историю и «заметить», что русские земли «были оккупированы западными армиями в 1941, 1915, 1812[1], 1709 и 1610 годах». (Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории — М., 1995. С. 156); далее Тойнби упомянул и о более ранних атаках Запада на Русь, к которым мы еще вернемся.

Прежде необходимо со всей определенностью сказать, что в историографии явно господствует сугубо поверхностное и узко *«политическое»* пред-

[1]Здесь странно «пропущен» роковой 1854-й — возможно, потому, что историософу не хотелось поставить английскую агрессию в один ряд с германской, французской, шведской...

ставление о Великой войне, начавшейся 22 июня 1941 года. Ее толкуют только как порождение «гитлеризма», то есть явления, существовавшего в Германии в 1920—1940-х гг., а страны Запада в целом рассматриваются лишь как «жертвы» этого самого гитлеризма, якобы всеми силами боровшиеся против него. В действительности реальное, могущее считаться выражением воли страны *сопротивление* имело место только в части Югославии и в Греции.

Десяток (из общего числа двух с половиной десятков) стран Запада непосредственно *участвовали* в войне против России (СССР), открыто объявляя об этом и отправляя на русский фронт свои воинские силы (Италия, Испания, Дания, Норвегия, Финляндия, Венгрия, Румыния, Словакия, Хорватия). А почти все остальные западные страны так или иначе обеспечивали этот фронт оружием, боеприпасами, продовольствием и т. п.

Впрочем, подробное изложение проблемы будет дано, естественно, в другом томе этого моего сочинения — «История России в XX веке. Опыт беспристрастного исследования». Здесь же скажу только, что Тойнби — и это делает ему честь — смог вскоре после окончания войны 1941—1945 годов осознать ее глубокий исторический смысл, поставив ее в один ряд с войнами 1709, 1812 гг. и т. д.

Более того: заново осмыслив в свете этой войны тему «Россия и Запад», Тойнби совсем иначе, чем ранее, понял соотношение Запада и остального мира в целом: «Западный человек, — написал в 1952 году английский историософ, — который захочет разобраться в этой теме, должен будет хотя бы на несколько минут покинуть «свою кочку» (вот именно! — *В.К.)* и посмотреть на столкновение между остальным миром и Западом глазами огромного большинства человечества. Как бы ни различались между собой народы мира... на вопрос западного исследователя об их отношении к Западу все — русские и мусульмане, индусы и китайцы, японцы и все остальные — ответят одинаково. Запад, скажут они — это агрессор... У большинства западных людей эти обвинения вызовут удивление, шок и печаль и даже, вероятно, возмущение (как и, добавлю от себя, у «западнически» настроенных жителей России — *В.К.)*... Мы слишком легко забываем, что германцы, напавшие на своих соседей, включая Россию, в Первой мировой войне и повторившие свою агрессию во Второй, тоже принадлежат к Западу... И, без сомнения, суждение мира о Западе определенно подтверждается в последние четыре с половиной столетия... За все это время мировой опыт общения с Западом показывает, что Запад, как правило, всегда агрессор». (С. 156,157.)

Тойнби отнес начало агрессии Запада против остального мира к рубежу XV—XVI веков («последние четыре с половиной века», отсчитывая от 1952 года), но Россия, не отделенная от Запада морями и океанами, стала испытывать его агрессию, как писал далее Тойнби, намного ранее, — «в XIII веке, после нашествия татар на Русь. Татарское иго (вернее, непосредственное монгольское присутствие на Руси. — *В.К.)* продолжалось недолго, ибо татары были степными кочевниками и не могли укорениться в русских лесах и полях. В результате ... Русь потерпела убытки, в конце концов, не столько от татар, сколько от западных соседей, не преминувших воспользоваться ослаблением Руси, для того чтобы отрезать от нее и присоединить к западнохристианскому миру западные русские земли... Только в 1945 году России удалось возвратить себе те *огромные территории,* которые западные державы отобрали у нее в XIII и XIV веках». (С. 157.)

Последняя фраза не вполне точна, поскольку оторгнутые в XIII—XIV вв. Русские земли были почти целиком возвращены еще в XVIII веке (и вновь от-

торгнуты — до 1945 года — во время революции). Но в принципе Тойнби вполне прав. И нетрудно понять, что осознанное английским мыслителем реальное соотношение Руси и Запада объясняет, почему Куликовская битва, которая вроде бы была битвой с азиатским воинством, по внутренней своей сути являлась результатом акции Запада, сумевшего направить на Русь Мамая и Ягайло..

В деле понимания хода истории уместны два различных, даже противоположных «метода»: глубокое осмысление определенного исторического *«начала»*, в котором, как в зерне, заложено последующее, грядущее развитие, и, напротив, пристальное внимание к тому или иному *«итогу»*, плоду длительного движения истории.

На первых страницах этой главы моей книги говорилось, что истинная суть деятельности Александра Невского особенно ясно раскрывается в свете произошедшей намного позже (почти через 120 лет после его кончины) Куликовской битвы. И это было по-своему осознано еще в давние времена; в одном из повествований о житии благоверного князя Александра речь идет о «чуде», свершившемся в ночь на 8 сентября 1380 года у его гробницы во Владимире: «...два старца честна изыдоста от святаго олтаря и приидоста ко гробу блаженнаго Александра и глаголаста: «О господине Александре, востани и ускори на помощь правнуку своему, великому князю Дьмитрию...» И в той час святый великий князь Александр воста из гроба и... со обема старцема вскоре невидимы быста» (то есть перенеслись на Куликово поле).

Собственно говоря, определившая всю последующую историю Руси роль Александра Ярославича вполне «наглядно» и, в сущности, неоспоримо выразилась в том, что именно его *прямые потомки* оказались, в конечном счете, во главе исторического движения Руси, — несмотря на все нелегкие препятствия.

Дело в том, что с точки зрения тогдашнего порядка престолонаследия судьба потомства Александра сложилась очень неблагоприятно. После его кончины Русью правили, как и полагалось, его младшие братья Ярослав и затем Василий (до его смерти в 1276 году). Далее власть законно перешла к сыновьям Александра — князьям Дмитрию и затем Андрею. Однако ко времени кончины Андрея Александровича в 1304 году ни у него, ни у умершего ранее, в 1294 году, Дмитрия не осталось наследников, — их сыновья скончались в юном возрасте...

И «династия» Александра Невского в 1304 году как бы бесповоротно пресеклась. Хотя имелись налицо пятеро его внуков — Юрий, Иван и малолетние Борис, Александр и Афанасий Даниловичи, — все они были сыновьями *самого младшего* сына Александра, Даниила, который до своей кончины, свершившейся в 1303 году (то есть раньше смерти Андрея), правил еще не столь уж значительным тогда Московским княжеством и, скончавшись раньше своих старших братьев, не «успел» занять великокняжеский престол. И, согласно традиции, его сыновья не имели прав на великое княжение Владимирское.

Великим князем Владимирским в 1305 году стал тверской (Тверь была в то время намного более значительным городом, чем Москва)[1] князь Михаил — сын одного из *младших* братьев Александра Невского, Ярослава Ярославича, который — в отличие от Даниила — побывал великим князем.

[1]Правители Твери еще с 1280-х годов именовались «великие князья Тверские» (правда, статус «великих князей Владимирских» был гораздо выше), а правители Москвы стали зваться «великими князьями Московскими» только с 1328 года.

Но внук Александра Невского, князь Московский Юрий Данилович, не был согласен с таким решением — надо думать, именно как потомок, наследник своего великого деда. И между Михаилом Тверским (а после его гибели — его сыном Дмитрием) и, с другой стороны, Юрием Московским началась долгая и упорная борьба за верховную власть.

К сожалению, с давних пор господствует сугубо тенденциозная «оценка» соперников в этой борьбе: Михаил Тверской преподносится как благородный и бескорыстный «рыцарь», а Юрий Московский — в качестве низменного злодея. Между тем многочисленные исторические факты дают все основания для вывода, что соперники, как говорится, стоили друг друга, и речь должна идти, если уж на то пошло, не о превосходстве одного из соперников, но о присущей им обоим *шаткости* нравственных устоев, порожденной всей ситуацией эпохи монгольской власти над Русью.

Так, из летописей известно, что Михаил Тверской еще задолго до своего столкновения с Юрием Московским, в конце 1280—1290-х годах, вел борьбу за власть с сыном Александра Невского Андреем (вполне «законным» великим князем!), — притом даже обращался за поддержкой к монгольскому темнику Ногаю, который сумел тогда захватить («незаконно»!) огромную власть в Орде; все это подробно показано в классическом исследовании А.Н. Насонова «Монголы и Русь»[1].

Когда же в 1299—1300 годах Ногай был разгромлен и убит законным ханом Золотой Орды Токтой, Михаил предпочел помириться и вступить в союз с тем же самым Андреем Александровичем,

[1] *Насонов А.Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). — М. — Л., 1940. С. 71—78. В дальнейшем изложении я опираюсь также на новейшее высококвалифицированное исследование: *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. — М., 1984.

с которым он ранее враждовал... И перед смертью, постигшей его в 1304 году, Андрей назвал своим преемником Михаила, и тот отправился в Золотую Орду к хану Токте за «ярлыком» на великое княжение.

В то же время, о чем уже сказано, внук Александра Невского Юрий Данилович полагал, что именно он — после кончины последнего Александровича, Андрея, — должен стать великим князем и также явился к Токте. Однако вопрос был решен ханом в пользу Михаила.

Юрий, очевидно, резко высказал свое несогласие, и, возвратившись из Орды, Михаил тут же «пошел ратью» на Москву, чтобы раздавить непокорного соперника. Его поступок явился *первой* военной акцией в противоборстве с Юрием, и уже из одного этого вполне ясно, что столь широко распространенное до сих пор категорическое «предпочтение» Михаила Юрию сомнительно.

Как же возникла своего рода «идеализация» тверского князя? После позднейшей жестокой казни Михаила в Орде (в 1318 году; об этом еще будет речь) в Твери была создана трагическая повесть «Убиение великого князя Михаила Ярославича», которая, вполне естественно, создавала высоко положительный образ князя-мученика. А впоследствии «либеральная» историография и публицистика, всячески осуждавшая «собиравших» Русь московских правителей за их стремление к твердому единовластию, опираясь на эту повесть, постоянно противопоставляла Михаила Тверского и его сыновей москвичам Юрию и Ивану (Калите) Даниловичам, которых наделяли всеми возможными пороками.

Чтобы яснее увидеть тенденциозность этого противопоставления, проследим действия Михаила Тверского в годы его великого княжения. Его поход на Москву в 1305 году с целью усмирить или даже

уничтожить своего соперника Юрия был отражен, но через два года Михаил «ходил в другие (во второй раз. — *В.К.)* к Москве ратью, всею силою, и бысть бои у Москвы... и града не взяше, и не успевше ничто же, възвратишася».

На некоторое время Михаил прекратил свои атаки на Юрия, но затем, — по-видимому, в 1311 году, — сын Михаила «Дмитреи Михаилович Тферскии, собрав вои многи, и хоте ити ратью... на князя на Юрья, и не благослови его Петр митрополит». А позднее — при новом хане, Узбеке, — Михаил Тверской прибег к «крайнему» средству в борьбе с Юрием. Проведя два года в Орде, он заручился там поддержкой, и в 1315 (или 1316) году «прииде из Орды князь великий Михаиле, а с ним посол Тяитемерь и татарове силны, и много зла учинили в Русской земли». То есть опять-таки именно Михаил в своем конфликте с Юрием *первым* привел на помощь ордынскую воинскую силу!

Уже затем отправился за помощью в Орду Юрий, и ему удалось склонить хана Узбека на свою сторону (можно предположить, что Михаил ранее заручился поддержкой не самого хана, но тех или иных властных лиц в Орде). И в 1317 году Узбек неожиданно передал — правда, ненадолго — великое княжение Владимирское Юрию и выдал за него свою сестру Кончаку.

Михаил не признал верховенства Юрия, и в конце 1317 года уже как раз «Юрьи Даниловичь приходил ратью великою к Твери... бои велик, сеча зла, и... князь Михаиле изможе (осилил), и побиша московскую рать, а иныа разбегошася, а князя Бориса (младший брат Юрия. — *В.К.)* яша руками и Кончака, княгиню Юрьеву, и поведоша их в Тферь, и тамо зельем уморена бысть Кончака, княгиня великаа Юрьева, сестра царева» (хана Узбека).

Версия об отравлении Михаилом ханской сестры была, вероятнее всего, клеветой, но так или

иначе обоих князей вызвали в Орду на «суд». Михаил был признан виновным в различных «грехах» и убит при участии Юрия (точнее, его людей). Это — конечно же, отвратительное — завершение борьбы Михаила и Юрия стало основой для их категорического противопоставления. Однако нельзя забывать, что ведь и Михаил в своей борьбе не брезговал никакими средствами и, по всей вероятности, не остановился бы перед убийством Юрия, — что и сделал позднее (о чем — ниже) его старший сын Дмитрий. Жестокая борьба между двумя княжескими ветвями — Ярославичами и Александровичами — была обоюдной, и к тому же, как уже говорилось, Михаил *первым* применил в этой борьбе свою воинскую, а затем даже ордынскую силу.

Говоря обо всем этом, я отнюдь не преследую цель принизить Михаила Тверского и возвысить — за его счет — Юрия. В конце концов, тверской князь искупил все свои грехи истинно мученической кончиной, принятой им, согласно его житию, с высокой духовной твердостью, — что и дало основание для причисления его к лику святых мучеников. Нельзя не сказать также, что Юрий, конечно, опорочил себя участием в казни Михаила, проктиктованной ханом, — между тем как убийство самого Юрия было личным возмездием Михайлова сына за смерть отца.

И мои возражения против господствующей трактовки конфликта Михаила и Юрия (и последующих столкновений тверских и московских князей) призваны только скорректировать «либеральную» историографическую традицию, задачей которой являлась *дискредитация* стремившихся установить твердую власть на Руси московских князей; всестороннее «очернение» Юрия явно было для этой традиции средством, способом идеологического воздействия.

Ни в коей мере не подвергая сомнению тот

факт, что Михаил Тверской — трагический герой русской истории, нельзя вместе с тем согласиться с превращением Юрия Московского в своего рода скопище всяческого зла. Так, в частности, Юрий преподносится как бесстыдный своекорыстный «холоп» Орды, который за свою рабскую преданность и был, мол, в 1317 году награжден великим княжением Владимирским. Между тем уже в 1322-м хан Узбек лишил Юрия верховной власти (конкретная причина этого историками не выяснена, но существен сам факт) и передал ее не кому-нибудь, а старшему сыну убитого Михаила — Дмитрию! Притом, получив власть, Дмитрий при первой же своей встрече с Юрием 21 ноября 1325 года (она состоялась в той же Орде) без всяких разбирательств убил его. Правда, сам Дмитрий через девять месяцев, 15 сентября 1326 года, был убит там же, в Орде. В этом усматривают ханское наказание за убийство Юрия, но такая версия едва ли основательна.

Во-первых, именно хан Узбек ранее отстранил Юрия от великого княжения; во-вторых, неправдоподобно, что наказание Дмитрию последовало лишь спустя почти год после убийства Юрия; в-третьих, известно, что вместе с Дмитрием был тогда убит в Орде князь Новосильский Александр, явно не имевший никакого отношения к гибели Юрия. И не исключено, что оба князя — Дмитрий Тверской и Александр Новосильский — были убиты в результате какой-либо ссоры, и уж, во всяком случае, не по повелению хана Узбека, который после убийства Дмитрия тут же передал великое княжение другому, младшему сыну Михаила Тверского Александру, а не младшему брату Юрия Московского — Ивану (Калите).

Итак, после очень краткого — с 1317 по 1322 год — правления Юрия власть над Русью опять перешла к потомкам младшего брата Александра

Невского — Ярослава, который, надо сказать, имел мало общего со своим великим старшим братом (и даже враждовал с ним).

Однако вскоре же выявилась, можно сказать, полная «неспособность» Александра Михайловича к управлению страной в сложной ситуации того времени. Летом 1327 года к Александру прибыло ордынское «посольство» во главе с двоюродным братом хана Узбека, Чолханом, которого на Руси называли Шевкалом. Впоследствии возникла легенда, что Шевкал будто бы имел некие глобальные злодейские планы, но из первоначальных летописных сообщений ясно только, что присутствие ордынцев в Твери вызвало настороженность населения.

Следует в связи с этим сказать, что многие люди неверно представляют себе монгольскую власть как непосредственно управлявшую городами Руси; на деле управление было «доверено» русским князьям, и даже сборщики дани — баскаки — находились на Руси только до 1270-х годов (хотя позже и имели место отдельные исключения). Поэтому появление в Твери многолюдного ордынского посольства породило напряженность.

И частный — даже «курьезный» — случай привел к мощному бунту: «15 августа месяца... диакон тферитин, прозвище ему Дудко, поведе кобылицу младу и зело тучну, напоити ю на Волзе воды. Татарове же, видевше, отъяша ю, диакон же, съжаливъси зело, начат въпити, глаголя: «О мужи тферстии, не выдавайте!»... и поворотися град весь и весь народ в том часе събрася... и начаша избивати татар... и самого Шевкала убиша. И всех по ряду...»

Есть основания полагать, что крайнее возмущение тверичей вызвало даже не само по себе «отъятие» кобылы, но намерение ордынцев (с *русской* точки зрения совершенно «пакостное») употребить ее — «молодую и очень тучную» — в пищу...

Так или иначе бунт тверичей был заведомо «бессмысленным и беспощадным» (по пушкинскому слову); они или не понимали, или никак не хотели понять, что Орда неизбежно ответит жестоким возмездием (что тут же и произошло).

Некоторые источники утверждают, что во главе бунта стоял будто бы сам великий князь Александр Михайлович, но это, несомненно, безосновательная выдумка. Другое дело, что после бунта Александр малодушно бежал из Твери в Псков и затем в Литву (его покойный брат Дмитрий был женат на дочери великого князя Литовского Гедимина) и только спустя десять лет, в 1337 году, отважился прибыть к хану Узбеку с «повинной». Поскольку хан, очевидно, сознавал, что Александр не мог поощрять столь бессмысленные действия тверичей в 1327 году, ему был возвращен пост великого князя Тверского, — но уже без добавления титула князя Владимирского... Кстати, на время «эмиграции» Александра хан утвердил великим князем Тверским его младшего брата, Константина, который затем, в 1337-м, уступил свое место возвратившемуся в Тверь старшему брату. Мне могут возразить, что через два года, в 1339 году, Александр был все же убит в Орде, но, как показал А.Н. Насонов (см. его Цит. соч., с. 102), это объяснялось связью Александра с Литвой, с которой в этом году Орда вела войну. К тому же великим князем Тверским снова стал в 1339-м брат Александра Константин..

Определяя тверской бунт 1327 года как «бессмысленный», я прежде всего имею в виду, что он никак не мог способствовать освобождению от ордынской власти, — хотя те или иные историки толкуют его в качестве некоего важного шага на пути к независимости Руси. Как раз напротив: после неизбежной и тяжелейшей карательной акции хана Узбека (так называемая «Федорчукова рать» конца

1327 года) Тверь уже не проявляла непокорства по отношению к Орде.

А в конце 1360-го — первой половине 1370-х годов тогдашний великий князь Тверской Михаил Александрович — сын того самого Александра, при котором в Твери разразился бунт, — вступил в теснейший союз с Мамаем и только после долгого и упорного воздействия со стороны Дмитрия Донского и даже прямой его войны с Тверью в 1375 году отказался от этого союза...[1]

Вместе с тем нельзя не видеть, что бунт тверичей свидетельствовал о той неистребимой глубинной «воле», которая присуща русскому народу, и, между прочим, бунт этот лишний раз побуждает усомниться в правоте цитированного выше суждения В.О. Ключевского, согласно которому вплоть до 1380 года русскими людьми всецело владел-де «безотчетный ужас» перед ордынцами.

Но вернемся к «проблеме» потомков Александра Невского. Хотя и принято считать, что и Юрий, и Иван Даниловичи «прислуживались» к ордынским ханам и, с другой стороны, вызывали у них особое сочувствие, на деле в течение почти трех десятилетий им не предоставлялось великое княжение Владимирское — за исключением одного краткого периода (как уже сказано, в 1317 году Юрий получил сей титул, но уже в 1322-м хан Узбек, по-видимому, счел свое решение ошибкой и передал верховную власть Дмитрию — сыну казненного четыре года назад Михаила Тверского).

Бунт 1327 года, так сказать, дискредитировал князей Тверских, оказавшихся неспособными обеспечить «порядок», но Владимирский престол все же не был отдан Ивану Московскому, — хотя во многих сочинениях историков (и, увы, в энциклопедиях)

[1] См. об этом: *Насонов А.Н.* Цит. соч., с. 128—135 и Прохоров Г.М. Повесть о Митяе, с. 34—38.

ошибочно утверждается, что-де Иван Калита уже в 1328 году стал великим князем Владимирским (то есть «всея Руси»). В действительности Иван — в связи со значительным ростом Московского княжества к этому времени — стал называться в 1328 году «великим князем *Московским*» (подобно тому, как еще значительно ранее, с конца 1280-х годов, Михаил звался «великим князем Тверским»). А на владимирский престол был возведен тогда князь Суздальский Александр Васильевич — внук младшего брата Александра Невского, Андрея Ярославича. Надо подчеркнуть, что он — как внук *младшего* брата Александра Невского — имел меньше прав на верховную власть, чем Иван Данилович. И все-таки лишь после смерти Александра Васильевича, в 1332 году, Иван Данилович Калита стал великим князем Владимирским.

Из вышеизложенного естественно сделать вывод, что потомки Александра Невского — вопреки мнению многих историков — вовсе не были такими уж «любимцами» Орды. И обретение Иваном Даниловичем в 1332 году верховной власти явилось закономерным итогом, плодом многолетней деятельности самого Ивана и его старшего брата Юрия, а вовсе не «подарком» хана Золотой Орды.

Как уже сказано, к 1305 году ушли из жизни все сыновья и внуки Александра Невского — кроме сыновей младшего Александровича, Даниила. И именно они продолжили историческое творчество своего великого деда. Это, например, ясно выразилось в их взаимоотношениях с Церковью. Выше шла речь о том, что Александр Невский сумел, в сущности, «перетянуть» из Киева во Владимир тогдашнего главу Русской церкви — митрополита Киевского (с конца 1240-х до 1281 года) Кирила II. С 1252 года и до конца жизни Кирил чаще пребывал во Владимирской, чем в Киевской земле, а его преемник, митрополит Максим (1283—1305), уже сделал Владимир своей резиденцией[1].

Юрий и Иван Даниловичи, явно следуя завету деда, приложили все усилия для того, чтобы следующий митрополит, Петр (1308—1326), перешел из Владимира в Москву, и фактически это совершилось, а поскольку Петр скончался именно в Москве и был погребен в воздвигнутом с его благословения Московском Успенском соборе, его преемник митрополит Феогност (1328—1353) окончательно обосновался в Москве, которая тем самым стала *духовной столицей* Руси.

К этому необходимо добавить, что соперник Юрия и Ивана Михаил Тверской, будучи в первое десятилетие правления митрополита Петра великим князем Владимирским, вступил с ним в поистине «легкомысленное» с его стороны противоборство[2]. В этом — как, впрочем, и во многом другом — выразилась несостоятельность политической линии князей Тверских, долго претендовавших на верховную власть над Русью.

Совсем по-иному действовал Иван Данилович Калита, и в 1332 году, после кончины Александра Суздальского, у хана Узбека, в сущности, не было выбора, не было возможности признать великим князем всея Руси кого-либо еще кроме Ивана: остальные тогдашние князья слишком резко уступали ему по своему авторитету и попросту не сумели бы осуществлять управление, соблюсти «порядок» на Руси, — что было необходимо ведь и в интересах Золотой Орды.

Здесь следует осветить один по-своему немаловажный вопрос. Как показано выше, в XII веке

[1] См.: *Щапов Я.Н.* Государство и Церковь Древней Руси X—XIII вв. — М., 1989. С. 205.

[2] *Сахаров А.М.* Церковь в период монголо-татарского ига. — в кн.: Русское православие: вехи истории. — М., 1989. С. 73—75.

(фактически с 1157 года, «юридически» несколько позже) столица Руси переместилась из Киева во Владимир. Обычно считают, что после возвышения Ивана Калиты — то есть в 1332 году (дата 1328 неверна, так как «великим князем Владимирским» стал тогда князь Суздальский Александр) произошло новое перемещение столицы — в Москву. Но это не совсем так. И Иван Калита, и его сыновья-преемники — Семен Гордый и Иван II Красный (правивший до своей кончины в 1359 году) именовались «великими князьями Владимирскими», хотя пребывали в Москве (и имели второй, менее «важный» титул — «великие князья Московские»). То есть — пусть хотя бы только «юридически» — столицей все же оставался Владимир.

И лишь при Дмитрии Донском титул «великий князь Московский» стал первостепенным, главным (идентичным титулу «великий князь всея Руси»). Поэтому следует признать, что Владимир так или иначе был «престольным городом» Руси в течение более двухсот лет, а Москва окончательно обрела статус столицы после Куликовской битвы. Смысл перемещения центра Руси из Владимира в Москву нуждается в особом изучении; возможно, город на Клязьме предстал — в свете геополитической ситуации XIV века — как расположенный *восточнее,* чем было необходимо для столицы.

Вместе с тем Иван Калита с 1332 года являлся — несмотря на то, что пребывал в Москве, а не во Владимире — правителем «всея Руси». Как четко сформулировала летопись, «седе князь великий Иван Даниловичь на великом княжении всеа Руси, и бысть оттоле тишина велика на 40 лет». Поскольку князем «всея Руси» Иван Калита стал в 1332 году, «тишина» (то есть мир) на Руси установилась, если быть вполне точным, не на 40, а на 42 года, — до, пользуясь выразительным летописным словом, *розмирия* с Мамаем, которое началось в 1374 году

и о котором подробно говорилось выше (война с Мамаем, как мы видели, вовсе не являлась войной с Золотой Ордой).

Начиная с Ивана Калиты потомки Александра Невского правили «всею Русью» более чем четверть тысячелетия, до 1398 года, — и среди них внук Ивана Калиты, Дмитрий Донской, и правнук последнего — Иван III Великий, и это наследование, как представляется, имело исключительно существенное значение.

Я имею в виду отнюдь не «наследственность» в биологическом, или, точнее, антропологическом смысле, но продолжение государственной деятельности прямого предка правителей Руси XIV—XVI веков. Внуки, правнуки и т. д. Александра Невского, без сомнения, так или иначе соизмеряли все свои действия с его политической волей в отношении и Монгольской империи, и католического Запада, что воплотилось и в кровавой Куликовской битве 1380 года, и в бескровном отвержении Иваном III зависимости от хана Ахмата в 1480 году, — после чего, говоря уже цитированными словами отнюдь не являвшегося «поклонником» Руси Карла Маркса, «изумленная Европа... была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи...»

СОДЕРЖАНИЕ

Открытие Великой войны
(Предисловие Ю. Крупнова) 5

ИСТИННЫЙ СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1939—1945 ГОДОВ

Война и геополитика 11
Внезапность или неготовность? 107
Москва — Ржев — Берлин 128
Итоги войны 173
Поэзия военных лет *(вместо заключения)* 200
Приложение. Война и евреи 214

МЫСЛИ О ВОЙНЕ

Пречистый лик победы 223
Миф о 1941-м годе 241
Из жизни и деяний великого полководца 246
О доблести, о подвигах, о славе... 250
Германский фюрер и царь иудейский 262
Понимание трагедии и разрушенное сознание. . . . 278

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ РУССКИХ ВОЙН

Русская культура началась в дружине... 285
Война руси с хазарами и ее воссоздание в слове . . 296
I. Кто такие хазары? 298
II. Русь и Хазарский каганат 306
III. Русские былины — поэтическое воссоздание борьбы с Хазарским каганатом . . . 314
IV. Былина «Илья и Жидовин» 318
V. Былина «Вольх Всеславьевич». 321
VI. Духовный стих «Егорий Храбрый» 323
VII. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона 326
VIII. О фрагментах из трактата Л.Н. Гумилева «Древняя Русь и Великая Степь» 331
Воплощение в русском Слове «героического периода» истории Руси. 332
«Монгольская эпоха» в истории Руси и истинный смысл и значение куликовской битвы . . 445

Научно-популярное издание

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Кожинов Вадим Валерианович

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА РОССИИ

Почему непобедим русский народ?

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *Л. Незвинская*
Художественный редактор *С. Курбатов*
Компьютерная верстка *А. Григорьев*
Корректор *А. Васина*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15, к. 4
Для корреспонденции:
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, 18, к. 5
Контактный тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: **International@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
International@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

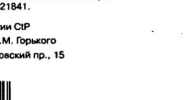
Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»: Компания «Канц-Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный). e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр.-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04. **В Нижнем Новгороде:** ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70. **В Казани:** Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46. **В Самаре:** ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45. **В Киеве:** ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс (044) 495-79-80/81. **Во Львове:** ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19. **В Симферополе:** ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99. **В Казахстане:** ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Подписано в печать 11.03.2010. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Прагматика». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56.
Тираж 4000 экз. Зак. № 21841.

Отпечатано по технологии CtP
в ОАО «Печатный двор» им. А.М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

ISBN 978-5-699-41237-2

★ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Великая Отечественная война не закончилась в 1945 году. Война продолжается до сих пор – не в окопах, а на «идеологическом фронте», за умы и сердца людей. Враги и ненавистники России (как внешние, так и внутренние) хотят переиграть итоги Второй Мировой, взяв реванш хотя бы задним числом. У нас пытаются отнять Великую Победу. За этим стоит очевидный геополитический зака[2209] русский народ гордости за свое прошло[2209]чив или вовсе вычеркнув из памяти самую славную страницу отечественной истории, духовные наследники гитлеровцев убирают последние препятствия на пути нового мирового порядка. И если мы хотим [4-00]раниться как страна и нация – мы обязан[4-00]упиться за дедовскую славу, отстоять памя[4-00] Победе. Потому что восстановить Россию [4-00]еликую державу можно лишь вернув себе национальную гордость и веру в героическое прошлое нашей Родины. А лучшим противоядием от «ревизионистской» лжи станет эта книга, в которой собраны все работы ведущего историка и публициста патриотических сил, посвященные Великой Отечественной войне.

ISBN 978-5-699-41237-2

ЯУЗА

9 785699 412372 >

ЭКСМО